

Хромая

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

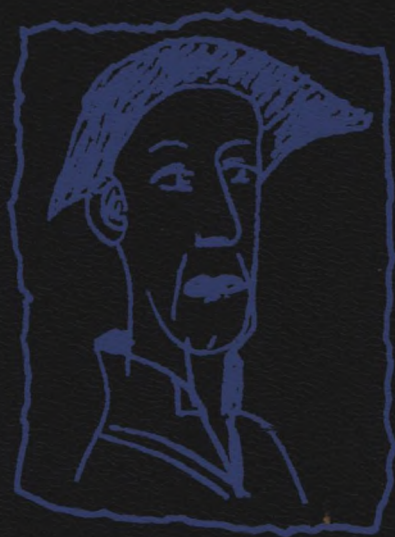

0 01 00 3824383 7

Людила
Петрушевская

Настоящее

П Людмила
Петрушевская

Heimreise

Т **А** Любимла
Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

Люмила Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 3

ПЬЕСЫ

ПЬЕСЫ В ДВУХ АКТАХ

РАЗНЫЕ ПЬЕСЫ ДЛЯ ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ

ПЕСНИ XX ВЕКА

ДЕТСКИЙ ТЕАТР

ХАРЬКОВ · ФОЛИО ■ МОСКВА · ТКО АСТ
1996

Серия «Настоящее»
основана в 1995 году

Редактор
Инна Борисова

Иллюстрации
Ирины Затуловской

Художественное оформление
Веры Хлебниковой

Оформление суперобложки
Юрия Модлинского

На суперобложке использована
авторская фотография
Бориса Михайлова

Координатор издательской программы
«Настоящее»
Михаил Топоринский

Петрушевская Л. С.
ПЗ0 Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Пьесы/Худож.-ил.
И. Затуловская; Худож.-оформитель В. Хлебникова.—
Харьков: Фолио; М.: ТК0 АСТ, 1996.— 495 с.— (На-
стоящее).

ISBN 5-7150-0317-2.

В третий том собрания сочинений Л. Петрушевской входят как наиболее значительные ее многоактные пьесы, так и одноактные, которые объединены в книге так, как автор считает целесообразным.

П 8820000000

ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 5-7150-0317-2 (т. 3, Фолио)
ISBN 5-7150-0314-8 (общ. Фолио)
ISBN 5-88196-799-2 (т. 3)
ISBN 5-88196-796-8

© Л. Петрушевская, 1996
© Иллюстрации И. Затуловская,
1996
© Художественное оформление.
В. Хлебникова, 1996
© Суперобложка. Ю. Модлин-
ский, 1996
© Фото на суперобложке.
Б. Михайлов, 1996

ПЬЕСЫ В ДВУХ АКТАХ

УРОКИ МУЗЫКИ

▪

СЫРАЯ НОГА,
ИЛИ ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

▪

ЧИНЗАНО

▪

ТРИ ДЕВУШКИ
В ГОЛУБОМ

■

УРОКИ МУЗЫКИ

**Драма
в двух
действиях**

■

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГРАНЯ — 38 лет
НИНА, ее дочь — 18 лет
ВИТЯ, ее сын, школьник } Гавриловы.

ИВАНОВ, муж Грани — 35 лет.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ
ТАИСИЯ ПЕТРОВНА
НИКОЛАЙ, их сын
ВАСИЛЬЕВНА, бабка Николая } Козловы.

КЛАВА, сестра Таисии.

ДЯДЯ МИТЯ, муж Клавы.

НАДЯ, девушка Николая.

ДЕВУШКИ В ОБЩЕЖИТИИ.

АННА СТЕПАНОВНА, соседка Козловых
и Гавриловых.

СЕРГЕЙ ИЛЬИЧ, ее муж.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Сцена представляет собой большую комнату в квартире Гавриловых. Чисто, прибрано, хотя на всем лежит печать недостаточности. В углу работает телевизор.

Гавриловы — Граня, Нина, Витя — смотрят телевизор. Граня и Витя лежат на кровати. Нина плачет, сидя у стола.

Звонок. Витя срывается открывать. Вместе с ним кидается заплаканная Нина, в дверях удерживает Витю, спрашивает: «Кто там?»

Женский голос. Открой, детка, открой. Это я.

Нина накидывает цепочку, открывает дверь, долго смотрит, затем впускает соседку Анну Степановну. Анна Степановна — маленькая, сухая женщина, работает ночным сторожем и поэтому днем всегда свободна. Она в переднике, с закатанными рукавами. Лицо ее выражает глубокое горе.

Анна Степановна (*в пространство*). Что же это делается, а? Разлегся, боров немытый, а? Надо милицию срочно вызывать. Позвонить по автомату (*обращается к Гране*.) Девочка-то спит?

Граня. Спит вроде. (*На лице Грани все время слабая улыбка. Это высокая, худая, кроткая женщина с сережками, с металлическими зубами. Она говорит тихо даже в минуты волнения.*)

Анна Степановна. Что за ребенок, что за ребенок золотой! А? У меня такой только первый был, Гена: наестся и спит, как бутуз. Все говорили: бутуз и бутуз. А твоя Галька — тоже откуда что взялось: вроде отец (*осторожно показывает головой на входную дверь*) худушый, одни стропила. Ваши тоже, гавриловские, худые. (*Внезапно.*) Приехал? Прибыл?

Граня. Да прибыл.

Анна Степановна. Что делается! (*Всплескивает руками.*) И как же теперь?

Граня пожимает плечами.

С одной стороны, конечно, он отец твоему дитя. Отец дитя. А с другой — не простит он тебе. И не простит. Он, может, за головой твоей пришел. Вот и подумай.

Нина всхлипывает. Граня рассеянно смотрит телевизор.

Ведь он помнит, что его посадили по тебе, по твоей причине. Помнит? Он помнит, Граня, он, когда еще его уводили, сказал, что он сказал? «Я еще вернусь».

Граня согласно кивает головой, посылает Нину в другую комнату.

(Оглядывает комнату.) Ой, и как же чисто вы живете, как же чисто, прибрано! Но ничего. Нина будет зарплату приносить хорошую, Витька все же в интернате, еще купите себе и прикрыться, и обставитесь. Не все сразу, конечно. Трое детей, одни убытки. Единственно: не вешай себе на шею мужика, ну его на фиг! Когда он с тобой жил, много ты счастья видела, ну? Много? Скажи спасибо, что его на год посадили, а не на пятнадцать суток. Скажи спасибо суду еще, в ножки поклонись: смотри, его год не было, и Галька маленькая родилась, а все-таки дети у тебя спокойные, небитые, неруганые. И сама-то...

Граня. Да не ругался он.

Анна Степановна *(не слушая)*. И сама-то — как хорошо! Вечером находишься, намылишься, чистая спать идешь, сама себе хозяйка. Надо тебе мужика — вон их сколько готовых бегают! Свой подарок всегда с собой носят!

Нина *(входит)*. Мама, Галька проснулась, есть хочет!

Граня уходит.

Анна Степановна. И не плачет? Так лежит? Губешками шлепает? У, золотая! Мой первый, Гена, тоже так: проснется и головенкой давай вертеть, и крях-крях! А не плачет! Крях-крях! *(Смеется)*. Он как начнет кряхтеть, я сразу просыпаюсь. Ни от чего не просыпалась, ни от какого крика. А мы в комнате две семьи жили, я с Генкой и со своим Сергеем, с мужем своим. И еще одна женщина, Марта, с сыном — он в один день с Генкой родился. Мы вместе в одном родильном доме лежали с Мартой, койки рядом. Марте некуда было идти — она из детдома, да мужа нет. Я ее и взяла к себе. Так ее мальчик, бывало, оборется. А я сплю, сплю. А мой Гена начнет кряхтеть, меня сразу с кровати сдувает. Только кряхтел, а не плакал. Все почему: потому что мы с Сергеем были спокойные. Сергей мой и сейчас спокойный, даже слишком. Все внутри кипит, а наружу не идет. Я только никак покою не найду, все

меня черт носит. У меня белье намочено, стирать собралась. А наш Юрка пошел вниз за газетой и приходит, говорит: у батареи в парадном Иванов спит.

Нина уходит. Анна Степановна говорит громко, адресуясь в другую комнату, а сама в это время смотрит телевизор. Витя тоже завороченно смотрит телевизор.

А Марту я взяла к себе, хотя у меня и так повернуться было негде. Комната двенадцать метров, да печка, да нас трое, да их двое. Соседи начали возражать, пошли скандалы. Мои пеленки висят на кухне — никто ни слова. А Марта начнет вешать — они возражают, снимают. У нас в комнате Мартины пеленки сушились. Туман, сырость, окно запотеет, зима была. Два месяца мы так проваландались, а потом как-то я ушла с Генкой гулять, прихожу. — а Марты нет. Сама поняла, сама и ушла. Соседи, правда, два раза милицию вызывали, что Марта без прописки живет. А я ей ни слова никогда не говорила, Сергей-то тем более. А некоторым хоть в глаза плюй, оботрется и дальше живет. *(Пауза)*.

По телевизору передают сплошные взрывы. Анна Степановна переживает и в передышке между боями торопливо высказывается.

Я ведь думала, что он к тебе вернется. Не потому, что обещал или что только о тебе думает. А потому, что ему больше некуда деваться. Помяни мое слово: он нехороший. Не бери его, на кой нам в подъезде пьянь? И Нина у тебя уже взрослая девка, зачем ей с чужим мужиком? Ей ни помыться, ни постираться.

Г р а н я *(появляясь в дверном проеме)*. Нет, он ничего мужик. Нина ему как дочь была.

А н н а С т е п а н о в н а. Ой, не бери греха на душу!

Г р а н я. Что ты, что ты.

Ребенок начинает вдруг плакать.

А н н а С т е п а н о в н а. Ухожу, ухожу, сладкий мой.

Входит Нина с комком пеленок в руках.

А жених-то твой из армии пришел, знаешь? Николай-то Козловых, помнишь? Он все смеялся на тебя: вон моя невеста побежала.

Нина кивает.

Вон, говорит, моя невеста пятого класса. А он пришел солидный такой. Сегодня вечером на такси его привезли. И девушка с ним приехала. Может быть, на вокзале его встречала, может, он из армии себе привез, кто его знает. Ну, я побежала стирать. Мне Николай говорит: «Заходи, Степановна, на встречу». А мне некогда.

Картина вторая

Большая комната в квартире Козловых. Расположение такое же, как и в квартире Гавриловых, но обстановка совершенно иная. Правда, телевизор стоит в том же углу, экраном от зрителя. Ковры, хрусталь, полированная мебель. Стол раздвинут. За столом сидят Козловы: мать Николая, Таисия Петровна, отец, Федор Иванович, сам Коля в гражданском, с усами, и его девушка, Надя Тимофеева, — образец того, как в современных условиях может себя преподнести хорошо зарабатывающая продавщица универсама, парикмахер, работница конвейера или, в нашем случае, маляр. Надя курит. Сидящая напротив нее бабка Николая, Васильевна, остолбенев, провожает глазами каждый клуб дыма, возносящийся к потолку. Тут же Анна Степановна, все в том же фартуке и с закатанными рукавами. Она сидит на краешке стула, с рюмкой в высоко поднятой руке. У нее несколько подобострастный вид, она раздумянулась и молчит. Впрочем, за столом все очень румяные.

Федор Иванович. И хорошо служил, с удачей, как ты нам тут рассказал! И хорошо устроим работать. Не то что ранее. Ну, иди, сын, к инструменту, пора песни играть. Без тебя соскучился по пению, по вокалу. Давай, давай, потом налюбезничаешься, сейчас отец зовет тебя к твоему делу. Зачем тебя учили шесть лет? И если бы не бросил, то бы школу закончил, справку имел. А так — псу под хвост шесть лет моей жизни. Разве что отцу подыграть, и то не допросишься.

Николай. Папа, да ну!..

Федор Иванович. Иди, иди, ей-богу, как в детстве тебя уговаривать: садись да садись за инструмент.

Николай. Я даже в армии скрывал, что знаю ноты. А лейтенант подходит ко мне, говорит: у тебя интеллектуальное

лицо, будешь петь в хоре. Так я и пропал. Но ничего, часто от занятий освобождали, на смотры мы ездили.

Анна Степановна. Просим, просим!

Федор Иванович (*готовый рассвирепеть*). Ну!

Николай, пожимая плечами, садится за пианино. Отец становится рядом. Видно влияние телевидения. Отец поет: «Лишь только вечер опустится синий...» Он поет напрягшись, не как поют за пиршественным столом — от всей души, а так, как поют люди, для которых мечтой всей жизни было петь. Такое пение обычно не производит приятного и радостного впечатления, — напротив, все за столом отводят глаза. Только Анна Степановна, всем безмерно довольная, тоненько подвывает. Таисия Петровна, не обращая внимания на мужа, занимается обслуживанием гостей — собирает тарелки, уносит их на кухню. Таисия Петровна подкладывает Анне Степановне пирога. Та, очнувшись от своего забытья, кротко протестует и тут же, с полным ртом, снова подпевает, раскачиваясь на стуле. Надя наливает себе вина. Каждый ее жест провожают глаза осатаневшей Васильевны. Надя нисколько не смущена, она не обращает внимания. Пение кончается. Хлопает одна Анна Степановна. Разгоряченный Николай становится за стулом Нади и наклоняется к ней, зарывшись в ее взбитых серебристо-розовых волосах. У Анны Степановны горят глаза.

Надя. Слушай, кончай эту бодягу! Я хочу танцевать.

Федор Иванович стоит у пианино, готовый петь еще и еще, но Николай, взяв за руки Надю, идет с ней к радиоточке. Николай ставит регулятор на полную мощность, звучит «Адажио» из «Лебединого озера». Надя и Николай, прижавшись друг к другу, топчутся на месте под эту музыку.

Анна Степановна (*внезапно схватившись за карман*). Ой, сколько время! Ой, у меня же белье-то намочено! Ой!

Федор Иванович. Проворонила, проворонила все на свете: твой Сергей-то, небось, думает, что ты исчезла с лица земли, рад, небось, до смерти.

Анна Степановна (*опомнившись, холодно*). Сергей-то? Сергей мой меня встретит и проводит и никогда слова никакого не скажет.

Федор Иванович (*саркастически кивает*). Да уж верно. Уж все слова ты за него скажешь, за тобой не завянет.

Анна Степановна убегает.

Побежала... Народный контроль в действии.

Танцы у Козловых продолжают. Надя и Николай танцуют теперь под «Танец с саблями» Хачатуряна. Отец отходит от пианино, садится к столу. Мать несет чайник. Бабка неотрывно смотрит на Надю, на ее сапоги, на платье. Один палец у Нади перевязан.

Таисия Петровна *(стараясь перекричать «Танец с саблями»)*.
Чаю поьем хоть перед тем, как разойтись по домам. А то поздний час, завтра Федору Ивановичу вставать в шесть утра на работу.

Николай *(он уже совсем ошалел от своих прыжков и тоже кричит)*.
Какая работа, мать! Завтра воскресенье!

Таисия Петровна. О, у меня все дни перепутались. Садитесь все же пить чай.

Николай. И рано ты гостей гонишь. В других-то домах бы сорок человек назвали и гуляли бы до утра.

Федор Иванович. В других домах одно, а у нас в доме иное.

Николай. Раз в жизни человек из армии приходит. Не так ли, Надя?

Надя. Разумеется.

Николай. Ух ты, красавица моя.

По радио начинают передавать текст. Некоторое время Надя и Николай танцуют под новости, но потом веселье само собой гаснет, и молодые садятся к столу.

Надя. О, торт. Я не ем торт.

Бабка *(подает голос)*. А что же ты ешь-то?

Николай *(наставительно)*. Бабушка, уважай вкусы других людей.

Бабка *(роняет)*. Я вас люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю.

Таисия Петровна *(ласково)*. Ешьте, Надя, варенье. Сама варила летом, своя клубника. У нас садовый участок, такая клубника была!..

Надя. У вас садовый? И дом есть? Сколько комнат?

Таисия Петровна *(ласково)*. А сколько вам надо?

Николай. Мама, я пришел из армии!

Таисия Петровна. Нет, ну действительно, сколько вот вам, молодым, надо комнат? И сколько вы оставите нам доживать свой век?

Надя. Нам надо? У вас есть две комнаты, не так ли? Ну, мы возьмем себе ту, которая поменьше.

Федор Иванович. Вот спасибо, удружила.

Надя. Потому что когда будут дети, то ведь дети спят не с папой и мамой, а с дедом и бабушкой.

Бабушка *(громко)*. Шут знает что. На всех чертей похож.

Надя *(четким, громким голосом, без тени застенчивости)*. Тут у вас много места мебель занимает.

Бабушка. И мебель не туда.

Никто не обращает на нее внимания. Все, словно зачарованные, как по команде, поворачивают головы к тем объектам, которым уделяет внимание Надя.

Надя. Мебели должно быть мало. Зачем этот сервант, эта выставка посуды? Зачем журнальный столик? У вас что, журналы? Ковры должны быть с длинным ворсом, чтобы утопала нога.

Николай машинально кивает головой, обняв Надю за плечи.

Федор Иванович. Конечно, мы темные люди. Из рабочего класса выходцы.

Николай. Надя тоже рабочий класс. *(Кладет голову Наде на плечо.)*

Бабушка *(внезапно)*. Что ж, вам ту комнату, а я куда же? На кухню?

Надя. В вашей квартире, конечно, тесно трем поколениям.

Таисия Петровна *(примирительно)*. Ну, ничего, ничего.

Как-нибудь да поладим. Надюша, пойдем, поможешь мне мыть посуду.

Надя. Только без меня, только без меня.

Федор Иванович шлепает ладонью об стол, решительно встает и вслед за женой уходит на кухню. Бабушка удаляется в свою комнату, тщательно прикрыв за собой дверь на бумажку. Надя шепчется о чем-то с Николаем, и тот, встрепанный, бежит на кухню. Надя подходит к пианино и своими грубыми пальцами играет «Чижика-пыжика». В кухне все замерли и прислушиваются.

Федор Иванович. Сейчас инструмент раскурочит. Так его! Так его!

Николай. Ну мам! Я только пришел, только пришел из армии — и уже начинается!

Таисия Петровна. Федя, Надя хочет остаться ночевать у нас.

Николай. Это я хочу!!!

Федор Иванович. А она еще больше ничего не хочет?

Таисия Петровна. Федя. Обожди. Ну подумаешь, маму положим на кушетку, сами вдвоем на тахте.

Николай. Поночуете ночку!

Федор Иванович. Кабы одну ночку, а то ведь потом и не уйдет.

Николай *(весело)*. А может, мне уйти?

Федор Иванович. Ты помолчи, Коля, пока тебе еще язык не укоротили. Больно много говоришь сегодня.

Николай. Пошлó дело.

Федор Иванович. Ты как это с отцом?

Большая комната. Надя играет «Чижика». Коля несет из бабкиной комнаты подушку, простыни у него волочатся по полу. Бабка бежит следом и подбирает простыни. Таисия Петровна несет в бабкину комнату свежее белье. Все происходит чрезвычайно быстро под «Чижик-пыжик», и вот уже бабка в ночной рубашке сидит на кушетке и тупо смотрит на свою дверь, за которой скрываются Надя и Николай. Дверь закрывается на бумажку.

Картина третья

Утро у Гавриловых.

Граня проносит ребенка в кухню. По дороге задерживается около Нины.

Граня. Чудо ты. Ему ведь сначала некуда деваться, вот он и приехал. А так — он уйдет. И нечего ему было в подъезде валяться. Все бы говорить стали. Подумаешь — он в ванной переночевал. Я ему тряпок на пол накидала. *(Уходит.)*

Приходит Витя.

Витя. Иванов на кухне сидит с Галькой.

Нина. Ничего, он скоро уедет.

Витя. Он говорит, что будет теперь где его дочь.

Нина. Его ведь мама не пустит к нам жить.

Витя. Она ему говорит: уходи ты, Бога ради. Ведь снова все начнется. А он — нет. Нет, нет и нет. Говорит, я понял. Она ему побриться зеркало дала.

Нина. Тоже ведь неудобно, если он поедет от нас в таком виде.

Витя. И она ему сказала: подожди, завтракать будем.

Нина. А где Галька? Возьми ее.

Витя. Он ее держит на руках. Она сказала: ты сейчас бриться будешь, отдай Гальку. А он говорит: погоди и погоди.

Нина. Это он трезвый такой.

Витя. Конечно.

Нина. Иди за Галькой. Если он бриться будет, а мама завтрак готовить, им все равно Гальку некуда девать.

Витя уходит. Нина бессмысленно смотрит в окно. Витя приходит.

Витя. Мама туда коляску отвезла. Они Гальку в коляску положили. Он бреется и на Гальку смотрит.

Нина. А мама?

Витя. А мама кашу варит.

Нина. Он скоро уйдет.

Витя. Мама говорит, чтобы он ехал в деревню к нашим. Она письмо ему даст. А летом все равно она Гальку туда повезет, к бабушке.

Нина. Конечно! Он там работать будет. Хоть кем, хоть сторожем.

Витя. Да, он напьется и все, и никаких сторожей. Его и выгонят. У тети Маруси у самой дядя Ваня такой. Она говорила маме: что твой Иванов беспробудная рожа, что мой Иван.

Нина. Ничего, он уедет как-нибудь.

Картина четвертая

Утро у Козловых.

Постели убраны. Стол накрыт. Мать в праздничном, отец в расстегнутой у ворота белой рубашке, бабка в платке с цветами сидят за столом и ждут, что будет. Дверь открывается, бумажка падает. Появляется Надя — без грима, в своем серебряном платье и тапочках на босу ногу. За ней идет, жмурясь, Николай.

Николай. Мама, дай Наде полотенце умыться.

Таисия Петровна *(как ни в чем не бывало)*. Сейчас, деточки.
(Достает из шкафа большое полотенце.)

Николай берет его. Молодые удаляются. Слышен шум воды, потом дверь в ванную закрывается. Мать возвращается к столу, пожимает плечами. Отец принимается за еду. Все начинают смотреть телевизор, по которому идет какая-то детская передача. Поет маленький мальчик.

Бабка. Все расставила, разобрала по местам. Нам уже все уготовано. Потеснимся, перемрем, детям уступим, смертию смерть поправ. Вы тут, мы там, внуки с дедами, а бабушку на погост. И ковер ей мелкий.

Таисия Петровна. Все ей нравится даже слишком. Была бы ее воля! Все ей нравится. Она ведь из общежития. Она на нашу квартиру намастилась. Это да. А наш Николай ей ни на что не нужен. А он тянется вообще уйти за ней. Она только моргни.

Бабка (*подумав*). Хичница.

Федор Иванович. Еще как! У нас и то таких нет. Я лично такую кралю бы к себе не оформил.

Таисия Петровна. Она маляр на стройке.

Федор Иванович. Тоже бывают разные маляры. А эта сразу себя показала.

Таисия Петровна. А она мне еще в прошлый раз, когда без Николая приходила знакомиться, не понравилась.

Федор Иванович. Я только одного не пойму: почему она так себя ведет, а? Почему у нее так все сразу наружу выскакивает? Другая бы и посудку помыла, и на стол помогла бы собрать, и язык бы придержала, раньше времени не выставлялась! Все-таки к жениху в дом попала!

Бабка (*прыскает*). К жениху!

Федор Иванович. Нет, ну почему, неужели она не понимает, что так нельзя! Всех обложила за мебель.

Бабка. А он ей, этот гарнитур, и во сне не приснится.

Федор Иванович. Переночевала ночь с чужим парнем, а?

Таисия Петровна. Правда, можно было Коле раскладушку в кухне поставить.

Бабка. А они поженятся, так я в кухне на раскладушке буду.

Федор Иванович. Кто о чем, а паршивый о бане.

Бабка. Конечно. Колька женится, я на кухне жить буду, а Коле нашему и вам по комнате будет, и все. А потом я дальше кухни пойду, в землю.

Таисия Петровна. Вечно ты со своим: в землю. Как чуть что, так ты уходишь в землю.

Бабка. А куда прикажете? Здесь мне места не будет, я свое отжила. У Клавди у самой некуда. В богадельню разве.

Таисия Петровна. У Клавди квартира такая же, а беспорядку больше.

Бабка. Не кричи на мать-то.

Таисия Петровна. Кто тебе слово-то сказал?

Молчание. Шум воды.

Федор Иванович. Вчера эта Степановна пришла, давно ее не видели. Вынюхивать пришла, какая-токая невеста к Николаю приехала. Зачем ее приглашала-то?

Таисия Петровна (*кипит негодованием*). Это Николай ее позвал, ему дай волю, он позовет весь двор, всю шпану.

Бабка. Теперь и не отплюешься. Все скамейки во дворе знать будут.

Федор Иванович. Да пошли они все.

Через комнату идет процессия. Надя впереди, Николай следом. Снова дверь закрывается на бумажку.

Бабка. Ни здравствуй, ни прощай.

Таисия Петровна (*преувеличенно громко*). Чаю кому налить?

Коля! А Коля! Вы чай или кофе растворимый будете?

Николай (*из комнаты*). Ладно тебе, мам!

Федор Иванович. Не лезь к ним, видишь, они недовольны.

Выходит Николай, тщательно закрывает за собой дверь на бумажку.

Николай. Ну, с добреньким утром!

Федор Иванович. С добрым утром, тогда-то мы не успели поздороваться.

Николай. То не в счет. То вы должны были закрыть глаза и растаять. Все потому, что у нас проклятые смежные комнаты. Теперь всю дорогу так будет: «Извините, мы не помешали?» — и так далее.

Федор Иванович. Почему же это? Почему это так будет?

Таисия Петровна. Федя.

Федор Иванович. У меня еще никто не спрашивал, между прочим, как в моем доме будет. Я пока еще нахожусь в своем собственном доме.

Николай. А я как будто бы что? Не нахожусь?

Федор Иванович. А ты у своих родителей в доме, понял?

Николай. Господи! Да я что здесь, из милости?

Таисия Петровна. Отец, пойдй на кухню, у меня там посмотри, не сгорел ли пирог.

Федор Иванович (*в сердцах*). Пирог! (*Уходит.*)

Таисия Петровна. Коля, Коля, ну что ты! В самом деле!

Николай. Надя ко мне в Сызрань приезжала два раза. Она моя жена.

Таисия Петровна. Она к тебе два раза приезжала, а отец на тебя всю жизнь положил. Учил тебя, кормил.

Николай. Я своим детям не буду так говорить.
Таисия Петровна. До своих еще дожить надо. И вырастить самим.
Николай. Начинается!
Таисия Петровна. Никто ведь тебе ничего не сказал, правда? Все надо обсудить по-тихому, спокойно.
Николай. А пока что вы ей в душу плюете.
Таисия Петровна. Слушай, ей, по-моему, все как с гуся.
Входит Надя.
Надя *(своим дерзким голосом, без выражения)*. Что за шум, а драки нету?
Николай. Нет и не надо. Садись пить чай.
Таисия Петровна. Садитесь, садитесь, Наденька, в ногах правды нет.
Надя садится.
С добрым утром вас.
Надя. С добрым утром.
Бабка. Поздоровкались.
Входит Федор Иванович.
Федор Иванович. Тая, пирог забирай.
Таисия Петровна уходит, Федор Иванович садится.
А, кого я вижу! Здорово!
Надя. Здорово.
Федор Иванович. Что же это такое, в такой день — и без вина. Коля, давай похлопочи, сбегай за уголок. Выпьем за невесту и брак.
Николай. Вот папа! Сообразил! Надо же! Я мигом. Надя, ты тут не балуйся. *(Убегает.)*
Федор Иванович. Деньги у меня в пальто в кошельке! *(Пауза.)* Ну а пока, что ли, чаю выпьем.
Надя. Я чаю не пью. Я вино буду ждать.
Федор Иванович. Мешать не хочешь? Понимает, а? И то хорошо.
Бабка. Хоть стой, хоть падай.
Федор Иванович. У меня теща — золотая баба. Она всегда правду режет. Ты еще сомневаешься — сказать не сказать, а она уже брякнула.
Надя. Это признак невоспитанности.
Бабка. О-хо-хо-хо-хо! Ой, рассмешила! *(Смеется, закашлялась.)*

Федор Иванович. Нет, конечно, какая воспитанность у нашей бабки! Она фабричная, она ткачиха. Образование три класса, четвертый коридор. И вся культура. В цеху какая культура? Там мать-перемать. Вот у вас на стройке — там да. Там «здравствуйте» говорят, когда приходят, «спасибо», когда раствор подают, «извините», когда на ногу наступят. А в общежитии, там вообще, небось, лекции читают про культуру быта. Про то, как себя надо вести в чужом доме.

Надя. Недавно нам читали лекцию о любви и дружбе.

Бабка. О любви и дружбе под забором.

Надя. Нет, просто о любви и дружбе. Что такое любовь и как с ней бороться. У вас спички не найдется?

Федор Иванович. А мы с бабкой не курим.

Надя. А мне в зубах поковырять. Пойду на кухню.

Входит мать с пирогом.

Таисия Петровна. Наденька, куда?

Федор Иванович. Она за спичками.

Таисия Петровна (*вслед*). Там у плиты, на полочке.

Молча сидят за столом. Смотрят телевизор. Хлопает дверь.

Федор Иванович. Коля пришел! Коля!

Молчание.

Николай!

Молчание.

Таисия Петровна. Наверное, пошел к Наде на кухню.

Федор Иванович. Пройда девка. Кому хочешь глотку перегрызет.

Таисия Петровна. Коля выбрал, Коля знал.

Федор Иванович. Колька-то выбрал! Его, скажи, выбрали и на веревочке потащили.

Таисия Петровна. Ну а что? Я вон тебя тоже выбрала.

Федор Иванович. Я один-то у тебя и был, выбирать было не из кого. Один на тебя польстился.

Бабка. Чего вспомнил! А не вспомнил, как я тебя в дом не пускала? Придет, сидит, глаза об дверь мозолит. Когда Тая придет да когда Тая придет. Я тебя и добром просила уйти, и веник брала. Уйдет и у парадного встанет. Клавдю посылала посмотреть, она придет: стоит, мама. Куда ж ему деваться.

Федор Иванович. Да уж, невоспитанная ты была, невоспитанной и осталась. Правду Надя сказала.

Бабка. Ты больно зато воспитанный. Как поселился, так показал свой кипучий нрав. Как еще выселить тебя, не знала.

Таисия Петровна. Мама!..

Бабка. Руку на меня поднимал.

Федор Иванович. Э-э-э... Замолола.

Хлопает дверь.

Таисия Петровна. Что это?

Входит Николай, румяный, запыхавшийся.

Николай. Народу! Несмотря на утренний час. Бутылку сухого взял. А где Надежда?

Таисия Петровна. Она на кухне.

Николай. Выжили? *(Уходит, возвращается.)* Она ушла. Все. *(Садится в пальто на стул.)*

Бабка. И хорошо.

Федор Иванович. Девки всегда ломаются. Ничего, ничего.

Таисия Петровна. Меня здесь не было. А что случилось-то?

Бабка. Она на меня сказала: невоспитанная. Невоспитанная я для нее.

Николай. Бабушка, эх, бабушка ты.

Таисия Петровна. Раздевайся-ка.

Николай. Я за ней поеду.

Таисия Петровна. Вот тебе и раз! Куда ты поедешь-то? Может, она и не в общежитие сейчас. Может, еще куда.

Николай. А куда ей еще? У нее здесь никого нет, она вообще сирота.

Таисия Петровна. Ну ладно. Выпьешь чаю, возьмешь пирог, эту бутылку свою... Что еще? Бутербродов наделаю. Конфет там, печеньица. Раздевайся, позавтракай и поедешь.

Картина пятая

Завтрак у Гавриловых.

За столом Витя, Иванов, Граня. Тут же коляска.

Граня. Надо бы со свиданьем, да нету денег. Нина в четверг получку принесет, у нее ученическая, двадцать три рубля. А я в тот понедельник только получу.

Иванов. Я сказал — все! Никакого.

Граня. Да рюмочку бы можно, но нет на что.

Иванов. Сказано.

Граня. Теперь о прописке. Только ты уж не пей. А то не пропишу. А прописаться тебе у меня вообще нельзя.

Иванов. Нельзя?

Пауза.

Граня. Кто ты здесь есть? Скажут: кого к тебе прописывать? Прохожего мужика?

Пауза.

Иванов. Это-то да.

Граня. Вот и думай.

Пауза.

Иванов. А что думать?

Граня. Что?

Иванов. Пойду, завербуюсь.

Граня. Да я ж тебя не гоню.

Иванов. Все равно не пропишут.

Граня. Не пропишут просто так.

Иванов. А как?

Граня. Как, как. Мужа к жене пропишут, вот как.

Иванов. А мы же с тобой...

Граня. Ну и что...

Иванов *(наконец-то понял)*. А что, давай, что.

Граня. Соседи тебя там выписали, на Зеленом шоссе. Я знавала. Как полгода прошло, так и выписали.

Иванов. Я тоже ходил. А им что обо мне думать. Им же лучше.

Граня *(переживая)*. Я туда приехала, а Митревна мне через цепочку еле открыла, говорит: «Нечего тебе сюда шастать, Иванова мы выписали». Новый жилец, что ли, там живет. Вить, позови Нину, а то стынет.

Витя. Она не пойдет.

Граня *(быстрый взгляд на Иванова)*. Что это: не пойдет! Как это не пойдет! Ну-ка, чтобы быстро шла! Чтобы я два раза не говорила!

Витя подходит к двери в смежную комнату.

Витя. Мама говорит, чтобы ты шла. Иди, а то она сама придет.

Нина боком выходит, садится.

Г р а н я . И чтобы у меня без этих... Живо всыплю... Не посмотрю, что уже невеста... *(Иванову.)* Николаю Козловых она невеста... С седьмого этажа... А я не посмотрю.

Иванов кивает. Он теперь в его состоянии приемлет абсолютно все. Нина оскорблена.

Да нет, я пошутила. Это Колька Козловых, когда Нина была еще маленькая, с Витькой нашим все гуляла... Он говорил: «Вот она, моя невеста». Конфеты ей дарил. Нина была маленькая, а Витька наш был толстый, большой, как вот Галька сейчас растет. Она его еле на руки подымала. Ее во дворе так и звали — Колькина невеста. Теперь он из армии пришел, теперь у него, небось, и своя невеста есть. Степановна говорила, что он из армии в такси приехал, и с девушкой.

Молча едят. Разговор не клеится.

Так что Нина у нас теперь невеста без места. Ну? Чего не смеешься, а? Я все вам отдала в своей жизни. Ну?

Иванов. Им что. Им что!

Г р а н я . Помолчи, твое дело молчать.

Иванов. Можем.

Г р а н я . Скажи хоть словечко матери.

Нина. Я не против, что. Пусть поест с нами. Его вещи в чемодане, я сейчас принесу. *(Приносит чемодан.)* Здесь все. Я выстирала, выгладила.

Иванов. Что ж, спасибо. *(Хочет встать.)*

Г р а н я . Сиди-ка. Сейчас чай будем пить.

Иванов. А я говорю, спасибо.

Г р а н я . Да сядь. Где ты такую власть взяла? Где это выучилась людей выгонять? А?

Нина. Да пусть чай пьет.

Иванов. Извините, если что. *(Пытается встать, но Грания его усаживает.)*

Г р а н я . Не пусть чай пьет! Не пусть чай пьет! Решительная какая!

Нина. Если у нас негде жить, это не значит, что кто-то гонит. Можно жить у тети Маруси нашей в Чулкове.

Г р а н я . У тети Маруси в избе трое детей, да бабушка, да дядя Иван. Больно нужно тете Марусе. Вы ездили к тете Марусе на лето, больно вы там кому нужны были!

В и т я . Мы там ягоды... грибы собирали... В пруду купались. В Чулкове хорошо. Места в избе много. Тетя Маруся

в колхозе все время, дядя Иван когда спит, когда на работу ходит. Тоже их нет. Одна бабушка с нами.

Г р а н я . Здравствуйте! Радио включили! Давно тебя не слышали, разговорился.

В и т я . Сергей безрукий все приглашал: приезжайте к нам, у него братнина изба пустая. Целая изба! С печкой, с подполом, с сараюшкой.

Н и н а . Там можно сторожем устроиться ночным.

Г р а н я . Витя, наливай чаю.

Н и н а . Я сама. *(Встает.)* Билет дотуда восемь рублей. Мы сами всегда с Витькой бесплацкартным ездим.

И в а н о в . В таком случае... в таком случае... Спасибо, что же, спасибо. Я могу на Север завербоваться.

В и т я . Чулково тоже на Севере! А летом туда Гальку мама привезет.

И в а н о в . Это как хотите. Ваше дело, семейное.

Г р а н я . Не слушай ты их. Дети.

И в а н о в . Дети от яблони недалеко падают.

Г р а н я . А что же ты хочешь? Чтобы тебе красный ковер расстелили, как космонавту? Наготовил тут делов, наготовил, под суд пошел, и думаешь, что дети тебя примут?

И в а н о в . Под суд ты меня подвела, это точно.

Н и н а *(вскрикивает)*. Мама!

И в а н о в . Да небось. Я думал, семья, к дочери ехал, к жене. Думал, по-человечески.

Г р а н я . Все и есть по-человечески. Все не сразу. Если ты человеком будешь, все будет по-человечески. Человеком, а не скотом пьяным. Понял?

И в а н о в . Чтобы ты так меня поняла.

Н и н а . Мама, ну что ты с ним разговариваешь?

Г р а н я *(Иванову)*. А ты не видишь, что я тебя понимаю? Кто тебя от батареи поднял? Я тебя привела, ни на кого не посмотрела, ни на детей своих, ни на кого.

И в а н о в . Это ты точно. Это я тебя знаю.

Н и н а . Мама, ну с кем ты? Что ты!

Г р а н я . Знаешь? Ты меня и другой знаешь. И я тебя другим знаю. Лучше бы не знать.

И в а н о в . Опять верно. Это я тебе обещал.

Г р а н я . Обещал-то обещал...

Н и н а . Мама, он что, у нас будет?

Г р а н я . Ты голоса не поднимай.

Н и н а . Он у нас будет? А? *(Плачет.)* О-о-о, что делать, что делать, люди, люди... *(Пошатываясь, встает от стола.)*

Картина шестая

Нина стоит у подъезда. Обычная картина двора: горка ящиков в углу, скамейка рядом со ступенями, окна, наглухо завешенные. Нина стоит совершенно неподвижно, она в валенках, в платке. Мимо Нины идет из подъезда Николай. Он с сумкой, в которой бутылка, свертки, коробки, пакеты.

Николай. О, невеста! Ты в каком сейчас классе?

Нина. Ни в каком.

Николай *(не обращая внимания на сердитый тон Нины)*. Не может быть! Что, уже закончила школу?

Нина. Закончила... Ходить туда закончила...

Николай *(для проформы)*. И чем занимаешься?

Нина. Работаю. Ученицей.

Николай. Где?

Нина. А в «Гастрономе».

Николай. Поближе к котлу, значит. А выросла! Все теперь. Хотел тебя конфетой угостить, да не угостишь, а то еще чего подумаешь. Ну, побежал.

Нина. Счастливо. *(Отворачивается.)*

Николай. Еще увидимся! Соседи! *(Уходит.)*

Нина стоит спиной к залу.

Картина седьмая

Женское общежитие. Четыре кровати, шкаф с зеркалом, посередине круглый стол. Обстановка как в гостинице, только на окне, на шпингалете, висит вешалка с Надиным платьем, у каждой кровати на стене прибит коврик или палас, на тумбочках стоят флакончики, баночки, коробки пудры и т. д. За столом сидит Надя, в халате, нога на ногу, в тапочках, и жует. Входит Николай, предварительно постучав и не получив ответа.

Николай. Там у вас было открыто... Здравствуй, Надежда моя!

Надя. Здорово. *(Перед Надей на столе батон, нарезанная колбаса, бутылка молока, пачка сахара. На полу чайник.)*

Николай. Обедаешь? А чего у нас не поела? *(Снимает пальто и аккуратно вешает его на нарядное платье Нади, висящее на окне.)*
Загордилась... Ушла, не дождалась. Подумаешь, обидели тебя. Меня еще не так, бывало, обижали. Свои же люди, родители, что с них взять, а? К ним же потом и возвращаешься.

Надя, не переставая жевать, задумчиво смотрит на Николая. Николай выставляет на стол бутылку, отодвигает Надины припасы, выкладывает из авоськи пирог, печенье, бутерброды, пакеты, кульки.

Николай. Что это ты ешь какую сухомятку. Вот, угощайся, пока я жив! Здесь еще бутерброды мама дала. *(Садится, довольный.)*

Надя, не вставая, стучит кулаком в стену. В дверь робко царапаются. Смушенной цепочкой входят девушки в халатах, одна в пижаме, одна в зимнем пальто и шапке.

Надя. Угощайтесь вот, вас угощают. Налетай, подешевело.

Надя берет кулек и переворачивает его над столом. Конфеты сыплются градом. Это — как сигнал. В мгновение ока исчезла со стола бутылка, ловкие пальцы разорвали картонную крышку коробки от печенья, пятерни полезли разламывать пирог, потекло варенье. Николай почти не видно за спинами сгрудившихся у стола девиц. Надя в стороне, на своей кровати. Самое поразительное в этой расправе с Николаевым угощением — это залихватская безжалостность, дикое озорство и даже издевательство над жалкими продуктами питания. Варенье размазали по газете, печеньем стали кидать в форточку и попали в Николаево пальто, так что оно сразу стало пятнистым от муки. Николай бросился чистить пальто, а ему в этот момент налили за шиворот вина из бутылки. Николай сначала пробовал смеяться вместе со всеми, потом стал разочаровываться, скучнеть, затем страшно обиделся, побагровел и стал сопротивляться.

Николай. Кончайте, в конце-то концов! *(Выведенный из себя Николай пытается хватать девушек за руки, когда сдергивают на пол его пальто.)*

Девушка с завязанным горлом. Он драться, драться!
Ах гад!

Надя в это время безучастно сидит на кровати со своими свертками и пьет молоко из бутылки. Внезапно в дверь звонят. Девушка в пальто и съехавшей набок шапке идет в прихожую. Она кричит оттуда.

Девушка в пальто. Там Семенову спрашивают.
Девушка с завязанным горлом. Она к родне в Каши-
ру уехала, придет завтра утром.

Девушка в пальто исчезает. Следом за ней вон из комнаты
тянутся остальные. Николай, помятый, в мокрой рубашке, вы-
тряхивает свое пальто, которое лежало на полу.

Николай. Ты так со всеми гостями поступаешь? Красиво.
Я ехал, мать тебе пирог испекла. Ночью тесто ставила.
Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты есть.
Мама тебе бутербродов положила, как порядочной. Тем
более ночевать оставила. Знаешь, после такого...

Надя (*своим величественным металлическим голосом, почти провоз-
глашает*). Прости меня, Коля, что я тебя испортила!

Николай (*задохнувшись, изумляется*). Ты меня?

Надя (*не слушая*). Прости, что испортила, да. Но ты мне не
подходишь.

Николай, зверски обиженный, натягивает свое уже вычищенное
пальто, долго кружит по комнате среди мусора, копается в объедках,
наконец вытаскивает из-под стола свою авоську, вытряхивает и пря-
чет в карман.

Николай. Так, да? Так, да? Извините тогда. Что помешал.

Надя поднимает руку, включает радиоточку. В комнату врывается
бурный марш «Прощание славянки». Николай под этот марш уходит.
Надя поднимает с пола вешалку со своим выходным платьем, встря-
хивает его и опять вешает на окно.

Картина восьмая

Тот же двор. Нина катает коляску у подъезда. Из подъезда к ней
спускается Витя.

Витя. Нин, мама велела уже Гальку домой везти.

Нина. Вези.

Витя. Мама сказала, чтобы ты везла.

Нина. Не пойду я.

Витя. Мама сказала, Галька замерзнет.

Нина. Ну и пусть сама ее берет. Я домой не вернусь.

Витя (с укором). У ты какая!

Молчание.

Нина. Да не замерзла она. Я носик пробовала, вот сейчас попробую. *(Наклоняется над коляской.)* Теплый.

Витя. Он там в ванну пошел купаться.

Нина. Пусть.

Витя. Мамка постель перестилает.

Нина. А мне что?

Витя. Где я теперь спать буду? *(Этот вопрос Витя произносит скорее задумчиво и риторически, нежели в практическом смысле.)*

Нина. На моей.

Витя. А ты?

Нина. А я под батареей, в парадном.

Витя. Я вот маме скажу.

Нина. Подумаешь!

Витя. Все маме скажу, вот увидишь! *(Пауза.)* Идем домой, Нинка. Будем жить в комнате втроем с Галькой. Вот честно. Им ту комнату, нам эту. И все. Честно! Замок вставим. Он к нам не войдет даже.

Нина. А он возьмет палку, как тогда, и в дверь садить будет.

Витя. А мы уши заткнем.

Нина. Гальке не заткнешь.

Витя. А я ему пистолетом. Т-д-бахх! Мой-то пистолет, он стреляет присосками. Пхх — в лоб ему присоску.

Нина бледно усмехается.

Нин, пойдем домой! Сейчас по телевизору будут мультики.

Нина. Не хочу я твои мультики.

Витя. А хочешь, хочешь! Пошли. Сядем все и будем смотреть.

Нина. Не пойду. Бери Гальку.

Витя. Нет! Мама сказала, ты! *(Убегает.)*

Нина стоит, катает коляску от себя и к себе. Появляется Николай с пустыми руками. Николай сворачивает к подъезду и натывается на Нину.

Николай. Ну что, меня ждешь?

Нина молчит, безучастно катая коляску.

Ты чего молчишь? Жених, можно сказать, из армии пришел, а ты молчишь, никак не поприветствуешь. Ну?

Нина молчит, покачивая коляску.

Ты, я вижу, даром времени тут не теряла. *(Кивает на коляску.)* Замуж вышла?

Нина. Нет. *(Отвращивается.)*

Николай. Одинокая мать?

Нина. Ну что ты ко мне привязался? Это моей мамы девочка. Моя сестра. Ну?

Николай *(присвистнув)*. Твоя мать родила?

Нина. Да.

Николай. Она же старая.

Нина. Ей тридцать восемь, какая старая?

Николай. Замуж вышла, да?

Нина. Нет. Вообще-то не знаю, собирается вроде.

Николай. Собираться-то все женщины собираются, а на практике выходит по-другому.

Нина. Нет, он-то сам хочет пожениться.

Николай. А она думает?

Нина. Она думает. Куда ей лишнего мужчину себе на шею вешать. Ему стирать, готовить и так далее.

Николай. Ну, это значит, она его не любит. Я, когда женюсь, долго с женой чикаться не буду. Так: «Койку заправить! Раз-два!»

Нина слегка улыбается.

Ну, ладно. Ты что, с утра так и гуляешь?

Нина. Так и гуляю.

Николай. Понятно. Свежим воздухом. Ну, ладно. А то меня еще сегодня в одно место приглашали. Ребята собираются, то, другое. Еще надо успеть чего-нибудь купить.

Нина. К Борису, что ли?

Николай. А что?

Нина. У него диски, говорят, отличные.

Николай. Нет, не к Борису. Ну ладно, пока.

Нина. Счастливо.

Николай убегает. Выходят Анна Степановна с тазом мокрого белья и ее муж, Сергей Ильич, с баком белья. Анна Степановна останавливается возле коляски, заглядывает внутрь, чмокает, приговаривает: «У, ти милый!»

Анна Степановна. Здравствуй, Ниночка. Черт его не знает, дома сохнет — все не то, не тот запах. Привыкла еще со старого дома вешать на улице. А ты что, я из окна

смотрю, все гуляешь и гуляешь тут? Тебя кто обидел? Ох, все не к добру, не к добру. Пошли, Сергей, отдохнули.

Они вешают в отдалении белье. Анна Степановна подбегает.

Нинок, ты, пока стоишь с девочкой, покараулишь белье?

Картина девятая

У Козловых. Стол накрыт, за столом гости — Клавдия, сестра Таисии Петровны, и ее муж, дядя Митя. Входит Николай.

К л а в д и я . О, Николай-воин! Красавица стал парень!

Гости едят и пьют. Дядя Митя ест мало и с осторожностью, разглядывая каждый кусок и задумчиво, с прислушиванием к внутренним ощущениям, пережевывая.

Кто вверх, а кто вниз. Мы-то с дядей Митей вниз растем, правда, Николай?

Н и к о л а й . Ну что вы, тетя Клава, вы еще самая ягодка.

К л а в д и я . Да дай я тебя расцелую, племя мое!

Целуются.

Ф е д о р И в а н о в и ч . Ну, сынок, раздевайся, садись с нами.

У нас, видишь, со стола не сходит. Я думал, ты вдвоем придешь, а?

Н и к о л а й . Я еще должен тут в одно место направиться.

Ф е д о р И в а н о в и ч . Да что тебе место? *(Он разгорячен от выпитого.)* Что место? Уважай свою родню, дядю Митю и тетю Клаву прежде всего, они пришли по зову сердца, может, они что хорошее посоветуют, раз родители тебе — плюнул и растер.

Н и к о л а й *(молчащей матери)*. Mam, пойдем в ту комнату.

Николай и мать уходят.

К л а в д и я . Секреты, секреты и секреты.

Таисия Петровна входит.

К л а в д и я . Секреты, говорю.

Таисия Петровна *(пожимая плечами)*. Да рубашку просил на сменку.

Клавдия. Уже живо замарала ему рубашку. Помадой, что ли? Таисия Петровна. Не видела. Не показал. В пиджаке был.

Из комнаты, направляясь в ванную, идет Николай. В руках у Николая скомканная рубашка.

Коля, брось там в грязное, я постираю.

Николай. Я сам, что ты.

Клавдия. Как об матери заботится!

Николай выходит. Пауза. Дядя Митя осуждающе качает головой. Он недоволен Клавдией.

Ну и что? Правильно, об матери заботится, ему надо заботиться об ней, она у него одна — мать.

Дядя Митя опять качает головой.

Дядя Митя. Зарапортовалась.

Клавдия. А что я сказала?

Федор Иванович. Пусть, пусть сам постирает. Значит, стыд есть.

Клавдия. Вообще-то парня жалко. Вас-то что, вы свой век отжили. А парня жалко, что он с начала жизни связался с лахудрой. Вы-то что, перебьетесь. Подумаешь, делов-то куча, уступите им ту комнату, а сами с бабкой поночуете. Не молоденькие, не покраснеете. Мать есть мать, раньше с ней и то в одной комнате жили. А мы как с Митей жили? Мы с Митей, да его мама, да бабка Варя, это раз, да брат Мити, да братнина жена. Да у нас Костя родился. И все в одной комнате двадцать метров.

Федор Иванович. И ругались, как собаки.

Клавдия. А ты как думаешь? Иногда и пособачишься, а бабка Варя все мирила. Бабка Варя-то, а? Мить?

Дядя Митя. Бабка прелесть, в отличие от тебя.

Клавдия. Сказанул свое словечко.

Дядя Митя. Что людям в жизнь вмешиваться?

Клавдия. Так ведь позвали зачем?

Дядя Митя. Не знаю, зачем звали, а знаю, зачем тебе занудилось идти.

Клавдия. Ой, ой, понес околесину.

Дядя Митя. Потому что тебе всегда в чужие дела надо влезть.

Всегда ты первая ползешь.

Клавдия. Совсем со своими шахматами озлобился. Тебе не дали первого-то разряда, вот ты на мне и срываешь. Пешка два! Конь три!

Ба б ка . Клавдия, хватит! Все тебе не так. Пил Митя — не то было. Язву получил — опять тяжело. Теперь в шахматы играет — снова тебе не подходит. Ты вспомни, как ты жалела, когда Митя все о болезнях, все о болезнях? А? Говорила, лучше бы пил, как все люди, а то от него аптекой несет.

Дядя Митя . Ладно. Теперь на меня перекинулись.

Входит Николай .

Клавдия . Садись, садись с нами, со старьем посиди. Успеешь убежать. Женишься, тогда поймешь, что бегать было незачем.

Федор Иванович . Сядь, посиди с нами.

Николай . Пап, я пойду. Хотя ладно, поем. Я есть хочу, вот что, товарищи.

Таисия Петровна . Плохо тебя там, видно, кормили. Я же столько бутербродов наделала.

Клавдия . Не тем его кормили, а тем, от чего аппетит разыгрывается. Верно, Коля? Выпьем давай.

Дядя Митя . Да ешь, не слушай их. И не пей. Я вот тоже не пью, а только ем, нас с тобой будет двое. Чаю выпьем.

Клавдия . Выпей лучше со мной, Коля.

Пьют.

Слышали мы, слышали про твою девочку.

Николай . Что это вы слышали?

Клавдия . Что умная, что ничего не боится, самостоятельная, что на стройке вкалывает. Она что, подсобница?

Николай . Подсобница.

Федор Иванович . Маляр.

Клавдия . А хотя бы и подсобница! Не все ли тебе, Коля, равно? Ты же жену не за ученость берешь, не за хорошую специальность, правда? Хоть бы она и грамоты не знала! Тебе ведь нужно, чтобы она хваткая девка была, чтобы на тебя вешалась, чтобы волосы красила, брови выщипывала и так дальше. Чтобы курила, водку сосала, так?

Николай . Ты-то водку сосешь?

Клавдия . Я старей тебя буду. Как ты себе позволяешь, а?

Таисия Петровна . Коля, не надо.

Николай . Что вы все забегали? Ну что? Опасность нависла?

Нет такой опасности. Можете быть спокойны.

Федор Иванович. А мы и не беспокоимся. Нам-то что, нам скоро отсюда выбираться под медные трубы.

Тайсия Петровна. Коля, ну как ты ничего не видишь? Ну как так можно? Ты ведь и в армии был, неужели тебе ребята не говорили?

Клавдия. Они там в армии военно-патриотическое воспитание получают.

Николай. Точно.

Клавдия. Их там всех учат сразу жениться. Погулял — сразу женись. Хватай, что под руку попадетя.

Тайсия Петровна. Это не армия, это он так считает от нас с отцом. Он не приучен к другому. Но не все же как мы с Федей. Мы один раз сошлись и на всю жизнь. А это надо найти. Это сразу не найдешь.

Дядя Митя. А как же, по очереди?

Клавдия. Хоть и по очереди. Ты-то понимаешь. Мужчина сейчас может и оглядеться, и подумать. Ты вот не подумал и женился. Теперь я слово, ты — два.

Тайсия Петровна. И я тебе не хотела говорить, почему эта девушка так к тебе пристала. И в Сызрань к тебе два раза ездила, и меня навещала, все у нас посмотрела.

Николай. Я понимаю, мама, конечно, ей нужна наша квартира, наша мебель полированная, наша люстра чехословацкая и ковер.

Федор Иванович *(смеется)*. Хоть ты и в шутку сказал, Коля, но в каждой шутке есть доля правды. Доля истины.

Николай. И доля вранья.

Клавдия. Господи, да мы тебе такую невесту найдем! Хорошую, работающую девочку, непьющую, некурящую, с косой... Моложе тебя.

Николай. А чего ее искать. Вон там, внизу стоит, меня дожидается. С первого класса все дожидается меня. Непьющая, некурящая, с косой вроде даже, если не спилила.

Тайсия Петровна. Невеста твоя, что ли?

Николай. Она! Влюблена как кошка. Все прямо над ней смеялись, как она за мной бегала. Мы идем в футбол играть — она тащится за нами, брата своего несет. Влюблена, что говорить.

Клавдия *(развеселившись)*. Так веди ее сюда! Познакоимся!

Дядя Митя. Слушай, пошли домой.

Клавдия. Иди, я потом.

Дядя Митя. Нет, идем!!!

Клавдия. Да обожди ты.

Звонок.

Николай. Я открою. Это ко мне. *(Уходит.)*

Федор Иванович. Это она сейчас из общежития зайвится ночевать. Как говорится, с вещами на выход.

Клавдия. Я ее успокою, успокою.

Дядя Митя. Сейчас я тебя успокою. *(Начинает вылезать из-за стола.)* Успокою.

Клавдия. Мама, ой!

Бабка. Маму чего-то вспомнила.

Клавдия. Сейчас идем, Митенька мой.

Николай вводит Анну Степановну.

Федор Иванович. А, дорогая званая гостенька.

Таисия Петровна. Федя! Анна Степановна, садись с нами, угостись.

Анна Степановна. Да некогда. Тая, одолжи сольцы. Я и стакан принесла. Я верну.

Бабка. Соль и хлеб не возвращают.

Таисия Петровна. Что ты, Анна Степановна, может, я у тебя одолжусь когда-нибудь.

Николай. Садись, тетя Ань.

Дядя Митя *(пододвигает стул)*. Вы нас не обижайте, как вас?

Николай. Садитесь.

Анна Степановна. Анна Степановна.

Дядя Митя. Уважаемая Анна Степановна.

Клавдия. Расплылся весь.

Анна Степановна поневоле садится. Дядя Митя пододвигает ей тарелку, рюмку.

Анна Степановна. Да спасибо, время нет. Говорят, незваный гость хуже татарина.

Федор Иванович. Да сиди уж, коли зашла.

Анна Степановна. Мне время нет, голубцы делала, а соль кончилась. Я вспомнила, что ваша бабушка у меня брала пачку, вот и думаю — вроде мне ловчей одолжиться у нее.

Бабка. Когда это?

Анна Степановна. А прошлый год, в воскресенье вечером, когда гастроном уже закрылся.

Бабка. Не было!

Анна Степановна. Еще я тебе дрожжей пачку дала.

Бабка. Да не было того!

Николай. Бабушка плохо помнит всегда.

Бабка. Почему это?

Таисия Петровна *(возвращаясь с солью)*. Вот тебе, Степановна.

Бабка. А, было!

Анна Степановна. А было, было. Ну, пока. *(Встает.)*

Дядя Митя. Сидите, сидите. *(Усаживает ее.)*

Анна Степановна. Девочка-то Гавриловых все стоит на улице.

Таисия Петровна. Кто стоит?

Анна Степановна. Я говорю, девочка Гавриловых, со второго этажа, как вышла утром из дома, так и стоит целый день.

Федор Иванович. А что это она?

Николай. Меня, я говорю, поджидает.

Анна Степановна. Прямо! К ним Иванов пришел из тюрьмы. Ну, помните, год назад его посадили? Почему: он пьяный заявился, Граня не стала его пускать. Он взял палку и давай палкой в дверь садить. А Галкин стал его оттаскивать, и он Галкину сотрясение мозга устроил. Галкин его не простил, мог простить на суде и не простил. Галкин, у нас слесарь ходил, в домоуправлении. Уволился недавно.

Бабка. Не помню.

Анна Степановна. А как же, Галкин. На него еще той зимой льдинка с крыши упала. Снег сбрасывали, он внизу стоял, чтобы опасная зона была. А на него-то и упало. Сотрясение мозга получил.

Бабка. Не помню.

Анна Степановна. Он еще принес вам сливной бачок продавать, зацепился о половик да и разбил. Сливной-то бачок!

Бабка. А на кой он нам нужен.

Анна Степановна. Вот тот самый Галкин.

Бабка. Из тюрьмы пришел?

Николай. Да Иванов из тюрьмы пришел.

Анна Степановна. Нина ихняя вчера плакала. А Граня его приняла, так Нина как утром вышла, так и стоит. Уже часов семь стоит, домой не идет. То одна стоит, то ей Витя коляску вывозит. Я ее спрашивала, она говорит: гуляю.

Николай. И мне говорила: гуляю.

Клавдия *(весело)*. Пусть к нам идет. Что же это? Николай, пойдй, сходи за ней.
Таисия Петровна. Правда, Коля. Правда.
Анна Степановна. Я ее постеснялась к себе звать, она не признается, что ушла из дому. А Граня, вот кто хороша. Граня. Ну, я пошла.
Федор Иванович. Еще приходи, вестей приноси. Сергею привет, что он не заходит?
Анна Степановна. А он мало к кому ходит.
Федор Иванович. Ко мне мог бы и зайти.
Анна Степановна. Да вряд ли. Ну, до свидания.
Федор Иванович. Как знаешь.
Все прощаются с Анной Степановной. Дядя Митя даже встает.

Картина десятая

Двор. Нина стоит с коляской. Анна Степановна пробегает мимо.

Анна Степановна. Ну, сторожишь мое белье?

Нина. А как же.

Анна Степановна. А то жулье тюремное гуляет, людям жить не дает. Я побегу пока, голубцы делаю. *(Уходит и тут же возвращается.)* Ой, Нина, я не могу! Надо милицию вызывать! Ой, не могу, страшное дело. Ой!

Нина. Что, что такое?

Анна Степановна. Там в подъезде, под батареей, Иванов сидит. На чемодане. Надо по автомату позвонить, пусть его забирают на фиг! Пойду Сергею скажу, пусть позвонит, ой, какое дело-то страшное! *(Убегает.)*

Нина некоторое время бездумно катает коляску, потом вынимает ребенка и уходит в подъезд. Через некоторое время оттуда выходит Иванов, оглядывается, пожимает плечами и становится около коляски. Подумав, берется за ручку пустой коляски и покачивает ее с отсутствующим выражением лица. Выходит Нина.

Нина. Идите домой. Иди, бери коляску и тащи.

Иванов. Не имею права.

Нина. Да Господи, идите.

Иванов. Как прибывший из заключения.

Нина. Иди, бери коляску и тащи наверх.

Иванов. Можно так человеком играть? Одна гонит, другая обратно гонит. Можно? Сейчас уйду, и все.

Нина. Как ребенок, ей-богу.

Иванов. Не хочу и не буду. Спасибо, как говорится, и все.

Нина. Я уйду в общежитие, подумаешь! Я вам не помешаю. Вы сами живите как хотите, без меня.

Иванов. Это я вам мешать не собираюсь, раз я вам мешаю.

Нина. Ну, иди.

Из подъезда выходит Сергей Ильич и заворачивает за угол.

Дядя Сергей пошел. Вот клянусь, иди отсюда быстрее. Сейчас милиция за тобой придет. Иди домой.

Иванов. Ты, что ли, вызвала?

Нина. Не я. *(Подумав.)* Ну, я вызвала, и что?

Иванов. Вызвала, так обождем, что ты скажешь. Пусть я по тюрьмам буду. *(Расчувствовавшись.)* Сначала в детдоме, потом в общежитии. Тоже это не свой угол. Только дали комнату, только-только: и привет от старых штиблет. Теперь по тюрьмам. Надо же!

Нина плачет.

Думал, наконец-то у меня свой дом. Ну, выпил. Ну и что? Сразу и человека не пускать? Я, может, больше не буду. Я хотел, допустим, извиниться. Поэтому и стучал в дверь. А тут этот Галкин. Надо было ему лезть! Кричит: ты не имеешь права меня вдарить, у меня голова слабая. Говорю ему, отцепись. Говорил? Предупреждал?

Сергей Ильич возвращается и уходит в подъезд, он кивает Нине. Нина с плачем начинает тянуть Иванова в подъезд, другой рукой она тянет коляску. Иванов не дает везти коляску, ему важно выговориться.

Предупреждал? Уйди, сказал, сделаю больно. Так тебе врежу...

Из подъезда выходит Николай.

Так врежу, что запомнишь имя Иванова. Сказано было: уйди. Мне ведь ничего не страшно. Так и сказал. Меня твоя слабая голова не пугает.

Николай. Спокойно, отец. Кому ты врежешь? Может, мне попробуешь, а?

Нина. Коля, миленький, оставь его, оставь. *(Рыдает.)*

Иванов. А ты кто такой?

Нина. Коля, не подходи к нему, миленький, не подходи! Коля!
(Обхватывает его руками.)

Иванов. Нет, кто ты есть?

Нина. Бегите, пока не поздно!

Иванов. Иванов не бегаёт. Кто это?

Нина. Коленька, я тебе объясню... Потом все расскажу. Пожалуйста, миленький, не связывайся с Ивановым.

Николай. А я не испугался.

Нина. Господи, да кто же говорит, что ты испугался! Да он же сморчок по сравнению с тобой! Он старый. Он слабый.

Иванов. Кто слабый? Ну?

Николай. Не слабый девочек бить.

Нина. Никто не бил. Пойдем, Коля, я тебе что скажу. Пойдем.
(Иванову.) Я кому сказала идти домой. Ну? Там у Гальки коляски нет, некуда ее класть. Беги отсюда!

Иванов *(ворчливо)*. Беги еще ей.

Нина. Ну, давай, отец, топай.

Иванов величественно уходит в подъезд, держа под мышкой коляску, а в руке чемодан. Нина отпускает Николая. Тяжело дыша, она дрожащими руками поправляет на затылке косу, натягивает платок.

(Улыбаясь.) Ну, что полез не в свое дело?

Николай. Вот всегда: когда мужик бьет бабу, лучше не заступаться. Баба же тебя и обругает. Чего ты его защищала? Врежу ему как следует, он забудет сюда дорожку.

Нина. Нашелся какой: врежу.

Николай. Тебя же защищали.

Нина. От кого? От этого? Да он меня и не тронул.

Николай. Знаешь, ты это другому скажи. Я ведь слышал:
«Я тебе врежу, я тебе сделаю больно».

Нина. Это не мне.

Николай. Здравсьте! Кому же?

Иванов выходит из подъезда, без коляски, но с чемоданом.

Нина. Ну, что опять?

Иванов. Ну, я отдал коляску.

Нина. А сам?

Иванов. А раз она меня не пускает.

Нина. Я тогда сама пойду с тобой. *(Николаю.)* Ты можешь постоять тут три минуточки, пока меня нет?

Николай. Пожалуйста. *(Удивленно крутит головой.)*

Нина и Иванов уходят в подъезд. Вскоре из подъезда выходит Сергей Ильич.

Сергей Ильич. Здравóво, Николай. Отслужил?

Николай. Здравóво.

Пожимают друг другу руки.

Да вроде.

Сергей Ильич. Работать пойдешь?

Николай. Да намечается.

Сергей Ильич. А. Ну, так. Да. Слушай, ты мне батон хлеба не одолжишь? Я пошел в булочную, а там уже закрыто. Не успел. То соли у ней нет, то хлеба.

Николай. Одолжу, а как же.

Сергей Ильич. Так сбегай, а? Только не говори, кому.

Николай уходит. Появляется Нина.

Нина. Здравствуйте, дядя Сережа.

Сергей Ильич. Виделись вроде. Здравствуй. Как живешь?

Нина. Дядя Сергей, вы милицию вызывали?

Сергей Ильич. Что ты. Какую?

Нина. А бегали вы куда?

Сергей Ильич. А в булочную. А что?

Нина. Мне тетя Аня сказала, что пошлет вас вызвать милицию.

Сергей Ильич. Ну конечно еще. Зачем это?

Нина. Что Иванов... Ну, что Иванов наш в подъезде сидит.

Сергей Ильич. Да вот еще, милицию звать. Что он — украл, что ли? Сидит, так куда ему идти-то? Он посидит и пойдет. Хлеба ему надо дать, денег немного — он и пойдет. Выхода-то у него никакого нет.

Пауза.

Нина *(осторожно)*. А вас... тетя Аня послала белье сторожить?

Сергей Ильич. Что ты все послала! В милицию — послала, в булочную — послала, белье стеречь — послала. Меня так больно не пошлешь.

Нина *(быстро)*. Тогда я посторожу. Я все равно гуляю.

Сергей Ильич. Да зачем? Иди, иди домой. Сторожить еще.

Никто его не украдет, а она наняла еще.

Нина. Никто меня не нанимал. Ничего, что вы.

Сергей Ильич. Нет, не надо. Иди, иди давай. Я белье, раз так, сам посторожу. Мое белье. Иди, нечего тут.

Нина медленно поднимается в подъезд. Николай выбегает с батоном. Нина останавливается. Сергей Ильич неловко берет батон, благодарит и, не замечая Нины, проходит мимо нее в подъезд. Николай — внизу, Нина — на крыльце.

Николай *(после молчания)*. Ну, что тебе, а то я в магазин спешу, полчаса осталось.

Нина *(пауза)*. Мне? Мне ничего. Просто тетя Аня просила меня белье сторожить, я тебя и попросила постоять.

Николай. Ой, и хитрая ты, как мышонок.

Нина. А ты тупой, как валенок. *(Смеется.)*

Николай. Чего смеешься-то?

Нина. Так.

Николай. А. Ну, пока.

Пауза.

Нина. Счастливо.

Пауза.

Николай. А то пошли к нам. Мать тебя приглашает.

Нина *(сразу)*. Пошли.

Николай. Только я сначала в магазин смотаюсь. А ты подожди.

Нина. Ладно.

Николай. Ну, пока.

Нина. Счастливо.

Николай сворачивает за угол. Нина опрометью кидается в подъезд.

Картина одиннадцатая

У Гавриловых дома. Нина роется в шкафу. Витя смотрит телевизор. Иванов скрывается в кухне.

Граня. Я с тобой говорить не хочу. После всего.

Нина. Мам, дай мне спокойно переодеться.

Г р а н я . Иди-ка ужинать сперва. Какая!
Н и н а . У меня десять минут.
Г р а н я . Почему это. Никуда не пойдешь. Поздно.
Н и н а . Mam, дай мне твою кофту надеть. Сверкающую.
Г р а н я . Ты куда это? Кто тебе разрешил-то?
Н и н а . Ну мам. Ну что ты. Я тут пойду.
Г р а н я . С кем это?
Н и н а . Ни с кем, а к Николаю домой.
Г р а н я . Что это?
Н и н а . Мама его меня пригласила. Понятно?
Г р а н я . Зачем еще?
Н и н а . А я возьму и замуж выйду.
Г р а н я . Никого не спросилась, так сразу и выйдешь. Кто тебя пустит?
Н и н а . Лучше что угодно, но здесь я не живу больше.
Г р а н я . А кто тебе помешал? Снова начнем?
Н и н а . Никто, никто мне не мешает, но и ты мне не мешай, мама рѳдная. Дай кофту.
Г р а н я . Бери.
Н и н а . Не поминай меня лихом, мамочка!
Г р а н я . Да будет тебе, ничего еще нет, а ты прямо в бой рвешься.
Н и н а . Пойду переодеваться. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Картина двенадцатая

Двор. Н и н а стоит в той же куртке, но на голове у нее шапочка, а на ногах не валенки, а сапожки. В руке сумочка. Появляется Н и - ко л а й .

Н и к о л а й . Ну, пошли. Чего это ты прибарахлаилась? Домой бегала?

Н и н а . А твое какое дело?

Н и к о л а й . Как хочешь, мне-то что. Мое дело вообще сторона.

Тебя мать пригласила.

Н и н а . Ну, вот и молчи в тряпочку.

Н и к о л а й . Остроумие прямо блещет.

Н и н а счастливо смеется. Они поднимаются в подъезд.

**Картина
тринадцатая**

Квартира Козловых.

Нины не видно — она в прихожей.

Таисия Петровна *(в прихожую)*. Ну, Ниночка, раздевайтесь, проходите. Гостем будете. Вы, наверное, замерзли?

Молчание.

Нет, а я вижу, что да. Все же сегодня холодно.

Нина входит, за ней Николай.

О, на вас красивая кофта! Это вы уже на свою зарплату купили?

Нина мотает головой.

Идите за стол. Я сейчас чай поставлю в который раз. У нас сегодня гости за гостями. Только что родные ушли, и жалко. Они бы с вами познакомились. Вы, наверное, голодная?

Нина мотает головой.

Ну, ничего, ничего.

Николай. На нее онемение нашло от нашего великолепия. От ковра, от серванта, от люстры. Мы всех этим поражаем!

Таисия Петровна. Что это ты больно сердитый? Не обращайтесь на него внимания, Нина. Он вовсе не такой злой, как кажется.

Николай. Сю-сю-сю.

Таисия Петровна. Садитесь вот рядом с Федором Ивановичем, познакомьтесь. Он за вами поухаживает. Ну, иду чай ставить. У нас вторые сутки как гости. Так что не совсем порядок на столе. *(Уходит.)*

Николай. Вот именно что вторые сутки гости.

Федор Иванович. Вы где трудитесь, Нина?

Нина. В «Гастрономе». *(Прокашливается.)*

Николай. Что-то голос потеряла.

Федор Иванович. Еще бы! Столько простоять на морозе.

Вы сколько часов, Нина, простояли?

Нина. Я не стояла. Я с сестрой гуляла.

Таисия Петровна *(вернувшись с блюдом пирогов)*. Вот как пригодились пироги-то нам! Я когда пекла, думала, что как обычно: поедим сколько поместится, и больше никто смотреть не хочет. А вот — пригодилось. Гостей много было. Гостей много — я люблю. Дом без гостей пустой.

Николай. Так бы пироги выбросила, а теперь нет.

Таисия Петровна машет рукой, приглашая не обращать внимания на Николая.

Федор Иванович. Эта ваша сестра... Вы сами ее воспитываете?

Нина. Почему? Нет, с мамой.

Федор Иванович. А брат-то ваш на руках у вас вырос. Это я помню.

Нина. Да нет, мама помогала.

Таисия Петровна. Мама помогала! Другие маме помогают, а здесь наоборот.

Федор Иванович. У вас на руках, стало быть, двое детей выросло?

Бабка. А я тоже, мы сиротами остались, шестеро, а я старшая. Отец не женился, не женился. А мне было четырнадцать лет. Вот угорели мы, я просыпаюсь: угорели!

Федор Иванович. Слышали, слышали уже.

Бабка. Ты слышал, а она нет. Так что же — я всех подняла, на подоконник поставила, форточку открыла. «Ну, дышите, — говорю, — не падайте!»

Федор Иванович. А вы в каком отделе работаете?

Нина. Ученицей в молочном. *(Прокашливается.)*

Федор Иванович. Трудно приходится?

Нина. На стройке хуже было. Все время на улице, у меня нос раздуло, лихорадка, я и ушла.

Бабка. А я с четырнадцати лет коробки клеила. Всех своих усажу, мы за день человеческую норму выполняли.

Федор Иванович. Ну, рабочий человек, поесть надо.

Нина. Спасибо, не хочется.

Федор Иванович. Ну, не хочется! Раз к нам в дом пришла, все, надо слушаться. Селедочки положу. Может, налить тебе вина, выпьешь?

Таисия Петровна. Да будет тебе.

Федор Иванович. Нет, все же: выпьешь? Давай, давай, не стесняйся. Сейчас девушки не стесняются, все творят. Выпей, мы все тут свои, ты у нас тоже своя, невеста, говорят, нашему Коле.

Николай хмыкает.

Ну, давай налью. Наливаю.
Нина (*с набитым ртом*). Не хочу!
Федор Иванович. Ну, давай через не хочу. А?
Таисия Петровна. Ну, ладно, ладно, будет. Ей чаю надо.
Федор Иванович. Тогда, может, закуришь, Нинок?
Нина с удивлением смотрит на Федора Ивановича.
Николай. Ну, я пошел. Желаю вам приятно поразвлекся.
Федор Иванович (*отвлеченный от своей игры*). Что это ты
встрепенулся? К тебе невеста пришла. Сиди.
Николай. Невеста еще!
Таисия Петровна. Куда ты собрался? Уже поздно.
Николай. Я же предупреждал, что смотаюсь.
Таисия Петровна. Нина пришла, а ты уходишь. Может,
Нину с собой возьмешь?
Николай. А что ты своего гостя из дому гонишь? Ты ж ее
приглашала, твой гость.
Таисия Петровна. А она бы с тобой охотно пошла. Что ей
с нами сидеть. Правда, Ниночка? Ну, хочешь с Колей
пойти?
Николай. Кажется, меня еще никто не спросил...
Федор Иванович. Молодые с молодыми должны.
Николай. Я, в общем, пошел.
Таисия Петровна. Как красиво! Хоть быстрее возвра-
щайся.
Николай. А я, может, не один вернусь. Тоже быстрее?
Молчание. Николай уходит. Федор Иванович несколько раз в за-
думчивости бьет кулаком об стол.
Таисия Петровна. Сейчас по телевизору кино будет. Ни-
ночка, ты мой гость, я тебя никуда не отпущу. Мужики пусть
куда хотят уходят, а мы с тобой вдвоем покукуем.
Федор Иванович. Опять с ночевкой приведет.
Таисия Петровна. А куда? У нас некуда. К нам теперь
некуда. Ниночка, останетесь у нас?
Нина кивает. Все сидят около телевизора.
Бабка ложится на кушетку и мгновенно засыпает. Федор Иванович,
сидя в кресле, клонит носом. Таисия Петровна смежает веки. Нина
дремлет. Телевизор передает сплошные взрывы. Звонок, Таисия идет
открывать. За дверью стоит Граня. Таисия выходит на площадку,
прикрыв за собой дверь. Нина прислушивается с другой стороны.

Граня. Извините. Тут у вас моя Ниночка.

Таисия Петровна. А что?

Граня. Ей завтра рано вставать... Так что...

Таисия Петровна. Извините, соседи, а не знаю, как по отчеству.

Граня. Аграфена Осиповна.

Таисия. Мне надо с вами поговорить.

Граня лугается.

Я знаю о вашем положении. Там у вас из тюрьмы...

Граня. Да что вы!

Таисия Петровна. Ведь надо выбрать — он или ваша Нина. Она взрослая девушка, ей неудобно. Она не хочет.

Граня. Да пожалуйста, он уйдет, пожалуйста!

Таисия Петровна. Почему? Я вас понимаю. Женщина вы еще молодая, моложе меня, да? Счастья вы не видели. Правильно?

Граня. Ну?

Таисия Петровна. А Нина девочка красивая, скромная, работающая. Она скоро ведь все равно выйдет замуж. Вы опять одна.

Граня. Подумаешь!

Таисия Петровна. Больше того, я могу взять Нину. Она всем нам нравится. Вы понимаете? Поживет у нас, обвыкнется. Ее не обидят. Не тронем ее. Ей еще учиться надо, да. Специальность хорошую получить, а то что это.

Граня. Учиться ей не пришлось, конечно.

Таисия Петровна. Так что понимаете... Вы подумайте. У вас тоже пока что утрясется, он работу найдет, а Нине учиться надо. Только вот как вы будете без нее обходиться? Она у вас вроде в няньках при девочке. Я понимаю, что вам без ее рук не обойтись.

Граня. Это вы зря так думаете.

Таисия Петровна. Я знаю, как сложно с маленьким ребенком.

Граня. Сложно не сложно, а обойтись можно. Конечно, ей бы специальность. А руки у нее золотые.

Таисия Петровна. Давайте договоримся, дорогая моя. Раз уж она у нас жить будет, она к вам больше не пойдет обратно. Зачем? У нее будет семья. На два фронта ей разрываться нечего. Так?

Граня. Ну.

Таисия Петровна. Я тогда прошу — не дергайте ее. Не ходите, не зовите и так далее.

Граня. Пусть только сегодня домой вернется. Только сегодня.

Собрать ей чего-нибудь.

Таисия Петровна. Да бросьте, приданое, что ли.

Граня. Сегодня пусть домой идет.

Таисия Петровна. Как знаете. Если вы с самого начала так вопрос ставите, тогда что же — не задерживаю. Тогда все.

Граня. Я не ставлю. Я просто думала...

Таисия Петровна. Индюк думал, думал, простите за такое выражение.

Граня. Не обижай ее, Таиса.

Таисия Петровна. Что вы такое говорите, ушки вянут.

Граня пожимает плечами.

Ну, пожелаю вам всего наилучшего.

Граня. Вам также.

Таисия Петровна. Только я прошу — не дергайте ее. Не ходите тут.

Граня. Я понимаю. Пока до свидания.

Таисия Петровна. До свидания.

Нина слушала весь разговор, реагируя на каждый поворот событий то бесшумными прыжками, то стискиванием рук. Таисия Петровна входит в комнату. Нина встречает ее ликующим взглядом, готовая броситься ей на шею.

Надо со стола убрать. *(Зевает.)* Напили-наели.

Нина. Я соберу, ладно? *(Начинает убирать со стола.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четырнадцатая

Комната Козловых три месяца спустя. Нина в каком-то новом пальто, одна. Она стоит перед зеркалом, смотрит, как спина, как рукава. Эту немую сцену прервал звонок. Нина идет открывать и вводит Граню с Галькой на руках. Граня целует растерянную Нину и садится с ребенком к столу. Вид у нее лихорадочный, хотя она и не перестает улыбаться. Нина, успевшая мигом сбросить пальто, теперь берет его и хочет повесить в шкаф.

Г р а н я . Пальто тебе купили?

Н и н а . Ты чего? Мам, ты чего?

Г р а н я . Ну-ка, надень.

Нина с неохотой надевает.

Велико.

Н и н а . Пусть.

Г р а н я . Сколько отдали?

Н и н а . Ну чего ты, мам... Честное слово... Пришла...

Г р а н я . Что же делать, раз пришла. Я сейчас иду в больницу...
на три денька. Может, раньше вернусь, постараюсь.

Н и н а . А, понятно.

Г р а н я . Уже понятно тебе.

Пауза.

Н и н а . Я здесь ничем не командую. Ничего не могу.

Г р а н я . Пальто купили.

Н и н а . Пальто — это другое. То совсем другое.

Г р а н я . Идем домой.

Н и н а . Нет.

Г р а н я . Я боюсь Гальку ему оставлять. Он уже и так с ней все гуляет поближе к гастроному. Где вся эта шарашка.

Н и н а . Как я могу? Я сама сегодня здесь, а завтра меня попросят, знаешь.

Г р а н я . Либо идем домой.

Н и н а . Ты только о себе думаешь, ты обо мне не думаешь.

Я тебе только и нужна, что нянькой. А я живой человек.

Г р а н я . Но Гальку-то надо кормить полтора хотя бы дня.

Н и н а . С собой возьми.

Г р а н я . Не берут.

Н и н а . Ну, не знаю.

Г р а н я . Какая ты стала...

Н и н а . Пусть.

Г р а н я . Возьми ее, перепеленной. У меня уже руки отваливаются.

Н и н а *(берет)*. Тяжелая стала. Ты моя хорошая. Ты моя Галя?
Ты моя Галя-Галя? *(Уносит Галю и мешочек с пеленками в другую комнату.)*

Г р а н я ставит на стол бутылочки с питанием и тихо уходит. Хлопает входная дверь. Нина выскакивает с развернутыми пеленками, бежит, возвращается, видит бутылочки, садится у стола и плачет. Потом,

так же бурно плача, забирает бутылки, идет в боковушку пеленать. Слышен шум входной двери. Входит бабка. Слушает горький плач Нины, садится на кушетку, видит брошенное пальто, качает головой, вешает в шкаф. Опять садится, вынимает из сумки ночную рубашку, прикидывает на себя. Смотрится в зеркало. Осторожно выходит заплаканная Нина, плотно прикрывает за собой дверь, потом запирает на ключ и кладет ключ в карман.

Н и н а . Красиво!

Бабка молчит, так и сяк оглядывая себя в зеркало.

Хорошо, что длинный рукав. Тепло.

Бабка . Мне в кухне и так даже слишком тепло.

Н и н а . Пенсию получили?

Бабка . А это мое дело.

Н и н а *(помолчав)*. И сколько?

Бабка . Чего?

Н и н а . Сколько стоит? *(Откашливается.)*

Бабка . Все мои. Хоть три рубля, а мои.

Н и н а . Хорошо. Дешево.

Бабка . А мне дорогого не купить. Мне собираться надо...

В престарелый дом. Не всю жизнь ведь на кухне ночевать.

А болеть я буду? Все об меня ноги вытирать начнут.

Нина вздыхает. Бабка складывает рубашку, сидит, задумавшись.

Ты уже тут все заполонила. Пальто зачем Таисино мерила?

Н и н а . Мне она обещалась подарить.

Бабка . А мне вот никто ничего не дарит. Одну рубашку, может, купят, на погребение. А то в старой похоронят.

Н и н а . Да будет вам, бабушка. Что вы.

Бабка . Ты себя утешай, себя. Тебе плохо, что ты старого человека с кровати согнала. Ты плачешь, а не я. Иди ты отседова, в самом-то деле. Что тебе тут? Совесть свою теряешь. Не женится он на тебе, нужна ты ему очень.

Н и н а . Да не зуди ты, бабка. И без тебя хватает. Еще и ты.

Бабка *(нимало не рассердившись)*. Вот, вот, по-человечески заговорила, по-своему. Ты правду говори, а не притворяйся, не изображай. Артистка. Я вот тебе правду говорю. Тебе тошно? А почему? Кто ты, например?

Н и н а . Я жена Колина.

Бабка . А кто тебя в загс водил?

Н и н а . Это бумажка, и все.

Б а б к а . Что ж у тебя этой бумажки нету? Бумажка, а нету.

Потому что он в тебе не нуждается.

Н и н а . Почему же. Он бы тогда прямо сказал.

Б а б к а . А чего ему говорить? Ему же лучше. Ты ему так только нужна. Для всяких дел... Он не прочь... А как человек нужна ты ему.

Н и н а . А вы не можете знать.

Б а б к а . Потому что ты ему не показалась. Ты маленькая, ничего в тебе такого нет, ты не хорошая.

Н и н а . А вы не можете знать.

Б а б к а . Завлекала бы его, как девочки увлекают, как все девки. Накрасилась бы там, завилась. Посмеялась бы, пошутила... Виду бы не показала, что он тебе нужен. А то ввалилась сразу в дом. У него другая, небось, есть.

Н и н а . Неправда.

Б а б к а . Да правда. Он с тобой так, от скуки на все руки.

Родители тебя ему, можно сказать, подбросили. А он молодой, только из армии. И не задумался.

Н и н а . А вы не можете знать.

Б а б к а . Не могу! Да могу. Сначала он тебя и знать не хотел.

А родители ему поставили раскладушку в твоей комнате.

А бабуку на кухню вытурили. Тьфу. Ты и рада.

Н и н а *(с горящими щеками)*. Вы же ничего не знаете, ну как так можно говорить.

Б а б к а . А как мне говорить? Ты плачешь, так это вода. Мне плакать надо. Ты хоть куда денешься — хоть в то же общежитие, хоть к матери вернешься. А я куда? К Клавде только, да она шумит так, что и на мать накричит, не постесняется. Что я с ней и не живу-то, из-за криков. Она добрая, но языком как помелом метет. А теперь здесь еще шумнее. Скоро вся твоя родня сюда повадится... Эх, рубашечку, что ли, положить? *(Идет к двери, дергает ручку.)* Это что? Что это?

Н и н а . Не надо туда.

Б а б к а . Что не надо-то! В зубах я ее таскать буду, что ли?

Н и н а . Не надо.

Б а б к а . Дай ключ, а ну! Моду взяла.

Н и н а . После.

Б а б к а . Ну ты подумай! *(В растерянности садится.)*

Входит Таисия Петровна.

Таисия Петровна. Холодно что-то. *(Молчание.)* Купила чего? *(Идет к гардеробу, переодевается за дверцей.)*

Бабка. Купила... Смёртную рубашку. *(Плачет.)*

Таисия Петровна. Ты еще... *(С усилием снимает платье.)* Ты еще... нас переживешь. Будет тебе.

Бабка. А вот я тебе сейчас скажу.

Нина отпирает дверь и мгновенно скрывается в боковушке, запирая за собой.

Видела, видела? Она меня не пускает в мою комнату мою же вещь положить. В мою комнату!

Таисия Петровна. Охота вам... Делать нечего. С утра до ночи грызетесь.

Бабка. Ты меня с ней не смешивай.

Таисия Петровна. Мам, я с работы. Есть будем? Федю подождем только. Ох, ноги гудят. Вроде на работе сидишь как бобик, а поедешь в метро да на автобусе — так устаешь, так устаешь...

Бабка. Я прихожу, понимаешь, хочу положить к себе в комод... В мой комод.

Таисия Петровна. Давай положим в шкаф.

Бабка. А почему это? Я хочу к себе положить. *(Подходит к двери и стучит кулаком.)* Открывай, ну!

Таисия Петровна. Да ладно тебе, не устраивай стукотни. И так голова разламывается. Собралось нас здесь больше чем нужно.

Бабка. Я, что ли, больше чем нужно?

Таисия Петровна. Почему ты? Ну почему ты-то? Все на себя примеряешь.

Бабка. А она... Я ей сказала: иди к себе домой.

Таисия Петровна *(выходит из-за дверцы, ложится на диван, разворачивает программу передач)*. Да... Видно, Николаю это все... Не очень. Мы во всем навстречу.

Бабка. Вот и я говорю.

Таисия Петровна *(зевает)*. Что-то не выходит у нас ничего. Коля дома только что ночует. Отбился.

Бабка. Он так пить начнет и гулять, и пойдет, и пойдет. Ему никакого интереса нет домой приходиться. *(Все это она говорит достаточно громко, чтобы слышали за дверью.)* Куда, интересно, он ходит?

Таисия Петровна *(так же громко)*. Ну, молодой парень. Мало ли.

Бабка. Она его к дому не приучила, нет.

Таисия Петровна. Верно. *(Зевает.)* Опять хоккей. *(Она уже говорит обыкновенным голосом.)* Сейчас Федя придет, на целый вечер волынку заведет.

Бабка *(к двери)*. Заперлась еще! *(Подходит к двери, стучит кулаком.)* Открой, открой, хуже ведь будет.

Таисия Петровна. Ладно тебе.

Бабка *(отходя)*. Да что же это, в самом-то деле.

Стук двери.

Таисия Петровна. Вот Федя идет. Вон он идет. Мама, пойдн разогрей там... У меня ноги отвалились уже...

Бабка выходит. Входит Федор Иванович.

Федор Иванович. Вечер добрый! Сегодня хоккей? Молодых нема?

Нина, как будто только его и ждала, выходит.

Нина *(обрадованно)*. Добрый вечер!

Федор Иванович. Что, сумерничала? Спит Коля-то?

Таисия Петровна. Он еще не пришел.

Федор Иванович *(Нине)*. Спала, что ли?

Нина мотает головой.

Лицо красное.

Нина пожимает плечами.

Таисия Петровна. Они опять с мамой поругались.

Федор Иванович *(махнув рукой)*. Сколько я говорил, Нинок, на Богом обиженных не обижаются... Что ты, Нина, не принимай близко. Я знаешь сколько с тещей своей объяснялся! И так, и по-хорошему. А потом плюнул и не обращал больше.

Таисия Петровна. Федя, ну как ты... Просто не знаю. Как можно!

Федор Иванович. Ну хорошо.

Таисия Петровна. Ты ведь знаешь...

Федор Иванович. Знаю, знаю.

Таисия Петровна. Не позволяла и не позволю кричать на маму.

Федор Иванович. Да хорошо уже.

Таисия Петровна. Погоди, что ты все мне рот затыкаешь?
Ну что?

Федор Иванович. Я?

Таисия Петровна. Я на мою маму не позволяю кричать, голос повышать. Никому. Моей маме нельзя грубить, она в своей жизни, знаешь, вынесла. Теперь она еще плакать должна.

Нина. Я ничего...

Таисия Петровна. Мало того, что моя мама на кухне живет, свои дни проводит. У меня сердце кровью обливается, но мы с Федором Ивановичем молчим, никогда слова не скажем, потому что что же делать? Надо молодым дорогу давать. Мы даем. Но молодые тоже что-то должны. Хотя бы не показывать свой плохой характер.

Нина. Да не показывала я.

Таисия Петровна. Ей-богу, надоело. Молодые сейчас умные, сообразительные, неужели трудно понять, что жить вместе тяжело, да. Что когда в такой обстановке грубятина наружу лезет, то хоть в своем доме не живи.

Нина. Не грубила я...

Федор Иванович. А ты слушай.

Таисия Петровна. От просто так люди не плачут. Мама не плакала, когда папу на фронте убило, а теперь еще будет плакать от тебя. Не жирно ли будет?

Нина. Откуда она плакала?

Федор Иванович. Слушай, слушай.

Таисия Петровна. И вообще, я хочу сказать тебе вот что...

Звонок.

Нина (*кидается открывать*). Это Коля!

Входит Иванов. У него возбужденный вид.

Иванов. Здравствуйте все, здравствуй, Нина.

Нина, ошеломленная, кивает. Остальные все замерли.

Нина, мне к тебе.

Нина и Иванов отходят в сторону.

(*Шепотом.*) Где Галя-то моя?

Нина (*шепотом*). А где?

Иванов (*так же*). Граня, что ли, ее взяла с собой в больницу?

Нина (*так же*). А я откуда знаю.

Иванов (*срываясь на голос*). Ничего не сказала, ушла с Галей.
(*Шепотом.*) Денег не оставила...

Нина. Она завтра вечером придет.

Иванов. А пока я что буду?

Нина (*весь дальнейший разговор шепотом*). Не знаю. У меня нет.

Иванов. Попроси-ка три рубля.

Нина. Чего это?

Иванов. А есть мне нечего.

Нина. Да мама там, наверно, оставила. В авоське за окном-то висит?

Иванов. Откуда? (*Громко.*) Не дадите мне трояк до завтра вечера?

Родители переглядываются.

Федор Иванович. Вроде нет ничего. Сейчас посмотрю.
(*Роется в пиджаке, поглядывая на жену.*)

Таисия Петровна (*глядя в сторону*). Только у нас ведь не сберкасса!

Иванов. Отдам же, ну.

Федор Иванович. Вот тут что-то... Два рубля.

Иванов. Конечно, что вы. Отдам. (*Серьезно кладет два рубля в карман.*) Значит, до новых встреч. Родственники — они...
Они друг другу, они такие. Благодарим за внимание.

Федор Иванович. Ладно. Чего там.

Иванов. Извиняюсь в таком случае. (*Уходит.*)

Таисия Петровна. Интересно.

Нина. Зачем вы только ему даете? Ой!..

Таисия Петровна (*меняя тон*). Кто же тебя знает. Мы же не звери. Надо дать.

Федор Иванович. Сегодня мы ему, завтра он нам. Выручит тоже.

Таисия Петровна. Мы, Нина, всегда готовы помочь. Ты сама это знаешь. Но ведь так бывает — ты к человеку всей душой, а он к тебе всем задом. Грубо, но так.

Нина. Зачем вы ему дали!..

Таисия Петровна. А мы всем даем. Сами не побираемся, а все к нам лезут. Потому что чувствуют. Все на нашу шею, буквально все, и мы всех везем. Почему у нас все есть, а у других ничего нет? Мы же не хуже других, тоже могли бы себе позволить без порток ходить и ни о чем не думать. Тоже могли бы легко прожить, ни о чем не думая. А мы

все на себе везем. И мы готовы и два рубля, и пальто, и черта-дьявола, только чтобы спокойней было.

Нина хочет возразить.

Федор Иванович. Ты, Нина, слушай.

Таисия Петровна. Как будто мы одни на свете должны всем дать. Потому что никто кроме нас об этом не думает, не задумывается, не бережет ничего. А мы ничего не бросим, все сохраним. Поэтому теперь мы должны быть добряками и всем раздавать направо-налево. А мы тоже хотим покоя. Чтобы нас не терзали, дали нам свои последние годы свободно пожить. Мы и не жили, можно сказать, вот вдвоем с Федей. Всегда кто-то.

Федор Иванович (*оживляясь*). Это уж точно. Это я могу подтвердить. Всегда с тещей.

Таисия Петровна. Нам, Нина, надо все серьезно обдумать. Тебе прежде всего надо подумать. Что ты в нашей семье представляешь, как тебе вести надо.

Нина. Да я ничего не говорила.

Таисия Петровна. Дело не в этом теперь уже. Время-то идет. Мы же вот с Федей... Ты понимаешь? Не от нас ведь зависит. Мы же... не можем тебя замуж взять. (*Невольно усмехается.*)

Нина. Как?

Таисия Петровна. Ну. (*Опять усмехается.*) Ведь это Коля должен. Не заставишь ведь его... Сами-то, без него, мы тебя не можем взять...

Нина. Конечно.

Таисия Петровна. Что конечно? Что, Коля тебе...

Нина (*встрепенулась*). А что?

Таисия Петровна. Ну... Говорил?

Нина. Не знаю...

Таисия Петровна. Тут знать нечего. Говорил он тебе?

Нина. Вроде.

Таисия Петровна. Что говорил?

Нина. Что-то говорил.

Таисия Петровна. Что женится?

Нина. Нет. Ну, что... Там, разное.

Таисия Петровна. А, это-то, это не считается. С Колей надо серьезно этот вопрос обговорить. Надо все выяснить.

Что он собирается. Волоком не поволокешь.

Федор Иванович. Такие вещи добровольно.

Таисия Петровна. А то уже мы с тобой в родственниках, а Коля ничего не знает.

Нина. Да это Иванов... Он так. Пошутил.

Таисия Петровна. Так мы будем в родственниках кому угодно. Коля — молодой. Вон он где-то пропадает... Тоже, может быть, родственников нам готовит. *(Пауза.)* А мы, Нина, договорились, что твои все, пока ты у нас от Иванова спасаешься, к нам не ходят.

Нина. Не будут, не будут.

Таисия Петровна. Что-то слабо верю.

Раздается детский плач. Нина опростелом кидается в другую комнату.

Что это? А? А?

Таисия Петровна и Федор Иванович с опаской заглядывают в комнату и остолбеневают. Из кухни выходит бабка, тоже смотрит.

Бабка. Вот оно. Вот оно.

Таисия Петровна и Федор Иванович возвращаются к столу на свои места. Бабка остается стоять в дверях, как бы решив больше не давать закрывать дверь.

Таисия Петровна. Да... Интересно.

Федор Иванович. Что же теперь делать-то? *(Пытается шутить.)* Может, и эту усыновим?

Таисия Петровна. Да. Правду говорится, добро должно быть с кулаками. А то сядут и поедут.

Бабка *(в дверь)*. У нее соску заткнуло. Забило у нее. Подыми бутылку-то, не видишь? О, нескладная. *(Уходит в боковушку.)*

Таисия Петровна. Ты понимаешь?

Федор Иванович. Да, да.

Таисия Петровна. И своего брата тоже скоро нам подкинут. Будет у нас тут детдом. Потому что там пьянь эта сидит, а детям некуда.

Федор Иванович. Да, да.

Бабка возвращается на свой пост и снова не выдерживает.

Бабка. Пеленки-то разболтались. Ноги наружу все. Зима ведь!

Не могу. *(Опять уходит в боковушку.)*

Таисия Петровна. Надо делать что-то.

Нина *(появившись)*. Маму в больницу положили...

Таисия Петровна. В больницу?!

Нина. На три дня только. Может, и на меньше.

Таисия Петровна *(шокированная)*. Вот что!

Нина. А потом все.

Таисия Петровна. Ну, хоть на этом спасибо.

Нина. Всего три дня. Может, и меньше.

Таисия Петровна. А зачем нам-то это?

Звонок.

Нина. Коля. *(Бросается в прихожую.)*

Все смотрят на дверь. Нина вводит молоденькую девушку, беременную, с закутаным лицом.

Таисия Петровна. Наверное, это ошиблись, Нина. Зачем сразу сюда? Вам кого надо? Кого надо-то?

Девушка откидывает платок. Это Надя.

Нина. Ей Николая надо, она сказала.

Таисия Петровна. Какого Николая?

Надя. Козлова.

Таисия Петровна. Зачем?

Надя. По личному делу. *(Достает платок, вытирает нос.)*

Федор Иванович. Какого Козлова?

Надя. Да вашего. *(Прячет платок в сумку.)*

Федор Иванович *(узнав Надю)*. Фу ты... А вы кто будете, вообще говоря?

Надя. Это не имеет значения.

Федор Иванович. Как, как то есть?

В дверях появляется бабка.

Бабка. Ой! Давно не видели. Это она. Ай-яй-яй...

Таисия Петровна садится на стул. Федор Иванович прислонился к стене.

Здрасьте!

Надя. Здорово! *(Она говорит как-то безразлично и вяло.)*

Таисия Петровна. Вы кто, простите, как вас зовут?

Надя. Надежда.

Таисия Петровна. Как это я сразу вас не узнала.

Бабка. Изменилася.

Федор Иванович. Здорово изменилася.

Нина уходит в боковушку. Молчание. Видно, что Надя производит на всех страшное и тяжелое впечатление своим видом, что все ок-

ружающие чувствуют невольное сострадание к ней и преодолевают это чувство — весьма успешно.

Таисия Петровна (*найдя нужный тон*). Подумать только, а? Федор Иванович. Нарочно не придумаешь.

Бабка. Вот бабы, бабы...

Таисия Петровна (*сочувственно*). Есть хотите?

Надя. Хочу.

Таисия Петровна. Раздевайтесь, садитесь. Мама, давай здесь поужинаем.

Надя раздевается в прихожей, садится. Бабка и Таисия Петровна накрывают на стол, носят еду.

К столу, Надя. Хлеб вот, масло.

Надя начинает есть, все на нее смотрят.

Бабка. Изменилася...

Федор Иванович. Точно.

Таисия Петровна. Какой месяц-то у вас, Надя?

Надя. Седьмой.

Федор Иванович. Ничего себе! (*Спыхватывается.*) Да, выглядишь ты, Надя, прямо скажем... Да. Не та краса. Волос не тот.

Надя. А я в больнице лежала.

Таисия Петровна. Что, серьезное что-нибудь?

Надя. Да, было что-то...

Федор Иванович. Н-ну... А как собираешься дальше?

Надя (*пожимает плечами*). Фиг его знает.

Федор Иванович. Мужа-то завела?

Надя. Мужа? Нет пока.

Федор Иванович. А живешь в общежитии?

Надя. Да.

Федор Иванович. Комнату обещают?

Надя. Обещали вроде — раньше. Обещали, как детдомовской.

Федор Иванович. А когда дают?

Надя. Теперь через два года, наверное.

Федор Иванович. Ну, через депутата. Как матери-одиночке.

Надя. Да, надо. Я в больнице провалялась почти два месяца.

Таисия Петровна. Надо в постройком обратиться. У нас в таких делах месткомовские бабы хлопочут.

Надя. Да. Закурить не найдется?

Федор Иванович. Извини, не курим. Н-ну, а кто отец?
Таисия Петровна *(перебивает)*. Не курим. Маленький ребенок в доме.

Надя. У вас?

Таисия Петровна. А что, у нас.

Надя. С каких пор?

Таисия Петровна. А недавно. *(Кричит.)* Нинок! Выдь-ка.

Нина появляется на пороге.

Вот — жена Колина. Старая любовь, можно сказать.

Федор Иванович. Не ржавеет.

Таисия Петровна. Любила его с первого класса и дождалась. Нин, посиди с нами.

Нина. Сейчас, надо только пеленки замыть. *(Исчезает в комнате и выходит с комком пеленок в ванную.)*

Таисия Петровна *(Наде)*. А что к нам, какими судьбами занесло?

Надя. Так... Шла недалеко. Тут проходила, думаю, знакомые живут. У меня знакомых кроме вас нет.

Федор Иванович. Так уж и нет! Ой! Небошь есть, и не один. *(Смеется.)*

Надя. Не те знакомые.

Федор Иванович. Ой, ой, небошь те.

Бабка. Как изменилася, просто не верится.

Плачет ребенок. Таисия Петровна вдруг срывается с места и бежит в боковушку, следом за ней бабка. В комнату вбегает, на ходу вытирая руки, Нина.

Федор Иванович. Ничего, ничего, Нинок... Туда... бабки побежали.

Нина снова уходит стирать.

Как чокнутые, эти бабки.

Надя. Сын или дочь?

Федор Иванович. Это... как там. Девка.

Надя. Как зовут?

Федор Иванович. А... Это неизвестно.

Надя. Еще не решили?

Федор Иванович. Да нет.

Надя. У меня мальчик будет. Николай.

Федор Иванович *(лукаво)*. А по отчеству?

Надя. А Николаевич.

Федор Иванович. Почему это — Николаевич?

Надя. А Колин.

Федор Иванович. Да брось, что ты, в самом деле. Ты у нас когда ночевала?

Надя. А я ж к нему ездила в Сызрань.

Федор Иванович (*так же весело*). Да брось, ты так любому припишешь. Брось. Ей-богу. Зачем тебе? Все ведь без толку.

Надя. А он когда же успел... ребенка?

Федор Иванович. А ты, думаешь, одна к нему ездила? А?

Надя. Вот оно что. Ну, вы даете.

Федор Иванович. Видишь! А ты когда с ним к нам приехала, да?

Надя. Ну.

Федор Иванович (*сочиняя на ходу*). Мы не хотели Коле сразу говорить, портить ему. Все же один раз человек из армии приходит. А она живет в нашем подъезде, все известно. Тоже, знаешь, переживала, что Коля привез кого-то.

Надя. Она? Ну да. Ну еще бы.

Федор Иванович. Так что вот что. Мы тебя так и встретили. Сама понимаешь. Теперь понимаешь?

Надя. А я думаю — что это вы все мне такие чумовые показались. Как звери дикие. Ну, думаю, семейка. Лучше сиротой оставаться. И Коля тоже мне показался... Сам не свой, слабый. Несамостоятельный. Противный, одним словом. Не мой. А тут вот что... Да...

Федор Иванович. А что к нам теперь приехала?

Надя. Да девочки сказали, он ко мне приходил как-то. К девочкам зашел, а я их просила ничего никому не говорить.

Федор Иванович. А ты заходи, если что. Заходи к нам. Мы люди добрые, поможем, чем сможем. Пеленки там, распашонки. Не откажем. Мы всем даем, кто просит. Что Колин у тебя, это ладно, это ты малость приврала, согласишься.

Надя. Да почему.

Федор Иванович (*не слушая*). А помочь всегда поможем. Человек в беде, ни родных, никого. Так что заходи еще к нам.

Надя. Я сейчас пойду. Только зайду тут в одно место.

Федор Иванович. Проводить, показать?

Надя. Я помню. *(Уходит.)*

Из боковушки разговор слушают Таисия Петровна и бабка. Из прихожей — Нина. Нина исчезает в ванной. Таисия Петровна входит в комнату.

Таисия Петровна. Ну, теперь мы поужинаем, что ли?

Хлопает входная дверь. Таисия Петровна и Федор Иванович прислушиваются.

Входит Николай.

Николай. Кто это у нас? Пальто чье-то висит.

Таисия Петровна. Это к Нине, к Нине. Пойдем, Коля, пойдём-ка, что тебе покажу.

Николай. Дай умыться с работы.

Таисия Петровна. Пойдем, пойдём. Кто у нас там на кровати лежит!

Николай. Кто лежит? *(Внезапно встревожившись.)* Кто это?

Таисия Петровна. Вот и пойдём. *(Уводит Николая.)*

Федор Иванович срывается с места, уходит в прихожую, тщательно закрыв за собой дверь. Хлопает входная дверь — это ушла Надя. Из боковушки выходят Николай и Таисия Петровна.

Николай. А чего это она?

Таисия Петровна. Понимаешь, мама Нины легла в больницу. Ненадолго. Не с кем оставить.

Николай. Ты что-то радуешься. А где она спать будет?

Таисия Петровна. А на раскладушке уложим.

Николай. А я?

Таисия Петровна. Где всегда. С Ниной.

Пауза.

Николай. Понятно. *(Мрачнеет.)*

Таисия Петровна. Или на креслах устроим. Кресла сдвинем.

Николай. А на кой она нам-то принесла? Чудеса прямо.

Таисия Петровна. Где был-то?

Николай. А что надо?

Таисия Петровна. Пропадаешь.

Николай. А что я, тут с вами буду развлекаться?

Таисия Петровна. А с кем ты развлекаешься? Можно это знать?

Николай. Да с мужиками... тут... одну вещь делали. В гараже у одного мужика.

Таисия Петровна. Мало тебе денег?

Николай. Ты все сведения хочешь вытянуть, все. Тянешь, тянешь.

Таисия Петровна. А потому что ты теперь не можешь как раньше. Почему тебя носит где ни попадя, когда здесь твой дом?

Николай. Что же, теперь мне и отойти нельзя?

Таисия Петровна. А чего же ты будешь отходить? Ходок какой. Ты свое отгулял.

Входит Федор Иванович.

Федор Иванович. Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй. Так я говорю в принципе?

Таисия Петровна. Коля, ты что, нарочно глаза закрываешь на все? Нарочно видеть не хочешь? Я тебя не понимаю.

Федор Иванович. Ладно, мама, пора сына замуж выдавать.

Николай. Что случилось, что ли?

Таисия Петровна. Почему случилось? Ничего такого.

Федор Иванович. Просто сколько можно-то?

Николай. Сколько можно, столько и можно.

Таисия Петровна. Нет, не скажи, Коля. Нет. Слава Богу, у нас в семье такого заводу нет. С нами такое в первый раз происходит, не знаем, что и делать.

Федор Иванович. Но мы в принципе понимаем. В принципе! Что все это. Понимаешь? Человек всегда в первый раз с чем-то сталкивается, но должны быть какие-то законы.

Николай. Минуточку. Вы этих законов уже не знаете, про какие толкуете. Современно люди всяко живут.

Федор Иванович. Люди так, а мы так. Мы, может, несовершенные. Из прошлого века.

Таисия Петровна. Вот ты женатый, а ведешь как холостой.

Николай. Это смешно. Чего это я женатый.

Таисия Петровна. Потому что, когда люди живут, они муж и жена.

Николай. Вот народ.

Таисия Петровна. Короче говоря, надоело. Тут много говорить, ля-ля разводить нечего. Нина у нас живет?

Николай. Пусть уходит.

Федор Иванович. Это посмотрим еще.

Таисия Петровна. Почему — пусть уходит? Как она может уйти, с какими глазами? Пожила и пошла? Так? Взяли в дом, потом надоела она нам — и наши пути разошлись?

Федор Иванович. Этого не будет.

Николай. Вот, ей-богу.

Федор Иванович. Нина, выдь сюда.

Нина входит, вытирая руки.

Таисия Петровна. Садись, Ниночка.

Николай. Уже Ниночка.

Федор Иванович. В общем так, дети, надо идти расписываться.

Таисия Петровна. Мы хотим пожить спокойно. И мама должна не всю жизнь на кухне ночевать.

Николай. Пожалуйста, я буду на кухне.

Таисия Петровна. Нет, нам здесь всем поколениям тесно.

Николай. Так говорила одна умная девочка Надя.

Федор Иванович. Давайте расписываться. Хватит. Туда-сюда, поди сюда — хватит.

Таисия Петровна. И вступите в кооператив.

Федор Иванович. Вот именно! Как раз Мелконян у нас заделался председателем кооператива. Говорил мне, давай, если есть необходимость. Как раз!

Николай. Что случилось-то, вы мне можете сказать? Скрывают, скрывают. Я вас изучил уже.

Федор Иванович. Накипело у нас у всех. Ты уже должен знать свое место, свой дом. Хватит, набегался... по общезитиям.

Николай. Да вроде еще не совсем.

Федор Иванович. Я говорю — хватит. Нина, ты ничего не имеешь против?

Николай. Она двумя руками за.

Федор Иванович. Почему же так.

Таисия Петровна. Ты гордость чужую не затрагивай.

Николай. Да ладно. Гордость! Не тут будь сказано. Гордая вот Надя. Это да.

Федор Иванович. О, много ты знаешь.

Таисия Петровна (*перебивая*). Завтра пойдете, подадите в загс.

Николай. Да?

Федор Иванович. Будешь семейный, потом можно будет на очередь встать... на «Жигули»...

Таисия Петровна. Коле надо будет потом костюм купить импортный.

Николай. Да?

Таисия Петровна. А у меня материал есть на платье, белый. Вот пригодился как!

Федор Иванович. Отделим мы вас, и будете жить и вы, и мы проживем.

Таисия Петровна. Только чтобы завтра без фокусов. Отпросишься у себя. А лучше я зайду за тобой, вместе с Ниной.

Николай. Да? У меня, может быть, другие планы.

Федор Иванович. Другие планы или другая там, это нам известно, этого ничего не будет. Там все черным мраком покрыто и никто не скажет, что чье. А уж ты там ни при чем.

Николай. В своих делах я как раз один при чем. Больше никто.

Федор Иванович. Я тебя уверяю.

Таисия Петровна. То есть точно, что ты попадешься в ловушку в жизни.

Николай. Какая ловушка? Я сам за себя отвечаю. Как нельзя понять.

Федор Иванович. Понять-то все понятно. Но жениться на Нине надо.

Николай (*искренне*). Почему?

Таисия Петровна. Ты вырастешь еще и поймешь, насколько мы понимаем. Только Нина, и только Нина, и никто.

Николай. Нин, ты что, хочешь очень за меня замуж выйти?

Нина молчит.

Я ведь честно говорю, что жениться на тебе не хочу. Как же после этого ты сможешь?

Нина. Ладно тебе, Коля.

Таисия Петровна (*взрываясь*). Чувствуешь, что девочка в твоей власти? И по-всякому доводишь?

Николай. А зачем это? Зачем делать этот вид, не понимаю, когда все так просто? Ей-богу, вы чудачки. Нина все знает, я ей говорил неоднократно. Она сама говорила, что все знает, но ее это устраивает.

Таисия Петровна. Потому что она тебя любит!

Николай. Да не совсем, минуточку, минуточку, не совсем.

Нину не устраивает ее семья, она добровольно пришла к нам.

Таисия Петровна. Она живет-то с тобой!

Николай. Она живет, да. Так ей надо и необходимо. Я ее предупреждал, правда, Нина? Ей неудобно перед вами тут выступать, а я считаю, что сказать надо. Два человека, юноша там и девушка, живут вместе добровольно, так хотят, они оба живые люди. Это не значит, что есть что-то такое. Все обыкновенно. Так много живут. Даже всю жизнь. Должен человек с кем-то жить, в нем сильно звериное начало. Один в поле не воин, как сказано.

Федор Иванович. Что ты лепечешь, что лепечешь!

Таисия Петровна. Набрался откуда-то.

Николай. А семья дело не случайное, а преднамеренное. Я не собираюсь жениться на Нине, я ей с самого начала говорил, и она приняла.

Федор Иванович. Ну, вот что, тут пока что мы больше тебя понимаем, что с тобой происходит и кто тут воду мутит.

И куда ты клонишь. Ты все думаешь, что нам неизвестно, а нам известно.

Таисия Петровна. Пока не стало хуже, лучше ты послушай, что отец говорит.

Николай. Ладно, пойду умоюсь, руки липкие.

Федор Иванович. Ладно так ладно.

Николай. Руки липкие. *(Уходит.)*

Таисия Петровна. Вот, Нина. Видишь, Коля с детских лет приучен руки мыть, вот ты и своих детей тоже так воспитывай.

Нина машинально кивает.

А ты не переживай. Все теперь, в колею попала. Ты что думаешь, так легко вообще мужика женить? Ко всему прибегают. И приворотного зелья дают выпить, такую гадость. *(Шепчет на ухо Нине, смеется и плюет.)*

Нина кивает.

Федор Иванович. Это ты про Соловьевых?

Таисия Петровна. Да. Саму чуть не стошнило при этих словах. И все делают. А мужик, когда он женится, он все.

На привязи. Он привыкает к месту, он места терять не

любит, усилия тратить. Он будет сидеть, где сидел, только ему надо идти навстречу, чтобы ему была свобода. Будешь его отпускать, это все ничего, не мыло, не измылится. Пива выпьет в баре, в домино сыграет там, еще что-то. Футбол будет смотреть по телевизору. Ребенка ему родишь. И все.

Нина кивает.

Самое главное, чтобы он чувствовал, что он хозяин. Федор Иванович. Он и будет хозяином. Ему, Нина, с тобой повезло, не тушуйся.

Входит Николай. Все садятся за стол. Бабка выносит девочку.

Николай. Ее-то зачем?

Бабка. Пусть людей повидает.

Николай. Что она там видит. Вверх ногами.

Нина. Она все видит. Но ей спать уже пора, глазки закрываются.

Таисия Петровна. Мы ей на ночь кресла сдвинем. На ночь, когда Федя телевизор посмотрит, он в кресле любит смотреть. Пока положи ее на кровать.

Николай. До чего не люблю детей, терпеть не могу. Тошно смотреть.

Бабка. Ты ее там подушками обложи, чтобы не скатилась.

Нина уходит с Галькой.

Федор Иванович. На чужих детей — тошно. А на своего не насмотришься. Когда ты маленький был, мы с тобой иллюминацию ходили смотреть и салют. Так грохнет, а ты у меня к коленям прижимаешься, прижимаешься. Сам весь дрожишь, пятишься, в глазищах слезы. Умора.

Николай. А зачем водил, если боялся?

Федор Иванович. А я в тебе страх искоренял. Под самые пушки тебя водил.

Николай. Человека из меня хотел сделать? Бесстрашного такого?

Федор Иванович. Да, сказал бы.

Николай. Все это бодяга, как говорила одна девочка Надя.

Федор Иванович. Вот заимеешь с Ниной сына, посмотрим, каким ты будешь отцом.

Николай. Да мне все равно. Какой из меня учитель. Чему я научу.

Федор Иванович. Каждый видит, чего ему в жизни не удалось, и хочет, чтобы сыну удалось это.

Николай. Что это-то?

Федор Иванович. Ну — все. Чтобы был смелый, таланты свои развивал, если есть талант. Например, к музыке. Чтобы не врал в жизни.

Николай. За вранье ты меня драл ремнем.

Федор Иванович. Точно.

Николай. А за это я стал тебе врать хорошо, так что ты не догадывался. И сам понимаю очень хорошо, когда врут. Вы, например, все врете.

Таисия Петровна. Чего это мы врем, а ну-ка, скажи!

Николай. А все.

Таисия Петровна. Просто не знаешь, что и сказать.

Николай. Чего тут знать-то.

Таисия Петровна. Ты просто нас вспомнишь, от чего мы тебя отстранили.

Николай. От чего вы меня отстранили? От Нади, что ли? Так я понял?

Таисия Петровна. При чем тут Надя? Мы тебя от тяжелой жизни отстранили, ты пойми.

Николай. И нечего было меня отстранять. Смешно даже.

Федор Иванович. Ты пока что, в принципе, никто. Ничего не видел и не знаешь, как слепой.

Николай. Не скажи.

Таисия Петровна. Без нас ты бы мигом пропал.

Николай. Вот тут ты ошибаешься. Я не пропаду никогда и нигде. И меня — учти — никто не скушает с маслом. Я на своем стоять буду.

Федор Иванович. Это твое — гниль. Плесень. Есть то, что человека губит. Пьянство и все такое. И ты туда идешь.

Николай. Вот тут ты жестоко ошибаешься. Я свое знаю, я своего не упущу. Руками буду держаться.

Федор Иванович. Да что за нее держаться! Шатание одно! Она Бог знает чего тебе припишет, а ты и рад.

Николай. Что ты говоришь, не понимаю.

Звонок. Все замерли. Федор Иванович идет открывать и вводит Анну Степановну.

Федор Иванович *(с легкой душой)*. Гостенька снова пожаловала, вот кто к нам. Что новенького? Садись, Степановна.

Анна Степановна. Я на минутку. Нина дома?
Федор Иванович. Нина!

Нина входит.

Анна Степановна. Что там делается, Господи Боже ты мой! На втором-то этаже!

Федор Иванович. Ну, все точно. Опять новость принесла.

Анна Степановна. Ниночка, Иванов к вам полную квартиру навел, всех у гастронома собрал. Грузчиков там двое... еще дедушка из второго подъезда. Кого я увидела. Дверь настезь. Хоккей, что ли, смотрят, пьют ли, черт их знает. Граня-то в больнице, она утром ко мне с Галькой заходила. Ну, где Галька-то?

Таисия Петровна. У нас, где же быть ребенку.

Анна Степановна. Ну и правильно. А то Граня хотела мне оставить. А зачем, когда своей родни полно? Правда? Я ей говорю: Граня, пользуйся, пусть родня к тебе привыкает. Лучше, когда свои своим помогают. Это укрепляет мир и дружбу. А то, черт его знает, родня теперь не родня, мало кто с родней дружит. Все хотят разъезжаться, а не то что. Моя Любочка со своим мужем, с Володей, тоже от нас выезжают: кооператив построили. Зять мой, Володя, хороший такой, жадный. Мы, говорит, мама, пока с вами будем питаться. Они по сто рублей в месяц откладывают. Гарнитур хотят покупать. Теперь квартира без гарнитура не считается. Ну, что делать-то, Нина, как выгнать будем?

Нина. Выгонять? А что мне их выгонять? Они в гости пришли. К нему пришли. Он же у себя дома. Почему я их выгнать буду? Мне не надо.

Анна Степановна. Все верно, Ниночка, а мужик — как ребенок. Он отдаст — не заметит и возьмет — не заметит. Не опомнится, а уж у него мебель вынесут. То-то у них тоже мозгов хватит взять первое попавшее да продать. Дедушка из второго подъезда, дядя Сеня, продал тут недавно бидон свой, бабушкин, за рубль. Они ведь тоже не фурычат, что это чужой дом. Их надо вот за руку взял и повел. А сами они только от гастронома да за уголок.

Таисия Петровна. Ниночка, ты там все же наведи порядок. Коля, пойдись с ней, наведи, чтобы больше такого не было.

Николай. А Нина сама может, она сама все может. Тем более мне все это вообще чужое место, кто я им. Нет,

Нина когда надо, то ничего не боится и не стесняется, идет куда хочет.

Федор Иванович. Только без меня.

Николай. Да, только без меня. Все вам Надя вспоминается, в душу запала. А у нее тогда палец нарывал, ей нельзя было посуду мыть.

Таисия Петровна. Ну, Ниночка, вы с Анной Степановной, я думаю, быстро сделаете что треба. Надо, что поде-лаешь. Пойди, пойди.

Анна Степановна. Да там дела на две минуты — все на выход, и все. Пошли-ка.

Нина. Сейчас, тетя Аня. *(Уходит в боковушку.)*

Все молчат. Федор Иванович включает телевизор.

Нина быстро входит с ребенком, авоськой и бутылочками.

Пошли, тетя Аня. Я только куртку накину.

Бабка. Куда Галю-то понесла? Ну куда? Я что, не посижу?

Нина. Вроде все, ничего не забыла. Вроде все. Вещи я там, которые мне подарили, оставила. Выбросите либо что-ни-будь. Счастливо, я пошла. А ты, Коля, поезжай в обще-житие.

Таисия Петровна. Что это ты, Нина! Никуда мы тебя не отпустим.

Федор Иванович. Нечего ему в общежитие.

Нина. Поезжай, Коля. Там тебе интересно будет.

Николай. Не заботься.

Нина. Счастливо вам, пока.

Федор Иванович. А ты выгонишь, вот и возвращайся, и все. Не обращай на него, он чумовой.

Нина и Анна Степановна уходят.

Таисия Петровна. Ну, Коля, отмочил ты. Куда ты зайдешь еще, сказать трудно. Ты же сам, своими руками ее выгнал. Совесть у тебя есть? Или вместо совести что у тебя? Как Нина теперь во двор даже выйдет?

Николай. Обыкновенно. Кому какое дело?

Федор Иванович. Хотя бы Степановне дело.

Бабка. На скамейках всех нас перемоют, не выйдешь.

Николай. Какой позор? Не понимаю. Пожили и разошлись. Ты вот жила с каким-то у себя во дворе. Когда молодая была.

Таисия Петровна. Что!!!

Николай. Да я знаю, подумаешь. Ну, был у тебя кто-то до отца. Ерунда какая.

Федор Иванович. Ты... сопля человеческая.

Николай. Да не ругайтесь вы. Сейчас еще это будем обсуждать. Тоже мне, секрет.

Федор Иванович. Да кто тебе эту гадость сказал?

Николай. Да сказали.

Таисия Петровна. Клавдия небось.

Николай. Ну, и жила ты с ним, и что? Ничего.

Федор Иванович. Пройдись, пройдись ногами по матери.

Николай. А я это уважаю. Я это уважаю. Но и вы уважайте. У меня свое, у вас свое.

Федор Иванович. Ты себя с нами не можешь равнять! Сравнил!

Николай. Я такой же человек.

Федор Иванович. В том-то и дело, что не такой. У тебя совести нет, а у нас есть. Ты родителям, которые над тобой всю жизнь тряслись, ты хочешь подкинуть неизвестно чью жену с неизвестно каким ребенком. Ты этого хочешь, до этого достукиваешься.

Таисия Петровна *(мягко)*. Ты неправильно понимаешь верность, Коля, сына. Ты, прости, еще как мужик — ноль. С Ниной ты жил почти три месяца и отправил ее куда подальше. А там что у тебя было? Горячая, думаешь, любовь? Нет, минутная страсть. Крашенные глазки, крашенные кудри — и все. А увидел бы все это без крашенных глазок — и побежал бы куда ноги несут. Но после женитьбы не больно много ты этой краски увидишь. Увидишь рожу, какая есть.

Федор Иванович. Тем более надо еще разобраться, чей ребенок. Через семь лет, мужики говорят, только посмотришь и скажешь — твоя кровь или не твоя. А ты уже разлетелся! Ребенок рождается от минуты, это недолго. Чему значение придавать.

Таисия Петровна. Это не любовь, а слепня. Она быстро проходит. Глаза протрешь — и вот оно: никакой культуры поведения. Одни глаза намазанные.

Бабка. Видел бы он ее. Какие глаза там намазанные! Без намазки черные.

Таисия Петровна. Да небось уже видел. Видел свою Надю в последнем виде?

Николай. Да нет.

Бабка. Ой, какая страшная! Глазищи ввалились, губы черные... Ногами еле перебирает.

Таисия Петровна. Ну, выглядит она не так уж плохо. Так все женщины почти чувствуют... Особо тут страшного нет.

Николай. Да она травилась!

Бабка. Травилась!

Николай. Мне ее соседка по общаге сказала. Я ведь туда ездил.

Таисия Петровна. Все. Значит, ребенок родится урод. Все.

Николай. Ее в больницу даже отправили.

Таисия Петровна. А ты знаешь, что это такое? Без рук или с двумя головами.

Николай. Ну и что?

Таисия Петровна. А тебе все равно, какой у тебя будет ребенок? Ты камень, камень.

Федор Иванович. Коля, ты валишь на себя большое дело, что и всю жизнь не расхлебашь.

Николай. Что вы все кричите? Я вот смотрю на вас и думаю: ну что кричат? Мне лень с вами в полемику вступать. Чудаки какие-то.

Таисия Петровна. А для тебя уж все решено?

Николай. Само собой.

Таисия Петровна. Сюда опять, к нам приведешь?

Николай *(смеется)*. Почему это?

Федор Иванович. А что, уголок снимешь? Учти, я тебе в таком деле не отец и никто.

Николай. Не сможешь, значит? Ой, не могу. *(Смеется.)*

Федор Иванович. Ты чего смеешься? Ремня захотел?

Николай *(смеется)*. Ой, не могу. Ремень, папа, ушел в далекое прошлое.

Федор Иванович. А вот посмотрим. *(Вынимает из брюк ремень. Руки не слушаются его.)*

Таисия Петровна *(кричит)*. Над отцом издеваешься, который тебя растил, только для тебя жил, музыкой с тобой занимался!!!

Федор Иванович *(все еще путаясь в ремне)*. Вот я ему покажу музыку! Сейчас, сейчас покажу! *(Выщелкивает ремень.)*

Николай *(буквально катаясь от смеха)*. Ой, не могу!

Отец бьет Колю. Бабка кидается между ними.

Коля хохочет и падает от смеха.

Ба б ка . Не трожь его! Он из вас один! Из вас единственный! Не трожь, говорю, погана рожа! *(Закрывает его собой.)*

Отец бросает ремень в угол комнаты, тяжело дышит. Таисия Петровна сидит потрясенная. Федор Иванович ходит из угла в угол. Бабка сажает Колю на стул, стоит над ним.

Федор Иванович . Ты думаешь, жизнь так гладко катилась? Думаешь, у нас с матерью не было разного там? Все бывало. Я тоже живой человек, тоже живу и чувствую, но надо вовремя остановиться, подумать и щелкнуть выключателем.

Таисия Петровна . Отец тоже не из бревна сделан. У него были ошибки. Но он все забыл ради тебя, ради тебя одного. И мы снова сошлись.

Ба б ка . Сошлись, да. Зачем только.

Федор Иванович . Сколько я тогда передумал, невозможно сосчитать. Но решил: нет. Нет и нет. У меня сын растет.

Николай . Да знаю я об этом, мама к тебе еще на работу к директору ходила.

Федор Иванович . Знаешь, стало быть, можешь оценить. Теперь ты взрослый и понимаешь, что ничего не может удержать человека, никакой директор, ни родители, ничего. Вот как тебя сейчас. Но человек вспоминает о совести. В тебя вступило, это я себя узнаю. Но мы — Козловы, понимаешь? Мы все ради семьи, ради своих. Мы все сюда несем с матерью, все тебе. А кому еще? Нам, что ли?

Николай . Все. Теперь скажу я. Я хочу внести ясность в это дело. *(Быстро.)* Я вашу точку зрения полностью разделяю. И я полностью с вами согласен.

Пауза.

Таисия Петровна . Вот и хорошо. Ну и молодец.

Федор Иванович . Ты?

Николай . Я вообще ни о чем подобном даже, похожем, не думал. Это все вы за меня сочинили. Я вообще не собираюсь жениться. Вот что.

Федор Иванович . Как это?

Николай . Я бы еще собрался на Наде, но, когда мне девчата ее сказали, какое там дело вышло, я сразу отошел в сторону. Отравилась — это такое дело. Это можно срок схлопотать. Лучше не вязаться с этим делом. Покушение

на самоубийство, вот как называется. Чересчур она, что ли, гордая.

Таисия Петровна. Да не чересчур, не чересчур. Она вон, если правду сказать, к нам приходила, тебя ждала.

Николай. А вы что?

Таисия Петровна. А мы ее проводили, все честь честью.

Николай. И правильно сделали.

Пауза. Все приходят в себя. Бабка садится.

Федор Иванович. Ну, а почему тогда на Нине не женишься?

Николай пожимает плечами.

Таисия Петровна. Он же сказал, ему рано.

Федор Иванович *(медленно)*. А вообще ты меня удивил. Я не ожидал.

Николай. Не ожидал?

Федор Иванович. Так... Мы тут воевали, а ты так поглядывал и думал. Пусть поволнуются, а я полюбуюсь. А мне смешно. Бейтесь лбом об стенку.

Николай. Да вы мне не дали слова сказать.

Федор Иванович. Когда надо было, ты свои слова вставлял.

Таисия Петровна. Действительно, как-то нехорошо. Мог бы подумать о нас. Мы ведь только о тебе думали.

Федор Иванович. Молодой ты, Коля, а уже делов натворил. Двух девочек чуть в гроб не загнал.

Николай. Ну, пошло по новой.

Федор Иванович. Я тебя так воспитывал?

Николай. Давай, валяй.

Федор Иванович *(уже потише)*. Для тебя слово «совесть» — ничто.

Николай. Давай хоккей смотреть.

Садятся, смотрят телевизор.

Федор Иванович. Мама, принеси мне воды, таблетку запить. *(Держится за голову.)*

Таисия Петровна идет из комнаты, ступает в прихожую и тут же возвращается, закрыв за собой дверь.

Таисия Петровна. Там Нина стоит. В прихожей. С Галькой на руках.

Все замерли. Бабка встает.

Бабка (*уходя в боковушку*). Я не могу так.

Николай. Я же говорил — гордость, гордость. Она ко мне неровно дышит.

Федор Иванович. Кто-то тебя любит.

Николай. Меня многие любят.

Бабка проходит через комнату с узелком.

Бабка. Пока до свидания. Я пойду к Клаве.

Таисия Петровна. Мам, ты видишь, что творится. Утрясется все — я тебя обратно возьму.

Бабка. Я тебе что, сундук с клопами, возьмешь ты меня.

Таисия Петровна. Да не сердись. Я за тобой приду.

Бабка. Пока до свидания. (*Уходит.*)

Над потемневшей сценой высвечиваются качели, на которых медленно и печально покачивается Нина с ребенком на руках.

Федор Иванович. Принеси все же воды.

Таисия Петровна. Не могу. Что хочешь.

Федор Иванович. Сходи ты, Коля.

Николай. Пап, третий период.

Федор Иванович выходит в прихожую и тут же возвращается.

Федор Иванович. Там не Нина, там Надя стоит с ребенком. Ты перепутала все на свете. (*Садится, держась за голову.*)

Таисия Петровна. Бабушка впустила, что ли? Почему с ребенком?

Медленно открывается дверь, входит закутанная фигура с ребенком.

Надя. Я к вам пришла жить, у вас хорошо, две комнаты. Мебель.

Николай. Родила, что ли, кого? Я ни при чем, я ни при чем, могу подсчитать.

Надя. Я к вам пришла жить. Он у меня родился без головы, его не прокормишь.

Таисия Петровна. Потому что ты травилась.

Надя медленно и печально возносится на таких же качелях, что и Нина.

Не обращайтесь на них. Если на них не обращать, они отстанут. *(Оживленно.)* Хоккей скоро кончится? Спать хочу.

Н и к о л а й. Уже все. *(Встает, потягивается, но вынужден пригнуться, так как над его головой проносится Надя.)*

Таисия Петровна встает и идет на полусогнутых среди беспорядочно мечущихся качелей. Качели снижаются. Федор Иванович становится на четвереньки и ползет на кухню. Николай все глубже уходит с головой в кресло и застывает почти в горизонтальном положении, задрав ноги кверху, чтобы отталкивать налетающие качели.

Занавес

1973

■

СЫРАЯ НОГА,
ИЛИ
ВСТРЕЧА
ДРУЗЕЙ

■

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

НАТАША.

СЕРЕЖА, *ее муж.*

АННА НИКОЛАЕВНА, *мать Сережи.*

ОЛЬГА, *подруга Наташи.*

АЛЕША
АЛЕНА, *его жена*
ВОЛОДЯ
ИРА, *его подруга*
ДИМИТРИЙ
СОНЯ

} *друзья Сережи.*

АНДРЕЙ, *командировочный.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Кухня двухкомнатной квартиры.

Наташа входит с Ольгой, Ольга в зимнем пальто, в котором она остается до конца сцены.

Наташа. Ой, Олька, мне сейчас жутко некогда, ты говори, а я буду готовить. На несколько минут, ладно? Я даже открывать тебе не хотела, у наших у всех ключи, но я слабохарактерная, подумала, а вдруг плохая телеграмма, мало ли что... Хотя мама бы позвонила, если бы ей стало плохо. Хотя уже бы не позвонила. Все время думаю, она одна... (Пауза.) Ну, чего ты пришла? Во-первых, ты где пропадала столько времени?

Ольга. Сколько?

Наташа. Сама знаешь. Месяц или сколько? Ты же давно приехала.

Ольга. Я? Я недавно.

Наташа. Когда?

Ольга. Сегодня утренним рейсом.

Наташа. С улицы Кирова ко мне?

Ольга. Нет, из Воркуты.

Наташа. Ну, что? Привезла денег?

Ольга. А что, тебе нужно?

Наташа. Да, сегодня особенно нужно. Понимаешь? Как хорошо, что ты приехала. Сколько ты там заработала?

Ольга. Да рублей двести... или четыреста. Четыреста.

Наташа. Ну как хорошо. А у нас перед зарплатой ни копейки нет, в этом месяце сплошные дни рождения, погорели прямо. Я купила себе замшевый пиджак, нельзя было, но такой пиджак попадается один раз за всю жизнь, мягкий как тряпка. Внешне как тряпка, мягкая такая, ношенная.

Ольга. Дашь поносить на ответственную свиданку?

Наташа. Дам, дам... Слушай, устрой меня тоже в такую экспедицию, а? А то я все у мамы деньги выкачиваю. Слушай, там красиво?

Ольга. Не знаю. Я по сторонам не глядела. Головы не поднимала буквально.

Наташа. Ты мне даже можешь все не отдавать, только основное, пятьдесят рублей... и те двадцать пять. Можешь сразу?

Ольга. Могу.

Наташа. Ну как хорошо. А то нам сегодня позарез нужно было раздобыть хотя бы пятнадцать рублей. И ни копейки! Срочно. И представляешь, Сережа полез к своей матери в шкаф, он умеет аккуратно, ножом, и вытащил у нее последние пятнадцать рублей. И вчера вытащил еще пять. На бутылку надо было, ездили на день рождения. Ей оставили два рубля. Но у нее завтра получка. Сегодня жратвы полно. Обойдется.

Ольга. У вас сегодня что?

Наташа. Да обычная Сережкина компания, веришь, надоели. Это его старая компания. Меня они не приняли.

Ольга. Почему?

Наташа. А я вообще здесь не хозяйка. Но приходится. Так что я тебя не приглашаю. Мало того что они меня не принимают, тем более мои подруги это мое собачье дело, так мне сказал Сережа, кстати, по твоему поводу. Когда ты надела мою мохеровую кофту, помнишь, и в ней ушла.

Ольга. Так я же забыла снять!

Наташа. Да, а я за тобой сколько бегала! Пока нашла тебя. Ты же от меня побежала!

Ольга. Ты так неслась, я прямо испугалась.

Наташа. Дело прошлое. Слушай, на тебе пальто какое, новое, что ли?

Ольга. Новое, но оно мне не подходит. Я хочу шубу.

Наташа. Какую?

Ольга. Тут по дешевке предлагают, мерлушка коричневая. Но такое дело, что забирать надо сегодня. А мне не хватает пятьдесят рублей. Нет, семьдесят пять. Приехала к тебе.

Наташа. Но ты же... ты что, мне сегодня не отдашь? Привезла семьдесят пять и увезла семьдесят пять? Слушай, тебе шуба, а нам водки не на что купить. Будет всего четыре бутылки на десять человек. А они свою норму знают. И потом, надо обратно вложить эти двадцать рублей его матери. Отдай хотя бы двадцать... Нет, двадцать пять. Ладно? Скажешь той тетке, что завтра донесешь...

Ольга. Это не тетка, а комиссионка. Выписала на полчаса. Приехала к тебе на такси.

Наташа. Зачем? Ко мне зачем?

Ольга. За деньгами. Дай мне эти семьдесят пять рублей.

Наташа. Ну как ты можешь? Как ты можешь? Ты издеваться приехала, что ли? Два месяца шлялась, приехала с большими деньгами, теперь ей еще одна шуба нужна. Нахалка, вот ты кто.

Ольга. Нет у меня никаких денег, дай мне займы, скоро пришлют.

Наташа. Я так и знала, что ты врешь.

Ольга. Я уехала до окончательного расчета. Моя Веруня заболела, там ночи темные, днем еще темней. Они пришлют.

Наташа. Как Веруня перенесла-то? Сумасшедшая, в такой мороз поволокла с собой маленького ребенка. Я тебе говорила! Нет, ей ребенок нужен в Воркуте. Как еще ты с ним на руках работала?

Ольга. Я не работала.

Наташа. Вот и я думаю, что ты все врешь. Что ты не работала. А что ты там делала, а?

Ольга. Я там Веруне папу отыскала.

Наташа. Замуж, что ли, вышла?

Ольга. Не совсем. Отыскала Веруниного папу, ясно? Моего единственного.

Наташа. Теперь алименты будешь получать?

Ольга. Да. Ему присудили отцовство.

Наташа. Как это?

Ольга. Были свидетельские показания. У меня.

Наташа. Смотри, а я думала, что ты беспомощная. А ты хваткая оказалась девка. Теперь сколько будешь получать?

Ольга. Теперь много.

Наташа. Слушай, в таких случаях кровь проверяют, да?

Ольга. Проверяли, брали у него.

Наташа. Смотри, ты уже на мокрое дело пошла. Все ради денег.

Ольга. Знаешь сколько у меня долгов? Все за мной ходят, как я приехала, теперь никто ничего ни рубля не дает. Не квартира прямо, а Смольный. Звонки, телефон, даже телеграммы. Вторично требую свои двадцать харитонов.

Наташа. Ну а когда пришлют? И сколько?

Ольга. Должны, а когда и сколько, это двадцатого сто рублей. Вернее, сто тридцать.

Наташа. Смотри, сколько огребают на Севере!

Ольга. Дай мне полсотни.

Наташа. А на какие деньги ты пальто, интересно, купила?

Ольга. А это не мое, а соседкино.
Наташа. Соседка уже тебя одевает?
Ольга. Свое я вчера в ломбарде оставила. Вystояла очередь, сняла с себя, заложила, получила сорок рублей, выскочила в чем была, мороз, а тут как раз такси. Я с шиком проехала.
Наташа. Тут же, конечно, коньяк с лимоном.
Ольга. Нет, тут было другое дело. Остановились, заскочила в магазин в одном халате, банку зеленого горошка, банку «Завтрак туриста». Подбегаю к продавцу, кричу: «Завтрак туриста» есть?» Он говорит: «Чего-чего?»
Наташа. И бутылку.
Ольга. И бутылку.
Наташа. Смотри, и о закуске позаботилась.
Ольга. Нет, это Веруне на обед. Мы с ней утром ели кое-как, так хоть обед. А дома приезжаю, соседка уже с Веруней забавляются, Веруня ей открыла, на стул забиралась. А я ей велела никому не открывать. Главное, на что ребенок польстился? Не поверишь. Не на конфетку. Прихожу, у Веруни рот измазан чем-то красным, на столе пустая тарелка. Соседка ей борща принесла. Ну, я тут же соседке долг отдала, десятку. А она мне свое старое пальто пригнала, говорит, иди устраивайся на работу в приличном виде. Пальто в полочку отдашь.
Наташа. Есть еще на свете добрые дураки.
Ольга. А если, говорит, пальто не отдашь, подам на тебя в милицию, чтобы у тебя отобрали девочку.
Наташа. Давно пора.
Ольга. Вот и она так считает.
Наташа. Ну и что, ты пошла устраиваться на работу?
Ольга. По моей специальности меня не возьмут. У меня знаешь что в трудовой книжке?
Наташа. Иди на завод.
Ольга. А я там в аварию попаду.
Наташа. Будут пенсию платить. Сто процентов. Трудовая травма.
Ольга. Это если без руки?
Наташа. А без двух рук вообще, представляешь? Какая роскошь?
Ольга. Двести процентов?
Наташа. Как тебе еще соседка пальто доверила такое светлое.

Ольга. А ее дочка у меня в детском садике была, в мою группу ходила. До сих пор ко мне кидается. Иду бутылки сдавать, а она в колени кидается: Ольга Николаевна!

Наташа. Вот это тебе и надо возвращаться в детский сад. Дети, смотри, тебя любят, оказывается.

Ольга. Да, очень любили. Слушались хорошо. У всех на головах ходят, в кровь друг друга разорвать готовы, а у меня тихо, «как вы так добились, Ольга Николаевна, мой прямо к вам рвется, домой не хочет». Вот она-то на меня и донесла, Изакова мамаша. Что я была в нетрезвом виде. Можно подумать, я ее ребенку Изакову повредила.

Наташа. Послушай, надо же не на работе пить! Ты что! Только после работы!

Ольга. Да у заведующей был день рождения, разве можно человеку отказать? В тихий час собрались, закусили супом, котлетами. А мне есть не хотелось. И пить-то было нечего. Был дружный такой коллективчик. Началось расследование, я никого не выдала.

Наташа. Ну нет у меня денег, нету! А ты ведь вчера сорок рублей огребла, между прочим.

Ольга. Десять рублей соседке, а она другой соседке похвасталась, и поехало. Только «Завтрак туриста» у меня не взяли. К вечеру зашла к приятелю на седьмой этаж, он говорит, денег нет, забирай моей сестры платье. Она богатая сволочь, не заметит. Я на нее сколько в своей жизни тратил, а она вчера пробки вывернула и спрятала, мы целый вечер с мужиками сидели при спичках. Он этого ей не простил. Опрокинули в темноте бутылку. Ну, все, а сегодня утром она ко мне приходит и говорит: или вы мне возвращаете платье, или вас заберут за банальную кражу.

Наташа. Ну верни его, верни!

Ольга. Куда вернуть, я его не брала.

Наташа. Какое платье?

Ольга. Она говорит, это ангорская шерсть. Пятьдесят рублей, причем рублями не возьмет, только платьем.

Наташа. У тебя есть голова на плечах?

Ольга. Я не брала. Он сам взял, а уже вечер, поздно, он к трем вокзалам поехал. Там в туалете платье удалось толкнуть.

Наташа. Но продавала ты?

Ольга. Меня там не было, ты что? Он и еще мужик, Виктор.

Наташа. В дамском туалете?

Ольга. В мужском! В мужском! Мужчины знаешь какие тряпичники, видят, задешево отдает человек, весь трясется, он еще дешевле предложит. Есть такие специалисты.

Наташа. Денег у меня нет, могу дать для Веруни одеяло. Мое еще, детское. Я его с собой сюда принесла, единственная родная вещь. Продать его нельзя, с него весь ворс сошел, но еще теплое.

Ольга. Давай. Я тебе его отдам в получку.

Наташа. И еще я Веруне заверну тут... Заливное я делаю... Наверное, еще не застыло... Но колбаски и сыру, рыбки возьмешь...

Ольга. Хлеба.

Наташа. Хлеба в доме нет, сама купишь.

Ольга. Ах да, у меня еще бутылка пустая есть.

Наташа. Но ты и скажи этой бабе, что это брат, мол, взял, ты была свидетель.

Ольга. А это ей еще лучше, она только и ждет его выселить, на него уже три заявления соседей лежат в милиции, причем организовала она. Она бы одна осталась в квартире.

Наташа. Надо достать деньги.

Ольга. Она деньгами не возьмет. Кричит, я это платье специально не носила, собиралась в нем на свадьбу к другу. Приодеться.

Наташа. Как же он на тебя мог сказать?

Ольга. Наверное, мог, они все могут.

Наташа. Но нет, нет у меня платья!

Ольга. У тебя мама, муж, ты работаешь, ты человек!

Наташа. Еще скажи, у меня мама мужа!

Ольга. А у меня никого!

Наташа. У тебя алименты!

Ольга. Нет алиментов! Нет!!!

Наташа. А моя мама мужа уже вчера заметила, что нет пяти рублей, и Сережу вызвала ночью: ты знаешь, твоя девушка поворовывает? Сережа: ты что, мама, какие дела, ты просто израсходовала сама не замечая, давай спать. Она всю ночь не спала, в чемоданах рылась, проверяла, что у нее пропало. Утром выходит: а где мои облигации? Сережа ей быстро нашел, за обоями. Все равно ходила, за сердце хваталась. А теперь ждет ее новый сюрприз, вообще там осталось два рубля.

Ольга. Возьми их мне!

Наташа. Тебя все равно в тюрьму сажают, тебя два рубля не спасут.

Ольга. Возьми мне, возьми!

Наташа. А она ведь помрет.

Ольга. Пусть! Смотри, сколько у вас еды. *(Раскрывает холодильник.)* Ой, и мяса сколько! Не помрет. Жадная какая.

Наташа. Ой, мне еще надо это все в духовку поставить! Целая нога! Ой, пошли, я тебе достану ее деньги. *(Берет со стола нож, уходит с Ольгой.)*

Сцена пуста. Может хлопнуть дверь. Входит через какое-то время Сережа. Он с сумкой, в которой угадываются четыре бутылки. Ставит бутылки в холодильник. Ест со стола. Заглядывает в стол, в кастрюли, ищет хлеб. На ходу выкликает Наташу.

Наташа *(издали)*. А!

Сережа *(продолжая искать)*. Наталья! Хлеб есть? Хлеба-то нет, что ли? *(Заглядывает в холодильник)*. Ты что, сейчас начнет собираться народ, а нога сырая. Уже сколько времени, ты знаешь?

Появляется Наташа с ножом в руке.

Наташа. Сейчас уже ставлю.

Сережа. Полный бардак у тебя. Женщина называется. Нельзя подмести, что ли? *(Подметает, бросает веник.)*

Наташа. Да я только пришла.

Сережа. Куда это ты с ножом ходила?

Наташа. Да... время узнавала по телефону, часы стоят какой день, нельзя починить, что ли? Мужик в доме, называется. Только можешь кричать.

Сережа. Хлеба тоже нет.

Наташа. А ты не купил?

Сережа. А на что мне покупать? Я на пять копеек доехал домой, уже в автобусе ехал в ужасе, что придет контроль.

Наташа. Так у тебя же было сколько?

Сережа. Да сколько бы ни было, я обедать обязан? И водку домой привез. Четыре бутылки. И то мало. У тебя нет?

Наташа. У меня!

Сережа берет со стола нож и уходит. Возвращается с ножом.

Сережа. Ты что, два рубля последние у старухи взяла?

Наташа. Я не брала!

Сергея. Кто тебе позволил? В этом доме воровать могу только я! Весь шкаф исцарапала.

Наташа. Я не брала, понятно?

Сергея. У нее же ни копейки до получки!

Наташа. Да? У нее тысяча рублей на книжке!

Сергея. Да кто тебе сказал?

Наташа. Ты.

Сергея. Это страховка, она застраховалась себе на похороны, это святые деньги.

Наташа. А что ты тогда ее уговаривал дать на мотоцикл вместо похорон?

Сергея. А я не желаю ей смерти, понятно?

Наташа. А я желаю?

Сергея. Давай два рубля, иду за хлебом.

Наташа. Я не брала. Это ты, наверное, все утром взял.

Выходит Анна Николаевна.

Анна Николаевна. Опять она кричит на него.

Сергея. Мама, я у тебя взял займы еще пятнадцать рублей.

Наташа. Семнадцать.

Анна Николаевна. Ей лучше знать.

Сергея. Еда есть... В общем, послезавтра отдам.

Анна Николаевна. Сейчас собаку вызову с милицией.

А я смотрю, что это ее мать всю свадьбу взяла на себя, на свой счет. Знала, что девушка с брачком.

Сергея. Мама, хорошо, что ты напомнила. У нас как раз сегодня годовщина свадьбы. Придут гости.

Анна Николаевна. Могла бы по-хорошему меня попросить, не по-тюремному. Отдала бы все без слова. И те триста рублей, которые на похороны отложила. Только чтобы отвязалась.

Сергея. Мам, ты бы съездила к Валерке, а?

Анна Николаевна. Я не тронусь с места, а то она все у нас тут вынесет. Я пришла, почему дверь была открыта?

Наташа. Сергеа пришел после меня.

Сергея. Замок плохо защелкивается.

Анна Николаевна. Домашний вор завелся.

Звонок.

Сергея. Все! Уже народ косяком пошел!

Анна Николаевна. Много будет?

Сереза. Шесть человек.

Уходят.

Наташа вводит Соню.

Соня. На этот раз я первая. Я всегда, когда влюблюсь, лечу как на крыльях. Прибегу, а никого еще нет. Всегда мне достается резать хлеб. Хлеборезка.

Наташа. Ой, а у нас как раз нет хлеба.

Соня. Вот-вот, и хлебовозка.

Наташа. Вы не сходите за хлебом, а?

Соня. Я же тебе намекнула, что нет.

Наташа. А у вас случайно нет пятьдесят копеек до завтра?

Соня. Нет, что ты, я только что платье купила. Видишь? Ангорская шерсть. Пятьдесят рублей. Баба одна принесла.

Наташа (*загорелась*). Это то самое платье из ангорской шерсти? Никогда их не видела.

Соня. И не говори. Чистая ангорская шерсть, сто процентов акрила, джапан.

Наташа. А оно вам абсолютно не идет, вот как хотите.

Соня. А на работе все прямо пошатнулись. Фрау наци нумер айн!

Наташа. Я знаю, такие платья в мужских туалетах продают. На вокзалах прямо.

Соня. Надо же, как я отстала от жизни. Вы там часто бываете?

Наташа. У меня одна подруга работает в химчистке, прожгла точно такое же платье, только получше, не такое короткое. Клиентка говорит: все будет по-тихому, но вы отдадите мне платьем, а не деньгами. Рубли у меня у самой есть, некуда девать, а такое платье мне муж купил на Казанском вокзале в туалете. Если у вас есть там связи, вы поймаете ваше счастье.

Соня. Нет, мне мое платье пока нравится.

Наташа. А у вас же все видно.

Соня. Мне это надо.

Наташа. А за шестьдесят?

Соня. Что такое в наше время десять рублей? Я не спекулянтка.

Наташа. За семьдесят?

Соня. Надо же, какое хорошее платье я купила. А мне еще все говорят: сними, оно бледнит.

Наташа. Бледнит, бледнит.

Соня. Но у меня есть одна слабость: я осталась на зиму без сапог. Без платья я еще смотрюсь, но без сапог все

отпадают. Один за другим. Сапоги размер сороковой, голенища широкие.

Наташа. Да ну, она мне просто знакомая, никто. Ничего, платье само по себе хорошее. Носите.

Соня. Знаете что, давайте лучше деньгами просто. Я платье схватила, а чем отдавать, не знаю. Взяла якобы померить. Ладно, договорились. Семьдесят рублей все-таки.

Наташа. Все носят за пятьдесят по спекулятивной цене, а я своей подруге устрою за семьдесят?

Соня. Да у меня его завтра на работе возьмут!

Наташа. Новое такое стоит тридцать пять. А это ношеное.

Соня. Где же ношеное?

Наташа. Недоношенное. Это же акрил! Он тянется.

Соня. Ангорский акрил.

Наташа. Это самое страшное.

Пауза.

Соня. А где вообще народ?

Наташа. Придут, все придут.

Соня. Извини, я тебе помогать не хочу. А то посажу пятно. А кто будет?

Наташа. Ну, во-первых, Алена с Алешей.

Соня. Алеша вернулся? Как хорошо. Он сегодня должен был с утра ехать к одному старику в город Клин за книгами. Он мне звонил с утра.

Наташа. Он интересуется книгами? *(Режет овощи.)*

Соня. Не то слово. Он ими живет. У него библиотека, он над ней прямо трясется, никому ничего не дает. Это, говорит, не для чтения, а то вы супом обольете, мне потом не продать. Хочешь читать — покупай. Он так уже многие города почистил, теперь до Клина добрался. Он все берет, не только книги. Лампы, посуду, мебель. Реставрирует. Едет, меняет ковер на ковер. Отдает новый, фабричный, три метра на четыре. Берет старый, полинявший, метр на полтора. Но за этот полинявший в Москве десять человек задуются. Слушай, у вас такая даль, я еле добралась, больше к вам не приеду. Кто же поедет в такую деревню?

Наташа. Еще Володя будет.

Соня. Володя-то я знаю, он мне звонил, поеду ли я. Ему всегда хочется со мной разговеться, а я отказываю. И он всюду вечно приводит теток.

Наташа. Нет, не теток, а мартышек. Ты не знаешь разницы, мне Сережа сам объяснял.

Соня. А мне объяснял Володя сам, что ему всюду приходится таскаться с тетками, в то время как его ждет его мартышка.

Наташа. Ирочка, что ли?

Соня. Я. Я его мартышка.

Наташа. А то Ира его тоже все время ждет.

Соня. Ну, вот, он мне звонит, а я говорю, не знаю, звали еще в одно местечко. Я от вас туда, может быть, сбегу. Время еще есть.

Наташа. А куда?

Соня. А ты их не знаешь. Звал один, ты его не знаешь. Карпухин. Чего ты, Соня, поедешь туда, поехали с нами, мы без жен... Это они в мастерской одного художника, в подвале собираются.

Наташа. Наверное, там интересно.

Соня. Ничего особенного, один разврат.

Наташа. Ну и правильно, что к нам приехала.

Соня. Нет, мне как раз интересно к ним было поехать, но я влюбилась и приехала к вам как пришитая.

Наташа. Димитрий будет вроде.

Соня. А зачем мне ваш Димитрий. Он так и так на меня вешается. Это не волнует. Я люблю, чтобы меня не замечали. Сережа меня давно не замечает, забыл совсем. Димитрий ясен, у него что: кооператив, алименты, бегает пешком до метро семь километров и обратно с работы бегаёт с портфелем, в портфеле кефир и хлеб «Здоровье». В квартире холодильник, в холодильнике одни лекарства.

Наташа. Вы у него были?

Соня. Конечно. У меня с ним роман. А любит он только балет. Представляете? Но в подвал я не поеду, там надо из себя изображать полную дуру, а мне уже трудно в моем возрасте.

Звонок.

Соня. Все, я похолодела. Это Димитрий. *(Уходит.)*

Входит Сережа.

Сережа. Слушай, хлеба нет. Алена с Алешей пришли.

Наташа. Нет у меня денег.

Сережа. Бутылки пустые есть?

Наташа. Только молочные, материны. В столе.

Сережа. Отдадим все ей завтра. Ты у своей матери достать надеешься? Смотри, семнадцать и пять рублей. И сорок пять копеек. *(Доставает три бутылки.)*

Наташа. И пятьдесят рублей.

Сереза. В матрас к ней лазила.

Наташа. Нет, это мне на платье надо пятьдесят рублей.

Сереза. То пиджак, то платье. У меня пальто нет, а ты одно за одним. Хитруша.

Наташа. Главное, у мамы нет денег уже. Вчера только она нам выкупила этот заказ, и то уже занимала.

Сереза. Слушай, а ты мясо поставила в духовку?

Наташа. Когда было?

Сереза. Смотри, мяса целая нога, надо уже ставить, а то будет сырая нога.

Звонок.

Наташа. Беги, беги сдавай бутылки, молочная закроется.

Сереза уходит. Входит Соня.

Соня. Володя пришел, привел опять Ирочку. Что-то он зачистил с ней ходить. Наверное, опять скоро на ком-нибудь постороннем женится.

Входит Володя.

Володя. О, кого я вижу! Все старые кореша! Сонька, давай с тобой что-нибудь устроим?

Соня. На нервной почве?

Володя. Я приехал сегодня специально из города Калинина, чтобы ты мне отдалась, как тогда.

Соня. Что ты там делал, в Калинине?

Володя. Я там жил с одной женщиной, студенткой педагогического института.

Соня. А, ты же там преподаешь в этом институте.

Володя. Да, я очень удобно устроился. Три раза в неделю мне обеспечена регулярная половая жизнь.

Соня. А как же Ирочка?

Володя. Это важный вопрос. Поскольку очень выматывает электричка: три часа туда, три обратно. И если бы не моя главная способность...

Соня. Ну, мы слышали про твою главную способность.

Володя. Моя главная способность — спать сидя.

Соня. Вот у меня муж такой был: пока стоит — ничего. Только сядет — сразу спит. На работе из-за этого вечно сидел, загораживался рукой. Думаешь: он задумался или крос-

сворд решает. Нет, спит. А у нас тогда парень был маленький, что делать... Ночи совсем не спали.

Пришедшие едят с тарелок.

Володя. Наташа, можно мы под эту закуску, так и быть, откроем бутылку?

Наташа. Открывайте.

Володя. Мое орудие всегда со мной. *(Лезет в карман, достает консервный нож.)* Теперь где моя бутылка?

Наташа. Какая твоя бутылка?

Володя. Бутылка водки. Разве есть какие-нибудь еще бутылки?

Наташа. Нет, только водка.

Володя. А я испугался, что купили шампанское. Так где наша бутылочка?

Наташа. В холодильнике.

Открывает бутылку. Входит Ира.

Володя. Давайте сидеть здесь, на полу. Ира, садись, я положу голову к тебе на колени. Все остальные остаются на местах. Тронулись!

Пьют.

Соня. Володя, а почему Ирочке такая честь?

Володя. Соня, жди своего часа, не ревнуй, он опять наступит. Я без женщины не могу прожить больше одного дня. В крайнем случае три дня. Как это было в поезде Москва — Хабаровск, который идет пять суток. Там мне попалась особенно интересная девушка. Но меня извиняет то, что первые двое суток я спал. Я ехал тогда околачивать кедровые орешки.

Ира. А помнишь, ты рассказывал об эксперименте?

Володя. А я вам не рассказывал? Дмитрий был со мной. Я его учил жить. Десяти разным женщинам на станции метро «Новокузнецкая» я сказал «я люблю вас». Дмитрий стоял и слушал. Кто говорил «нахал», кто молча обходил меня как пустое место, пять штук сказали «дурак», а последняя сказала «пойдем».

Соня. А Дмитрий?

Володя. А Дмитрий, наверное, поехал бегать. Кстати, это был самый лучший вариант в его положении. Бег от инфаркта. Кстати, он остался мне должен проспиртованную бутылку.

Соня. Ну и что, это оказалась мартышка?

Володя. Да. Мы с ней высадились на станции метро «Бауманская», ехали в трамвае, потом шли по каким-то темным дворам. Наконец приходим. Она позвонила. Открывает ей боксер.

Соня. В перчатках?

Володя. Нет, такие перчаток не носят. Он на вид самый тяжелый вес. В трусах.

Соня. А как ты понял, что он боксер?

Наташа. Боксеры бывают разные, тут не от веса зависит. Сережа боксер, а по нему никогда не скажешь.

Володя. Она говорит: Сеня, опять ко мне привязались. Он бьет. Я выбегаю бегом, рассчитывая, что на мороз в одних трусах он не поднимется бежать. Так что я бесплатно получил по морде.

Соня. А Димитрий что?

Володя. А Димитрий, видели, уже неделю не появляется в нашем кругу. У него нет денег на бутылку.

Соня. Это он не потому. Это он меня любит.

Наташа ходит, носит тарелки. Появляется Сережа, выгружает хлеб.

Володя. Сережа, а мы решили обосноваться здесь! Алена с Алешей там занялись твоей коллекцией крестов. А я уже видел.

Сережа. Кто им дал?

Володя. По-моему, они сами нашли. Они такие, им не надо показывать где чего.

Сережа. Нет, все идем туда. Все.

Володя (*прижав бутылку к груди*). Нет, здесь уютней.

Сережа (*отбирает бутылку*). Дай глотнуть. Наташа поставила в духовку мясо, сейчас тут будет угарный газ.

Володя. Посидим, побалдеем. Дай теперь мне. (*Протягивает руку за бутылкой.*) Я замерз, сегодня в пять утра вышел из дому, в десять был на лекции, после лекций бегом на поезд, и я у ваших ног.

Сережа. Ира, Ира, вставай, помогай носить тарелки, все переходим туда. (*Уходит.*)

Звонок.

Соня. Это кто? (*Уходит.*)

Высовываются Алена и Алеша.

Алена. Они поют, и я певала в давно прошедшие года... Ты помнишь ли, и я певала... А?

Алеша. Ну и попоем сегодня! Алена в голосе!
Володя. Ну, что с этим стариком?
Алеша. Ты что! У него давно две собаки по участку спущены,
колючая проволока наведена, ты что!
Алена. Мы думали его библиотеку под видом макулатуры
купить, привезли мешки, веревки.
Алеша. А он подумал, мы на экскурсию! Дал тапочки!
Алена. У него подлинный Матисс, которого копия висит
в Лувре!
Алеша. И он ничего с этого не имеет. Я бы знал, что с такими
деньгами сделать.

Звонок.

Володя. У меня тоже все продумано.
Соня *(входя)*. Некому открыть, что ли? Там Димитрий стоит,
звонит.

Все, кроме Наташи, выходят.
Наташа режет хлеб. Входит Сережа.

Сережа. Нога опять не поставлена?

Немая сцена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина вторая

На сцене видна вся квартира: большая комната, где идет застолье,
и прихожая, откуда дверь в маленькую комнату, в кухню, ванную,
уборную и на лестницу.

За столом все действующие лица, кроме Андрея. Наташа вводит
Ольгу.

Наташа. Вот Ольга. Только из Воркуты.

Все. О! Очень приятно. Садитесь. Куда? Сюда. Несите стул.
Димитрий *(встает)*. Садитесь сюда. Я себе принесу стул.

Соня. Дмитрий! Да зачем? Я подвинусь, тут будет место.
(Подвигается вместе со стулом ближе к Дмитрию.) Сюда носи
стул, Дмитрий.

Наташа. Она сядет со мной, я буду ее кормить. Надо же, как
раз сегодня годовщина свадьбы — и Ольга прилетает! Как
чувствовала. Звонит с аэродрома. Устала. Сережа, принеси
нам стул. (Уходит в кухню.)

Сережа ставит стул, Дмитрий садится.

Володя. Какая погода в Воркуте?

Ольга. Плохая, вы знаете.

Володя. А что вы там делали, в Воркуте?

Ольга. Судилась.

Входит Наташа с едой.

Володя. Судились?

Наташа. Я тебе тут всего вкусного понемногу на тарелку
отложила. Ждала, ждала, уже все съели.

Володя. А что такое?

Ольга. С двоюродным мужем судилась.

Наташа. На вот, выпей, к сожалению, у нас только одна
бутылка осталась. Ты бы еще попозже приехала. Пей
и, главное, ешь.

Все. Выпьем. За что? За дам. За Ольгу.

Наташа. Как дочь, ничего дорогу перенесла? Все-таки долго
на самолете. Ты ее долго сейчас укладывала, наверное?
С капризами?

Ольга. Как всегда, не засыпала.

Алеша. Спойте, Ольга!

Наташа. Я тебя не познакомила. Это Алеша, он поет, вместе
с Аленой, это его жена. Они поют.

Ольга. Выпьем за вас.

Алеша. } Очень приятно.
Алена. }

Пьют.

Володя. Ольга, вы задаете темп.

Наташа. Ольга, ты закусывай, ешь, ешь.

Ольга. Я не есть сюда пришла.

Алеша. Спойте, Ольга!

Ольга. Я не пою.

Алена. Ну, что-нибудь.

Ольга. Нет, нет.
Алеша. Тогда мы споем, верно, Алена?
Наташа. Они поют.
Анна Николаевна. Соседи-то.
Наташа. У нас тут за каждой стеной, за полом и потолком соседи.
Алеша. Мы тихо-тихо.
Анна Николаевна. Соседи.
Алена. Шепотом.
Наташа. Ольга, это моя свекровь, моя Анна Николаевна, как ты догадалась.
Ольга. Выпьем за ваше здоровье, Анна Николаевна. *(Пьет.)*
Анна Николаевна кивает.
Сергея. Пока еще осталось, я тебе налью, мама. Ты не пьешь.
Наташа. А она правильно делает. Вот, Анна Николаевна, это моя Ольга, она прилетела сегодня из Воркуты, и с большими деньгами. Ездил зарабатывать деньги.
Анна Николаевна. А как же.
Володя. Ира, ты бы тоже съездила в Воркуту, подработала.
Наташа. Э! Не дай Бог Ирочке так зарабатывать. Правда, Ольга? Проклянешь тот день и час. Правда? Вот, познакомься, это Володя, это Ирочка. Они завтрашние муж и жена.
Володя. Завтра у нас какой день?
Ира. Только неизвестно еще, чьи муж и жена.
Алена. Взаимные.
Наташа. Володя преподает химию в институте. Ирочка стенографирует.
Володя *(Ире)*. Ты стенографируешь?
Алеша. Ольга, спойте.
Анна Николаевна. Соседи.
Наташа. Это Дмитрий. Кандидат наук.
Ольга. } Очень приятно.
Дмитрий. }
Соня. Софья, очень приятно.
Ольга. Очень приятно.
Наташа. Дмитрий и Соня — это друзья.
Соня. Дмитрий так не считает.
Наташа. Соня заведующий отделом. Дмитрий кандидат наук.
Ольга. Да?

Соня . У меня сын Егор, а у вас, Ольга?
Ольга . У меня Вера, ей три года.
Наташа . Растет невеста, как раз твоему Егору.
Димитрий . Ну почему, а у меня тоже жених, Антон. Семь лет.
Соня . Сейчас передеремся.
Анна Николаевна . Тише! Соседи.
Сереза . Да, у нас квартирка. Не то что у Карпухина.
Алена . У Карпухина бы мы спели. Догорай, гори, моя лучина.
Алеша . Давай, Алена.
Анна Николаевна . Соседи же.
Все . Да. Карпухин бы... у Карпухина бы... сейчас бы Карпухина сюда...
Наташа . Представляешь, Ольга! Карпухин везде пройдет.
Сереза . погоди, ты откуда знаешь. Карпухин везде пройдет.
Сидим мы как-то на вокзале в Ленинграде. После большого гуда.
Алеша . Погудели тогда.
Сереза . погоди. Сидим, ехать надо, в понедельник на работу, а времени воскресенья ближе к ночи. Причем. А билетов нет. Тут Карпухин достает паспорт.
Все . А в паспорте... В паспорте у него... у него фотография в паспорте.
Сереза . Да подождите вы. Я буду. У Карпухина в паспорте фотография. Он как-то в кино снимался.
Все . В эпизодической маленькой роли.
Сереза . В маленькой такой роли, в роли Героя Советского Союза, генерала. А фотопробу он носит в паспорте. И просовывает в окошечко кассиру, представляете, ничего. а просто свою фотографию в роли генерала. Дурацкое дело: почему фотографию вместе с паспортом. И говорит: мне шесть билетов на Москву, помогите уехать.
Все . И ему кассирша дает!
Сереза . Главное, паспорт роль играет. Если паспорт, то верят.
Все . Сейчас бы мы у Карпухина...
Сереза . Сейчас бы мы у Карпухина. Он бы привез по бутылочке валютного джина и вермута... По своей прищечке.
Алена . Ну, положим, Франческа ему валюту не больно дает.
Алеша . Она в дом сама все покупает на валюту, что надо.
Алена . Его дело только пить да есть. А валюту ему на руки не выдают. Он сам говорил: что хотите, а валюта — все с Франческой.

Наташа. Карпухин — наш друг, он художник, а жена у него Франческа, шведка. Служит в шведском филиале здесь, в Москве.

Алеша. На руки ему не выдается ничего.

Алена. Он же спустит все в один миг.

Димитрий. Не обязательно, кстати. Не обязательно ему не дают, может быть, и дают.

Сереза. Ты, Димитрий, ведь не знаешь. Он все спустит, на друзей растратит.

Димитрий. Не обязательно.

Анна Николаевна. Тише, соседи.

Володя. Ну, поехали к Карпухину.

Сереза. Поздно уже.

Ира. Поехали, поехали. Доберемся.

Соня. К нему нельзя.

Сереза. Нет, надо было договориться заранее. У них, у иностранцев, своя психология. Русаку взбрело, он и заявится в гости, а тут другое дело. Другая психика.

Наташа. Вот разница, к примеру. К Серезе пишут наши друзья из Заполярья — но не из Воркуты, где Ольга была, а то бы мы ей адрес дали — а город такой, Заполярье. Город Заполярье. Отличные ребята. Ну вот, и пишут, Серезе: нужны шариковые ручки. Тогда эти ручки только появились, мода была, и зачем-то они в Заполярье потребовались. В общем, не знаю. Пишут — очень нужны. Сереза к Карпухину. А Карпухин говорит, я этим не распоряжюсь, обратись к Франческе. Этим всем барахлом она распоряжается.

Сереза. Да, погоди. Да, обратись к Франческе, этим я не занимаюсь. А эта Франческа — я впервые к ней обратился, до этого я к ней не обращался. Прихожу к ней в офис, у них там этих ручек навалом, букетами в вазах стоят и рассыпью. Они идут как сувениры клиентам, клиенты у них наши. Такие простые, одноцветные шариковые ручки, у нас вот они в киосках валяются по тридцать копеек. Теперь валяются, а тогда не валялись. Ну, она сначала не поняла, когда я ей все сказал, друзья из Заполярья, так и так. А потом она как покраснеет: говорит, эти ручки она не может, это принадлежит фирме, а не ей, а она дома поищет. И действительно, она все ручки в доме собрала, и не какие-нибудь, а четырехцветные, и паркеры, и незнамо что. И дает мне. А я уже сам не рад, весь как красный

рак. Черт! Неудобно было! Но психология иностранцев, вот что интересно.

Соня. Да, в другой раз не полезешь.

Ира. Ну, так едем?

Володя. Ольга, спойте.

Алеша. Ольга, спойте.

Сереза. Мама, все спокойно.

Наташа. Ольга, обрати внимание, свекровь у меня — молодец! Ведь представляешь, она одна весь стол собрала.

Анна Николаевна. Тише.

Наташа. Я только горячее делаю. Скоро мы будем есть горячее. Если оно не пригорит. Все у меня пригорает, да, Анна Николаевна?

Анна Николаевна. Тише. Сколько раз надо. Тише.

Наташа. У моей свекрови никогда и ничего не подгорело.

Ольга. По такому случаю выпьем.

Наташа. Ведь сегодня и ваш праздник. Ведь четыре года, как она от нас через стенку живет.

Сереза. Четыре года ты живешь.

Наташа. Вот честное слово скажу, хоть у меня есть своя мама и я ее, конечно, люблю, но мы бы с Серезей там у нас и месяца бы не прожили. Мама бы нас развела. А тут уже четыре года отбарабанили. С моей мамой бы гораздо тяжелей.

Сереза. Да, уж с твоей мамашей и дня бы я не задержался... Каждый раз мне туда идти не хочется.

Наташа. Помнишь, Сереза, как она тебя заставила признать-ся? В чем не было.

Сереза. Ну так!

Алеша. Нет, Ольга нам споет.

Наташа. Представляешь, Ольга, месяц мы там не были, приезжаем к маме, у меня шрам, шрамик этот мой. *(Показывает.)*

Ольга. Это Сереза тебя.

Наташа. Ну да, не в этом дело. Мы приезжаем к маме, у меня уже все зажило, она спрашивает. Я говорю: упала, разбила.

Сереза. А она ко мне обращается: Сереза, это вы ножом? Это ножом?

Наташа. А Сереза ведь боксер, он тронет пальцем, все расплзется.

Алена. Что было, то прошло и не вернется.

Алеша *(поет)*. Что было, то было... Закат догорел.

Володя. Пойте, пойте, Ольга.
Ира. Правда, пойте. Ну что вам стоит? Ведь все просят!
Анна Николаевна. Да что это такое!
Сергея. Гости, гости, ведь можно раз в год позвать гостей, раз в год, а?
Наташа. Ну вот, а дальше было что? А, да, мама спрашивает и спрашивает, ножом это, ножом?
Сергея. Да, представляете, ножом. Ну, я в конце концов и бахнул: ну ножом, ну и что. А ножом бы это дело было не так, ножом смертельно.
Наташа. А она мне говорит...
Анна Николаевна. Да тише.
Наташа. Она мне говорит: ну вот, ты меня опять обманываешь. Ведь упасть нельзя так ровно, разбить нельзя, это только ножом, только ножом.
Сергея. А ведь я боксер. Она не понимает, как в боксе. Тут почище ножа.
Наташа. И она заставила его признаться в чем не было.
Сергея. Я боксер. У меня реакция мгновенная. Я еще не подумал, а реакция мгновенная. Иногда забываю, что без перчаток, и руки разбиваю себе.
Володя. Бокс — страшнейшее дело.
Ольга. А что, уже пусто?
Димитрий. Бутылочка пустая.
Наташа. Вот разольем, что у меня в рюмке... У Анны Николаевны... Вы не против?
Анна Николаевна. Да тише.
Наташа. Моя свекровь добрый человек.
Володя. Вот, Ольга, надо было раньше из Воркуты прилетать.
Ольга. Когда это раньше?
Володя. Вчера. Мы вчера пили у Соньки на дне рождения.
Алеша. У Соньки мы пили вчера и позавчера. Ольга, вы включайтесь в нашу жизнь.
Наташа. Ольга, ты каким самолетом прилетела?
Ольга. Двадцать три пятьдесят.
Наташа. Не может быть, ты к нам в пол-одиннадцатого уже пришла.
Володя. В двадцать три пятьдесят утра.
Наташа. Ешь, Ольга, давай ешь с дороги. Хочу ее подкормить. Я там и Верочке отложила, отвезешь ей. Заливное. Теперь вам с ней полегче будет жить. В Воркуте деньги шальные.

Ира. Едемте в Воркуту.
Ольга. С деньгами надо что-то делать.
Наташа. Да? Ну, обернемся как-нибудь.
Анна Николаевна. А в чем заключается?
Наташа. Да я ей посылала в Воркуту перевод, вещи теплые.
У мамы своей брала. Только у мамы.
Анна Николаевна. Тихо, в самом деле.
Володя. Ольга, можно вас пригласить танцевать?
Сереза. Где у вас тут музыка, приемник?
Анна Николаевна. Тише, тише.
Сереза. Нет, это нельзя. Раз в год, ну?
Анна Николаевна. Соседи мне потом скандалить будут,
а не вам. Мне придется.
Володя. Мы тихо-тихо.
Анна Николаевна. Не надо мне это.
Наташа. Ну, мы пойдем в нашу комнату.
Анна Николаевна. А там что, не спят в это время? Со всех
сторон прислушиваются.
Володя. Мы сами себе подпоем. Под тру-ля-ля.
Сереза. Жаль, мы не на первом этаже.
Анна Николаевна. Все тебе жаль, только мать не жаль.
Наташа. Анна Николаевна, я хочу с вами выпить.
Сереза. Танцуйте, танцуйте.
Наташа. Вот, честное слово, я хотела бы с вами выпить. Мне
такими все кажутся хорошими! В честь всего. Я ведь вам
никогда ничего не говорю. Мы иногда по целым дням не
разговариваем. Но вы учтите, я вас люблю.
Анна Николаевна. Тише.
Сереза. Танцуйте, что же вы?
Наташа. Нет, правда, я вас уважаю. Я в вас ценю настоящую
мать, хозяйку дома, ценю в вас уют и порядок и то, что вы
не вмешиваетесь.
Анна Николаевна. Я кому говорю?!

Сереза тянет Соню. Соня отказывается танцевать.

Ольга. Анна Николаевна, у вас внуки есть?
Анна Николаевна. А как же. От старшего, от Валерки.
Внучка. Только она нервная. Спать боится.
Ольга. Темноты? Верочка у меня тоже боится. Надо просто
свет не выключать.
Анна Николаевна. Нет, она засыпать боится, ей снится.
Не спит она. Нервная.

Ольга. Нет, у меня спит, просто надо свет не выключать.

Анна Николаевна. Нет, она не спит. И днем не спит.

Наташа. К врачу надо обратиться.

Анна Николаевна. Не спит, ночью ее мышки, говорит, кусают.

Наташа. Я говорила, это больной ребенок. Ужас.

Анна Николаевна. Говорит, баба, закусали.

Серезжа. Да чего там! Красивая, здоровая девка, просто любит, чтобы с ней сидели. Хитрая.

Анна Николаевна. Просто, говорит, закусали всю.

Володя. С детьми один ужас.

Ира. С детьми жуть. У нас Петя, к нему из детского садика приходит друг, кино смотреть.

Ольга. У вас дети?

Ира. У нас? У кого это?

Володя. У Иры племянник Петя.

Ира. Моей сестры.

Володя. А нам с Ирой это только постоянно угрожает.

Ира. Володя, ты больше не бойся. Ну, так вот: приходит к Пете нашему друг, им по четыре года, повадился кино у нас смотреть, у сестры узкоплечный проектор. Смотрит кино, смотрит, терпит, а потом раз и лужа! Петя наш на него орет: ты что, ссать пришел сюда? Мы ему штаны сменим, тапочки на батарею, он опять смотрит, смотрит, терпит, терпит. Тут я как-то не выдержала, говорю: бабку надо твою вызывать. Ты у нас все штаны использовал, не в мокром же домой идти. Какой, спрашиваю, у тебя телефон? Он смотрит, смотрит, отвечает: черный.

Ольга. А я не представляю себе жизни без детей. Кроме этого только спиться. У меня одни соседи взяли ребенка на воспитание.

Анна Николаевна. У нас тоже в доме одни взяли, подержали, обратно передали в дом ребенка. У него оказалась заячья губа.

Ольга. И что же теперь, этого ребенка выкинуть, если заячья? А если свой родится такой?

Анна Николаевна. То свой, а то с чужим мучиться, ради чего?

Ольга. А ради чего брали?

Алена. Не понимаю, как это брать чужого. А вдруг у него наследственность?

Алеша. А если у него алкоголики?

Ольга. Да ну, у всех есть в роду алкоголики. Чего такого.

Анна Николаевна. Тише.

Володя. Ольга, можно вас на минуточку?

Ольга. А что такое?

Отходят к окну, беседуют, Ольга смеется.

Наташа. Сейчас будет горячее.

Ира. А мне замуж предлагают. Один человек.

Наташа. Тише ты, тише.

Анна Николаевна. Тише.

Ира. Нет, правда, мне серьезно предлагают замуж. Один человек у нас в отделе.

Наташа. Ты что, тихо!

Анна Николаевна. Да тише.

Ира. Я ему говорю, у меня уже есть жених, пять лет уже жених.

А он: а хотите замуж помимо жениха? Серьезно.

Наташа. Вы с Володей когда расписываетесь?

Ира. Мы с Володей? Володя! Володя!

Анна Николаевна. Тише.

Володя. Да?

Ира. Можно к тебе на минутку? Мы с тобой когда идем расписываться?

Володя. А когда будешь себя вести хорошо.

Снова говорит с Ольгой.

Ира. Вот, значит, видите? Я скоро выхожу замуж.

Сергея. Иринка, все путем. Все будет путем.

Ира. Он меня (*кивает на Володю*) воспитывает с семнадцати лет так. Когда мы с ним познакомились, он был женат. Потом он развелся, женился по второму разу. Теперь опять развелся.

Алена. Ольга, все просят вас спеть.

Алеша. Просим, просим.

Анна Николаевна беспокойна.

Наташа. Володя, Ольга, я несу горячее, садитесь, а то остынет!

Володя (*весело садясь на место*). Сонька! .

Соня. Аю.

Володя. Чего бы нам с тобой выпить?

Сергея. Сейчас чаю поставим.

Володя . У нас в гостях такая женщина!

Ира . Я поставлю.

Наташа . Пойдем, пойдем, ты мне поможешь.

Ира и Наташа уходят на кухню.

Володя . Соня, ты помнишь наши дни золотые?

Соня . Ты-то помнишь?

Володя (*склоняясь через стол, обнимает Соню*). Мы с тобой старые любовники.

Соня . Дмитрий, ну что это.

Дмитрий . Володя, сядь.

Соня . Ну, Дмитрий!

Анна Николаевна . Тише.

Дмитрий . Сейчас что-то принесут, сядь, сядь.

Сереза . Сейчас будет горячее. Что ж такое, бутылки кончились. Я пойду тоже принесу горячее. (*Уходит.*)

Володя . Все ушли.

Соня . Мы тебе уже никто.

Володя . Что такое, все ушли, а я что, пойду тоже принесу.

Володя уходит. Возвращаются Наташа , Сереза .

Наташа . Еще сырая нога.

Соня . А где Володя?

Наташа . Он Ире поможет там.

Соня . В чем?

Наташа (*Ольге*). Ты представляешь, какой Алеша талантливый!

Алеша . О!

Наташа . Он у нас вот в полчаса всю комнату декорировал, иконы развесил, старую Библию на стол, складни разложил, как музей. Складни у нас староверские, со староверских кладбищ. Мы с Серезей ездили по Волге с отверткой. От всех прятались со своей отверткой.

Сереза . Кладбища распадаются, распадаются прямо на глазах.

Наташа . Но эти складни держатся прямо на крестах, работаешь, работаешь отверткой.

Алеша . Археологические раскопки.

Сереза . Да, либо ждать, когда все уйдет под землю, и раскапывать через века.

Алеша . Археология.

Картина
третья

Прихожая.

Ольга и Наташа входят в прихожую.

Наташа. Что я тебя хотела спросить. Что ты приехала опять?
Опять из Воркуты?

Ольга. Что ты ко мне с Воркутой?

Наташа. Ну как, присудили ему отцовство?

Ольга. Кому это?

Наташа. Ну... тому твоему.

Ольга. Какому?

Наташа. Ну как какому. Единственному.

Ольга. Нет, не присудили.

Наташа. А как же это?

Ольга. Никак.

Наташа. И Веруня зря промучилась с тобой, потащила ее.

Ольга. Ничего.

Наташа. Нет, я не верю. Ведь у тебя были свидетельские показания. И кровь была! Что-то не то.

Ольга. До крови не дошло. Это я пошутила. Да брось, я уже давно про это думать забыла.

Наташа. А этот твой, он хоть видел Веруню?

Ольга. Как же!

Наташа. Нет, ты, наверное, опять там, в Воркуте, делов натворила.

Ольга. Я? Ты меня что, не знаешь?

Наташа. Ты, наверное, там загудела по привычке.

Ольга. У меня нет такой привычки.

Наташа. Ты сама разрушаешь все всегда.

Ольга. Я? Где это было?

Наташа. Да везде. Шлешь телеграмму, я бегаю, собираю деньги тебе, вещи теплые, а ты два месяца не показываешься. Ну, я понимаю, денег нет, так хоть напиши оттуда, где, чего, как. Я просто не могла понять, куда ты делась. Хоть вещи мои привезла?

Ольга. Да, слушай, я сегодня одному человеку дала твой телефон. Зовут Андрей. Он из Воркуты.

Наташа. Мало тебе из Воркуты. Слава Богу. Дочь воркутинская. Еще теперь чего? А зачем ему мой телефон дала?

Ольга. То есть адрес. Он сюда приедет.

Наташа. Зачем?

Ольга. Мой знакомый.

Наташа. Зачем? Вечные штуки. Мало ты меня подводила, но я все равно тебе опять попадаюсь. Опять будет нечто.

В прихожую из кухни входит Ира, за ней — Володя. Володя ушел в комнату. Ира бесцельно ходит, что-то ищет.

Что тебе?

Ира. Сумку.

Наташа. Не надо, не надо, не уходи, ты уходить собралась?

Ира. Я уйду замуж.

Наташа. Ну не уходи, сейчас будет горячее.

Ольга. Да пусть идет.

Наташа. Сейчас будет горячее. Никуда не пускаю.

Ольга. Пусть идет.

Ира. Извините в таком случае и до свидания.

Наташа. Я ее верну.

Ира уходит. Наташа уходит с ней. Димитрий входит в прихожую и подходит к Ольге.

Димитрий. Вам тут не скучно? Запишите номер телефона. Запомни так.

Ольга. Пошел туда-то.

Димитрий. Вот это разговор! Что так грозно?

Ольга. Пошел к чертовой матери.

Димитрий. Нахалка.

Соня *(из комнаты)*. Димитрий! Димитрий! А то тут меня Володя... Димитрий же!

Димитрий. Нахалка ты, нахалка. *(Уходит в кухню.)*

В прихожую входит Соня.

Соня. А где Димитрий Иванович?

Ольга. А он пошел проводить Иру. Ира ушла.

Соня одевается, уходит. Димитрий проходит мимо Ольги с чайником в руке.

Димитрий. Триста двадцать два, ноль пять, шестьдесят один.

Ольга. Чтоб ты сдох.

Димитрий. Триста двадцать два, ноль пять, шестьдесят один.

Димитрий уходит в комнату. В прихожей звонок. Ольга открывает. Входит Андрей.

А н д р е й . А, это вы! Я не опоздал?

О л ь г а . Андрей! Все вас буквально заждались. И вас Наташа очень ждет, я ей о вас много рассказывала. Наташа вам понравится. Квартира у нее отдельная, можно спокойно остановиться на ночь. Но она сейчас в другом месте, в другой квартире, в этом же дворе. Ничего, раздевайтесь пока. Вы принесли?

А н д р е й . Принес, взял даже две бутылки водки.

О л ь г а . Скорее, давайте. Здесь каждый по две бутылки вносит. Складчина такая. Раздевайтесь, давайте свои бутылки... Я их сейчас отнесу Наташе. Она тут, во дворе квартира, рядом.

А н д р е й . Давайте же я.

О л ь г а . Нет, это неудобно, не провожай, я мигом. (*Быстро одевается.*) Там они готовят, на той квартире, пунш. Много так народу. Напились, но еще надо. Сейчас принесем целое ведро. Под музыку туш.

А н д р е й . Пунш? Я напиток пуншевый знаю.

О л ь г а . Это гораздо не то. Сейчас увидишь. (*Уходит.*)

Андрей раздевается, ходит по прихожей, входит в уборную. Возвращаются Ира и Наташа. Ира, раздевшись, прошла в комнату. Наташа раздевается. Шум воды. Появляется из уборной Андрей, стоит в дверях.

А н д р е й . Разрешите?

Н а т а ш а . А вам кого?

Наташа стоит так, что Андрей не может войти.

А н д р е й . Мне, если можно, Наташу.

Н а т а ш а (*отступая*). Это я.

А н д р е й . О! Здравствуйте. Вы еще лучше, чем о вас говорят.

Н а т а ш а . Андрей, что ли, из Воркуты?

А н д р е й (*рассмевшись*). Вы извините. Такая девушка... Просто обалдеть можно. Я из Воркуты. Большой такой тут у вас праздник, я, может быть, лишний человек на таком празднике... Ольга Николаевна меня, правда, пригласила, может быть, некстати?..

Н а т а ш а . Ну что ж теперь делать. Давайте.

А н д р е й . Я тогда уж сразу, чтобы потом не беспокоить, все выну... У каждого командировочного свой набор. Пижамы, полотенце... Зубная щетка, куда положить?

Н а т а ш а . Куда?

Андрей. Ну, где я буду спать, там положу. Сразу же...

Наташа. А где вы будете спать?

Андрей. Ну, где вы меня положите... Если не выгоните, конечно.

Наташа. Не знаю... не знаю... А где Ольга?

Андрей. Она пошла за вами... Вы разошлись, может быть?

Наташа. А. Ну, она сейчас вернется, на морозе быстро ориентируется.

Андрей. Вы знаете, я вижу, я тут нехстати слегка... Так поздно, неудобно... У вас в Москве поздно гуляют. Я, пожалуй что, поеду в Дрезну. Это два часа пути отсюда — и в Дрезне. Последняя электричка в ноль семнадцать. Мне там есть где ночевать, а тут ночевать негде. И извините, что я всего что удалось — две бутылки водки прихватил. Больше мне ничего не удалось купить. Ольга Николаевна сказала, без бутылки к вам неудобно.

Наташа. Да ну, почему. И без бутылки ничего... Хотя и кстати.

Андрей. Я уж вижу — водка всегда кстати.

Наташа. У нас ни капли не осталось, а впереди еще баранья нога.

Андрей. Я понимаю — все на пунш у вас ушло. Странно, у нас и не знают, что это. Пуншевый напиток разве что только продают. Ничего на вкус. Вам пунш нравится?

Наташа. Не знаю, не пробовала.

Андрей. Сегодня попробуете?

Наташа. А вы нам что, приготовить можете? Но ведь там какие-то составные части кроме водки, так что нет, не выйдет. Из чего пунш?

Андрей. Я лично не пью пунш, не буду с вами. Зачем мне ваш пунш. Замерз, тут водка годится. У вас в Москве пунш, у нас любят попроще.

Наташа. У нас, знаете, нет никакого пунша. Не только пунша, но и чайной заварки уже нет. Уже давно сидим, так что все выдули. И водка будет гораздо лучше, очень кстати. Хоть мы и не замерзли, как вы.

Андрей. Да не нужен мне задаром ваш пунш, что вы! Пейте. Я только водку.

Наташа. У нас нет пунша.

Андрей. И пейте его на здоровье, я человек посторонний. Пунш — и пускай.

Наташа. О каком пунше? Пунш, пунш. Где пунш?

Андрей. Да знаю, знаю случайно, вы в другой квартире пьете пунш.

Наташа. В другой квартире? Где?

Андрей. Вы знаете.

Наташа. Мы?

Андрей. Да, вы все. Вы пьете, ваше дело. Пусть моя водка на это дело ушла, мне это в чужом пиру похмелье.

Наташа. Где мы пьем?

Андрей. Да во дворе там квартира.

Наташа. Совсем с ума сошел.

Андрей. Ольга же Николаевна к вам туда и побежала.

Наташа. Ольга?

Андрей. Ольга Николаевна взяла бутылки мои и скорей помчалась к вам туда, где вы пунш варите.

Наташа. Мы пунш нигде не варим, мы тут сидим, и все. А Ольга ваша Николаевна... С бутылками побежала. Оде- лась? Так, точно, опять штучку выкинула.

Андрей. Как это?

Наташа. Так, она бутылки просто домой к себе повезла.

Андрей. Зачем?

Наташа. Алкоголик проклятый! Ольга — алкоголик.

Андрей. Ах, черт! А она мне плела тут! Водка для пунша!..

Наташа. Сколько раз она меня подводила! Ах, черт!

Андрей. Ну... Раз так... Мне теперь будет у вас останавливать- ся.. Без ничего вваливаться... Просто так ночевать...

Наташа. Да бросьте.

Андрей. Да я пойду.

Наташа. Куда? Мороз. На поезд вы не успели.

Андрей. Да, до Дрезны мне уже не доехать. И откровенно, у меня там просто девушка знакомая жила... Может, замуж вышла... Семь лет назад.

Наташа. Вот и все. Велика Москва, а отступить некуда. Переночуете.

Андрей. Вы так со мной предполагаете поступить?

Наташа. Так. Идите в комнату. Сейчас будет готово мясо. Горячее.

Андрей. Да мне неудобно. Я никому не знаком.

Наташа. Я скажу, что вы мне знаком. Что вы мне друг.

Андрей. Можно мне тебя поцеловать?

Наташа. Да ну, какие нежности.

Андрей. В щечку. В щечку для знакомства. Познакомимся. Вот так. *(Целует Наташу.)*

Входит Сережа, его не замечают.

Наташа. Андрей, не надо! Пусти!
Андрей. В щечку.
Сереза. А ну.
Наташа (*вырываясь*). Вот видишь, Сереза. Это Сереза, мой муж. Видишь что?
Сереза. А это кто?
Наташа. Знакомься, Серезенька. Это Андрей.
Сереза. Кто-о?!
Наташа. Андрей, так сказать, мой друг. Сейчас я тебе все объясню. Андрей приехал в командировку. Он из Дрезны.
Андрей. Здравствуй. Только я, скорей, из Воркуты.
Сереза. Спрашиваю!
Андрей. Из Воркуты, проездом в Дрезну.
Наташа. Он у нас ночует.
Сереза. У кого это у вас?
Наташа. Он оказался на улице. Негде ночевать.
Сереза. Когда это?
Наташа. Сейчас я все объясню. Только не бей меня.
Сереза. Не бить... тебя? Как могу я не бить тебя?
Андрей. Друг, друг, тут все в порядке.
Наташа. Понимаешь, у него Ольга схватила водку и увезла. Он остался на мели. Без водки. Не бей меня.
Сереза. Я обалдеваю. Тебе в лоб дать, что ли?
Андрей. Может, выйдем, поговорим?
Сереза. А ты иди к такой-то матери, я предупреждаю, я боксер, мне драться нельзя, запрещено. Насмерть бью.
Наташа. Андрей, беги! Беги отсюда! (*Выталкивает его на лестницу, запирает дверь.*)
Сереза (*Наташе*). А ты что ждешь? Я тебя же бью? Уматывай, чтоб не убили.

Сереза надвигается на Наташу. Наташа с плачем бросается в ванную, пытается запереться там, Сереза не дает. Короткая борьба, Сереза врывается в ванную, слышен дикий вскрик Наташи, стук, потом наступает тишина. Некоторое время спустя Сереза выходит из ванной. Во входную дверь стучат.

Андрей (*с лестницы*). Открой! Открой, открой!

Осторожно притворив за собой дверь, из комнаты выходит Анна Николаевна.

Анна Николаевна. Что у тебя кровь на руке? Упал? Поди в ванную, умойся. На руках.

Сереза. В ванной занято.

Анна Николаевна (*осторожно заглянув в ванную, запирает туда дверь*). Умойся в кухне.

Резкий стук с лестницы.

Андрей. Наташа! Наташа! Мне Наташу!

Сереза. Руку разбил, что значит без перчаток. Не могу больше. (*Рыдает.*) На этом все, конец.

Анна Николаевна слушает у входной двери.

Андрей. Да что такое! Наташа! Откройте! Что такое, в самом деле!

Анна Николаевна. Нету, нету! Не стучи, тише! Кто там? Нету ее.

Андрей. Наташа, Наташа! Откройте!

Анна Николаевна. Нету ее, ступай! Кто там?

Андрей. Наташу мне!

Анна Николаевна. Кто там, нету ее! Убралась!

Андрей. Что происходит? Что происходит? (*Стучит.*)

Сереза, отстранив мать, резко открывает входную дверь.

Сереза. С тобой еще поговорить?

Андрей. Да чудак же ты! У меня тут лежит пижама у вас, полотенце, щетка зубная... Портфель с документацией. Отдайте хоть. Так просто на мороз человека не выгонишь!

Сереза находит вещи Андрея, швыряет ему, захлопывает дверь.

Сереза. В пижаме ездит.

Снова стук с лестницы.

Мочалку оставил, что ли?

Андрей. Ну, выйди, выйди сюда, поговорим как люди. Что, в самом деле? (*Сильно стучит в дверь.*)

Сереза (*приоткрыв дверь*). Еще раз постучишь, без носа оставлю. Слом носа. (*Захлопывает дверь.*)

Из комнаты в переднюю входят Ира и Володя.

(*Все еще не успокоившись, бормочет.*) Понимаешь ты.

Володя. Дыши носом!

Сереза. Понимаешь, рвался мужик в дом. Наташу сшиб.

Тихий стук в дверь.

Володя *(кричит)*. Вот мы сейчас выйдем, выйдем, там все на месте преступления застанем.

Ира. Никуда не пойдешь. *(Держит его.)*

Володя. Я? Да мигом. *(Расцепляет руки Иры, открывает дверь и выглядывает на лестницу.)* Ушел. Жалко, я бы поговорил с ним.

Сереза *(держит руки за спиной)*. Главное, к Наталье приставал.

Володя. Одевайся скорее, Ирка. Путь свободен, мин нет.

Выходят Алеша с Аленой, Димитрий.

Сереза. Идете? Ну как сговорились.

Анна Николаевна. Времени много. Пересидели.

Сереза. Это ничего страшного. Раньше мы пересиживали гораздо дольше. У Соньки, например. Даже вчера, оказывается.

Алена. Хорошо у тебя было, Сереза. Так по-домашнему. С мамой. Хорошо, что ты так уважаешь маму. Другие отдельно обходятся, а ты с мамой. Мы ее тоже уважаем. Так приятно в доме, где мама.

Анна Николаевна. Ничего, ничего, поезжайте.

Володя. А любопытная девушка Ольга. Кто она?

Сереза. Да это Олька-депрессия. Совсем не человек. Мы ее жалеем, принимаем. Спивается помаленьку, жалко ее. Ничего нет в душе, на все плюет. Придет как человек, разговаривает, а у самой одно на уме, это видно. Разговаривает, а потом надевает Натальину кофту и выходит на улицу как ни в чем не бывало. Наталья за ней, а та говорит: что ты, я накинула, холодно. Погибает, совсем погибает. А дочка у нее. Тоже погибает.

Володя. Ладно, я тоже погибаю. Ирка, что ты копаешься?

Ира. Молния разошлась на сапоге.

Володя застегивает Ире молнию. Сильный стук в дверь. Алена открывает. На пороге стоит Андрей, держащий крепко под руку Ольгу. Ольги не видно, она прячется за притолокой.

Андрей. Вот она, украла у меня водку.

Володя. Ну и что?

Сереза. Оля, иди сюда.

Андрей. Минуточку, минуточку. Она у меня украла водку, продала одну бутылку таксисту. Вторую не успела, он, видимо, не взял.

Алеша. Ну ничего, ничего, парень.

Володя. Трогательно, но не смертельно.

Димитрий. А кто, собственно, это такой?

Андрей. Я инженер угледобычи.

Володя. А водку распространяешь.

Андрей. Я с этой стервой, Ольгой, в Воркуте познакомился.

Не знал, что такая стерва. Я тебя посажу.

Алеша. Да брось, водка яд.

Алена. Сережа, возьми-ка Ольгу.

Володя (*возясь с молнией*). Это наша девочка, отдай. Это моя девочка. Я за нее тебе хобот расшибу.

Димитрий. Вы думаете, у вас будут свидетели?

Алена. И почему вы к нам обращаетесь? Вы не ошиблись дверью?

Андрей. Она меня сюда пригласила, сюда, в эту квартиру сто восемь. Сказала, что хозяйка хорошая девка и даст ночевать. Мне ночевать негде. Я из Воркуты!

Димитрий. Отпустите женщину, во-первых.

Сережа стоит, руки за спиной. Володя возится с сапогом Иры, Алеша и Димитрий держатся поодаль.

Андрей. А сама своровала у меня же водку, которую я вам же, вам же, люди, вез.

Сережа. Теперь что тебе надо?

Андрей. Не сказала ничего, что хозяйка замужем, кстати!

Володя. А ты жениться, что ли, собрался?

Андрей (*Сереже*). Ты ошибался. Ты глубоко ошибался.

Сережа. Теперь-то что тебе надо?

Андрей. Теперь распить с вами бутылку.

Анна Николаевна. Ступайте, ступайте. Нечего.

Андрей. Мамаша, не знаю, как вас звать. Мне бы не хотелось уезжать, когда никто не понимает.

Володя. Все поняли, и можешь уезжать.

Андрей. Но она виновата!

Алена. Ты еще всего о ней не знаешь. Оля, иди сюда, маленький.

Ольга вырывается и убегает вниз по лестнице. Володя хватается за ногу Андрея, чтобы он не догонял Ольгу.

Володя. Побудь тут с нами пока что.

Андрей. Понимаешь, не знаю, как тебя зовут, я человек не такой. Понимаешь? Я не побегу, пусти ногу.

Все, одетые, прощаются с Анной Николаевной и уходят, мимо Андрея, хлопая по плечу Сережу, который стоит все так же, заложив руки за спину.

Сережа. И ты иди гуляй.

Андрей. Мне некуда. Я последние деньги на водку истратил. На вас. А ты так.

Сережа. Здесь нельзя ночевать. Понимаешь? Иди. Мама, да закрой ты дверь.

Анна Николаевна. Нельзя, иди, не разрешено. *(Захлопывает дверь. Входит в ванную, сразу же выходит оттуда.)*

Анна Николаевна. Артистка.

Сережа. Встала?

Анна Николаевна. Да нет, села.

Сережа *(решиительно открывая дверь)*. Андрюша, иди-ка. Будешь ночевать. Ничего, не стесняйся. У меня один друг жил в Воркуте. Шереметьева знал?

Андрей *(входя)*. Знал, только он уехал. Шеря.

Сережа. А как же, в воскресенье я у него был. Сейчас мы ему позвоним.

Андрей. Ну ты подумай, как тесен мир.

Сережа. Бутылка-то при тебе? Сейчас будет встреча друзей. Наконец-то.

Конец

1973-1978

▪
ЧИНЗАНО

**Часть
первая**

ЧИНЗАНО

▪

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА**

**ПАША.
ВАЛЯ.
КОСЯ.**

Вечер. Пустая комната. Два стула, подобранных на свалке, садовая скамейка, ящик из-под конфет — большой и чистый. Входят Паша, Валя и Костя.

Паша. Как нашли, сносно?

Костя. Мы тебе, Паша, мебель привезли. В трамвае сняли сиденье.

Паша. Сенк'ю.

Валя. Костя вынес. *(Смеется.)*

Паша. Сюда, прошу садиться.

Валя. В общем, мы-то с Костей уже повстречались на выходе с работы, сюда не знаю зачем понадобилось ехать. Все можно было там устроить.

Костя. Ехал в такую даль. Сядь, посиди.

Паша. Старик! Сначала о деле. *(Косте.)* Деньги с тобой?

Костя. Со мной.

Валя. Ну, старики, мне надо. Быстро закончим, я поехал.

Паша. Погоди, не до тебя.

Валя. Деньги мне отдай. Как не до меня?

Паша. Да отдам, но не сейчас же.

Валя. Костя, передавай мне деньги, как условились. Надо было отдать раньше, я предвидел, что все так получится.

Костя. Не расстраивайся.

Паша. Старики, внизу дают чинзано. Лучшее из всего, литр.

Хочу взять домой три бутылки, надо позарез. В таком случае, Валя, я так или иначе десять рублей потом тебе добавлю. Мне домой вино надо.

Валя. Другой разговор. А куда домой-то?

Паша. Туда домой, в первый городок.

Валя. Ты что, здесь не живешь?

Паша. Временно.

Валя. Временно живешь или временно нет?

Костя. Сегодня здесь, и все.

Валя. А вообще где?

Паша. Сейчас еще нигде пока уже опять.

Костя. Старики, время. Ехали сюда с Валею *(достаёт деньги, отсчитывает две десятки)* долго.

Паша. Тут хватит на шесть. Я тогда с вашего позволения пять возьму домой. Пять мне тогда на все хватит... Чинзано все окупит! Валя, буду должен, стало быть, двадцать рублей.

Валя. Паша, чего ради я тогда ехал в такую даль? Спрашивается.

П а ш а . Я тебя сегодня не звал.

В а л я . Извини, старик, нехорошо.

П а ш а . Извини, старик. Но тебе мало, что я отдаю тебе тридцать? Ведь такое дело: чинзано.

В а л я . Хорошо, но одна на мою долю.

К о с т я . Договорились, чудесно.

В а л я . Скорей, мне пора. Где у тебя тут сортир?

П а ш а . Попудриться? Направо вторая дверь.

В а л я уходит. Костя достает деньги.

П а ш а . Чего уж, давай все.

П а ш а не считая сует деньги в карман и уходит. Возвращается

В а л я .

В а л я . Давай деньги-то. Тридцать.

К о с т я . А я отдал все Паше.

В а л я . Ну, ты даешь. Ну, старик. Ты же должен был их передать мне.

К о с т я . Я тебе должен был их передать до праздников. А ты — старик, туда-сюда, после праздников, уезжаю, туда-сюда. Вот тебе и после праздников.

В а л я . Я тебя не понимаю, старик. Не понимаю. Кому отдал? Кому? Паше? Зачем?

К о с т я . Он мне их давал, я ему и отдал.

В а л я . Деньги-то мои!

К о с т я . Ну и будут твои. Сколько-то погода. Я тебе сказал еще на выходе с работы, так и так, Валя, на меня сегодня не рассчитывай, я еду Паше отдавать деньги. Ты что сказал? Что я, в пятницу буду как отщепенец, сказал ты. И поехал.

В а л я . Нет, старик, я тобой недоволен. Недоволен. С тобой происходит, я тебе не говорю, потому что ты и сам мне это неоднократно говорил, что ты падаешь все ниже и ниже.

Костя обнимает Валу.

Ну, не ожидал, нет.

Костя целует Валу.

Отвал!

К о с т я . Сейчас выпьем. Он принесет. Он принесет пять бутылок.

В а л я . Одну я возьму домой. Нет, две. В конце-то концов.

К о с т я . Кто говорит? Возьми две.

Валя. Мои деньги.

Костя. Вот тут ты глубоко не прав. Пока они не твои, а просто тебе их хотели до праздников вернуть, а ты не взял.

Валя. Нет, ты не прав. Я специально сюда приехал, чтобы Паша отдал мне долг. Деньги-то ты вез? Зачем же дело стало?

Костя. Все точно. Но это не значит, что именно те деньги, которые я ему вез, он должен тебе отдать. Когда сможет, тогда отдаст. А как он отдаст то, чего у него уже (*смотрит на Валины часы*) в данную минуту нет? Чего нет, того не вернешь. Вот я не отдал ему пятьдесят рублей, потому что их у меня не было. Отдал сорок.

Валя. Как не было?

Костя. Праздники же были.

Валя. Не понимаю отношения к чужим деньгам.

Костя. Паша перед праздником буквально всучил мне эти пятьдесят рублей: отдай Вале. Я не хотел брать, отказывал, но Паша, памятуя свою слабость и не надеясь собрать больше такую сумму, просто приехал ко мне на квартиру, и, несмотря на то, что Полина его не пустила, хлопнула дверь, он звонил десятки раз. Полина с Иваном высунулись, и Паша отдал им конверт — сказал, для Кости, здесь пятьдесят рублей. Иван рассвирепел, как всегда, и крикнул, что у них такие не проживают. Но, как умный старик, он от пятидесяти рублей не отказался и при нем пересчитал даже. Раз, подумал, Паша с чего-то принес пятьдесят рублей, значит было какое-то подсудное дело, иначе Паша бы, без суда то есть, не стал бы приносить. Я прихожу затемно, Полина спит, все спят, на столе лежит конверт с запиской, привет от Кольцова. Утром я не стал к завтраку вставать, думаю, пусть разойдутся. Они за столом мое имя не поминали, только Иван выступал все время, что Владика надо купить шубу за полсотни, как раз полсотни, денег нет, вернее, деньги есть, но у такого человека, который не постесняется у родного ребенка на зиму шубу украсть. И на питание не дает. Владик спрашивать не стал, у кого его шуба, а Света спросила. Светка все время Ивана подначивает. Таким детским голоском: дедушка, а кто у нашего Владика шубу украл? За столом воцарилось напряженное молчание, а я сплю за загородкой, подушка на ухе. Владик сказал Светке, что папа украл, а Светка не ожидала, ей надо было всегдашний спектакль разыграть. Но не

тут-то было, Владик, молодец, прикрыл диспут. А то обычно Иван им задает загадку: нет, говорит, Светочка, тебе сегодня сливок и сухой колбасы для Владика, один человек твою черную икру вкупе с красной и белой на вино израсходовал. Света счастлива: кто это? Кто этот человек? А тот, отвечает дед Ванька, который вчера пришел пьяный к нам в дом. А кто к нам в дом вчера пьяный пришел, спрашивает далее Светка. Тут все молчат. Владик молчит, и торжествующая теща молчит. Полина мрачнее тучи молчит, да и дед Ванька не отвечает. Представляешь?

Валя. Ты говоришь! А вот у меня еще того лучше...

Входит Паша с двумя портфелями.

Паша. Самое смешное, что никого народу. Они все больше тут употребляют красненькое да мордастенкое. Говорю: «Мне чинзано». А один около меня стоял, спрашивает: «А чего это?»

Костя. Сколько взял?

Паша. Сколько договорились, мужики.

Костя. А для Вали не забыл?

Паша. Две.

Костя. А неужели мне одну взял, не догадался?

Паша. Больше.

Костя. Слава Богу.

Паша. Ведь закрывался магазин, в том-то и дело.

Валя. Ну а теперь...

Паша. Айн минуту. *(Выходит в кухню.)*

Костя. Он молодец. Потому что среди ночи опомнишься, сунешься, а нигде ничего. Помнишь, как у Кондакова пришлось с двух часов ночи чай пить?

Валя. Ну!

Костя. Чай такая вредная вещь. На почки действует, на сердце. Я утром домой пришел, пошел бриться перед работой, посмотрел на себя в зеркало. Ай! Лицо в зеркале не уместается.

Валя. Ну!

Приходит Паша с тарелочкой.

Костя. Закусь?

Паша достает из портфеля кулек и высыпает на тарелочку конфеты.

Валя. Дорогие купил слишком.

Паша. Для тебя мне ничего не жаль.

Валя. Да?

Костя. Из горла будем?

Паша. Старики, анекдот: два вурдалака оторвали человеку голову, а один другого спрашивает: «Из горла будешь?»
(*Приподнимает ящик, вынимает полбуханки хлеба.*)

Костя. Еда.

Валя. Отрежьте кусочек. Я с работы.

Костя достает перочинный нож, аккуратно отрезает кусок.

Паша (*открывает бутылку*). Костя, достань там еще два свертка: сыру, колбаски нарежь.

Валя. С ума сошел.

Паша. Для тебя, Валя, купил.

Костя. Старик, тут в одном свертке какие-то тряпки.

Паша. Не то, все не то, дай-ка. (*Забирает.*) Вот, вот свертки.

Костя. А я смотрю: в одном тряпки, в другом туфли.

Валя. Продавать, что ли, нес?

Паша. Ешь, дорогой.

Валя. Пока человек ест, он не пьет.

Паша. И ешь. Ну, мужичье! С приездом! И за мою маму!

Пьют.

Валя. Да, Костя, ты не досказал насчет десятки.

Костя (*с непонятой интонацией*). А!..

Паша. Какой десятки?

Костя (*с нажимом*). Какой десятки?

Валя. Он из этих пяти одну истратил, оказывается.

Паша. А?.. Ну!.. (*Радостно смеется.*) А я ничего не могу понять.

Считал, считал у кассы!

Костя. Какая десятка?..

Валя. Ты мне сказал, что десятку растратил.

Костя. Какую десятку?

Паша. Старики, выпьем!

Пьют.

Валя, ты ешь. Ты чего себе зубы не вставишь, быстрее есть будешь.

Валя. Да все некогда. То одно, то другое. У жены в квартире мебель строю.

Паша. У какой жены?

Валя . У Ольги, у какой.

Паша . Откуда?

Валя . Им дали квартиру. С матерью. А мать вышла замуж к мужу. Ольга говорит, хоть раз в жизни по-человечески пожить, не с твоими родичами, и уехала с Алешкой. Алешка уже в детский новый сад ходит. Я теперь там каждый вечер.

Костя . Как каждый? А вчера?

Паша . А в понедельник?

Валя . У Ольги там нет телефона.

Костя . Понял. Родители считают, что ты у жены.

Паша . А Ольга звонить родителям не будет?

Валя . Ольга не будет. Она вообще говорит, что ей все надоело, вся эта семейная жизнь. Но мебель я строю!

Паша . Говорит, пошел, значит, отсюда.

Валя . Старик, не совсем. Не совсем. Она хочет, чтобы я с ними жил, и я не отказываю. Но мои родители как же? Они останутся одни на пятидесяти метрах на старость? Интересно, что же это, они на меня всю жизнь работали, а я теперь их брошу? Кто машину отцу водить будет?

Паша . Покупает?

Валя . Почти купил.

Паша . Поездим. Поездим.

Валя . Отца же, не моя.

Костя . Но, с другой стороны, тебе и разводиться нельзя.

Паша . Почему?

Костя . Валя оформляется за границу.

Паша . Куда?

Валя . На кудыкину гору.

Паша . В капстраны, значит.

Валя . В ЧССР я был, в Болгарии, «Золотые пески».

Паша . А я в Монголию оформлялся.

Валя . Ну и как?

Паша . У них штаты не расширили. Хотели расширить и не расширили. Не стали.

Валя . Не оформили, значит. На тугрики много не купишь. У нас один малый оттуда привез жене немецкое меховое пальто. Белый мех, но без ватина. Она в ателье носила на ватин ставить. Выше пятнадцати градусов мороза нельзя. Каждый день слушает погоду и ругается, лучше бы кожи привез.

Паша . Кстати, о женах: позвони, Константин, пойд.

Валя. Кому?
Костя. Дружининой. Но ее нет сейчас дома.
Валя. Дружининой?
Паша. Блондинка.
Костя. Она к подруге поехала на день рождения.
Валя. К кому?
Костя. К нашей Смирновой из отдела.
Валя. Надо туда поехать, мужики!
Костя. Туда Паше нет допуска.
Валя. Без Паши поедem.
Костя. У меня тоже допуска нет.
Валя. Ну что вы! Ну, так нельзя! У Смирновой так отлично.
Баранью ногу подают.
Костя. И джин, да. Но мы там прошлый раз с Пашей
заночевали, так пришлось.

Пьют.

Сидели так на кухне, а потом из холодильника папашину
настойку от давления выпили. Чекушечку. Внешне такая
же, как старка. Не отличишь. Утром ехали в метро, у
нас давление сильно упало. Или ихний скандал подей-
ствовал: самовнушение началось.

Паша. Скорей всего. У меня точно от скандалов падает дав-
ление.

Костя. Поспали на кольцевом маршруте, сколько при-
шлось. Заехали в депо, так неудачно. Сигналы долго пода-
вали.

Валя. Чем?

Паша. Постукивали.

Костя. Папаша Смирновой на нас кричал, что мы самоубий-
цы, что такое выпили, что он три раза в день принимает
по две капли. Прислали за золото с Дальнего Востока.
Резко снижает тонус.

Паша. Шарлатанство все это. Моему папаше тоже привозили.

Костя. Значит, это мы так расстроились просто. На работу не
ходили, лечились долго потом.

Валя. Тогда я схожу позвоню. *(Есм.)*

Паша. Ешь, на твои деньги куплено.

Валя. Ты мне ничего пока не отдавал. *(Есм.)*

Костя. Кому ты хочешь звонить?

Валя. Кому дозвонюсь. Сейчас вот поем... *(Есм.)* В Монголии,
кстати, шерсть отличная. Поехал бы ты, Пашка, то привез

бы своей Тамаре шерстяную кофту. Но что делать, раз не оформили. А то Тамара была бы довольна.

П а ш а . Тамара? Да, с ней, старики, сурово. Я до двенадцати должен успевать домой, а то Тамара после двенадцати лишает меня супружеских ласк. Стало быть, я должен попасть на автобус двадцать три ноль две. Ну и до автобуса отсюда... полчаса как минимум.

К о с т я . Тридцать пять.

П а ш а . Если автобус двадцать три ноль две... То мне на жизнь остается здесь (*смотрит на Валины часы*) почти ничего. Валя, иди, звони.

В а л я . Но что интересно, ведь ты уже с ней разошелся.

П а ш а . Правильно. Для того чтобы прописаться к старушке матери в ее квартиру.

В а л я . Понимаю, может пропасть квартира? Мать-то старая.

П а ш а . Откуда.

В а л я . Они все уже старые более-менее. К тому идет.

К о с т я . Она у него сейчас в больнице лежит, да?

П а ш а . Скоро забираю. Завтра.

В а л я . Завтра суббота, выписки нет.

П а ш а . А я заберу.

К о с т я . У нее малокровие?

П а ш а . Выпьем за упокой.

В а л я . Дурак. Бросаешься словами. (*Пьет.*)

П а ш а . Чем хорошо выпить: все уходит на задний план.

В а л я . Зачем уходить от реальности, если реальность такова, что мы просто любим пить, любим это дело, а не из каких-то высших соображений что-то забыть. Зачем все время прикрываться какими-то пышными фразами. Пьем, потому что это прекрасно само по себе — пить! Свой праздник мы оправдывать еще должны. Да кому какое дело, перед кем оправдываться?

Костя целует Валу.

Ну... А как твоя Тамара реагировала на развод? Что ты подал?

П а ш а . Она сама подала. Еще раньше, чем я ей сказал.

В а л я . Значит, она сама... Это много лучше.

П а ш а . Обьюдно. Стороны пришли к обьюдному решению.

В а л я . Так ты здесь живешь?

П а ш а . Когда где.

Валя. Стало быть, тебе не нужно никуда ехать, чего же ты тут рассчитывал время! И мне не нужно ехать. Костя, ты тоже, чего тебе, успеешь еще за свою загородку «осторожно, двери закрываются». Пьем, мужики! Доставай еще одну бутылку! Сколько, стало быть... тебе... две, мне... три, нет, четыре, а остальное выпьем!

Паша. Иди, позвони-ка, времени уже в обрез.

Валя. Какое в обрез!.. Ты же... Как это... Нигде не живешь.

Никому не нужен ты.

Паша. Если я опоздаю, меня лишат супружеских ласк.

Валя. Каких супружеских?

Паша. Ласк. Она просто дверь запирает в квартиру.

Валя. Да какие у тебя супружеские! Это у меня супружеские да у Кости за загородкой... Кстати, Костя, ты у родителей по-прежнему ночуешь?

Костя. Поругался.

Валя. Нехорошо, старик! Глядишь, и переночевать негде будет!

Костя. Поругался. Полина все говорит: «На кой нам их куры!»

Придут навестить внуков, несут куру. На восемь человек.

И действительно, придут. Обед давно без этой куры готов,

давно бы сели, нет, они ее варить желают. Все холодное.

А они, дураки, не понимают, что их благотворительность

у Полины и у Ваньки одно раздражение вызывает. Полька

меня просит: скажи им, не надо. Я сказал, мать расстро-

илась, отец капли принимал. Мы твоим детям, раз у них

все пропивают. И вот тебе, все свернули на меня. Мать

говорит, если вы с Полиной такая дружная семейка, и не

ходи сюда ночевать, не стоит. А подумаешь! Да застрели-

тесь!

Паша. После двенадцати ни одна машина в нашу сторону не

ходит. Ни одна. Можно взять девочку, положить на шоссе

и без помехи делать все что хочешь, сколько хочешь раз.

Так что надо спешить, надо торопиться. *(Пьет.)*

Валя. А ты от Тамары еще не выписался?

Паша. Выписался, осталось к матери прописаться, какие-то

пустые формальности. Я тянул, но теперь все.

Валя. Правильно, пропишись, неровен час, останешься без квартиры.

Паша. Надо спешить! Торопиться! Я не успеваю на автобус!

Костя. На автобус ты еще двадцать раз успеешь. Уедешь.

Подожди еще пять минут, Валя сходит позвонит.

Валя делает себе бутерброд и выходит.

Костя. Ну, как у мамыши?

Паша. Ей операцию по пересадке костного мозга надо делать. Срочно. Завтра же. Надо будет дать костный мозг, я дам. Я дам костный мозг завтра же, уже проверяли. Совпадает. У жены с мужем — нет. С ребенком еще может совпасть, а с женой — никогда. Не кровная, а тут кровная. Вот и все о'кей! Все будет о'кей. Выпьем.

Костя. Ты сегодня к ней ездил, как?

Паша. Ездил. Не спрашивай. Такие дела, что не спрашивай. Совсем белая.

Пьют.

Костя. У меня папаше все время плохо. Надо спросить у Смирновой, что мы тогда пили. Здорово снижает давление.

Паша. Да, мы тогда царапались долго из вагона.

Костя смеется.

А как они, не согласны выделить тебе площадь?

Костя. Мать говорит, что с Полиной все равно разойдешься и на нашу голову жить придется.

Паша. Наоборот! Если у тебя будет отдельная площадь, то ты разойдешься и будешь жить сам.

Костя. Они сказали, что, во-первых, хотят умереть на своем месте, где привыкли. И знаешь, их очень дед Ваня, оказывается, поддержал, я не знал. То все они не контактировали, не контактировали, а тут папаша позвонил Ваньке, и нашли общий язык. Да, представьте себе, сказал Ванька, старому человеку нельзя менять динамический стереотип и место жизни. Он от этого умирает очень быстро. А дело в чем? Полька тоже просит у своих родителей, чтобы они разменялись и выделили ей хотя бы однокомнатную квартиру. Мой муж, мне с ним жить и так далее. Нет, сказал Ваня, нам нельзя из-за динамического стереотипа. И они с моим папашей это дело обсудили и постановили. Да как, да что, да кто будет с детьми, они к внукам привязались. Понимаешь, они к моим детям привязались! Ты, Полина, одна не сможешь, Кистянтин тебя продаст у первой же будки с пивом.

Паша. Да, ты уже говорил.

Костя. Я тоже так, пусть живут как знают. Я пальцем не пошевелю для себя. Никому не желаю мешать жить. Не

хочу судиться, разговаривать, чтобы они с машиной вещей отъезжали. Да пропади оно все пропадом. А я проживу. Они, не в силах ничего сделать, молча смотрят на мое падение, а я не падаю, я живу. Дети сыты, одеты, телевизор работает, как говорит дед Ванька. Да, в понедельник деньги дают, надо будет Владу купит валенки. Дружинина принесет своей дочке валенки за четыре рубля.

Паша. Могла бы и за бесплатно. Так бы отдала.

Костя. Она бы отдала, да я бы взял.

Паша. Понятно.

Костя. За это дело мне будет четыре рубля. Принесу валенки, скажу Полине: купил, вычти из питания четыре рубля.

Паша. У меня тоже: Тамара привыкла, что я получаю рубль пять. Теперь тут мне повысили. Она меня спрашивает: Паша, ты рубль двадцать теперь получаешь? Я говорю, что ты... Да... Так и не узнала...

Возвращается Валя.

Валя. Бабушка сказала, что она через двадцать минут домой вернется. Звонила, что в дороге уже.

Костя. Кто?

Паша. Блондинка?

Валя. Именно. Ирка Строганова.

Пауза. Костя и Паша с укором смотрят на Валю.

Костя. Она придет и все выпьет.

Валя. Я ее видел на вечере встречи в этом году. Позвони, сказала, когда захочешь выпить.

Костя. Она тут к нам приезжала с дочкой, дед Ваня сколько на стол выставил рябинового вина, столько она и приняла. У нас день рождения был у Светы. Два дня родня гуляла. До чего ее дочка на Семена похожа! *(Показывает рожу.)*

Валя. Ей не в армию идти.

Костя. Ирка тут же за столом рассказала, что откуда бы она ни приползла, как бы ни выпила, обязательно на ночь всю одежду своей девочки сложит, погладит для детского сада стопочкой. Родня была в восторге.

Валя. Она кандидат.

Костя. А так смешно получилось, что Семен со своей новой женой тоже приехал на день рождения Светы. Но только Ирка Строганова перепутала и приехала днем позже. Или не перепутала, а рассчитала. Скорей всего. Но это было

воскресенье, так что за столом сидела вторая очередь родственников. А то бы две жены повстречались.

Паша. Семен часы отдал?

Валя. Какие часы?

Костя. Да, с часами. Семен повел меня в пивбар в день зарплат. Говорит: «Я своей новейшей жене должен отдать отчет в деньгах, так что мы с тобой выпьем, а ты мне часы дашь в залог. Я скажу, что купил у мужика за пятерку». Я снял часы.

Паша. Это ты говорил.

Костя. Да, проходит неделя, я отдаю Семену деньги и спрашиваю, где часы. Он отвечает, что ремешок оборвался и часы он потерял. Ладно. В следующий раз мы встретились, он говорит, пойдем ко мне домой, у меня дома никого нет, жена рожает. Приходим, я смотрю: на окошке лежат мои часы. И правда, с оборванным ремешком.

Валя. Что у тебя общего с этим человеком?

Костя. Общего у нас то, что я его боготворю и им восхищаюсь. Пошли мы тут с ним в ресторан для иностранцев, открыто до трех утра. Там друг у Семена стал метрдотелем. Пили до этого на какой-то посторонней свадьбе. Семен подружился там с музыкантами, мы сидели с джазом и пили наравне. Потом нас вывели, и тогда мы поднялись в бар для иностранцев и пили там до упора. Потом все ушли, мы с Семой разделись и пошли купаться в бассейн с золотыми рыбками. А Виталик, метрдотель, по краю бегает и кричит: «Парни, вы мне тут крепитесь, а то рыбки подохнут. Терпите».

Валя. Ирка красotka была.

Костя. Пьет много. Говорит, по обстоятельствам своим пьет. Семен ушел при тяжелых обстоятельствах, мать у нее умерла, дочь болела, а он взял и ушел.

Валя. Что значит, пьет по обстоятельствам! Сама по себе хочет и пьет. Мы вот — хотим и пьем, а не из-за обстоятельств. Мне нравится пить, люблю я вас, товарищи мои.

Костя. Вот у меня тут был малый лоцманский загул. Прихожу через неделю домой, ложусь, врач дает бюллетень с диагнозом: дисфункция.

Валя. Кишечника?

Костя. Нет. Всего... Дисфункция организма. Дал мне бюллетень, мы с Пашей пошли, встали в очередь. Давали шапки по тридцать рублей. Постояли и пошли: денег не было.

Я позвонил двум-трем взять в долг. Паша позвонил разок, а потом мы от этой идеи отказались.

Валя. А в чем выражалась дисфункция?

Костя. Давление сто восемьдесят на сто десять. Первый раз померил, кстати. Но ничего, до двухсот пятидесяти у людей доходит, и живут. Как у моего папашки...

Валя. Воспомнил! Еще кому позвонить.

Паша. Блондинке?

Костя. Помнишь, Паша, ту блондинку, с которой мы в метро познакомились? Рядом сидели. Я ей говорю: позвольте представить вам моего друга, Пашу Кольцова, поэт такой был. Она засмеялась. Не поверите, говорит, я тоже по паспорту Кольцова. Я говорю: не верю, паспорт. Предъявляет. Точно, Кольцова. Все посмотрели — адрес, возраст: сорок лет.

Валя. Позвони.

Костя. Там в паспорте телефон не указан.

Валя. Пойду позвоню по записной книжке. (*Уходит.*)

Паша. О чем-то мы с тобой хорошо так говорили.

Костя. Да, а потом не вспомнишь. О чем-то родном, а о чем? Помнишь, летом мы с тобой у нас на кухне трое суток пили — Ваня с тещей были на даче, благословенное время года. Говорили, говорили, а о чем? Потом вспоминал и не вспомнил.

Паша. Я опаздываю.

Костя. Хорошо как было. Нам всего-то нужно: суббота, воскресенье, да часть пятницы и часть понедельника. А я теперь субботу и воскресенье сижу на диете. Хожу с детьми гулять.

Паша. Я опаздываю на автобус. Потом не добраться. А мне надо...

Костя. Всего в этой кухне нам надо было: на полу два старых пальто да стол с бутылкой. И никто больше не нужен.

Паша. Мне надо ехать. (*Встает.*)

Костя (*протягивает руку*). Дстань бутылку, раз встал.

Паша. Пора, еду, пора. (*Садится.*)

Костя сам наливает в оба стакана.

Костя. С работы хочу уходить. Уже всех предупредил.

Паша. Еду. Все. Кончено. Что здесь? Ничего. Здесь такого нет ничего. Я могу выпить. Я должен выпить в этот день. Который один раз в жизни.

Костя. Пойду работать грузчиком, как Соболев. Он за рейс сшибает по пятерке, и так эн раз.

Паша. Сколько у меня денег?

Костя. Эн.

Паша начинает рыться в карманах.

Паша. Сколько у меня денег? *(Вынимает бумажки.)* Три рубля... Рубль... Три рубля... Это сколько? *(Рассматривает бумажку.)*

Костя. Дай.

Паша. Это сколько? *(Рассматривает бумажку.)*

Костя. Дай. Это у тебя карточка почтовая.

Паша *(продолжает рыться в карманах)*. Справка о смерти. Это я должен отдать Тамаре. А при чем Тамара? Моя мать к ней не имеет отношения. Справка МЮ 280574. *(Целует справку.)*

Костя. Это сколько?

Паша. МЮ 280574.

Костя *(заинтересовался)*. А сколько у меня? Мне нужно четыре рубля на валенки. Их я возьму у Полины. А валенки возьму у Дружининой. Сколько же у меня останется? Четыре рубля возьму у Полины, скажу: вычти их из питания, не вношу, так вот, эти четыре рубля, которые я у тебя беру на валенки, вычти из питания. А валенки принесу в другой раз. И еще. *(Достает десятку.)* Стало быть, десять рублей, да четыре возьму у Полины, да валенки загоню на Преображенке... за пятнадцать. Хорошие валенки.

Паша. У меня было ведь пять десятков, верно?

Костя. Десять да четыре... да шестнадцать.

Паша *(бьет кулаком себя по лбу)*. Где деньги, где деньги?

Костя. Успокойся. Дай я тебя поцелую. Узнаешь, как я целуюсь. *(Целует Пашу в ухо.)*

Паша. Выпьем.

Входит Валя.

Валя. Вот! Вот! Сколько тут?

Паша. Где мои деньги?

Костя. Валя! Дозвонился?

Валя. Какие твои деньги? Мои!

Паша. Не путай.

Костя (*показывая почтовую карточку*). Это четыре рубля на валенки. И за валенки четыре рубля. Остальные пусть идут на питание.

Паша (*в отчаянии*). Справка есть... Все готово. Деньги — и поеду.

Валя. Так он у тебя десятку взял.

Костя (*твердо*). На валенки... и на питание.

Валя. Давай-ка мне.

Костя. Выпей. (*Пьет.*) В этот раз не отдам на питание. Каждый божий раз он не дает на питание.

Паша. Мне все надо купить. Больше никто не купит. Только не надо мне бумажных цветов на могилу. Так просила. Хоть какие, но живые. Вот только достать деньги, и все.

Костя. И вот у меня тоже. (*Показывает десятку.*)

Валя (*грубо*). Давай, тебе говорят! (*Берет деньги у Кости, тот поникает головой и засыпает.*)

Паша. А ты, верно, давай мне. (*Протягивает руку.*)

Валя. Это ты ошибся. (*Берет у Паши деньги, считает.*) Это ты мне давай. Пять... Три... Две рублевки... и десять. Двадцать рублей хоть. Когда отдашь остальные тридцать?

Паша. Отдай. Это не мне.

Валя. Ясно, не тебе. Сам отдай сначала.

Паша. Кинь, кинь, а то уронишь.

Валя. Мне надо, мне! А не тебе! Урод нравственный.

Паша угрожающе поднимается на Валю, но падает.

Пьют до упаду.

Паша. Мне цветы!

Валя. С женой мириться? (*Прячет деньги.*)

Паша. Маме.

Валя. Маме зачем цветы? Родителям мало надо, чтобы их дорогой сыночек хоть пришел, поел, посидел на глазах. Цветы твоей маме не нужны. Моей маме я не ношу цветов. Нет. Я сам прихожу, я ей дорожке цветов. Пока они живы, я обязан к ним ходить, чтобы они на меня нагляделись. Маме цветы — смешно. Я бы сам своей купил, что мне ты. А не покупаю. (*Уходит.*)

Паша. Мне пора. (*Собирается.*) Костя! А? Костя! (*Трясет его.*) Я ухожу. Сколько времени?

Костя. Часы потерял... Ремешок разорвался...

Паша (*в панике*). Я не успею! Не успею! Сколько времени?

Костя *(протягивает ему руку без часов)*. Гляди.

Паша *(в панике)*. Я ничего не вижу. Последнее время я стал хуже и хуже видеть. Я слепну!

Костя *(не открывая глаз)*. Я тоже ослеп. Дисфункция.

Паша. Мне уже пора.

Костя. Никуда тебе не пора. Ты забыл. Ты с Томой имеешь развод. Ты никому ничего не должен. Прошло то время. И я никому ничего не должен, кроме ста рублей. Давай бутылку. Пошарь.

Паша. Я ослеп, ни одной не вижу.

Костя. Это не то. Дай я. *(Достает из портфеля сверток.)* Закусь. Но это не то. *(Разворачивает свертки, там платье и туфли. Надевает платок.)*

Паша. Не так. *(Накрывает платком лицо.)*

Костя. Вот бутылка. Пей, Паша, тоже.

Паша. Я ничего не вижу.

Костя. Я тоже тебя не замечаю. Где твой рот? Я попою. *(Льет вино поверх платка.)* Слушай, у тебя лицо почернело.

Паша. У меня? *(Шукает платок.)* От горя. У меня мама умерла... завтра похороны. Только не опоздать, вот оно что!

Костя. Ты, главное, не думай. Никогда так не бывает, что окончательно опоздал. Глядишь, опоздал, а глядишь, ничего от этого не ухудшилось. Следи за временем. *(Подносит руку к лицу Паши.)*

Паша. Ничего не вижу.

Костя. Я тоже. И неважно. Какое дело. Поедешь завтра.

Паша. Правда! Все равно сегодня уже все закрыто. Чего я так спешил. Чего я поеду? Что, к Тamarке мне срочно?

Костя. Вот именно. Их надо тренировать постепенно, воспитывать, чтобы они не волновались и не брались на испуг, верно? Чтобы когда ни пришел, они рады! Не приходил, не приходил, а пришел!

Паша *(роется в портфеле)*. Яблоки откуда-то. Это я нес ведь на передачу маме, третьего дня.

Костя. Нес, а они опять тут. Как дар небес.

Паша. Тогда ешь.

Костя. Все успеем, и попить, и поесть. Слушай! Да ведь завтра же суббота! Куда нам спешить, куда тебе спешить? Мы можем и завтра продолжить. Ведь завтра суббота, завтра вообще мы никому не обязаны.

Паша. Ты думаешь?

К о с т я . Но в воскресенье я как штык должен быть у Полины.
Я с детьми в воскресенье на диете. Утром в воскресенье я
просыпаюсь, а мои бурундуки сидят на мне. Говорят: мы,
папа, будем тебя сейчас мучить, пока не закричишь. Ну,
говорю. У них иголки. Пока не закричишь. Я молчу. Они
глубже загоняют. Папа, почему ты не кричишь. А я говорю:
партизаны всегда молчат.

П а ш а . Но до воскресенья ты здесь со мной. Ты слово дал.

Занавес

1973

■

ЧИНЗАНО

Часть
вторая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
СМИРНОВОЙ

•

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

СМИРНОВА ЭЛЯ.
ШЕСТАКОВА ПОЛИНА.
ДРУЖИНИНА РИТА.
ВАЛЕНТИН.

За столом сидят Эля и Полина.

Эля. Это вам спасибо, что вспомнили про мой день рождения. Никто не вспомнил, а вы, незнакомый человек, пришли. Я ведь в этом году ничего не устраиваю, всех предупредила, чтобы не совались. Отца сегодня в больницу забрали, мать спит с сердечным приступом.

Полина. Я сама бы никогда не вспомнила про ваш день рождения, я так замоталась. Это позвонила одна женщина, сказала, что Костя сегодня должен быть у вас, и попросила пойти к вам. Этой женщине очень нужен Костя. Она сказала, что у вас день рождения.

Эля. Это она ошиблась. У меня-то день рождения был позавчера.

Полина. А сегодня что?

Эля. А сегодня пятница. Все в курсе, у меня дни рождения раз в год по пятницам. Знаете, раз в год народ надо подкармливать, а то озлобятся.

Полина. Но эта женщина сказала, что Костя у вас будет точно. Эля. Надо же, какая настырная женщина. Кто это?

Полина. Ее зовут Тамара.

Эля. Какая это Тамара?

Полина. Она бывшая жена одного Костиного знакомого. Фамилию не знаю.

Эля. А как зовут знакомого?

Полина. Его зовут Паша.

Эля. Надо же, Пашу уже бросила жена. А что, она тоже сюда придет?

Полина. Она из загорода звонила. Вряд ли.

Эля. С этими бывшими женами никогда ничего не известно.

Полина. Знаете, Эля, у него еще ведь мать умерла. У Паши.

Эля. Что за жизнь!

Полина. Жизнь просто потрясающая. Паша поехал за справкой в морг и какой день не появляется.

Эля. А что было у матери?

Полина. Что-то с кровью. Белые тельца.

Эля. Скорее всего, Паша запил.

Полина. Вот. Тамара тоже придерживается. Причем Костя единственный, кто связан с Пашей.

Эля. Ладно. Будем ждать.

Пауза.

А Костя домой не будет звонить?

Полина. Он когда звонит, отец отвечает, что таких нет дома.

Эля. Костя об этом рассказывал. Он любит рассказывать. Говорит, одеваюсь я долго на работу, выхожу, теща у книжной полки стоит, подметает, и с суровым видом причем. Стало быть, там у нее, в книжках то есть, заначка есть. Они деньги в книжках хранят на текущие расходы. Дети еще неграмотные, а я, как известно, книжек не читаю. Опять-таки одного меня не оставляют, стараются. Но тут теще звонок. Теща в коридор. Звонит, как ясно из разговора, ее подружка, жена ее первого мужа, а это на час. Я взял книгу ихнюю, «Пятьдесят лет в строю», а там ничего.

Полина. У нас мало денег. Папина пенсия, мамина совсем ничего, я младший научный да двое детей... Костя ведь не вносит денег.

Эля. Нет, он говорит, нашел. В романе «Поджигатели» Николая Шпанова. А теща в коридоре как на иголках, кричит: «Извини, я сейчас разговаривать не могу». Не могу и так далее. Ее эта жена ее мужа первого глуховатая. Ну, говорит Костя, как я мечтаю: теща спросит — где деньги, а я скажу — возьмите на рояле. Там первые сто рублей.

Полина. У нас нет рояля, чего он выдумал. И он денег никогда бы не взял.

Эля. Да, он говорит, они так называемые порядочные люди. Я их денег не тронул.

Полина. У нас только пианино.

Эля. Полина, я вас давно хотела спросить, а как у вас с Костей?

Полина. Что?

Эля. Как складывается?

Полина. Да как складывается, обыкновенно.

Эля. Костя ведь мой друг. Я за него в книге расписываюсь, когда он опаздывает, потом, знаете, он уйдет, пиджак повесит, у него с Пашей свиданка у пивного ларька каждый день в одиннадцать утра, а шеф выйдет, я ему быстренько: Шестаков в изотопном блоке. А туда телефона нет.

Полина. Он на вас просто молится, вы ему производственную травму оформили, помните, он тогда перелом ребра получил?

Эля. Конечно, помню, я его якобы с лестницы привела. А он что тогда?

Полина. У них тогда с одним знакомым грузчиком рояль к стене прижали.

Эля. Хорошо, что еще рабочий день у нас не кончился, Костя не опоздал. Он называет — «опоздать на работу» — это прийти, когда кончается рабочий день.

Полина. Как у нас складывается? Костя настаивает, чтобы мы уехали и жили от родителей отдельно. А я их не могу бросить, они старые. Потом, кто будет с детьми. Потом, на какие шиши купить квартиру. Так что все упирается.

Эля. Полина! Выход один: надо разводиться.

Полина. А детей без семьи оставить?

Эля. А вы еще найдете себе. Вы еще молодая.

Полина. О чем вы говорите.

Эля. А вы зря Костю любите. Вы его поменьше любите. Не бегайте так за ним. Найдите себе кого-нибудь.

Полина. Я ни о ком не могу без дрожи думать.

Эля. Уже нашли кого-то?

Полина. Кого?

Эля. О ком без дрожи не можете думать. Надо же, я Костин друг, а ничего не знаю. Надо будет у него спросить.

Полина. Никого у меня нет! Никого!

Эля. А надо, чтобы был. Надо уметь клин клином вышибать.

Полина. Конечно. А потом опять клин клином.

Эля. А вы думали. У меня так вся жизнь на клиньях.

Полина. Когда я была совсем девчонка, у меня были вот такие косы... И за мной ухаживал один лейтенант... А я училась в школе. И он получил назначение и уехал. Когда я выходила за Костю, я у того просила прощения, мысленно. Я думала, что Костя — это клин. А вышло, что на всю жизнь.

Эля. Да ну, еще жизнь будет.

Полина. Костя у меня только второй случай в жизни.

Эля. Это не играет никакого веса. Тут один с нашей работы стал ко мне кадриться. Родители на даче, он шастает и шастает. Как-то раз засиделся, метро не ходит, в трамвай не содят. А денег у него на такси нет. А я принципиально в таких случаях не даю, отказываю. Я еще их снабжать должна. Перебьешься, говорю, с каким знаком пишется. Он тогда: «Я у тебя заночую». Ладно. А у меня белье в ванне какой день замочено, я плюнула, стала стирать глубокой ночью. Несу на балкон вешать, а он уже в трусах на тахте расположился и говорит: «Только не говори мне, пожа-

луйста, Смирнова, что я у тебя в жизни второй мужчина». Вот вам и второй в жизни случай, как вы говорите. Ну, вот. Я тогда плюнула, в родительской комнате на задвижку заперлась. Так он полчаса под дверь стоял, просил открыть, говорил, что мы взрослые люди, и что тебе стоит, и все такое. Что в таких случаях говорят. А потом лег как ни в чем не бывало и захрапел. Так храпел, я мимо пошла в ванную, он не слышал. Я не сплю, а он храпит. Все на свете прокляла. Потом еще с ним на работу пришлось ехать как одна семья. А вы говорите — второй случай в жизни.

Полина. Вот вам и клин.

Эля. Женщина вообще должна выходить замуж, когда она не любит, когда любят ее. Так что в следующий раз выходите без любви.

Полина. Только под наркозом.

Звонят в дверь.

Если это Константин, не говорите ничего. Что я здесь.

Эля открывает, входит Дружинина.

Эля. Дружинина, какое совпадение! Я только что о тебе подумала, хоть бы она не приходила.

Рита. Смирнова, поздравляю с днем рождения, желаю. Тебе подарок вермут италиано. Называется «Чинзано».

Эля. А вон он уже стоит на столе, уже мне поднесли.

Рита. Завоз, что ли?

Эля. Наверное, завоз. Знакомьтесь, это Рита, моя подруга, а это Полина Шестакова, жена Кости Шестакова, о котором ты много слышала.

Рита. Очень приятно. Это «Чинзано» к нам в буфет завезли.

Полина. А я у нас в винном купила.

Рита. Наверное, завоз. А я тете Машке переплатила.

Эля. Видали? У Риты там спецбуфет. Знаете, где она вкалывает? На Новодевичьем.

Рита. Обыкновенный буфет, тетя Маша.

Полина. На Новодевичьем? Ой, у вас там, наверное, свежий воздух.

Рита. Прямо свежий. Как в склепе сидим. Стены — во. Как в склепе. В пальто работаем.

Полина. Вы знаете, какое совпадение? Мой папа спит и видит, как попасть на Новодевичье.

Рита. Как-нибудь заходите с отцом.

Полина. Он у меня, вы знаете, пенсионер республиканского значения. Как они собираются все у одной там старушки, эта старушка тост поднимает и говорит: «Когда мы начинали, мы много мечтали. Теперь наши мечты сбылись. Все мы персональные пенсионеры». Видите как. А вы, оказывается, на кладбище работаете на таком. Просто совпадение.

Рита. Я, собственно, не на кладбище, а в музее. Там рядом музей статистики. Не имеет никакого отношения.

Полина. А отец так мечтает о Новодевичьем!

Рита. Если ему интересно, пусть заходит. У нас, правда, утвержденный текст экскурсии, но для вас я расскажу пошире.

Полина. Самое главное, у нас там бабушка моя лежит, мамина мама. Но больше четырех захоронений в одну могилу не дают. А там уже скопилось три. А мамина сестра еще жива, она уперлась: он, дескать, не прямая линия, а зять, боковая линия. А папа с мамой хочет лежать.

Рита. Вы давно без мамы? Я уже год.

Полина. Что вы! Слава Богу, живы. Все живы. У них режим дня. Они просто железные. Меня переживут. А я иногда думаю: вот бы мне первой умереть! Никого не хоронить.

Рита. Хитренькая.

Эля. Тогда о чем речь? Девочки, еще выпьем, у меня все-таки день рождения.

Рита. Да, да, действительно. Ну, кто у тебя будет-то?

Эля. Ты что, не могла мне позвонить? День рождения отменяется.

Рита. У меня девка болела, я с ней сижу, телефона в доме нет, сама знаешь. К тебе поехать, наняла тетеньку, шестьдесят копеек в час, с девкой сидеть. Уложила спать, тогда только поехала. А что, день рождения отменяется?

Эля. Отец сказал, что больше такого безобразия в доме не потерпит, что его жизнь не к Петрову, а к Покрову... Сама знаешь. И за месяц заблаговременно начал больницу себе пробивать. Не можешь же ты при больном отце, которого в больницу заберут вот-вот, а все не дают направления. Сегодня наконец ему выделили. Отъехал, мать замучил, я на работу не ходила...

Полина. А что с отцом?

Эля. Что всегда. Диабет, гипертония, склероз.

Полина. А у моего папы аденома простаты, облитерирующий эндартериит и склероз.

Рита. Вот и мы такие будем.

Полина. В том-то и дело.

Эля. Что вы, он в больнице отдыхает от нас. Говорит, чтобы больше у меня без дней рождения.

Полина. А мы давно все отмечаем в узком семейном кругу, все знаменательные даты. Папа ходит с трудом, а от гостей мусор, тарелки, расходы.

Эля. Вот именно. Два года подряд я им делала баранью ногу, салаты, помидорчики доставала. Пролетает сорок-пятьдесят рублей, а дарят одни бутылки. Сами выхлебают и рады. В прошлом году мне подарили стеклянный мундштук, книжку «Древние бурятские памятники» и что-то еще...

Полина. Нет, мне мама подарила серьги с изумрудами.

Эля. Ну, ладно, будем думать, что у меня все же день рождения. Чокнемся. Первый тост за хозяйку, второй за прекрасных дам, третий...

Рита. Третий за детей. Шестьдесят копеек в час.

Эля (Полине). Я слышала, у вас много детей?

Полина. У меня двое, а у вас?

Эля. У меня вообще.

Рита. А у меня девка. Очень замечательное существо пяти лет, зовут Таня.

Полина. Нет, у меня Владуку семь, а Светочке четыре с половиной. Ради них надо кое-как жить. Я тут в экспедиции была, летом в Каракумах. Вышла в пески, легла на бархан и думаю: вот бы так от солнца удар получить, умереть. Но детей ведь не оставишь, их надо поднимать. Старики уже старые.

Эля. Да ну, все вырастут, у нас в стране все вырастают. Я вон без отца, без матери, у бабушки в Чулкове сколько жила? И получилась свободный человек. Отец с матерью были за границей, в горячей точке планеты. Туда с ребенком не разлетишься.

Полина. А у меня мамин отец при царе был генерал-губернатор. Мамина мама была гувернанткой.

Рита. А сколько же лет вашей маме?

Полина. Она поздний ребенок была у родителей. И я у них поздний ребенок.

Эля. А я боюсь поздних детей. Среди поздних детей тридцать процентов идиотов, американцы просчитали.

Рита. Да ладно, я вон сама пишу диссертацию, вторую главу третий год, тоже все обсчитываю, просчитываю, знаю. Но главное, Полина, как вы умудряетесь с двумя стариками и с двумя детьми! Я вон, пока у меня мама болела, девку на пятидневку сунула. Она там коростой покрылась, а тут мама помирает, а тут начальница просила подать заявление по собственному желанию, что у нее экскурсоводов нет. У меня, говорит, есть на ваше место молодой энергичный товарищ, он быстро освоит тему. Какой-то выпускник.

Эля. Чей-то сынок, наверное.

Рита. Я думаю, вам, наверное, муж помогает, иначе как с двумя детьми да со стариками на руках!

Полина. Он мне ни капельки не помогает.

Рита. Как вам тяжело, я вам сочувствую.

Эля. Это мне тяжело и тебе тяжело, а ей все прекрасно.

Полина. Да, мне прекрасно. Стираю дважды в неделю. Мы в прачечную не отдаем, не хотим вариться в общем котле. Детей купаю два раза в неделю. Магазины ежедневно. Готовит мама. Еще пишу диссертацию.

Рита. У вас еще диссертация?

Полина. А как же. Не только у вас. Печатаю ее сама. У нас машинистки со схемами берут тридцать копеек страничка.

Эля. У нас двадцать пять, хотите договорюсь?

Полина. Пять копеек меня не устроят. Потом у мамы довольно хороший «Ундервуд» остался от ее мамы. Она работала машинисткой. Пишбарышня называлась. После революции. Что такое пять копеек, на них не пообедаешь. Я вон не обедаю, беру с собой бутерброд, на горелке готовлю чай. Летом, когда наши на даче, дома хуже, никто не готовит. Так я ем суп из пакетиков. На два дня идет один пакет. Один раз двое суток сидела голодная. Костя привел к нам друга Пашу, и они мой суп на два дня сразу съели. Я с работы пришла и прямо заплакала. Холодильник пустой. Я же рассчитывала на горячий суп. А супа нет. Села печатать, печатаю и плачу. Костя на меня кричит, что, людей, что ли, нет кругом, заняла бы рубль, сбегала бы в столовую. А я плачу. Так и проголодала два утра и два вечера. Хлеб-то и сыр для обеда у меня был с собой в сумке, тоже на два дня. Иначе бы я не протянула. Обед обедала.

Эля. Да ну, я всегда живу в долг. Играю в черную кассу. Денег нет и не будет, зато есть что надеть. Родители пока кормят. Все остается мне на булавки.

Рита. Ну да, как мы пошли к одной бабе на банкет. Защита диссертации. В ресторан. Наутро меня девочки на работе спрашивают, кто как был одет. А ты, спрашивают. А я, говорю, была в чем всегда, в отрепьях.

Полина. А я всёгда аккуратнo хожу, я перешиваю из старого. У нас швейная машинка марки «Зингер», я перешиваю из своих старых школьных платьев, тогда носили длинное такое и широкое.

Рита. О, я это дико люблю, когда из ничего, из старых тряпок...

Эля. Старая тряпка и есть старая тряпка.

Полина. Нет, я недавно нашла в сундуке бабушкины пододеяльники, спорола с них кружева, прошвы и сшила себе блузочку.

Эля. Да ну! Ветошь одна.

Полина. Что вы, алансонские кружева, я подштопала. А некоторые думали, что это тюль, который они покупают рубль километр.

Рита. А я тоже всегда в старом хожу. Ну и что?

Эля. Все равно я вам завидую. У вас трое детей. А у меня никого нет, поезд ушел. Без мужа я как-то не решилась, ребенок будет, спросит, что да как, да отчего размножаются. А мужа завести не решилась. Был меня моложе.

Полина. Почему, случаев много, теперь многие выходят замуж за моложе себя. Такая мода, берут себе мальчиков.

Эля. А я не решилась.

Полина. А какая была разница?

Эля. Двенадцать лет.

Полина. А у нас на работе я знаю случай на восемнадцать лет разница. Он был только что из армии, а она такая огневая женщина из бухгалтерии, ей тридцать восемь, ему двадцать. Сначала они просто так жили. По буфетам в очередях друг другу очередь занимали. Пошли всякие разговоры. Было какое-то письмо. У нас же девушек подавляющее количество, восемьдесят процентов. Ну, ее вызвали куда надо. Она возмутилась, он тоже возмутился. Ну, и это их подтолкнуло. Им хотели как лучше, а вышло еще хуже. Потому что она в результате паспорт на стол кладет, а в паспорте штамп о бракосочетании. Все зашумели, но она умная женщина. Она все сделала как надо, она пошла по общественной линии.

Эля. Обратилась в профком?

Полина. Нет, что вы, она вошла в кассу взаимопомощи. Работать там ни у кого нет охоты, она стала казначеем. Баба она огневая, работа закипела, со всех взносов содрала, с кассиршей договорилась в день зарплаты. К ней же потом и стали подъезжать, кто за сотней, кто за чем.

Эля. Ну и правильно, заткнулись. А сейчас как они живут?

Полина. Сейчас-то живут хорошо. Она на инвалидности, у него почки отбиты. Друг друга поддерживают, в походы ходят, каждую субботу в лес. Питаются по системе йогов, на обед репочка, изюм, грецкий орех.

Рита. Я пробовала по системе йогов, когда совсем дошла, вся опухла. Но по системе йогов питаться еще дороже. Йоги, во-первых, питаются с рынка. На рынке все качественное, но та же репка стоит как индейка. И потом, нельзя ведь перед ребенком отделываться репкой! Ему курицу нужно.

Эля. Куры и фрукты детям, как у нас соседка говорит. Давайте, девочки, выпьем того вина, которое стоит как две куры детям, плюс шестьдесят копеек в час по таксе.

Рита. Не напоминай.

Эля. За мой день рождения. Ну, а что было дальше, Полина?

Полина. Что она стала инвалид, это он ее два года назад все-таки угробил. На мотоцикле. Она ехала в коляске, ее потом по костям собирали. Она при этом хорошо держалась, мужественно, год пролежала в больнице, потом костыли отбросила, по стеночке ходила. А он говорит — теперь не мыслю жизни без нее, так что девочки наши опять умылись, фигу получили.

Эля. Полина!

Полина. Фигу! Он, правда, сначала вроде легко при катастрофе отделался, но теперь, видите, почки болят, отбил, значит, почки себе.

Эля. Нет, это у него на нервной почве.

Рита. У нас в музее тоже девяносто процентов баб. Девять баб и одна штатная единица свободная, на восемьдесят пять рублей. Начальница мечтает какого-нибудь мальчику на это место взять. Все мечтает, домечтается, пока у нее единицу не сократят. А работать некому. А бабу она не берет.

Эля. Я тоже баб не терплю.

Полина. О присутствующих не говорят.

Эля. А ты молчи, алансонское кружево. Нет, я бы так не смогла, за моложе себя выйти. Я слишком оглядыва-

юсь, кто что скажет. Полина, а Костя ваш намного тебя старше?

Полина. Мы одногодки.

Эля. Но он старше?

Полина. Нет, он меня моложе на девять месяцев и три дня.

Эля. А вот я не могу, когда я старше, а он моложе. Мне кажется, все будет смеяться надо мной, связался черт с младенцем.

Рита. Недавно начальница анекдот рассказала. Приходит ребенок из детского сада, пьет кисель, отхлебнет, подпрется рукой и говорит: мусикапи. Еще хлебнет, опять: мусикапи.

Полина. А, знаю, у нас рассказывали.

Рита. Ну, вот. А мать спрашивает, что это все ты мусикапи, мусикапи. Ребенок отвечает: это наша воспитательница с нянечкой пьют из стаканчиков и говорят: эх, мусикапи сейчас.

Эля. Не поняла сути.

Рита. Эх, мужика бы сейчас.

Эля (*Полине*). Давно хотела спросить: это у вас какое кольцо?

Полина. Изумруд с бриллиантами и платина. Это гарнитур с серьгами.

Эля. Надо же, как похоже на чешскую бижутерию! Никогда бы не сказала! Молодец, Полина! Молодцы чехи.

Рита. А у нас в семье все пропало. У них в эвакуации все пошло в обмен на хлеб, на картошку. Дураки были.

Эля. Куда это все девалось, у нас в Чулкове ничего похожего нет. Хотя были беженцы. И усадьба рядом была.

Полина. А у нас тоже все сначала пропало. Наследство перешло к старшему маминому брату, девочкам дали только приданое. А у этого брата была домраба, Нора. Она всю войну работала на заводе, кормила брата, ничего не продала. Когда война кончилась, он на Норе из чувства благодарности женился. И все наши от них отвернулись. Но когда он умер, моя мама стала принимать Нору у себя, а потом мы с ней объединились, съехались по обмену. Мамина сестра так до сих пор нам этого не простила. Зато все наследство у нас.

Эля. Теперь все детям перейдет.

Полина. Да, хорошо, что девочка есть, ей все ценности достанутся, а не чужой невестке.

Рита. Тяжело чужую старушку было кормить-то.

- Полина. Тяжело. В праздник тоже лапкой тянется с рюмкой, чокается. А умерла она ровно в тот день, когда родилась Светочка. Как почувствовала, что пора комнату освободить. Врачиха так и сказала — лечить вам ее только мучить.
- Эля. Ну и правильно сделали, сбагрили на тот свет... Хорошо, еще не отравили, может быть.
- Рита. А у нас тоже все погибли да повымерли. Тоже ведь была большая такая семейка, профессорская. Дедушка до революции был блестящий студент, катал барышень на своем автомобиле, на скрипке играл... Где эта скрипка, хотела бы я знать... Хорошая, наверное, была скрипка, от мастера...
- Эля. А у нас в Чулкове тоже ни у кого ничего не сохранилось, хотя мы под немцем не были. Беженцы только у нас жили. Я там в книжном магазине подписалась на Достоевского и на «Всемирную библиотеку». Но это когда-то было так, теперь уже все в книжном магазине подмели. Сами разнюхали. Единственно, что у них осталось от темноты, — как чуть что, кого-нибудь посадят, они сразу к отцу... Он до сих пор у них котируется как шишка на ровном месте. Он у них кому-то раз в жизни помог, теперь расплачивается за это.
- Рита. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это закон, Смирнова.
- Эля. Какое там доброе дело! Он помог одному дяде Юре Смирнову, а тот, оказывается, на свадьбе кого-то топором посек. Дядю Юру освободили, остальным обидно. Деревня дуروطясова.
- Полина. У меня на Спасе-на-Песках тоже у папы целая улица Шараповых. Папа мой Шарапов, и целая улица Шарапова слободка. Мы туда один раз с Костей ездили, когда поженились. Лес. Волга. Мы из дома в дом ходили, целая неделя прошла на этом. Они из свеклы варят. Костя до сих пор вспоминает. Да. А они сразу после того наладились к нам ездить, а у отца режим строгий, он совсем не пьет, а водки вообще не употребляет, тем более самогонку.
- Эля. Конечно, они мешочники. Мать их моя раз и навсегда шуганула. Я еще маленькая была, но помню. Дядя Юра Смирнов приехал с дядей Петром. Сидят с отцом, в комнате накурено, нахаркано, отец расхрабрился, пьяненький, и кричит матери, а мы пришли с прогулки: «Давай, мамаша, ставь нам гаванский ром». А тогда еще

дело при Батисте было. Мать взяла у них со стола пятилитровую банку грибов да как ахнет об пол!

Рита. Порезались?

Эля. Обошлось.

Рита. Я тоже родственников раньше едва терпела, теперь-то почти никого не осталось, теперь я над ними трясусь. Все-то они друг на друга клепали, какие-то жилплощади вспоминали, заявления, письма, наркомовские пайки, кто деда обобрал, куда его шкаф с рукописями делся, куда серебро, куда библиотека. А мне ничего не надо. У меня есть кооператив, мне с головой хватает имущества. То они грибки во дворе красят, по два рубля собирают, то в фонд библиотечки просят... А у меня же наследств никаких.

Полина. Через сколько войн прошли.

Эля. Сейчас начнутся скоро наследства. Уже мода бриллианты собирать, золото. Я и то в очереди постояла, взяла.

Полина. Наследства, если на них опираться в повседневной жизни, быстро проматываются.

Рита. У нас один знакомый получил неожиданно из Швейцарии наследство. Взял «Жигули», что еще. Кооператив себе и матери, холодильник, пианино, ковры. Еще что-то. «Жигули» у него вечно замусоренные, сам как ходил, так и ходит в чем попало, на «Жигулях» возит из лесу какие-то пни и коренья. Возит собаку к ветеринару. У него у собаки легкая форма шизофрении. В квартире бедлам.

Полина. Потому что нет культуры.

Рита. Нет, культура есть, он ведь из Рюриковичей, причем последний в роду. И рождает одних девок, скоро будет третий заход, все ждут. Он в панике, не будет, говорит, продолжения нашей фамилии. А жена у него дочь какого-то генерала, совсем простая девка. А он из Рюриковичей. Холодильник у них уже течет, три раза мастера вызывали, дочери учиться музыке отказались как одна. Он говорит: с вещами я промахнулся. Ковры требуют пылесоса и все такое. Дал маху.

Полина. Конечно, надо было золотом брать.

Эля. А жить на чем? На бутербродиках?

Рита. Он говорит, надо было книг по искусству закупить. Это было бы нетленное богатство, нетленка. И читать их опять же можно, двойное богатство.

Полина. А золото можно носить.

Рита. И будешь, как старший продавец, вся в золоте ходить.

Эля. А что ты знаешь про старших продавцов? Человек стоит столько, сколько он стоит.

Рита. Вообще-то верно. У меня моя парикмахерша, Зинка, вся ходит в золоте, как чучело, но добрый человек. Тут рассказывает: пошел ее сын выкидывать мусор, возвращается, говорит — там на помойке кто-то спит, хрипит, не бросай сюда, сынок. Ну, она быстренько с сыном пошла, там, действительно, старичок под стеной сидит, ночует. Он приехал в собес хлопотать себе пенсию, из подъезда его попросили, он приткнулся на помойке. Они этого старика привели к себе, ну, куда девать человека с помойки, они ему в ванной постелили, потом ванную вымыли, и все.

Эля. Ну и зачем ты это рассказала?

Рита. Ну вот она в золоте ходит. Правда, как мастер она плохая.

Эля. Оно и видно, ходишь вечно как лахудра, на голове сосульки одни.

Рита. Да у меня голова быстро пачкается. Через два дня опять мыть. Мотаешься — работа, детский сад, детский сад, работа. Чего там.

Эля. И золото у твоей Зинки тридцать первой пробы, и мастер она такая же. Одно связано с другим, золото с мастером. Золото требует свое.

Рита. Ну да, как один мой знакомый говорил: она выходила замуж за сына больших родителей, а получила алкаша.

Полина. Это кто вам так говорил?

Рита. Вы его не знаете, такого человека.

Эля. Успокойтесь, это ей говорил этот, Рюрикович.

Рита. Нет, Рюрикович не сын больших родителей, у него старушка мама искусствовед, я к ним раньше приходила, они чай наливают, а насчет сахара извиняются. И генеральская дочь шла за него замуж по огромному собственному желанию, у него невест человек десять было, на выбор.

Эля. Десятая была ты.

Рита. Одиннадцатая.

Пауза.

Эля. А кстати, Дружинина, на тебе ведь тоже золото, обручальное кольцо, забыла? Но я бы на твоём месте не носила его на левой руке, так носят только вдовы, но отнюдь не матери-одиночки.

Полина. Насчет золота: мама все боится войны, говорит, в случае чего живи как Нора: ничего не продавай, все оставь детям.

Эля. А дети — своим детям. А жить когда?

Полина. Мы живем ради детей.

Эля. Один раз я ради детей, то же самое, пошла на преступление. Пока суть да дело, у меня образовался пятимесячный плод, чистить нельзя по закону. Но я стала вытравлять, деваться некуда. Чуть сама не подохла, попала в больницу на ту же самую чистку, вся черная, лежу, помираю. Так врач такой молодой был, никогда его не забуду, все это дело шваркает в тазик и говорит: «Эх, какого парня загубили!» Я даже сознание потеряла.

Полина. Бывает, пятимесячные плоды кричат.

Рита. А я себе говорю: сколько у меня будет, все мое.

Полина. Всех будете рожать?

Рита. Всех.

Полина. Ну, это еще вам везет, что вы только раз попались.

Эля. Да у нее случая не было.

Рита. В общем, да.

Эля. То-то мужики от тебя шарахаются. А ко мне липнут. Потому что я думаю головой. Человек прежде всего должен себя осмыслить, что он есть в жизни. Может ли он рожать от моложе себя. А так получается — ты их плоды, они тоже наплодят, и никто даже не остановится, не подумает — имеет ли он право. Жить с моложе себя, губить парня, чтобы он потом с отбитыми почками ходил и репку жрал.

Полина. Что вы расстраиваетесь, еще будет у вас на улице женское счастье, поверьте мне.

Эля. А вот у тебя нет, не будет.

Полина. А у вас и не было.

Эля. А у тебя уже второй раз клин клином не вышел.

Полина. Убивает еще детей.

Эля. Клины! Клины!!!

Рита. Напились жутко. Голова кружится. Как я домой доеду... Тетенька уже уходит, наверное... Что ей эти шестьдесят копеек... Ну что я здесь сижу, чего жду... Танька одна проснется, будет кричать в темноте...

Эля. Отца в больницу провожала, намерзлась, настрадалась, спать уже ложилась, тут она является. Видите ли, охотится за мужем. А он бежит от нее за километр!

Полина. Я? Я не за мужем. Его ждет женщина по имени Тамара, потому что у Паши умерла мама.

Эля. Вот пускай его Тамарка и ищет. Тамарка Пашу, а ты под это дело ищешь Костю.

Рита. У Паши мама умерла!..

Полина. И еще мне Тамара сказала, что тут, на этом дне рождения, будет Костина женщина, его самая дорогая, зовут Рита Дружинина.

Эля. Правильно. Тамарка же с Пашей разошлась, теперь начала проваливать все явки. Рита, молчи! Пашу-то надо найти.

Рита. Полина, он давно меня бросил.

Полина. Да ну, Господи, я это знаю. У Тамары застарелые сведения. Теперь у Кости женщина по имени Ира.

Рита. Кто сказал?

Полина. Рита, детей не сотрешь с лица земли. А больше никто от него не родит. Он алкоголик. У него слишком большие алименты.

Эля. Эта дура бы родила.

Полина. Вот вам ваш бывший муж сколько платит алименты?

Рита. Когда восемь, когда десять рублей.

Полина. Умножить на четыре... Это что за заработок такой, не поняла.

Рита. Я не знаю. Как будто бы он ушел на какие-то полставки, чтобы только не платить. Специально. Сам-то он зарабатывает на книжном рынке. Собирает еще картины.

Эля. Вот тебе будет первое наследство Таньке.

Рита. Он ушел на полставки, потому что был против ребенка. Он настаивал на аборте. Был против Таньки. Ни разу ее не видел. Мы разошлись еще до родов.

Эля. А я что говорю? И мой был против, и он меня бросил. Конечно, я стала страшная, меня рвало в каждой повороте, редела целые дни. Много себе позволяла. Один раз целую селедку съела. Он и сбежал от меня. Хорошо ли быть матерью-одиночкой, с отцом моложе матери на двенадцать лет, да еще и который не хочет ребенка знать, да еще безо всякой надежды? Хорошо ли это ребеночку... Маленький мой... Что я наделала, о, что я наделала...

Рита. Да ну, Полина, бросьте, в самом деле, какая Ира... Какая там Ира... Никакой Иры. Он погибает, а вы — «Ира».

Полина. Ира и еще какая-то Кольцова в книжке у него появилась. И еще один ребенок на стороне, страдает

диатезом экссудативным. Он просил меня достать кварцевую лампу для облучения ребенка, страдающего экссудативным диатезом.

Рита. Для Танюшки, это для нее. Для моей Танюшки. Давно просил?

Полина. Да он еще до вас просил.

Рита. Когда?

Полина. Когда мы еще не были женаты.

Эля. Детей много, плюнешь и попал в детей.

Полина. Отец должен быть с детьми. Баб много, а законных детей двое.

Эля. А я что говорю? Мой поезд ушел.

Звонок в дверь.

Кто звонит, тот дурак!

Открывает, вводит Валентина с портфелем.

Валентин. Поздравляю, смотри, что я тебе принес! *(Открывает портфель, показывает Эле.)* Редкая вещь, дорогая. Через отца в спецбуфете. Слыхала? «Чинзано».

Эля. Мы вас звали выгоняли, а вы перлись не хотели.

Валентин. Итальянский вермут.

Эля. Ты чего пришел?

Валентин. В Японию еду, зашел проститься.

Эля. В Японию еще куда ни шло.

Валентин. Скоро взносики платить мне будешь. Я теперь заделался председателем совета молодых специалистов. *(Раздевается.)* Отец машину купил. *(Входит, видит Полину и Риту.)* О, холёсенские. Познакомимся, Валентин, срочно вылетаю в Японию. Что это с ними?

Эля. У Паши, знаешь, мама умерла.

Валентин. Поминки?

Эля. Нет, еще не похоронили. Паша куда-то пропал, без него не похоронят. Ты не знаешь, где он?

Валентин. Я? Откуда? Почему я?

Эля. Мы вот ждем Костю, он вроде обещался прийти.

Валентин. Да-да, он, наверное, будет. Так что посидим, подождем. А ночь-то холодная, думал я, где я ночку коротать буду... Набегался, намерзся. А здесь тепло. А там холодно. Можно я согреюсь из вашей бутылочки, пока мою достанешь... *(Наливает, пьет.)*

Эля. Учти, на такси у меня как не было денег, так и нет.

Валентин. Все с тех пор так и не разбогатела?
Эля. А мама болеет, так что тише вообще.
Валентин. А я все никак не разведусь. Все езжу по границам, а разведенному не поездишь.
Эля. Это ваше дело.
Валентин. Надо же, Пашина мать умерла... Жалко.
Эля. И некому похоронить. Вот, сидим как идиотки. Куда, что...
Валентин. Ничего, люди кругом хорошие найдутся, наружи не оставят ее. С завтрашнего дня я подключаюсь. На меня можно положиться. Я человек действия, у меня в руках все. Девочки, не плачьте, к вам пришел ваш мальчик.
Рита. Ну да, как мы с Танькой смотрим телевизор, она мне говорит: «Мама, вот видишь, кто поскакал?» Я: «Поскакали две лошадки». Она: «Нет, мамочка, это кобыла и кобель».
Полина. А я один раз на даче — Владик был еще маленький, Светочка вообще еще не родилась — вижу, Костя идет с двумя детьми: мальчик за руку, девочка на руках. И показалось мне, что это наши будущие дети... Так это Косте шло, двое детей. Оказалось, соседская девочка, с соседнего участка... Если бы у меня родился второй мальчик, я бы повесилась, но родилась девочка. А та, соседская, все время бегает через наш участок на улицу. Владик ее гоняет, приходит, говорит: «Она, мама, нашу малину объедает». А Костя ему отвечает: «Неужели, сынок, ты у меня жадным растешь. Ты же у меня не такой».
Валентин. Смирнова, как хорошо, что ты есть.

Конец

1977

■

ТРИ ДЕВУШКИ В ГОЛУБОМ

Комедия
в двух
частях

■

*Действие происходит на даче под Москвой,
в Москве и в Коктебеле.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИРА, молодая женщина — 30-32 года.

СВЕТЛАНА, молодая женщина — 30-35 лет.

ТАТЬЯНА, молодая женщина — 27-29 лет.

ЛЕОКАДИЯ, свекровь Светланы — 70 лет.

МАРИЯ ФИЛИППОВНА, мать Иры — 56 лет.

ФЕДОРОВНА, хозяйка дачи — 72 года.

ПАВЛИК, сын Иры — 5 лет.

АНТОН, сын Татьяны — 7 лет.

МАКСИМ, сын Светланы — 8 лет.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, знакомый Иры — 44 года.

ВАЛЕРА, муж Татьяны — 30 лет.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК — 24 года.

КОШКА ЭЛЬКА.

КОТЕНОК МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Детский голосок. Мама, сколько будет — у двух отнять один? Мама, хочешь расскажу сказочку? Жили-были два братья. Один средний, другой старший и один молоденький. Он был такой маленький-маленький. И пошел ловить рыбу. Потом взял он совочек и поймал рыбу. Она по дороге у него захрипела. Он ее разрезал и сделал рыбную котлету.

Сцена представляет собой дачную веранду. Ира готовит воду с лимоном. Дверь в комнату, дверь во двор.

Ира. Павлик, как ты себя чувствуешь?
Голос ребенка. Немножко хорошо.

Входит Федоровна. Она в довольно-таки старом халате, на ногах желтые резиновые сапоги. Под мышкой у нее кошка.

Федоровна. Ты не видела котенка-то? Котенок пропал. Не вы прикормили?

Ира. Нет, нет, Федоровна. Я уже говорила.

Федоровна. Котенка нет третий день. Мальчики ваши, что ли, убили? Заступом, что ли, зарубили? *(Заглянув в комнату.)* Что он у тебя лежит белым днем, вставай, вставай, что он как кислый пряник.

Ира. У Павлика тридцать девять и три.

Федоровна. Простыл, что ли? А им говори не говори, они в речке сидят до победного конца. Вот мать потом и страдает. Они мальчики, им надо. Вчерашний день пошли в малину. А там завязь сыпется. Гвоздодер у меня на дверях лежал, теперь не знаю, на кого и подумать. Котенка убили. С четверга нет. Третий день. Я думала, она его на чердаке держит, полезла на чердак, она мяукает, сама ищет. Ну что, Элька, где твой питомец? А? Мяу! Тут не мяу, тут злые ребята. Я знаю. Я за ними наблюдаю.

Ира. Нас не было в четверг, мы ездили в Москву мыться.

Федоровна. Вот накупала, вот он у тебя и заболел. Ты его выкупала, а он того же дня пошел на речку грехи свои отмывать. Ему надо! Я правильно не хотела тебя к себе пус-

кать, теперь на участке трое мальчиков, это даром не пройдет. Дом сожгут или еще тому подобное. Котенка сманили. Я давно заметила, мальчики им интересуются. То молочком его вызывали с чердака, то бумажкой орудовали перед ним.

Ира. Федоровна, я же говорю, нас в четверг не было.

Федоровна. Наверно, опять соседский Джек его разорвал. Собака разорвала. Это же не собака, это громила! Котенок тут испугался, мальчики за ним погнались, вот он и прыгнул к соседям. Это же надо знать!

Ира. Это Максим с Антоном, наверно.

Федоровна. Наверно, а что толку! Котенка не вернешь! Это они, точно они! Собрались с силами. А еще Ручкины, напротив их участок, они купили от большого разума ружье ихнему Игорю Ручкину. Игорь Ручкин купил, короче говоря. И стрелял бродячих собак. И моего Юзика убил. Юзик, кому он помешал на лугу? Я ничего не сказала, Юзика подобрала, схоронила, а что им говорить? Их дом на всю Романовку славен. И что же, неделя проходит, другая проходит, ихний Ленька Ручкин с пьяных глаз утонул. Разбежался в речку с бугра головой, а там глубина тридцать сантиметров. Ну? Какой спрос.

Ира. У Павлика тридцать девять, а они под окном как кони бегают, Антон с Максимом.

Федоровна. Там же бальзам посажен, под окнами! Я им скажу! Чистотел посажен!

Ира. Я говорю: ребята, бегайте на своей половине! Они говорят: это не ваш дом, и все.

Федоровна. И! Нахальство — второе счастье. Там на горе дом, где Блюмы живут. Барак двухэтажный. Все Блюмы. Сколько раз нижние Блюмы судились, чтобы выселили Вальку Блюма, он комнату занял и дверь на ту половину забил, где Блюм Изабелла Мироновна умерла. Блюм Изабелла Мироновна была у меня в детском садике музработником. Слабый была музработник, еле ползала. Придет, отдышится, над супом плачет, обтереться нечем. Я, говорит, концерты играла, теперь «Над Родиной солнцем» сбиваюсь, поверьте, Алевтина Федоровна. Что уж верить, сама не глухая. А был голод, сорок седьмой год. А одна воспитательница у меня начала воровать, не вынесла. Я строго всех держала. Она ворует, у нее дочь была взрослый инвалид детства. Яблочки у детей, хлеб, у нас

садик был санаторного типа для ослабленных. Вот она все в чулок засунет, чулок в свой шкафчик. Мне техничка сказала: у Егоровой в чулке яблоки, куски. Мы все это изъяли, Егоровой в чулок кубиков деревянных натолкали. Она ушла так с этим чулком домой. Поели они кубиков, вот. На второй день она уволилась. А тут и Блюм умирает в больнице. Я ее навещала, хоронила. Валька Блюм тут же ее комнату взломал и въехал с семьей, у него еще тогда семья была, детей трое. И никто ничего не мог в милиции доказать. Он же Блюм, они все там Блюмы. До сих пор врач Блюм Нина Осиповна на него зло держит. Недавно пенсию получали, Нина Осиповна ему в коридоре кричит, он первый расписался: да, такими методами ты всего в жизни добьешься. А он говорит: «А чего мне добиваться, мне семьдесят лет!» *(Кошке.)* Ну, куда девала свою питомку? А? Как окотится, все котята на счету, выведет с чердака, раз один, раз другой, и ни одного! Всех котят потеряет. Джек, вот он. Туда-сюда, туда-сюда! Как прибой. Зимой у меня кормились три кошки, к лету одна Элька осталась.

Ира. Почему это: не ваш дом? А чей же? Ихний, что ли, дом? Заняли и живут бесплатно, я же должна снимать! А я такой же наследник, как они, буду. Тоже имею право на ту половину.

Федоровна. Да, Вера еще жива, еще мается. А я тебя предупредила, у меня тут дорого, ты ведь сама согласилась.

Ира. У меня было безвыходное положение, я горела синим пламенем.

Федоровна. Ты всегда горишь синим пламенем. А у меня свои вон наследники. Надо Сереженьке ботинки купить. Она ему разве купит? Я с пенсии, бабка, купи. Полсотни пенсия, да страховка, да газ, да электричество. Полупальто ему купила драповое черное, лыжный костюмчик желтый, перчатки трикотажные, кеды вьетнамские, портфель купила, на учебники дала. И на все про все пенсия полста рублей. Теперь Вадиму ботинки туристические, шапку зимнюю из кролика. Она разве подумает? Ей «Жигули» подавай, какие дела! А у меня лежали две тысячи от мамы еще, мама завещала. Дачник Сережка прошлый год украл. Я смотрю, что он все на чердак стремится. А потом они с дачи выезжают, я за трубой посмотре-

ла, пятнадцать лет лежали деньги — нет две тысячи рублей!

Ира ходит, отнесла питье, вернулась, достала градусник, пошла поставила, вернулась, завела будильник.

Вернее, шесть тысяч, нам мама оставила: мне, сестре и брату. Шесть тысяч вору Сережке перепало. Я к ним в Москву поехала, тут же гляжу: они «Жигули» купили. На мои шесть тысяч. Я ничего говорить не стала, что с ними толковать, только сказала: «Ну, как вам мои «Жигули» подошли?» Отец его, Сережкин, покраснел, весь как рак красный, и бормочет: «Ничего не понимаю, ничего не понимаю». Сам Сережка пришел, руки вытирает, глаза не поднимает, улыбается. На старухины купили машину. Как мне теперь перед братом отчитываться, перед сестрой? Брат хотел приехать с Дорогомиловки, уборную поставить. Он обещался моему Вадиму помочь с «Жигулями»: он дает семь тысяч, исключая те, что у меня лежат, а у меня свистнули! Сестра приезжала, мяса привезла два кило, костей Юзику, а Юзика убили. Привезла мне на сарафанчик, привезла банку помидор пять литров баллон, привезла десять пакетов супу. И по сей день лежат. А Юзика нет! Юзика мать была настоящая овчарка, отец неизвестен. Мать овчарка, она тут бегала-бегала, видно, отвязалась, прошлой весной ее застрелил этот же Игорь Ручкин. Она бегала, а в марте в пионерлагере, я пришла за дверью, снимаю дверь с петель, смотрю, лежит эта овчарка, а около нее пять барсуков толстых таких. Я ей потом хлеба давала, куски сухие размочила, у меня зубов нет. А Игорь Ручкин ее застрелил. Я пошла на третий день и взяла одного себе. Они уже расползаться начали, от голода и поползли слепые. Вот этот самый Юзик и был.

Звонит будильник. Федоровна вздрагивает, кошка вырывается, убегает. Ира бежит в комнату.

Ира, ты сколько же денег получаешь?

Ира. Сто двадцать рублей.

Федоровна. И куда же ты собралась мне за дачу такие деньги платить? Двести сорок?

Ира (выходит с градусником). А что?

Федоровна. Что?

Ира. А сколько мне платить?

Федоровна (*быстро*). Сколь договаривались. Я говорю, как ты такие деньги наберешь?

Ира. Сама удивляюсь.

Федоровна. Может, давай я тебе одну отдыхающую с дом отдыха пушу? Женщина приходила, просилась. Она весь день в дом отдыха на горе, будет только ночевать. У нее там в дом отдыха муж не муж.

Ира. Пока обойдусь.

Федоровна. А то бы пустила. Одну койку, она с мужем на веранде переночует, двадцать четыре дня двадцать четыре рубля. Или он ей не муж, не знаю.

Ира. Не надо, не надо. Я от матушки своей еле отбилась, не надо.

Федоровна. И я ей тоже сказала: спрошу, но не ручаюсь. Что есть двадцать четыре рубля в наше время? Она бы больше дала.

Ира. Что есть сто двадцать четыре рубля в наше время!

Федоровна. Я тоже сказала — не надо ваших тридцати шести рублей, тахта у ней не полуторная. Никто ручаться не может, а вдруг вы захотите отдохнуть мертвый час, а на участке дети, тут у нее ребенок, тут у этих двух по ребенку. Трое мальчишек, это же рота! И все. Она тогда стала спрашивать: не поставите ли вы мои улья на участок? У нее три улья.

Ира. Новости!

Федоровна. Какие-такие улья! Сначала ей койка, потом муж, потом улья! Слушай, а у тебя муж есть?

Ира. Да был. Разошлись.

Федоровна. Алименты платит?

Ира. Платит. Двадцать пять рублей.

Федоровна. Случается. Блюм Валя меня недавно сватал, тоже пенсию получает семьдесят два рубля. У него трое детей возросли, а комнаты две, а у меня полдома. Ему же семьдесят лет, а мне семьдесят второй пошел. Я в день тридцать ведер под яблоньки выливаю. Нас Мария Васильевна Блюм сводила. Я надела туфли желтые, зубы, плащ синий, полушалок с розами синий, невестка подарила раз в жизни. Висит в шифоньере, я тебе покажу. Это здесь я так... обретаюсь, а у меня шуба каракулевая с какой поры у невестки в шкафу висит, сапоги на цигейке стоят. Я к тебе как-нибудь в Москву приеду как прин-

цесса цирка. Сберегаю для лучших времен. Моя кума, невесткина мать, все хвастает: а у вас сколь на книжке? А я: а у вас? Небось цифра пять? Она говорит, да хитрить не буду, около того и выше. Она одевает на работу бриллиантовые серьги, она кассиршей в «Суперсаме» работает. А к ней тут двое грузин подходят: «Слушай, моей матери срочно нужны точно такие же серьги». Она послушала, на следующий день уже в серьгах не вышла. Вырвут с корнем! А зачем мне Валька, я мужчин не люблю. Ухаживать за престарелым пенсионером свыше моих сил. Я и мужа своего не любила.

Входят Светлана, Татьяна и Валера.

Валера. Баба Аля тут как тут! Здравствуй, баушка!

Федоровна *(не слушая)*. Ну? Не любила, как только Вадима родила, сразу ушла к маме. И где похоронен, не знаю.

Валера. Баба Аля!

Федоровна *(тоненько)*. Ай.

Валера. Как здоровье, баушка? *(Выставляет на стол бутылку.)*

Федоровна *(вытирает уголки рта двумя пальцами)*. Ну, у вас гости, я пошла, я пошла.

Светлана *(это очень худая, как жердь, женщина, говорит басом)*.

Ну, Федоровна, за компанию!

Татьяна. Бабуль, куда, куда! *(Хихикает.)*

Валера *(важно)*. Присядьте.

Федоровна. Ну, за компанию и монах женился. Мне только ложку, десертную ложечку. Я принесу. *(Уходит.)*

Валера. Гм!

Все садятся, он стоит. Ира стоит, закрыла дверь в комнату.

Мы особенно не знакомы, но родственники. Так сказать, одного помета.

Татьяна *(хихикает)*. Скажешь тоже.

Светлана. Почему это помета?

Валера. Помет! *(Поднимает кулак.)* Это когда одна свинья зараз опоросится. Это сразу называется помет. Помет поросят.

В местной газетке во время командировки своими глазами прочел. Лозунг: «За тысячу тонн помета от одной свиньи!» Думал, они там свиней на удобрения рöstят. Но! Растворили. По-мет. Мечи на стол кирпичи!

Татьяна. Люди сидят, а ты про удобрения. *(Хихикает.)*

Ира наконец сдвигается с места, ставит чашки, режет хлеб.

Светлана. Татьян! Мы забыли. У нас же есть сыр. Мой в целлофане, твой в бумаге.

Татьяна (*хихикает*). Неси!

Светлана выбегает. Ира уходит в комнату, притворяет плотно дверь.

Татьяна. Зачем опять мой кошелек взял?

Валера. За бутылкой же, ну!

Татьяна. Учти, я тебя кормить не собираюсь.

Валера. Дура и есть дура.

Татьяна. Наоборот, я очень даже не дура.

Валера. Такие дела решаются только с бутылкой.

Татьяна. Да она не согласится.

Валера. Молчи! С бутылкой делались и не такие вещи. Вообще, ты попросила — я приехал. Сбегал за бутылкой. Из-за вас же, дуры!

Татьяна. Зачем ты мой кошелек-то взял? Дуралей.

Валера. Ты знаешь, что такое у мужчин долги?

Татьяна. Восемь лет у тебя все долги да алименты. Все дела да случаи.

Валера. Может мужчина получать сто тридцать на руки минус алименты тридцать пять ежемесячно?

Татьяна. Кто же тебе виноват, попал в аварию с пьяных глаз.

Валера (*озлобленно, свистит*). Попомни!

Татьяна. Нарожал детей.

Валера (*оживившись*). Кто нарожал? Я, что ли?

Татьяна. Ты. Ты. В Библии сказано. Исаак родил Иакова.

Валера. Учти! Когда рождается ребенок, мужчина умирает заново. И так каждый раз. Ни один мужчина не хочет этого. Есть даже такой роман: «Живем только дважды».

Поняла? (*«Поняла» — он говорит с ударением на «о».*)

Татьяна. Зачем ахинею разводить. Даром сюда пришли.

Валера (*шутит*). Наверное. (*«Наверное» он говорит с ударением на «о».*)

Татьяна хихикает, потому что Ира выходит с горшком в руке.

Ира. Сейчас.

Валера. Да лей в наш туалет, не стесняйся. Я угощаю.

Ира выходит.

Татьяна. Завсегда так: как что, в магазин или за водкой, ты за мой кошель хватаешься.

Валера. Опять за рыбу гроши!

Татьяна. Слушай, давай я на тебя на алименты подам!

Валера. Схватилась! Ты знаешь, что тебе выпадет? Останки! Я ведь уже считал. Сто сорок три оклад, тридцать три процента. От четырех отнять два... Сорок семь рублей с копейками.

Татьяна. Сорок семь рублей шестьдесят шесть копеек.

Валера (*злорадно*). Да подели пополам! А? Двадцать три рубля с копейками! И это в ме-сяц! А я-то даю больше!

Татьяна. Двадцать пять, да.

Валера. Ну!

Татьяна. Сколько тебе можно говорить: ты ешь, ты спишь, надо за квартиру, надо за свет!

Валера. А я что, за сплю тоже платить должен?

Пауза. Татьяна хлопает глазами.

Татьяна. А за белье? Я же в прачечную отдаю.

Валера (*бодро*). Комплект рубль в сутки ночь!

Откупоривает бутылку. Наливает в чашки, чокаются, пьют. Татьяна хихикает, потягивается. Входит Светлана с сыром.

Светлана. Моя Леокадия села и сидит. Опасается дождя, видно. Что она лежа захлебнется.

Валерий наливает Светлане, та прикрывает чашку рукой, потом садется. Татьяна хихикает. Светлана пьет.

Татьяна. Вообще в крыше столько дыр! (*«Вообще» она произносит как «воще»*). Вообще кошмар, за одну зиму осталось одно решето.

Светлана (*утираясь рукой, нюхает сыр*). Да, это вы довели дом до аварийного состояния. Все прогнило. Эт-то вы постарались.

Татьяна. Слу-шай! Наоборот! От дома бы давно хлам остался. Дом без хозяина загнивает. Мы его поддерживали. Валера то с лопаткой, то с молотком! На потолок землю носил ведрами.

Светлана. Самое главное — крышу довели.

Татьяна. Мы не довели, мы жи-ли! Воще. Когда живешь не в своем доме, знаешь, ты бы тоже подумала, головой. Покрыть крышу это четыре сотни. Да мы бы лучше

у хозяев сняли и два лета прожили! Четыре сотни. (Хихикает.)

Светлана. Вы пользовались? За это платите.

Татьяна. Вот ты сейчас тоже пользуешься? Давай плати.

Светлана. Крышу вы раскрыли.

Татьяна. Мы там не танцевали. Это время, время! Ты бы жила, ты бы крыла?

Валера. Нет!

Татьяна. Чужое бы ты не крыла.

Светлана. Леокадия моя сидит с зонтиком, всю скрючило. Знает, потопа ждет.

Валера. Это ваша мамка? Старушка та?

Светлана. Это моя свекровь, мне в наследство досталась от мужа. Мой муж — ее сын. Он умер, она как с нами жила, так и живет по старой памяти. Я в основном на ночных дежурствах, все-таки Максим спит не один. В моем положении родных не выбирают.

Валера. Максим — это кто?

Татьяна. Да Макся, ее парень.

Валера. А, пацан. Это они с нашим сегодня сцепились?

Татьяна. Я днем работаю, она ночью... Когда у нее сутки на выходные выпадают, я с ребятами сажу... Каторга, вообще.

Валера. Это хорошо, у Антона свой друг. А то здесь Ручкины хороводят... Всем вопрос задают: «Кто такой усатый-полосатый?»

Светлана. А кто?

Валера. А это твой матрас!

Татьяна хихикает, прикрыв рот. Ей неудобно.

Светлана. Хулиганье какое.

Валера. И Блюмы бандиты, верхние. Им по семь-восемь лет, они курят.

Светлана. Нет, не ожидала я от вас, что вы меня в такую тюрьму заманите.

Татьяна. Я-то здесь жила, вообще... И ничего. Попробуй, сними здесь дачу. Здесь дачи Госплана. Речка, лес, аэропорт. А ты бесплатно.

Валера. Как Госплан!

Светлана. Но без крыши же, поймите! А вдруг лето будет дождливое?

Валера. Безвозмездно под дождем.

Татьяна. Валера! Выхода нет, надо толем крышу покрыть.
Валера. Толем! Я испытываю отвращение к физической работе. А от умственной меня тошнит.
Татьяна. Хоть соломой покрыть, что ли.
Валера. Где солому сейчас возьмешь, ду-ра! В начале лета. Все съедено.
Светлана. Куда же мы детей денем?
Валера. Вообще, вот жестянщики хорошо зашибают! Вот которые «Жигули» восстанавливают после капремонта. Эх, пойду жестянщиком!
Татьяна. Так тебя там и ждали.
Валера. Попомни.
Татьяна. Ну что за муж, разве это муж? Твой же сын будет под дождем с бронхиальной астмой.
Валера. Надо было закалять! Ты же не дала!
На пороге двое мальчиков — Антон и Максим.
Максим. А тетя Ира в нашем туалете закрылась!
Валера. А ну, малыши, идите, играйтесь! Не маячь, не маячь тут. Лезьте вон на дерево. Там ваш раненый товарищ! Там ваш раненый товарищ, на дереве! Выполняйте.
Мальчики, переглянувшись, исчезают.
Меня дети любят. И собаки. И пьяные, кстати.
Татьяна. Свояк свояка видит издалека.
Валера. А я их закалю! Приучу! Буду приезжать.
Татьяна. Сейчас. (*«Сейчас» она произносит как «щас».*)
Светлана. Как я только на эту удочку вашу пошла! Мало того, что я за вашим Антоном на карачках ползаю: Антоша, обедать, Антоша, ручки мыть, а Антоша завился веревочкой, поминай как величали.
Татьяна. А ты не зови его! Побегает голодный, сам прыскалит.
Светлана. Да, и ему снова-здорово — разогревать? Я что, кухарка тут нашлась?
Татьяна. Сам разогреет, не маленький. Дома греет. Придет из школы, ключ на шею, сам греет.
Светлана. Нет, я его к газовой плите не подпущу. У взрослых людей взрывается, а тем более они спичками балуются. Не-ет. Как хотите, а я не могу жить без крыши.
Валера. Минуточку. Светлана, давайте выпьем и познакомимся. Меня зовут, как это давно известно, Вале-

рик. *(Берет ее руку, жмет.)* Я вам еще пригожусь, я это чувствую. Необходимо только достать кровельный материал.

Наливают, пьют. Входит Ира.

Ира! Ты гордая! Пойми об этом!

Татьяна. О, долгожданная! Ира, проходите, садитесь.

Светлана. Мы же сестры! Ну, выпьем за знакомство.

Ира. Да я не буду... Ребенок больной.

Татьяна. Мы трое... *(запнулась)* троюродные.

Валера. Надо выпить. Чтобы не свалиться.

Светлана. У нас была одна прабабушка и один прадедушка.

Ира. Я не знаю так далеко. У меня был неродной дедушка

Филипп Николаевич.

Татьяна. А я своих не помню никого. В деревне пооставались.

Валера. Зря не помнишь. Сейчас бы в деревню махнули твою.

За бесплатно.

Татьяна. В деревню надо шмотки возить и дарить. Рюкзаками да посылками.

Валера. Да ну, сейчас от подохшей родни никто не берет!

Татьяна. Им сейчас детям кримпленовые костюмчики возят.

Ира. Я по мужу. А по отцу Чанцева.

Светлана. А я по мужу Выголовская. А папина фамилия Сысоев. А мамина фамилия Катагощева.

Ира. Папина фамилия Чанцев, но его давно нет. Мамина фамилия по отчиму Шиллинг.

Валера. Англия?

Ира. Он из обрусевших немцев.

Татьяна. А у меня мама и папа однофамильцы. Кузнецовы!

Дедушки и бабушки опять-таки все Кузнецовы!

Валера. Причем учтите: однофамильцы. А не родственники.

А моя фамилия, передаю по буквам: Козлос-бродов. Козлос! *(Делает паузу.)* Бродов.

Светлана. Через тире?

Валера. Нет, зачем.

Татьяна. А я Кузнецова!

Валера. А я Антон Козлосбродов!

Татьяна. Сменим, сменим. Десятку сунем в зубы кому надо когда надо и сменим.

Валера. Попомни! Так... Есть предложение поднять тост за отчества. Я биологических родственников не имею в виду, я имею в виду всех здесь присутствующих!

Поднимают чашки. Входит Федоровна в синем шелковом плаще, синем полушалке с розами, в желтых туфлях, сияя вставными зубами.

В руках у нее десертная ложка.

Федоровна. С приездом! Вот надергала салату я... Что вошло. Вымыла в бочке. Так что ешьте, витамины! Кресс-салат.

Валера. И вас, Пантелеймоновна. *(Наливает ей в ложку.)*

Федоровна *(выпивает, морщится и зажевывает салатом)*. Я Федоровна. Это мой муж был Пантелеймонович. Отец у них был купец второй гильдии, имел мельницу и две пекарни. Их двенадцать было человек: Владимир, это мой, Анна, Дмитрий, Иван, Надежда, Вера, Любовь и мать их Софья, остальное не знаю. А их отец Пантелеймон. Верато Пантелеймоновна еще жива в Дрезне, в доме инвалидов, царствие ей небесное. А вы их какие-то внуки. Я и сама-то никого не знаю, Владимир был летчиком, не знаю, где лежит, я с ним в разводе. Мама твоя, Ира, кого-то помнит.

Валера. Фальшивые вы внуки, вот что я скажу. У этой Веры, наверное, есть тоже дети.

Федоровна. Ее-то дети, она их пережила, а где детей дети, неведомо.

Светлана. А много было таких детей?

Федоровна. Вас вот трое от троих, а еще от девятирх такие же неизвестно где шляются.

Валера. Так этот же дом ничей, это общее!

Светлана. Может, еще внуков двадцать человек.

Федоровна. Нет, уж мы по одному рожали... а вы-то тем более. Я Вадима родила, ушла жить к маме. С мужем я сошлась так просто, не любила. Родился Вадим, я им совсем не занималась. Помню, у соседей через забор был пожар, я Вадима схватила ночью, завернула в одеялку, выбежала, положила его на землю, а сама давай ведрами воду носить. К утру все прогорело, наш забор, а на дом не перешло. А я хватилась — где же мой Вадим? А он так и провалялся на земле всю ночь. Я была активная! У Вадима сынок, Сереженька, отличник!

Валера. Не навещают они тебя, бабушка?

Федоровна. А нет, нету! А раньше у детей разница в возрасте была большая. Старшему, к примеру, шестьдесят... а младшенькому сорок. Вы тоже можете родить еще через лет пятнадцать.

Валера. Только через мой труп!

Светлана. Отчима не хочется ребенку на голову навязывать.

Ира. Этого не знаешь как на ноги поставить. И молишься и молишься, только бы дожить!

Валера. Закалять надо! Каждое утро холодной водой ухо, горло, нос. Я Антона закалял!

Татьяна. Кто же зимой закаляет, дуралей!

Валера. Если бы не Татьяна, я бы его закалил. Надо холод, открытые окна, водой обливание...

Светлана. Вот сейчас у нас будут такие условия. Будет обливание. Я сегодня не на дежурстве... Мы с Таней их скатертями всех укроем, полиэтиленкой... Нигде ничего не посушишь... Нечего сказать. Спасибо тебе, Татьяночка, что ты пригласила меня бесплатно нянчить твоего Антошу, пока ты отдыхаешь на работе, да еще без крыши над головой. Хотя я имею такие же права жить на этой даче одна и без твоего согласия.

Валера. Раз-ли-ва-ю! Последняя. *(Разливает.)*

Все пьют. Ира вышла в комнату.

Федоровна, у вас нет лекарства настойки календулы?

Федоровна *(осторожно)*. А это от чего?

Валера. Это от горла.

Федоровна. Нету, нет, Валерик, я полощу лопухом. Тебе нарвать?

Валера. А у вас нет настойки лимонника, экстракт космонавтов элеутерококк?

Федоровна. Нет, нет, Валерик. А это от чего?

Валера. Это от пониженного тонуса. А какая-либо настойка есть?

Федоровна. На спирту?

Валера. Само собой.

Федоровна. Есть, Валерик, но тебе не подойдет. Настойка йода.

Валера. Послаше чего-нибудь.

Федоровна. Чего нито найду. *(Выходит.)*

Входит Ира.

Ира *(решительно)*. Вы что думаете, я тоже имею право жить на той половине, у мамы есть какие-то документы. Так что вы не думайте. Если вы раньше заселились, то я должна снимать за двести сорок рублей!

Светлана *(быстро)*. Никто не говорит! Давай поменяемся.
Татьяна. Мы переедем сюда, и все. Ты туда!
Валера. Что я говорил? Без бутылки ни-ку-да! И всем стало весело.

Ира *(возбужденно)*. Маме позвонила Федоровна и сказала, что некому на той половине жить, дом без жильцов разваливается. Я приехала, все вымыла, побелила рамы в комнате, стекла помыла... Через неделю приезжаю с вещами, с холодильником, с ребенком, на машине, и вот тебе и раз! Вы уже заняли, что я помыла. Интересно. *(Сидит, повесив голову. Ее развезло.)*

Валера. Что было, того не вернется. Закон джунглей!
Ира. Скандал мне устроили.
Валера. Они ду-ры! Дуры. Сами не понимают своего счастья. Теперь живо! Все вымыть и ей сдать. Они там не заплывали. И ты въедешь туда, а холодильник я на тачке сволоку.

Ира. Нет, у меня уже нет сил переезжать. Я предлагаю, чтобы мы имели одинаковые права. Мы все платим за меня по восемьдесят рублей. А то вы живете бесплатно на моей площади.

Валера. Хорошо, скидываемся по восемь червонцев, и что будет? Нам от этого что перепадет?

Ира. Почему я должна платить, если вы все заняли?
Валера. Допустим, мы платим. А дальше как живем?
Ира. Я здесь остаюсь, вы там.

Светлана. Нет. Ты не поняла. Мы как раз берем на себя всю оплату и переезжаем сюда.

Ира. Прекрасно. А я без крыши с больным ребенком.
Татьяна. Ну ладно. Давайте так: мы покрываем крышу, Валерка покроет, а ты пускаешь наших ребятишек и бабку ее под крышу.

Ира. На терраску?
Светлана. В комнату, в комнату. Здесь холодно.
Ира. А мы? У него же тридцать девять и шесть!
Светлана. А как мы поступаем всегда? Мы, медики? Отгораживаем чем есть: ширмой, одеялами... Моем хлорной известью.

Ира. Но дождя-то нет.
Татьяна. Да уже еле держится, посмотри!
Светлана. Мы его отгородим, самое главное ему сейчас — это тепло. Мы надышим.

Ира. И берем расходы на троих. По восемьдесят.
Татьяна. Но крышу-то крыть — ты ж слышала, четыреста рублей. Во торгашиха-то, не понимаю. Ты восемьдесят, а мы по двести восемьдесят?

Валера. Другие бы взяли шестьсот. Но для своих...

Ира. Я не понимаю... Вы по двести... А я двести сорок, да сколько человек в одной комнате?

Светлана. Крыша-то общая! И твоя тоже!

Ира. Почему моя-то!

Валера. Так дело не пойдет. Девочки, сбрасываемся! По рупчику! А то палатка прикроется! Мы с Татьяной уже внесли четыре.

Ира. У меня нету. Вы меня в свой туалет не пускаете!

Валера. Ира! Ты гордая! Ты будь проще!

Татьяна. Этот туалет Валера своими руками сбил восемь лет назад, и туалет уже на соплях. Ты ведь у хозяйки? Она обязана дать куда ходить.

Светлана. Да нет, какой разговор, пожалуйста, ходи. Смотри не завались только вместе с ним.

Ира. У Федоровны нет ничего. Она говорит, ходи в курятник. А там такой петух...

Валера. А-а! Васька? Выключет что надо и не надо.

Ира. Я его боюсь. *(Сидит, повесив голову.)*

Валера. Девочки, разговор задерживаете! Палатка закроется!

Светлана. Короче. Надо жить, жизнь подскажет.

Ира. Сначала ваши мальчишки избивают моего Павлика, да? Это они держали его в воде, снимали с него трусы. Он после этого и заболел.

Светлана. Сейчас я приведу их, и мы узнаем, кто у кого что снимал. Сейчас, сейчас. *(Выходит быстрыми, крупными шагами, вся красная.)*

Входит Федоровна, несет в руках пузырек.

Федоровна. Вот настойка сладкая, как ты просил, Валерик.

Валера *(берет)*. Ну! Грамм сто пятьдесят!

Федоровна. Алтейного корня настойка. *(Протягивает свою десертную ложку.)*

Валера *(кочевряжась)*. Так. Натрия бензонат. Натрия гидрокар-бонат. Теперь все сплошная химия. Капли нашатырно-анисовые. Анисовые есть такие, знаю. Грудной эликсир. Зачем? Сироп сахарный. Хрен с ним.

Федоровна тянет ложку.

Так... *(Нюхает)*. Дрянь какая-то. Ничем не воняет. Сюрприз моей бабушки. Эх, понеслась! *(Выливает из горлышка в рот.)*

Татьяна. О! Воронка-то!

Валера *(опомнившись)*. Это что было?

Федоровна. Дети даже пьют. Ничего. Да ты много принял. Там написано по десертной ложечке. *(Вырывает пузырек у Валерия из рук, выливает остаток на ложку.)* Вот так принимают! *(Пьет с удовольствием, вытирая рот рукой.)*

Валера *(стонет)*. У-уу, гадость! У-уу!

Федоровна. Она хорошо действует, сейчас будешь хорошо харкать.

Валера. Это с какого праздника?

Федоровна. Отхаркивающее.

Валера. Мамочка! *(Опрометью вылетает за дверь.)*

Федоровна. Всю аптечку ахнул.

Татьяна. Куда опять с кошельком-то? Сейчас последние два рубля выдаст.

Федоровна выходит посмотреть, что с Валерием.

Ира. Танечка, как жить, когда совершенно одна на свете.

Никто, никому не нужна. Вы пришли, я думала, мириться.

Сестры называются.

Татьяна. А ты?

Ира. Я одна. У меня никогда не было ни брата, ни сестры.

Сыночек есть.

Татьяна. У вас же мама.

Ира. Мама! Это такая мама...

Татьяна. У меня бы мама здесь была, я бы этого *(кивает на дверь)* тут же бы погнала. Она когда приезжает с Сахалина, в доме праздник, тепло, светло, дом! Она вышла замуж, и их послали. Нет у меня теперь мамы.

Ира. Если бы! Если бы у меня было так!

Татьяна. Мама! Это первое слово, которое произносит человек, и последнее...

Ира. Меня моя мама ненавидит. Не любит.

Татьяна. Ну не надо так, я не люблю такие вещи. Значит, такая дочь. Мама — это мама. А я сразу поняла, какая ты. Ты цепкая.

Ира. Цепкая, что и говорить. Цепляюсь за жизнь.

Татьяна. Можете мне не жаловаться. Мать нас рождает в муках, воспитывает, кормит. Что еще. Стирает на нас. Все, что мы сейчас делаем. Да и работаем. Чтобы я когда-нибудь подумала, что я Антошу ненавижу! Да я все пальцы у него на ногах перецеловать могу! Я всех ради него задушу!

Ира. Я тоже всех передую ради Павлика. А тогда вам будет приятно, если вашего сына начнут топить.

Татьяна. Бросьте жалкие слова.

Ира. Если вашего Антона под воду, а?

Обе разозлились.

Татьяна. Кто тебе эти глупости наврал? Сам небось твой Павлик. Купался до посинения, вот и придумал.

Ира. Двое на одного.

Татьяна. Он у вас как взрослый, ничего детского. Читает! Читали читали, писали собаки. И учтите, ему же первому всегда будет доставаться. Вот запомните.

Ира. Ладно, иди отсюда. Шалавая.

Татьяна (*сидит понурившись*). Дождь собирается, вот проклятье. На восьмой год жизни. Лето надо провести на воздухе. Как назло, Антон всю зиму болел воспалением легких. Этот дурак давай его холодной водой обливать, убить его надо. Антон два месяца болел, два месяца я сидела за свой счет. Я в больницу его не отдала, мама звонила — умри, а не отдавай в больницу. У нее первый ребенок, мальчик, его в больнице уронили. Был бы у меня старший брат. Пустя Антона, Ира!

Ира. Когда я вас просила, плакала, вы меня не пускали!

Татьяна. Ребенок же, ребенок!

Решительно входит Светлана. Глаза ее горят.

Светлана. Я все выяснила. Ваш Павлик, оказывается, укусил Максима в плечо! Это же инфицированная рана! Рваная инфекция. Полость рта! Это самое грязное место у человека! Я вашего Павлика доведу вплоть до колонии. Мне, главное, Максим ничего не сказал, побоялся. Я, он знает, как отношусь! Максим ослаблен после смерти отца! У него были кровавые поносы! Брели на дизентерию! И ничего! У него подорванный кишечник! Я бьюсь, бьюсь, специально перешла в ночь, да что же это такое!

Татьяна. Да ничего не будет твоему Максe. Заживет как на собаке. Вот он Антошу бил лбом вчера об камень? Я приезжаю вечером, лоб разбит. А? Ты не сдала своего Максю в колонию? Слюну у него не брала на анализ?

Светлана *(в отчаянии)*. Я обработала ему ранку, это случайность! Между детьми!

Татьяна. Конечно, ты у нас старшая научная сестра.

Светлана. Между прочим, Максим сказал, что под водой Павлика держал не он, а Антон! А Максим стоял на берегу!

Татьяна. И командовал.

Входит Федоровна с кошкой, в своем затрапезном виде.

Федоровна. Потеряла котенка, вы котенка не видели? Орет, нет никакого спокойствия. Хотела уснуть, куда там!

Татьяна. Павлик потому укусил Максю, что Макся ему кричал: не пустим сюда больше твою мать, не пустим! Его Павлик и укусил, и правильно, я бы тоже за свою мать укусила.

Федоровна. Это злые ребята заступами порубили котенка.

Светлана. Ничего подобного. Максим любит зверей.

Федоровна. Молоко у нее вступило, что ли? Орет. Или она кота хочет? Мяу!

Ира. Светлана, вы не посмотрели бы Павлика? Он что-то мне не нравится.

Светлана. Ничего, ничего с ним страшного. Сейчас.

Светлана преображается.

Ира. Полотенце вот свежее! Рукомойник за дверь. *(Снимает с веревки полотенце.)*

Светлана выходит.

Федоровна. Элька, Элька, Элька, маленькая Элька!

Заглядывает под стол. Татьяна тоже заглядывает под стол. Ира ждет Светлану с красными пятнами на щеках. Федоровне явно не хочется уходить.

Татьяна. Федоровна, у меня еще суп со вчера остался. Ребята не поели. Антон вообще, наверное, ложкой поболтал, как всегда. Я сегодня новый варить буду, на костях. Я вам дам полкастриюлечки.

Федоровна (*подумав*). Это для кошки, отлей для кошки!
Я принесу посуду.
Татьяна. Че это для кошки, че для кошки, для детей варено.
Кошка не барыня твоя.

Уходят.

Входит Светлана, держа руки на весу. Ира кидается к ней с полотенцем. Светлана в халате, со стетоскопом на груди.

Ира. Пожалуйста, сюда.

Уходят.

Детский голосок. А потом осьминог задрогался и сказал: ой, отпусти меня отсюда, мне жарко. Он отпустил осьминога, и он полетел. Он немного плавал и немного летал, его в небе поймали.

Некоторое время сцена пуста.

В дверь с улицы стучат. Входит Николай Иванович, мужчина за сорок, с сумкой и складным зонтом. Одет Николай Иванович в очень дорогой шерстяной тренировочный костюм с белой молнией и белым кантом — в то, что сейчас заменяет солидным мужчинам пижаму.

Николай Иванович. Меня сюда направили?

Сцена пуста. Наконец на веранду выходят Светлана и Ира.

Светлана. Ну что, острое респираторное заболевание. Состояние сейчас это у всех детей так проходит. Высокая температура подержится. Будете подавать сульфадиметоксин. Сейчас таблеточку, утром целую таблеточку, далее по полтаблеточке два раза в день. Сначала ударная дозировка. Надо ему помочь, сильный жар. Когда температура спадет, надо поберечь, часто переодевать в сухое.

Ира. Нету сульфадиметоксина. Что делать?

Светлана. У меня нет сульфадиметоксина.

Ира. Что делать, Светлана, а что-нибудь есть?

Светлана (*торжественно*). Я лично пользуюсь только народной медициной. У меня только липовый цвет, мед, лимон. Я вам дам. Я в лекарства, между нами говоря, не верю. Только в особых случаях.

Ира. Что же делать?

Николай Иванович. Зачем? Я извиняюсь, конечно, но на случай гриппа есть прекрасный английский препарат

бробдигнегг *(немного запинаятся)*. Бробдигнегг. В три дня поднимает. Меня в Лондоне прихватило, в гостинице снабдили. Я запас привез.

Светлана. Я ничего этого рекомендовать не могу. Мною это неизвестно... *(Говорит очень солидно.)* Главное что? Снизить жар, дать пропотеть, пить кислое. Лимончик есть?

Ира. Есть!

Светлана. А липовый цвет я принесу. Скоро будет новый липовый цвет, этот прошлогодний. *(Уходит.)*

Ира. Лимон есть.

Николай Иванович. Наконец я вас нашел. В чем дело, почему вас не было утром в одиннадцать у «Востока»? Только благодаря почтальону я нашел вас. Ну как, читали прессу?

Ира. А в чем дело?

Николай Иванович. Что интересного в газете «Неделя»? *(Он явно намекает на какие-то обстоятельства.)*

Ира. Откуда я знаю.

Ира смущена, не смотрит на Николая Ивановича, готовит питье.

Николай Иванович. А я прямо все обошел! У меня машина в мелком ремонте. Ничего, хорошая физподготовка. Утром почти бежал на свидание, раз — а моей «Недели» нету! Теща мне буквально выговор устроила, что я вам отдал экземпляр. Она специально подшивает для моей дочери. Как же так, Алена приедет, а подшивка недокомплектована! Алена у меня отдыхает в данный конкретный момент в Коктебеле с матерью. *(Игриво.)* А можно узнать, чем это вы так зачитались тогда?

Ира. Не знаю.

Николай Иванович. Разрешите все ж таки газетку, это я не для красного словца придумал. Теща бы раздула историю. И так она уже вчера сказала: «Что значит, Николай Иванович, что вы съездили на электричке один разок! Сразу на вас интересная девушка обратила внимание». Нет, моя теща человеческий человек, она только не любит непорядка.

Ира налила в термос кипятка, кладет сахар.

Если кто-то болеет, я вижу, апельсины как раз есть. *(Вынимает из сумки кулек, кладет на стол.)* Можно, я присяду? *(Садится.)* Я прочесал всю Романовку в поисках,

ну где же моя «Неделька»? Зная примерно район, вы сказали у колонки, хозяйка Чанцева. Остальное добавила почта. У меня машина в ремонте. Пустяки, но все-таки пришлось побегать. Утром почти бежал к гастроному, а моей «Недели» нет! Но я вас нашел. А то теща все мне указания спускает: «Верните «Неделю» любым путем!» Не знает, не знает, на что меня провоцирует, понимаешь. Давно я не бегал такой кросс. Особенно в поисках девушки. Вам двадцать пять лет, и вы сумасшедшая!

Ира. А, вы тот человек из электрички. «Неделя». Сейчас. *(Роется в газетах, отдает Николаю Ивановичу экземпляр.)*

Николай Иванович. Ну как, интересное есть что-либо?

Ира. Я не прочла. Некогда было. Ну ладно, идите. А то не до вас.

Николай Иванович *(встает, кладет «Неделю» на стол)*. Ничего, ничего, читайте. А у меня машина в ремонте. Тормоза отказали! *(Смеется.)* Сумасшедшая. Самое главное, что теперь я вас нашел. Теперь я вас держу в поле зрения. Теперь я тещу вправе успокоить. Скажу, что случайно купил в киоске дополнительный экземпляр!

Ира уходит в комнату с термосом.

А где сын? *(Заглядывает в комнату.)* Глядите, какой солидный! Смотрит! Температура есть?

Ира *(из комнаты)*. Сорок.

Николай Иванович. Ну, ну, не так страшно. Нас не испугаешь. Бывает и хуже, и то. Меня в Англии знаете как прихватило? Ничего, собьем. Обильно пропотеем. Девушка эта врач верно сказала. Народная медицина сейчас все больше на подхвате. А лекарство вам я это сейчас доставлю. А то прямо с ног сбился. Исчезла моя газета! Теща собирает для моей дочери. Это они интересуются. У меня тоже дочка есть! Хорошая, между прочим. Большая-ая! Но это просто детектив, как я вас нашел.

Голос Иры. Павлик, выпей анальгин.

Павлик *(кричит)*. Нет!

Николай Иванович. Зачем, зачем анальгин! Бробдигб... *(Путается.)* Бробдигнег! Лекарство на три приема, и все. А, молодец, выпил. Маму надо любить. И запей кислым. О, перекопился весь, правильно. Здоровей будешь.

Ира выходит на веранду.

Слушайте, мама, почисть апельсин сыну! А вы когда не пришли в одиннадцать, я прямо начал прочесывать местность. Думаю, что, понимаешь, стряслось! Договаривались же точно, девушка честный человек.

Ира. Мне сейчас некогда, потом. Потом давайте, некогда говорить. Очень большой жар.

Николай Иванович. Когда потом, когда потом? Дети всегда болеют, нельзя ослаблять сопротивляемость ребенка, нельзя трястись! Надо жить жизнью. Это не траур! Нельзя подавать виду. Он там полежит, ничего. Пусть знает, что у вас гости. Он там сам с собой полежит.

Ира. Нет, идите. Кому сказано, сейчас не до вас.

Николай Иванович. Так нельзя давать себе волю. Вы же на него влияете отрицательно.

Ира выходит.

Входит Светлана, открывает дверь в комнату, возбужденно говорит. В руке у нее велосипедная камера с крышкой.

Светлана. Ну, вот, и что я узнаю? Хорошо еще, что посторонние есть. Хотите знать, ему этот велосипед отец купил, это память об отце! Ну ты при посторонних ответь: чем этот Павел ему камеру порезал? Эта камера — это память! Смотри, Павел, ты ножом, тебя в ножи возьмут!

Ира резко закрывает дверь.

(Светлана плачет.) Максим плачет. Я за слезинку ребенка!.. Не знаю, что сделаю.

Николай Иванович *(благожелательно)*. Одну минуточку. Дайте. Так... Ну что, камеру можно спокойно и свободно выбросить... Это я вам гарантирую. Крышку тоже выбросить...

Светлана, вытирая слезы, кивает.

Я попробую вам к вечеру найти подобную продукцию. Где-то валялся велосипед такой конструкции моей дочери. У нее уже новый давно велосипед, складной. Она вот такая. *(Показывает очень высоко.)*

Светлана кивает, садится.

Теща ничего не выбрасывает, велосипед семилетней давности, как чувствовала.

Светлана. Максим говорит мне: я Пашку поймаю, изобью.
Павлика. Я кричу на него: нельзя избивать, он моложе тебя! Но я же не в силах за ними уследить везде! У меня и так двое на руках и чужая старушка, меня же надо понять. Вот! *(Протягивает обе руки, поворачивает ладони вверх-вниз.)* Дрожат! Так что, Павел *(обращаясь к двери)*, действуй своими силами, я тебе не помогу, убегай подалее. *(Уходит.)*

Николай Иванович благодушно надевает камеру с крышкой себе на шею.

Николай Иванович *(приоткрывает дверь)*. Бу! А что же ты, сын такой матери, убегаешь? Ты встречай противника чем попало, болванку возьми, палку, щепку. Нет ничего, выставляй два пальца. Неожиданная реакция! *(Выставляет два пальца, кивает и приставляет ладонь ребром к носу.)* Правильно мне ответил!

Ира выходит, притворяет за собой дверь, стоит, прислонившись к ней спиной.

Будем знакомы, мой дом наверху, над карьером. Дачи «Подмосковные вечера» знаете? Госплан. Я приезжаю почти ежедневно. *(Громко говорит в дверь.)* Меня зовут Коля. А маму твою как зовут? Давай познакомимся! Ась?

Ира. Да Ира, Ира.

Николай Иванович. Очень приятно. А может быть, выпить чайку? В горле пересохло.

Ира. У меня вода в термосе только для Павлика.

Николай Иванович. А так, вообще? Где еще вода? В чайнике есть? Вот чайник, верно, все совпадает, воды нет. *(Взял чайник, болтает им.)*

Ира. У нас воды нет. Времени нет бегать на колонку.

Николай Иванович. Где ведра? Колонку я знаю. Так, указания принял к исполнению.

Уходит, довольный, с ведрами. В дверях сталкивается со входящей Светланой, которая несет мед.

Светлана. Оказывается, еще того лучше. Вот тебе мед. Делаешь компресс на шейку подковообразно, мальчикам на щитовидку ставить компресс нельзя, потом сказывается. Оказывается, еще того лучше! Павлик твой знаменитый,

даром что мал, толкнул Максима с велосипедом в металл-
ломом на углу!

Ира. А чего же он своим велосипедом на людей наезжает! Вчера девочку сшиб на площадке. Бабушка ее плакала. На Пав-
лика наезжает беспрерывно!

Светлана. Это игра! Это случайность! Максим не хлюпик!
Знаешь, что такое «максим» по-латыни? Лучший!

Ира. Не лучший, а больший. Максимум.

Светлана. Наилучший! Я по женскому календарю выбирала!
Наилучший!

Ира молчит.

А вот то, что Максим полетел на банки ржавые, это подлость. Это готовый столбняк. Шина и та лопнула, а ребенок? (*Грозит в сторону двери.*) Я т-тебе, обезьяна! Мар-
тышка! Распустила ты Павлика своего, придется тебе еще поплакать. (*Плачет.*) Господи, если отца нет, значит, всем можно все.

Запахавшись, входит Николай Иванович.

Николай Иванович. Колонка далековата для слабых дам. (*Ставит ведра.*) Давненько я воду не носил ведрами, с юности. Слушай, Ира, это у тебя собственный дом?

Ира (*зло*). Да! Собственный! Бабушкиной тетки.

Светлана. Пх! Ее дом. Ну вы подумайте! Танька оборжется!
Ее дом!

Николай Иванович. Пусть эта бабушка напишет заявление на протягивание нитки водовода вплоть до ее домо-
владения.

Ира. Да она далеко. Восемь лет уже в доме инвалидов в Дрезне.

Николай Иванович. Ну что, нельзя за нее подписать? А я вас в этом деле поддержку, у меня здесь в поссовете есть толковый мужик.

Светлана. Сначала воду, потом все загребут. Ее дом, видели!
(*Уходит.*)

Николай Иванович. Ира, поставь чайку. Я просто умираю от жажды. Бегал, бегал за девушкой. Жены с дочкой нет полтора месяца. Второй срок распечатали. Теща живет здесь, на даче. Я в Москве ужинаю чем попало, в основном консервы. (*«Консервы» он произносит как «консэрвы».*) Вечером едешь с работы, магазины в массе закрыты.

Стал поневоле сюда мотаться. Теща кормит хотя бы без консервантов. (*«Консервантов» он произносит как «консэрвантов».*) У меня же сто одна болезнь. Таким образом мы с тещей поехали вчера за клубникой. И таким образом в электричке вы на меня и наткнулись! Теща говорит: какая смелая девушка! Газеты просит прямо у мужчин! Все обычно, Николай, вы ей понравились. Но ради этого, она считает, «Неделю» не стоило отдавать. Видно, говорит, она вам тоже приглянулась, если вы отдали. Я ее заверяю: будет вам ваша «Неделя»! Так что теща в курсе нашего знакомства. Зачем вы ко мне обратились? Я вам понравился? Только честно.

Ира. А что, уже нельзя попросить газету?

Николай Иванович. Смелая, очень смелая девушка! Сумасшедшая! Я вас люблю, сумасшедшая! (*В дверь.*) Павел, у меня вопрос. Где папка?

Ира. Оставь ребенка в покое. Привязался.

Николай Иванович. Понимаю, приветствую. Папки нет.

Ира. Ничего не значит.

Николай Иванович. А чем мамка занимается?

Ира. Я преподаю гэльский язык. Сто двадцать рублей.

Николай Иванович. Молодец! Дуй до горы, а в гору поможем!

Ира. Еще знаю мэнский.

Николай Иванович. Я не в курсе, но поможем, поглядим вокруг. Если есть такие языки (*делает ударение на «ы»*), то будут и возможности.

Ира. Еще валлийский. Да, и корнуольский.

Николай Иванович. Да! И такой еще молодой специалист!

Ира. Но корнуольский язык почти мертвый.

Николай Иванович. Ничего, примем меры! Ира, вот что. Я попрошу вас пройти со мной до моей дачи, я вам спущу бробди... (*запинается*) этот препарат. Павла надо будет запереть, чтобы соседи не проявляли активность. Да и камеру с крышкой бы не забыть. Теща сейчас выметается на вечернюю летучку к соседке, так что она, авось, не увидит одного колеса, а я его уведу.

Ира. Это не соседи, это родственники. Мои троюродные сестры.

Николай Иванович. Бывает! Бывает!

Ира (*в дверь*). Павлик, я сбегая за лекарством. Я тебя закрою, хорошо? Горшочек под кроватью. В термосе чай с лимоном. Не разлей. У него руки дрожат.

Николай Иванович. Апельсины умеешь чистить, хлопец? Голос ребенка. Нет!!!

Николай Иванович. Мама, начисть ему апельсинов. Полную кучу. Пусть побалуется. Я еще спущу. У меня они есть по потребности. Вернее, по труду. (*Смеется.*) Пока еще.

Ира. Павлик, или я Федоровну позову, она с тобой побудет?

Николай Иванович. Мама, захвати теплое что-нибудь. Типа пледа. (*Он произносит «плэд».*)

Ира. Ничего, я плащ накину.

Николай Иванович. А все же плэд необходим. Я знаю окрестности и их туман.

Ира. Пледа нет.

Николай Иванович. Одеялко есть?

Ира (*сбита с толку*). Есть.

Николай Иванович. Годится! Годится!

Ира. Минутку. Павлик зовет. (*Уходит.*)

Николай Иванович. Он у тебя серьезный товарищ, ничего. Минуток через тридцать. Через сорок — сорок пять. Я ему принесу еще фильмоскоп ручной со слайдами. Дочура моя еще месяц будет в отсутствии... Теща на собеседовании... Будешь смотреть слайды. Парад гвардейцев. Сам снимал! О, как я снимаю! (*Выставляет большой палец.*)

Ира (*выходит*). Ничего не получается. Я с вами не пойду. Он сейчас начнет потеть, надо сменить рубашечку. Федоровна не сумеет.

Николай Иванович. А жаль! А жаль! Ну ладно, туман не туман, пойду побреду, больному срочно нужно. Камеру с крышкой.

Ира. Одеяло дать?

Николай Иванович (*горько шутит*). Что я с ним буду делать один?

В дверь заглядывает Валера.

Валера. Стратегическая проверка! (*Исчезает.*)

Николай Иванович. Дверь надо держать от соседей на запоре! (*Уходит.*)

Входит Валера.

Валера. Ира, ты гордая, пойми об этом. *(Выставляет бутылку, садится довольный.)*

Ира. Ну я вас прошу, идите, он засыпает.

Валера. Что я на вас смотрю, вы как паркет нециклеванный. Второй раз в жизни вижу, второй раз подумалось. Я со своей сестрой ехал на похороны. В поезде. Она вывалила на стол банки, красит, мажет, пудрит. До неузнаваемости. Тряпку мокрую взять, стереть. Вот так женщина! *(Откупоривает бутылку.)*

Входит Татьяна.

(Быстро). Я к вам по поводу крыши. Сейчас объясню все.

Татьяна. Пил у гастронома?

Валера. Ты что! Я тебе принес.

Татьяна. Где мои два рубля? Отдай кошелек, во-первых.

Валера отдает кошелек, Татьяна смотрит.

Где они?

Валера щелкает по бутылке.

Это — два рубля? Это рубль пятнадцать.

Валера *(солидно)*. С наценкой в ресторане.

Татьяна. Это — в ресторане?

Валера *(солидно)*. Теперь о крыше.

Татьяна. Совсем глаза залил. Скоро тебя вообще переведут... в сапожники. За семьдесят рублей.

Валера. Ну какая дурость! Ну вы только подумайте! *(Наливает, пьет.)*

Татьяна. Слушай, Ира, я к тебе. Я узнала. Это не Антоша его держал в воде, Антон мне признался. Он целый день один. Вот этот Макся им и командует. Антоша всегда со мной делится, я приезжаю с работы, он меня бежит встречать, сам ничего не говорит, в руку лицом тычется, я чувствую, у меня рука мокрая. Антон у Макси книгу просил, кстати вашу же книжку, «Мэри Поппинс». Макся уже прочел, а Антоше не дает. Только если будешь моим рабом. На коленях перед ним стоять, руки по швам. Я говорю: «Максим, вот ты прочел книгу о людях хороших, она хоть чему-нибудь тебя научила?» Слушай, «Мэри Поппинс» это же твоя книга, дай почитать Антону.

Ира. Ну бери. Скажи, я просила.

Татьяна. А ты хочешь знать, они решили вам эту книгу не отдавать вообще! Пока вы не отдадите покрывало с камерой.

Валера. А вы их не пускайте сюда, и все.

Татьяна. Вот. Слушай, а пусть Павлик твой играет с Антоном! Пусть лучше они дружат, чем с этим! А я вам буду готовить, я на нее готовлю, так лучше на вас. Закупки буду делать. Ты только Антона корми, она не кормит. Через плечо швыряет. А я в долгу не останусь. У меня отпуск в ноябре.

Валера *(солидно)*. У меня отпуск в декабре. *(Наливает, пьет.)*
Я декабрист.

Татьяна. Договоримся?

Входит Федоровна.

Федоровна. Я уже Светланочке сказала, дождь собирается. Татьяна, надо вам тазы, ведра готовить. Сейчас разразится. Как же вы ночевать-то станете? Пошли, у меня в чуланчике два ведра, корыто под крыльцом.

Татьяна. А нас Ира пускает к себе.

Ира. На веранду.

Входит Николай Иванович.

Федоровна. Валерик, пошли, пошли. Мне поможешь что ни то. *(Садится к столу, вытирает уголки рта двумя пальцами.)*

Николай Иванович. Тут требовались лекарства. Я доставил.

Ира. Спасибо, не надо. Он сейчас пропотеет, мы сразу ляжем спать. *(Уходит в комнату.)*

Валера. Садитесь, будем знакомы. Валерий Герасимович. Автомобилист. Исполняющий обязанности мойщика. Наливаю, угощаю.

Николай Иванович. В доме больной, следует потише.

Валера. Вы Ирин муж? *(«Ирин» он произносит как «Ирын».)*

Николай Иванович. Вы догадливый.

Пауза.

Федоровна. Ну, всего хорошего, ложитесь. Татьяна, пойдем, бери его.

Берут Валерия под руки, поднимают, ведут.

Валера. Ира! Никогда не допускай! Пойми!

Татьяна. Идем, на ноги встань.

Валера. Жизнь — это схватка над морем!

Татьяна. Если ты своими ногами не пойдешь, я не знаю...

Валера. Если бывает двух родов: если не выпить, то прокиснет.

Татьяна берет со стола бутылку. Валерия уводит.

Николай Иванович. А я еще лекарства принес! *(Осторожно ставит на стол бутылку коньяка.)*

Ира. Ну я прошу, уходите.

Николай Иванович. Ну-ну, ну-ну, какие сердитые. Я покрышку с камерой принес! *(Вынимает из сумки покрывку с камерой.)* Пропотел, пока снял. Вот и лекарство английское. Ну?

Ира. Господи, вот навязался на мою голову.

Николай Иванович. Дождь начинается. Ничего, я с зонтиком. Самое интересное, я люблю, когда дождь, находиться в помещении. Вроде там дождь, а у тебя тепло, сухо. Какое-то возникает чувство уюта. Не гоните меня, не браните. Я так соскучился за вами!

Ира уходит. Николай Иванович ставит чайник на газ, греет руки.

Самое интересное, теща долго колобродила, все никак не уходила. Я как разведчик сидел.

Ира *(входит)*. Сейчас их зальет. Там совершенно нет никакой крыши. Идите, идите домой. Они сейчас придут ко мне. Мы так договорились. Идите скорей!

По улице пробегает Федоровна с корытом над головой. Она бежит на ту половину дома.

Николай Иванович. Да, начались большие дела, я чувствую. Нам здесь не посидеть. Приходите завтра вечером на луг, к мостику. Часиков в девять. Зажжем костер, я привезу шашлыков. Вы можете есть шашлыки? Вина грузинского. Как я вас люблю, просто непонятно. У вас бьющие глаза.

Ира. Да что вы сидите тут? Людям некуда деваться, а вы торчите как пень! Они меня даже в туалет свой не пускали, я на горшок ходила. А я теперь их должна с больным ребенком терпеть. Идите, идите, Николай Иванович! Они сейчас уже идут.

Николай Иванович *(с грустью)*. Я вас боюсь! Я вас боюсь!

Ира мечется, сдвигает стол, стулья к стене. Николай Иванович уходит. Ира встает у дверей, вытягивает руку на дождь. Вздрагивает.

Появляется процессия. Впереди Федорова, все с тем же корытом над головой, дальше идет, подняв воротник пиджака, Валерий с двумя раскладушками, с рюкзаком. За ним Татьяна ведет, укрыв полами своего плаща, Антона и Максима. У мальчиков в руках чайник и кастрюля. Замыкает шествие Светлана, ведущая под руку Леонадию, старуху под зонтиком. В руках у Светланы чемодан. Проходящие не смотрят на Иру.

Федорова. Все поместимся, ничего, у меня комната шестнадцать квадратных метров, тепло, сухо.

Уходят. Ира закрывает свою дверь, запирает ее на засов, передвигает мебель на прежнее место. Гасит свет. Скрывается в комнате.

Голос ребенка. Мама, хочешь, я расскажу тебе еще одну сказочку? Вот однажды в городскую больницу попался серый волк. И за хвост повели его к врачу. Всем волкам там делали операцию, разрезали печень, чтобы там посмотреть — никакой обед там не застрял? А потом зашивали живот, и больно было. И ему там понравилось. Его обедом там кормили и давали мясо и капусту. Он такой хитренький — он ел, ел, ел капусту. А печень у волка была такая крупная-крупная, и в ней обед был. Потом этот волк английский, и вот у него есть крылья. Вот отсюда такие маленькие, тоненькие крылья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина вторая

Квартира Иры в Москве. У телефона — Мария Филипповна, мать Иры.

Мария Филипповна. Але. Это я опять. Это ты? Что же ты? Что же ты мне так долго не звонишь? А? Хорошо. Я тебе перезвоню вечером. *(Торопливо.)* Приходи на мои похороны. Все. Перезвоню. *(Кладет трубку. Думает. Набирает номер.)* Але! Я туда попала? Пригласите, пожалуйста,

Кондрашкову. А когда она будет? А Еловских нет? А кого-нибудь из старых работников? Это говорит Шиллинг. А это кто говорит? Я вас первый раз слышу. Я вас не застала. Вернее, вы меня. Извините, что звоню. Мы не знакомы. Простите. Да нет, что вы! *(Кладет трубку. Некоторое время сидит, сохраняя на губах улыбку. Опять набирает номер. Деловито начинает.)* Слушай, не бросай трубку! Я действительно собралась уходить в больницу. Не бросай трубку. Ты в курсе, моих никого нет. Ирочка сняла дачу за двести сорок рублей, сто рублей взяла у меня, первый взнос. Теперь уж отдавать ей будет некому. Слушай, я все-таки решилась лечь. Адрес пока не знаю, как узнаю, тут же сообщу. Уж полгода не решалась, теперь кидаюсь в пропасть. Зарежут так нарежут. Ей даже выгодно, ей останется двухкомнатная квартира, она водить сюда будет... И сто рублей не надо будет отдавать. Не бросай трубку! Выслушай меня! Я все-таки решилась лечь. Ирочке нужна моя помощь, а какой из меня помощник? Павлик все время болеет, она его простужает, не докармливает. Надо докармливать ребенка, а она — нет. Я надорвалась с ними. Направление уже на руках. Ну ладно, я тебе еще из больницы перезвоню, если меня сразу не уволочут на операционный стол. И я тогда не позвоню. Если не звоню — знай, я на столе. Но постараюсь перезвонить перед операцией. Ну конечно, других готовят, кровь берут. А меня будут резать срочно. Сколько можно, я полгода тяну. Я на дачу не ездила, Ирочка не желает, не знаю, как ей даже сообщить. Телеграмму. Да, но я не знаю адреса больницы... Из больницы как пошлешь? Она иногда приезжает мыть ребенка, раз в неделю, но уже их нет две недели. Не знаю, может, умерли. Я ей здесь оставляю записочку, чтобы она звонила тебе. Но если Павлик болеет и она там болеет, тогда она еще может и неделю не приехать, ребенок у нее там весь закиснет. А она не купает. Она воды боится как огня с детства. Я попала в положение, ничего себе. Если Павлик заболел, она не приедет меня хоронить, вот это будет номер!

Открывается входная дверь, входит Ира, ведет Павлика, у которого голова в платке, поверх платка шерстяная шапочка. Ира про-

водит Павлика мимо Марьи Филипповны, та поворачивается к ним лицом и говорит очень отчетливо.

В общем, ты в курсе дела, приглашаю тебя на похороны. Может, ты одна будешь идти за гробом. Михаила не води, он не любит таких вещей. Меня похоронишь в темном английском костюме, висит в шкафу под марлечкой. С медалью. Туфли синие в папиросной бумаге в коробке под ним же. Блузка и все остальное лежит в коробке из-под сапог, большая розовая под туфлями. Нет, Ирочка ничего этого не знает, знать не хочет и не слушает совсем. Ну, я еще перед смертью позвоню. Деньги у меня отложены на похороны и на поминки на сберкнижке, я завешание заверю в больнице же, перед операцией. На твое имя! Имей в виду! Ну погоди, успеешь к врачу, насидишься в очереди. Я позавчера четыре часа просидела, давление мне померили, конечно, повышенное. Не надо. Миша твой подождет. Сейчас лето, ну и что он одет, не запарится, не в шубе у тебя. Ну посади его! Не прерывай! Я хочу лежать на Ваганькове, там, где мама. Могила там на имя Ченцовой-Шиллинг, участок сто восемьдесят третий. Так? Ты записываешь? Запиши. Ну посади ты его на стул. Ну сходи за карандашом, я пока с ним поговорю. Миша! Дай мне его. Миша! Как ты себя чувствуешь? Не слышит. Миша! Вдень слуховой аппарат! У него аппарат, таких в Москве четыре штуки. Миша! Она догадалась, вдела ему в ухо. Але, это я, Мария! Куда же это вы собрались в такую поздноту, вы опоздаете, прием до трех, да четыре часа сидеть! Он уже ничего не соображает. Склероз. Миша, это Маша Шиллинг! Ну? Он не при здравом смысле. Не помнит. Ты к какому врачу идешь? К урологу его ведут. Заговорил. Это его живо волнует. Ты живой старик! Але! Ты живой еще! Сейчас я его рассмешу. Миша! Да, да. Миша, приходи ко мне, у меня есть водка! Не слышит опять. Слабослышащий. Але, это я. Это ты? Принесла карандаш, запиши, участок сто восемьдесят третий. Шиллинг Александра Никитична, Шиллинг Филипп Николаевич. Все. Вы к скольким идете? Ну, еще есть время. Значит, я оформляю завешание в твою пользу, а ты меня похоронишь. Нет.

ты меня! *(Шутливо.)* Нет, ты меня! *(Весело.)* Я к вам ве-
черком забегу. Чаем напоишь? Я сегодня туда уже не
пойду, завтра пойду. Один день выиграю. Полгода
ждала...

Ира. Мама!

Мария Филипповна. Полгода ждала, а уж один день...

Ира. Мама, Павлик болен.

Мария Филипповна. Ну, расскажи о себе. Ты-то как
справляешься...

Ира. Мама!

Мария Филипповна. Не кричи, я не глухая. Это Ира
внезапно приехала. Нет, ты что! Она же сейчас уедет, как
всегда. Не бросай трубку. *(Ире.)* Ты знаешь, что мать
умирает медленной смертью? Это я ей. Ну ладно. Я забегу,
если это можно так назвать. Ира будет на тебя ориентиро-
ваться. *(Ире.)* Это Нина Никифоровна звонит, интересуется,
беспокойна. *(В трубку.)* Я ей говорю, что чужие люди
обо мне больше, чем она, звонят. А собственная дочь...
Слушай, я все никак не доберусь до главного. Как Леня?
Господи. Ну, бегите, бегите, если это можно так назвать.
(Кладет трубку.) Поползли.

Ира. Мама, я Павлика больного привезла.

Мария Филипповна. А ты учитываешь, что я больна? Ты
учитываешь? Почему ты уже две недели не приезжаешь?
В моем положении две недели слишком большой срок для
жизни.

Ира. Побудь пока с ним, я сбегая в аптеку. В булочную.

Мария Филипповна. Я ухожу в больницу, у меня направ-
ление.

Ира. Что это ты встрепенулась сейчас.

Мария Филипповна. Когда-то надо.

Ира. Ну подожди немного. Я же связана по рукам и но-
гам!

Мария Филипповна. Я как чувствовала. Две недели ты
его не привозила купать. Ребенок весь пятнами покрыт.
Если со мной что-то случится, ты об этом узнаешь по
взломанной двери.

Ира. Брось, ты здоровый человек.

Мария Филипповна. А это? *(Роется в сумке.)* А направле-
ние? Сколько в тебе зла!

Ира. Это же на исследование.

Мария Филипповна. А ты знаешь, что у меня ищут?

Ира. Хорошо. Ну подожди пятнадцать минут, я схожу в булочную.

Мария Филипповна. Врачи уйдут!

Ира. Из больницы не уйдут! Ты в какую больницу ложишься?

Мария Филипповна. Зачем тебе знать.

Ира. Мама, ну не будь эгоисткой. Вот я привезла. Молоко козье в банке... Яйца. Суп в банке ему и тебе. Котлеты в кастрюлочке. Покорми его, уложи, он устал.

Мария Филипповна. Ты довела ребенка! Худой какой... Колготки рваные... Павлик, ты кого больше любишь, маму или бабу? Отвык совсем, отучили. Я тебе сейчас книжечку любимую почитаю... «Мэри Поппинс»... Ты привезла мою книжку «Мэри Поппинс»?

Ира. Я ее дала на время... Почитать.

Мария Филипповна. Это же не твоя книжка.

Ира. Это моя, я ее купила в городе Каменец вместе с книгой «Сто лет одиночества».

Мария Филипповна. А где же тогда «Сто лет одиночества»? Я ее давно тоже не вижу. Все раздает, еще при моей жизни! Ты слабый человек! Ты всем веришь, у всех идешь на поводу! Ты не будешь знать, где что, где твои книги, где могила твоей матери.

Ира. Ну хорошо. Что мне, Павлика с собой тащить в аптеку? Он же один не останется, будет плакать. Ладно, я его покормлю сама и уложу, он поспит, а потом уже ходим в аптеку и в булочную.

Мария Филипповна. Обнаглела совсем. *(Вытирает слезы.)* Я тут сижу, волнуюсь, а она даже не позвонила, ни как Павлик, ни как я. Погоди еще, будешь горько сожалеть! Я в конце концов умру-таки!

Ира. Все мы когда-нибудь умрем.

Мария Филипповна. Когда ты отдашь мне сто рублей?

Ира. Осенью, я же сказала.

Мария Филипповна. Пойди попроси у отца ребенка, он вас обязан материально поддерживать.

Ира. Он и так платит.

Мария Филипповна. Ну, тогда у этого попроси... С котрым ты гуляешь.

Ира. Господи. *(Плачет.)*

Детский голос. Обнаглела совсем.

Мария Филипповна. Вот-вот, учи его. Науськивай на бабу! Усь, усь!

Ира. Павлик, мы сейчас поедим, вымоемся, поспим... Потом уедем. Будем с тобой ходить на речку и в лес. Грибы пойдем собирать.

Мария Филипповна. Мама все тратит на своих мужиков. А матери кусок конфеты не привезет.

Ира. У меня нет денег.

Мария Филипповна. А у меня нет ста рублей! А мне хорониться надо! На что?!

Ира. У тебя же на книжке есть.

Мария Филипповна. Это еще на другое.

Ира. Тебя тетя Нина обслужит.

Мария Филипповна. Да не тебе же завещать. Ты все на мужиков и на подруг истратишь, на выпивон.

Ира. Вот и хорошо. *(Выходит в комнату Павлика.)*

Мария Филипповна *(звонит)*. Кондрашкову, будьте добры. А, я, очевидно, не поняла, сегодня не будет. А это опять вы! Это опять пенсионерка Шиллинг. Будьте добры, передайте завтра Кондрашковой, что тревога отменяется, я собиралась искать своих детей, они у меня потерялись. Они куда-то забрались на дачу, где нет телефона. Теперь передайте Кондрашковой, что у Шиллинг все в ажуре. Я прямо смеюсь от счастья. *(Вытирает слезы.)* Ну, передадите? Завтра меня уже не будет... Так что я не смогу перезвонить... Ну, будьте здоровы и благополучны. Бегу в аптеку для них, малыш прихворнул. Счастья вам и долгих лет жизни. Я так рада! Нашлись, нашлись! Они, оказывается, болели и не подавали весточек! ☺

Входит Ира.

Они — это единственное, что у меня в жизни есть. Вы добрый человек, жалко, что мы с вами не знакомы. Я бы вас познакомила с моей дочерью, она без пяти минут кандидат наук...

Ира. Мама!

Мария Филипповна. Она меня зовет. Иду, иду! (*Кладет трубку.*) Что ты орешь? Пожалуйста, иди, разгуляйся, отпускаю. Иди в свою... аптечку! Я его покормлю и уложу, мое солнышечко! Иди, развлекайся. Тебе тут звонил... где-то я записала, потом найду... Михайлов, что ли?

Ира. Никольский?

Мария Филипповна. Нет, вроде Михайлов.

Ира. Такого нет. Ты бы записывала, мама.

Мария Филипповна. Всех твоих записывать... Мало кто звонит, я думаю, я так запомню, а забываю. Представляешь, я плачу целыми ночами, мне все время кажется, что Павлика нет...

Ира. Еще чего.

Мария Филипповна. А он вот он! Детонька моя!

Ира. Еще я привезла сосисок, положила в холодильник. В пакете гречневая каша.

Мария Филипповна. А ты, ты почему не поешь с нами? Поешь! Ты бледная!

Ира. Я побежала. У нас на даче что творится, разгром. У соседей крыши нет...

Мария Филипповна. Сломалась?

Ира. Прохудилась. А тут дожди...

Мария Филипповна. Дожди... Я не выхожу почти. Вы мне все время снится.

Ира. Ну, я их к себе позвала жить, а тут Павлик больной, тридцать девять до сорока! Представляешь? Ну, они люди стеснительные...

Мария Филипповна. На тебе вечно все ездят. Ты их позвала к себе жить, а меня нет, меня бы лучше пригласила. Мать здесь одна...

Ира. Да, чтобы мы и летом слушали твои речи.

Мария Филипповна. А ты сама не кричи, псих!

Детский голос. Что такое «псих», мама?

Мария Филипповна (*кричит*). Псих, и все. Она псих.

Голос ребенка. Псих!

Ира. Ладно, мы не будем обедать, мы уезжаем, все.

Мария Филипповна. Вот именно что псих. Для матери ей жалко тарелку супа. Ну беги, беги, гуляй. Что я, не вижу, что тебе надо? Сейчас мы поедим, поспим, почи-

таем, я снова при исполнении своих обязанностей, снова запряглась... «Мэри Поппинс» куда дела? Весь дом раздала, мальчику нечего почитать. Да как тебя назвать после этого?

Ира быстро уходит.

У бабушки пузико болит, ноет... Ноет... То ли грыжа...
То ли что.

Картина третья

Веранда Иры. Пусто. Гремит ключ в замке. Входит Федоровна, включает свет. За ней осторожно, с узлами и раскладушками, входят все дачники — Светлана, Татьяна, мальчики, в конце, в дверном проеме, как в раме, величественно встает Леокадия с зонтиком. Все выглядят очень помятыми. Мальчики тут же убегают.

Федоровна. Ну вот, на мой риск я вам открываю, пока переночуете, там дальше будет видно, а то друг у друга на головах... Я тоже одну ночку отдохну. Она придет не раньше завтра к вечеру, она рано не соберется ехать. И Павлик еще кашляет, может, она его к врачу сводит, собиралась сводить. Это еще один день. Сутки прочь.

Светлана. Мы как беженцы.

Татьяна. Черт его знает, как партизаны.

Федоровна. Ну, в то помещение-то будете заходить? Тут заперто.

Светлана. Не знаю... Может быть.

Федоровна. Ключа у меня нет.

Светлана. Тогда не надо. Вскрывать не будем. Ребята лягут на тахте... Мне на дежурство... Ты где?

Татьяна. Нет, мы с Антошей ляжем на раскладушках... А то Макся номера вытворяет... Щиплет Антошу. Пусть один теперь спит.

Светлана. Ты что, ни одной ночи не спишь? Все караулишь? Надо спать. А то ты на людей кидаешься уже.

Татьяна. Антоша кричит.

Светлана. Оставь! Раньше вообще детей запирали на целый день одних. Мать на работу, а я целый день с кошкой. И выросла.

Татьяна. И ничего хорошего не вынесла.

Светлана. Я же говорю, ты на людей бросаешься.

Между тем они разбирают вещи. Посадили Леокадию.

Федоровна. Вы пока поживите, а когда Ирочка приедет, я отправлюсь в Москву панихиду заказывать по маме. Скоро годовщина. Заночую у брата на Дорогомиловской, а вы у меня. День да ночь уже прибыль. Брат хотел приехать, поставить туалет, теперь опоздал. Вон какой домина стоит!

Светлана. А по-моему, Ира долго не приедет. Я чувствую. Здесь ему было не развернуться. Он и так и так.

Федоровна. Какой он ей туалет построил! За одно это можно положиться на человека.

Татьяна хихикает.

А она на него все волком смотрит. У нее в Москве свой мальчик, хороший человек, кандидат. Она мне сказывала.

Татьяна. А зато у нас теперь сортир.

Федоровна. За красивые глаза.

Светлана. У нее красивые? Если ее в бане помыть, может, и будут красивые.

Татьяна. Большие такие, как буркалы.

Светлана. Ты заметила, она никогда не смеется?

Федоровна. А над чем ей смеяться?

Светлана. А в кино?

Татьяна. Она не смеется, у нее зуба нет. У меня когда зуб сломался, тоже поневоле не смеялась. В крайнем случае рукавом закрывалась. *(Показывает.)*

Светлана. А нам над чем смеяться? А мы смеемся.

Федоровна. Он мужчина видный. Где-то плотника нашел! Я вот за нашим Володей-плотником полгода ходила. *(Она говорит «полгода», с ударением на первом слоге.)* Ему все некогда, он все меня за вином посылал да отнёкивался. Полгода ходила, чтобы он мне столбы для забора обтесал да

врыл. Тридцать пять столбов по пяти рублей, это с вином будет двести! А Вадим приехал, носки у него, вижу, протоптались, купила ему две пары. Она ему ничего не купит, подсылает к матери щеголять дырами. Я его увижу, прямо плачу. Он роеся: где его велосипед. Да почему ржавый. А как не быть ржавому, он под домом уже пять лет лежит! Я прямо плачу, ухожу от него. Такой требовательный, все требует. А он ведущий конструктор. А она инспектор, что ли. Чумазая, как уголек. У них вся родня такая. Жуковые. *(Она произносит «жуковые», с ударением на «ы».)* А они «Жигули» покупают, ездить на свой дачный участок, халупу построили. Они ко мне не ездят, потому что Вадим на ней за две недели женился. У него была хорошая девушка, три года с ней гулял, так нет, женился на этой. Казанская, спрашиваю — нет, рязанская. Вадим и так считает, что дом его, и вытягивает из меня все. А страховка? А ремонт? Покраска? А содержание жизни? А я им не скажу, что туалет у меня теперь есть. А они сами догадаются. Вадим увидит туалет, накажет дешевле чем за триста двадцать... нет, за триста пятьдесят не сдавать. Улы к себе пушу. Отдыхающих на койки. Э-э, милые...

Светлана. Да, туалет за три дня организовал. Это же надо, мужчина!

Татьяна. Да ну, шибздик, наверное.

Светлана. А! А ко мне ходит соседка Шура, придет и говорит: «Светланочка, познакомь с каким-нибудь мужиком, мне все равно». С большими ее познакомь. У нее муж и сын трех лет погибли в такси, а она жива.

Татьяна. Правда, познакомь! А то у меня Валера вон давно от водки чуть не атрофировался. А на что мне его трофеи!

Светлана. Слушай, что это твой Антон все перед Максимом хвастается: через каждое слово все «папка» да «папка». Папа придет да папа сделает. Намекни ему, все-таки уже большой, поймет, Максиму же больно.

Татьяна *(потягивается)*. Эх, что-то наш папка давно, правда, не приезжал, Антон соскучился! Надо нам съездить домой, побаниться...

Федоровна *(подняв палец)*. О, слышите? Эта опять котов к себе привела. Всю ночь по чердаку топали.

Татьяна. А я думаю, кто это вверх дном все переворачивает.

Федоровна. К ней ходят, к Эльке. Уже забыла она своего котеночка-то. Из клубники по семь котов выглядывает. Не люблю я... Не люблю я ни женский пол, ни мужской, ни кошачий таких людей кобелей.

Картина четвертая

Кухня в доме Николая Ивановича. Ира в халате, Николай Иванович в махровом халате сидят за столом.

Николай Иванович. Вот, ешь. Хочешь ананасы в их собственном соку? Что еще. Кофе «Нестле» в гранулах растворимый. В доме ничего нет. Ах, я! Давай я тебе бутерброд с икоркой намажу? *(Мажет.)*

Ира. Павлик давно икры не ел.

Николай Иванович. Я дам с собой банку. Портвейну хочешь? Я наливаю. Португальский. Чай настоящий, жасминовый. Есть ароматизированный розой. Ну ты подумай, в доме продуктов нет. Даже яиц нет. Хорошо, что ты хлеб догадалась захватить.

Ира. А я пошла как будто в булочную. Ну, зашла в булочную. Я тебе из автомата звонила.

Николай Иванович. Как ты себя чувствуешь? А? Как голова?

Ира. Я уже забыла, что у меня есть голова.

Николай Иванович, довольный, хохочет.

Это ее халат?

Николай Иванович кивает.

Там в ванной ее шапочка купальная.

Николай Иванович. У нее их три.

Ира. Духи... Я подушилась. Маникюрный набор. Все чистенькое, сияет.

Николай Иванович. Давай еще бутерброд. Или два. Пей. Это моя теща все вылизывает. «Я, Николай, буду на даче

всю неделю, а уж в пятницу, извините, наеду в город».

Предупреждает. Ей тоже неохота нарываться.

Ира. Поняла.

Николай Иванович. Вот в тот вечер, когда мы с тобой гуляли до трех часов, ты сказала мне: «Возьми меня под той елочкой». Я никогда не забуду эти твои слова. Я твоя собака. Ав, ав! Теще нечего было убирать в эту пятницу. Я каждый день, как ненормальный, мчался на дачу. Разве что пыль смахнула. Она, по-моему, что-то заподозрила. Или что здесь очередная баба за собой убрала, или что у меня есть кто-то в Романовке. Ав! Ну погладь меня!

Ира. Сколько времени?

Николай Иванович. Всего три только. Через пять часов я вылетаю в очередную командировку, будет мне там что вспомнить. *(Потягивается.)* На неделю.

Ира. Я бегу домой.

Николай Иванович. Что ты! Сейчас мы покушаем и пойдем еще отдохнем! Что ты!

Ира. Ты с ума сошел? Я и так с восьми вечера убежала из дому. Но мама уже привыкла. Я раньше убежала вообще на три дня... на четыре... Лет в пятнадцать. Она сейчас, наверно, цепочку накинула, чтобы знать, во сколько я приду. Завтра обзвонит всех своих подруг и сообщит о моих похождениях. Они меня очень любят.

Николай Иванович. Нет, моя теща терпимая. Все терпит. С тех пор как я от них уходил — а было такое! — она у меня вне подозрений. Ничего не подозревает. Я же на них теперь не женат. Я уходил, пробовал начать новую жизнь с одной женщиной... Даже построил двухкомнатный кооператив. Но ко мне приходит моя Алена, моя дочка, и говорит: «Папа, мы без тебя не можем жить». Она у меня на первом плане. Ей пятнадцать лет. Со временем там будет квартира дочери. Все пригодилось. Показать тебе ее фотографию?

Ира. Не надо.

Николай Иванович. Так вон же она висит! Ты на нее смотришь! *(Довольный, хохочет.)* У меня везде она висит.

Ира. Мама начала выводить меня на чистую воду с пятнадцати лет.

Николай Иванович. Ты, видно, была хороша! Алене моей сейчас пятнадцать лет. Грудочки, попочка! Повезет тому мужику...

Ира. Как раз в это время я начала убегать из дому. По вокзалам ночевала, на междугородной, только чтобы домой не ходить. Как она меня всячески оскорбляла!

Николай Иванович. Бедная! Пойдем, моя девочка, я тебя пожалею... Ты у меня переночуешь. Как же, ай-я-яй, на вокзале! Не знал я тебя тогда. А у меня, правда, квартира была одна комната да Аленка маленькая. Не до того было. Ну, пойдем.

Ира. На вокзалах ночью иногда и сесть негде. Зимой холодно. Все сидят, замерзают. Как это люди в такой холод сидят. Да еще дети сидят, спят. Бледные такие дети. Как их жалко, детей! Всех бы взрослых этих убила.

Николай Иванович. Приставали к тебе, я чувствую.

Ира. А?

Николай Иванович. Старички-то привязывались?

Ира. А потом я пришла домой утром и говорю: «Вот теперь радуйся, я женщина». А она жарила картошку. Говорит: «А я давно это знала». И заплакала.

Николай Иванович. А кто он был? Расскажи поподробней. Вообще как это происходило.

Ира. А... я его не помню. Это я просто так, назло матери. Проснулась на каком-то матрасе, встала и ушла.

Николай Иванович. Бедная! Пей все! Пей до дна! Нет, до дна... Вот теперь хорошо.

Ира. Мать моя от злости заплакала прямо в картошку, а я стояла и смеялась.

Николай Иванович. Что-то я никогда не видел, как ты смеешься. Улыбнись!

Ира. Не хочется.

Николай Иванович. Расскажи о своих впечатлениях.

Ира. Сказала же, не помню. Отстань.

Николай Иванович. Нет! Не так! Я твоя собака! Ррррр! Укушу! Однажды я тоже вот, как ты, запил в порту Находка. У одной женщины старой, у Любки. У меня в портмоне было двадцать пять рублей, это я точно помню. А она была старая такая. Наутро встаю: Любка, где моя четвертная? А она говорит: иди, пока цел. А мне так плохо было. Я шел по улице, плакал, дошел до телефо-

на-автомата, вызвал себе «скорую помощь». Приехала милиция. Я когда милиционеру предъявил свой партийный билет со взносами, больше ничего не было, он буквально не поверил своим глазам. У меня тогда три книги вышло... Вроде брошюр. Обобщение передового опыта, все такое. Он просто за голову схватился. Мы, говорит, вас двадцать суток ищем. Семья ваша розыск объявила.

Ира. Я поехала. Хватит, ладно. Развлеклась. Дома Павлик, мать больная потащится открывать... Она больная, причем отказывается ложиться на обследование.

Николай Иванович. Нет, я тебя так не отпускаю. Во-первых, ты устала. Мы пойдем поспим. И мама твоя уснет, не выдержит. Утро вечера мудренее, я тебя и так подниму в семь часов, подкину, а потом на аэродром. Все в один заход. Надо экономить время, его не так много осталось!

Ира. Слушай, ты приедешь, давай пойдем с нами в лес за грибами!

Николай Иванович. Это у меня теща специалистка, а я не большой любитель, мне грибы нельзя.

Ира. А мы любим с Павликом. Рано утром, кругом роса... Туман. Часа в четыре. Красиво.

Николай Иванович. Слушай, ну как тебе ваш новый туалет? Подошло? Терпимо? Апробировала уже?

Ира. Ну, все просто обалдели.

Николай Иванович *(довольный, хохочет; озабоченно)*. Я специально замок туда велел врезать. Замок простой, типа щеколды, чтобы Павлик не опростоволосился. Ключ не давай никому.

Ира. А мы вообще не запираем.

Николай Иванович. А вот это зря. Изгадят! В Германии знаешь какие туалеты? Все сияет! Можно сесть и сидеть! Висит вышитая сумка для газет.

Ира. Там Федоровна распоряжается, она уже в Зеленоград ездила, себе сиденье купила.

Николай Иванович. Нет, ты тоже в вопросе замка займи принципиальную, я считаю, позицию! Жалко ведь! Они-то тебя не пускали!

Ира. Да у них развалюха такая, ступить нельзя, страшно.

Николай Иванович *(сильно взволновался)*. Запомни, это мой подарок персонально для тебя!

- Ира. Каждый день вспоминаю, и не раз!
- Николай Иванович. Да, чтобы не забыть. Какие еще бытовые проблемы? В частной жизни?
- Ира. Вроде никаких. Камеру ты им отдал с покрывшкой. Уборную мне построил. Все! А! Слушай, ты не мог бы им помочь крышу покрыть, а то дом у них рушится.
- Николай Иванович. Это не обещаю. (*Весело.*) Вот когда это будет твое! А общее я им буду покрывать? Они же захватят себе, и опять ты окажешься ни при чем. Так-то! Вот когда они все это разрушат окончательно... Ты у них купишь за половину цены. Это я тебе помогу с документами. Дача в таком шикарном месте.
- Ира. Это надо еще, чтобы бабушка Вера умерла. А ей всего семьдесят четыре года.
- Николай Иванович. Ничего, умрет ваша бабушка Вера. И то будет, что нас не будет, как говорил мой папаша, и в отношении него это сбылось. И в отношении матери. И я остался один.
- Ира. Ладно, я поехала. Ты неожиданно оказался хороший мужик. (*Целует ему руку.*)
- Николай Иванович. Ну, ну. Ну, ну.
- Ира. Будь здоров. А я поехала. Ты куда уезжаешь?
- Николай Иванович (*быстро*). В командировку.
- Ира. Не смею задерживать.
- Николай Иванович (*хватает Иру за руку*). Ну Иронька, ну ангеленок! Останься еще минут на двести! Я за тобой буду скучать! Бабочка ночная! По вокзалам, моя бедная! Пятнадцать лет, как Алена! Я теперь буду тебя звать «ночная бабочка». Ну останься! А я тебя довезу в семь утра.
- Ира. Нет, довези меня сейчас. У меня денег нет на такси! Как ты думаешь.
- Николай Иванович. Я тебя довезу! И подам тебе звуковой сигнал! И опоздаю на самолет! И еще один день жизни мы проведем с тобой. Моя ночная бабочка-птица. Я тебе позвоню с аэродрома, ты приедешь, я оплачиваю такси, мы поедем с тобой в сауну, потом в ресторан за город. Хочешь?
- Ира. Не-ет. Мне завтра надо стирать, мама не стирает. Надо в магазин. Продукты на неделю. Мама будет утром кричать, эх!

Николай Иванович. Нет, у меня теща... Я от них не завишу. У меня паспорт с разводом. Ты чувствуешь это?

Ира. Ну отвези меня сейчас.

Николай Иванович. Мы же до-го-во-ри-лись, Ирочка! В семь ноль-ноль! А теперь давай спать! Ты устала? Ты устала?

Ира. Хорошо, что у тебя есть машина.

Николай Иванович (*очень серьезно*). Менять надо машину. Менять! Ты это понимаешь? И-ра!

Ира. Пойми об этом!

Николай Иванович. В каком смысле?

Ира. У меня был один приятель. Подчеркиваю — был. Мы встречались с ним раз в неделю по пятницам. У меня у него был установленный день недели. Я звонила, он говорил: как обычно. Или говорил: извини, сегодня нет. Созвонимся на будущей неделе. То есть опять-таки я ему должна позвонить. Он имел одно преимущество, очень удобно жил, рядом с метро. Но каждый раз я опаздывала на метро. А мне на такси не заработать! Сначала я стеснялась у него попросить, потом плюнула. А что делать? Попросила. И все само собой установилось, моя цена равна цене такси. Я — такси! Но вскоре это как-то увяло. То ли у него таких денег не было, то ли мне надоело проявлять инициативу. Я сегодня, глупость какая, все время думала: от него на такси пять рублей!

Николай Иванович. А от него больше было? Я ревную.

Ира. Все. Поехала.

Николай Иванович. Я бы тебе дал пять рублей даже не подумав, я бы тебя проводил, посадил на такси, проводил бы на такси и уехал на нем же! Так надо поступать. Я всегда такой, всегда, никто из женщин не жалуется.

Ира. Моя подруга говорила: ей муж ноги целует.

Николай Иванович. Немедленно дай ногу.

Ира. Еще чего. Ты не муж.

Николай Иванович. Жена моя! Жenuшка! Ты меня любишь?

Ира. Я Павлика люблю.

Николай Иванович. Это ваше право, женщин.

Ира. Любить ребенка — для женщины самое главное. Ребенок для женщины — это все. И семья и любовь. Все тут.

Николай Иванович. Твоего Павлика будет любить его девочка со временем. А ты должна любить мужчину! Мужчина — вот должно быть твое хобби! Ты — ночная бабочка-птица!

Ира. Ну поехали. Мне уже пора, мне надо хоть немного поспать. Мама утром совсем не дает выспаться, посылает Павлика: похлопай маму по головке, чтобы она много не спала! Он меня один раз и ударил ложкой по голове...

Николай Иванович. Так давай лучше здесь поспим!
И я тебя завезу по дороге!

Ира. Я пойду пешком.

Николай Иванович. Конечно, тебе пора кончать с этим положением. На такси всегда должно хватать. Если пока нет своего транспорта. Надо глядеть шире и выше! Дальше своего носа! Слушай, давай я тобой займусь. Давай-ка я заберу тебя к нам в систему. Со знанием языков, это будут надбавки. Нинка моя, уж на что референт, и то уже два раза ездила в Чехословакию.

Ира. С вами?

Николай Иванович. Ты что, взялась меня ревновать? На это у меня есть уже моя незаконная жена. Не ревнуй, птица моя. Я и так тебя люблю. У меня же тоже в жизни должна быть радость.

Ира. Голова болит.

Николай Иванович. Вылечим, вылечим, вылечим! Сейчас вылечим! Поднимайся, мама, ну!

Ира. Ладно, я поеду. Давай пять рублей.

Николай Иванович. Шесть! Дам шесть! Не расставайся! Радость моя единственная! Поверишь, у меня в жизни что происходит. Выкручиваюсь, как та ворона на колу. Жена мне лапшу на уши вешает уже года три. Алена курит, на даче уже девки местные ее караулили избить, она кому-то там приглянулась, мы еле пресекли. Того гляди... *(Задумывается.)*

Ира. Голова раскалывается.

Николай Иванович. Моя ночная бабочка-птица! У тебя должны быть бриллианты, машина, кооператив без матери, ты только посмотри на себя, на кого ты похожа! Ты же королева красоты! Ты должна сменить все то, что на тебе, и все то, что под этим. У тебя золото должно быть, платина!

(С восторгом.) Ох и стервы такие бабы! *(Смеется, крутит головой.)*

Ира. Я не отпускаю тебя в командировку. Я вообще не отпускаю тебя...

Уходят вместе.

Голос ребенка. Мама, звездочки как мелькают. То крошечные, то большие. Мама, давай я тебе расскажу сказочку. В больницу прилетела луна, лечить зубик. Он сломался, и он качается, и ей вставили зубик. Она влетела в окно и сказала мне на ушко что-то такое. Она говорит, что в небе птицы летают красивые — воробьи, вороны, дятелы, грачи. И она говорит, что она очень быстро летает, быстрее птиц. А хвост у нее такой маленький. И она очень быстро бегает, летает и бегает. И немножечко она ползает. И она может ножницы брать, у нее руки есть, только она их опустила.

Картина пятая

Телефон-автомат. В будке Ира ожесточенно набирает номер.

Голос. Отдыхающие, вернитесь в зону купания!

Ира *(выскакивает из будки)*. У меня занято, на телефоне, что ли, повесились?

Молодой человек, в матерчатой кепке с пластмассовым желтым козырьком, в шортах, невозмутимо закрывает толстую иностранную книгу, которую он читал, и входит в будку.

Молодой человек. Але! Мам! Здравствуй! Мы уже тут, в Коктебеле! Уже! Ну, мы устроились хорошо! Изучаем муравьев с Сашкой и Наташкой у самого крыльца! Они увидели море, прямо обезумели! Полные панамки набрали камней и притащили домой. По порядку: мы устроились хорошо, народу здесь еще мало. Работает одна столовая, один ресторан. Мы попытались туда сунуться, плоховато. Скоро откроют молочную столовую, уже там окна моют. Там, говорят, будет каша и творог! То что надо! Пока купили хлеба, молока, консервы есть! Варенье «Роза» из

лепестков, представляешь? На рынке клубника семь рублей! Представляешь? Купили детям по сто грамм. Они умяли! Комната на троих, я сплю под навесом, роскошь! Я говорю, воздух! Вид на горы! Чтобы не забыть, пришли срочно детям теплые вещи, свитера, куртки, брючки! Мне мою куртку зеленую. Пиши лучше до востребования, адреса хозяйки не знаю, да у нее тридцать пять человек гнездится! Извещение может пропасть. Зонтик зачем? Хотя валяй, присылай. На всякий случай! Вообще тут роскошно! Все! Кончились монетки! Вы-то ничего? Все, все. *(Вешает трубку.)*

Выходит. Некоторое время бессмысленно стоит, кивает, считает деньги на ладони. Ира, уже начавшая говорить, старается потише, чтобы Молодой человек не расслышал. Ей это не удастся.

Ира. Але, мама? Слава Богу! У меня мало монет, я звоню *(приглушенно)* с дачи! С да-чи! Я тебе говорила, прохудилась крыша! Крыша, Господи! У нас здесь *(приглушенно)* дожди льют! Отсырели вещи! У вас нет дождя? Странно. У нас все залило! Коротытами вытаскиваю! *(Приглушенно.)* Коротытами! Да. Я здесь задерживаюсь! Как Павлик? Только быстро. Хорошо, на ночь дашь ему теплого молочка с содой. Я сегодня не приеду! Завтра в это время буду звонить! Не занимай телефон!

Голос Марьи Филипповны. А где же твой хлеб второй день? Ты хотела принести хлеба! И даже не принесла, мы сидим без хлеба. Я не могу от Павлика отойти, а мне сегодня надо лечь в больницу! Я Павлика на руки подняла сдуру, у меня сильные боли.

Ира. Мама, ну-ну-ну. Стоп-стоп-стоп. Здесь очень... *(Приглушенно.)* Большая очередь звонить. Я вам завтра брякну. Ну, пока, целую. Позови к вам посидеть тетю Нину. Соври ей, что я уехала на юг с любимым мужчиной. Ну, как всегда. Она прибежит сразу. Ну ладно, а то *(приглушенно)* крыша течет!

Молодой человек, кивнув сам себе, уходит. Входит Николай Иванович, в длинных до колен желтых шортах местного производства. На голове у него такая же кепка, как у Молодого человека. На носу черные очки.

Ой, монеты кончаются! *(Вешает трубку.)*

Ира и Николай Иванович садятся на скамейку. Николай Иванович оглядывается.

Ира. Ну! Рассказывай, как ты без меня провел целые сутки!

Николай Иванович. Ночь, понимаешь, не спал.

Ира. Поздравляю.

Николай Иванович. Не с чем. Алена спит, оказывается, плохо, чутко. Все мы трое в одной комнате! Условия, понимаешь. Называется отдых! Алена просыпается, пальцем не дает пошевелиться. Папа, ты храпишь, папа ты храпишь. Как молодой, говорит, поросенок. Слушай, у меня времени две минуты. Они пошли на прогревание гланд.

Ира. Нет, я спала хорошо. Впервые за много лет. Вчера купалась не вылезая! Ты меня видел на пляже? Я приплыла на ваш пляж.

Николай Иванович. Видел, видел.

Ира. Ничего я купальный костюм купила?

Николай Иванович. Так я же спиной сидел.

Ира. Я заметила, ты отворачивался. Слушай, есть здесь абсолютно нечего! Как люди с детьми устраиваются?

Николай Иванович. Ты представляешь состояние Риммы? Для чего же я, спрашивается, сюда командировку выбивал?

Ира. Нет, мне было прекрасно! Ночью я опять купалась. Ждала тебя, ждала... Ключ под ковриком был. Ты не приходил?

Николай Иванович. Нет, я дома лежал.

Ира. Господи, сюда бы Павлика! Эх я идиотка, могла бы его взять с собой, сонного бы подняла... в чем есть... Быстро бы самое необходимое... Курточку, колготки... Когда за паспортом заезжала... А я его даже в макушку не поцеловала. Побоялась разбудить. Даже не поцеловала.

Николай Иванович. Ты сейчас куда?

Ира. Я в Тихую бухту. Пойдем?

Николай Иванович. Слушай, дай свой ключ часика на полтора.

Ира. Ключ?

Николай Иванович. Для чего я в командировку ехал? Римма тоже человек, ей ничто человеческое не чуждо. Ключ положу обратно под половику.

Ира (отдает ключ). А где мы увидимся?

Николай Иванович. У меня завтра в десять ноль-ноль разговор. Приходи сюда. Если они со мной не придут только. А если они придут, ты не приходи.

Ира. А тогда как?

Николай Иванович. В рабочем порядке утрясется. Ладно, их две минуты прогреваения истекли. Эх, Алена болеет, кашляла. Ужас. *(Уходит.)*

Картина шестая

Вечер на даче. Мы видим, как Федоровна, подняв полу все того же ветхого, с дырой под мышкой, халата, обертывает большой ржавый ключ и открывает дверь в комнату Иры. Светлана, взяв Леокадию под руку, готовится войти. В другой руке у Светланы стул.

Федоровна. Хорошо, что на двери ключ нашелся. А то вы застыли, я вижу.

Открывает. Светлана вводит Леокадию.

Светлана *(вернувшись)*. Там ей будет потеплее. Ну, ладно, Ирка когда придет, я ей прямо скажу: пока ты там разговлялась, мы обязаны были не простудить детей. Как хочешь.

Федоровна. Нет, она скоро не придет. Павлик-то дюже больной.

Светлана. Вот сегодня я выплюсь наконец. А то ведь я совсем не сплю, днем с детьми не поспишь, ночью больные поднимают... Но как же сегодня тихо! Максим с утра от безделья один слоняется. Вот бы навеки так было! Книжку даже сел читать. Ребенок тихий, чистый. Без драки.

Федоровна. А человек, когда он один, с кем ему драться? Взять хотя бы мой пример. Как мне бабушку вашу жалко! Сидит тихая, нерушимая, глаза открытые, а ничего не просит.

Между тем они затаскивают вещички в комнату: раскладушки, матрасы, белье.

Светлана. Ей все подносят, ей не надо просить.

Федоровна. Все об сыне тоскует.

Светлана. Лучше бы внуком занялась, пока я тут надрываюсь.

Федоровна. А у нее уже носочки затупились. Ей за ним не побегать, она в другую сторону смотрит.

Светлана. А я ее не люблю. Я никогда от нее слова поощрения не слышала. Она все воспринимает как должное. Вот у меня муж был подполковник.

Федоровна. Большое, хорошее дело.

Светлана. А вот она была жена генерала, большая барыня.

Федоровна. Вот я и чувствую, она ничего не просит. Смотрит, а не просит. Таким людям и услужить радостно.

Светлана. А у нее сына-то больше нет, вот она и успокоилась.

Федоровна. Очень она его жалеет.

Светлана. Своих детей любить не проблема, ты чужих детей люби! *(Стучит себя кулаком в грудь.)*

Федоровна. Э-э, кто ныне на это способен.

Светлана. Вот за мной мой Максим ходить в старости не будет.

Федоровна. Нет! Не будет.

Светлана. Это надо дочь! *(Бегает с вещами.)*

Федоровна. Мой Вадим за мной не ходит. И жена его, шахтерка смуглая, не будет.

Светлана. Мы им все, а они нам ничего. Почему это?

Федоровна. А черт его знает. А мне ни от кого ничего не надо, и у Бога я ничего не прошу. Зимой живу одна, каждый день ноги мою на ночь, а то придут за мной хоронить, чтобы пяточки чистые были. А чего мне в Бога верить, на мне греха нет. Я прошлый год поехала панихиду-то по маме заказывать, на меня в церкви баба какая-то так-то накричала! Я еле убралась, еле деньги-то ей сунула. Ноги подогнулись подо мною. В этом году теперь все размышляю: ехать ли, не ехать. Я-то маму и так помню, да свечку окромя церкви не поставить.

Светлана. А что претензии предъявлять? В церкви такие же люди, как мы. Ничуть не хуже.

Федоровна. Вот как люблю благородных людей. *(Делает ударение на слове «вот».)*

Светлана. А я не люблю, ненавижу.

- Федоровна. А я всю жизнь любила. Благородный человек никому не помешает, сам в последнюю очередь о себе возомнит. Никогда бранного слова не скажет.
- Светлана. Да, а ты живи перед ним, вдруг не то сделаешь, вдруг не так посмотрит. Я прошла эту академию, и муж у меня такой был. А я лучше сначала крикну, а потом подумаю. Подумаю, и меня совесть начинает заедать. Вот тогда я все отдам, но не раньше. Мама! Вам тепло? Ни за что голосок не подаст.
- Федоровна. Нет, она кивает.
- Светлана. Во как намучилась, даже благодарность перед строем выносит. Две недели дожди, две недели я ее таскаю, как кошка котенка, измусолила всю. Нет, хорошо, что я ее не люблю, а то бы я с ума сошла ее хоронить. Даже подумать страшно. А так она помрет, я ее хорошо вспомню.
- Федоровна. Благородный человек оставляет после себя долгую вечную память. Я маму свою помню и помнить буду до конца дней. И брата младшего Петра. Он умер инфарктом, она вслед за ним пошла, не вытерпела.
- Светлана. А эта еще и не то вынесет. Порода такая.
- Федоровна (*поднимаясь со вздохом*). Ну ладно, там хорошо, где нас нет, пойду отдохну маленько. Живите, а Ирочка приедет, тут уж я решусь и отправлюсь в церковь, а вы ко мне перекочуете. Долго вы так будете мучаться, Светлана?
- Светлана (*смеется*). Всю жизнь.

Картина седьмая

Коктебель. Тот же телефон-автомат. В автомате Ира набирает номер.

Голос. На матрасе, войдите в зону купания!

Ира. Але! Мама! У меня очень мало монет! Быстро, как Павлик?

Мария Филипповна. Здравствуй.

Ира. Здравствуй.

Голос у Марии Филипповны тусклый, без выражения.

Мария Филипповна. У Павлика средне, у меня средне.
Ира. Мама, у нас крыша!..

Пауза.

Мария Филипповна. Теперь уже речь не об этом. Погоди, не перебивай. Я сегодня вынуждена буду лечь в больницу. Совсем не могу передвигаться. Всю ночь не спала, сильные боли. Ты меня слышишь?

Ира. Да.

Мария Филипповна *(без выражения)*. Бо-ли!

Ира. Как Павлик?

Мария Филипповна. Павлик средне. Кашлял всю ночь. Ты приезжай сейчас же. Павлик, имей в виду, остается один. Люба уехала к внукам, у Миши плохое самочувствие, Нина Никифоровна к телефону не подходит... Я звоню кому могу... Никого нет... Не откликаются. Придется тебе приехать. Я уже собрана, Павлик остается один, я его покормила последний раз. Хорошо, что ты позвонила, я ухожу умирать с чистой совестью. Прощай. Учти, я иду на верную смерть.

Ира *(отчаянно)*. Я приеду! Только займу денег! Дожди здесь, нет денег на дорогу! Поезда не ходят! Размыло пути! Окно сейчас в расписании, ты это можешь понять? Технологическое окно!

Мария Филипповна. Какое окно? Выезжай, а то поздно будет.

Ира. Не оставляй Павлика одного, я тебя умоляю. Дождитесь меня.

Мария Филипповна. Выезжай, все!

Ира. Монетки кончаются! Ну, я на вас надеюсь. Целую! *(Выходит, садится на скамейку в оцепенении.)* Так-так, так-так.

Входит, озираясь, сильно помятый Николай Иванович.

Николай Иванович. Такие дела.

Ира. Здравствуй, мой хороший!

Ира явно обрадовалась.

Николай Иванович *(почти не разжимая губ)*. Не время, не время.

Ира. Господи, как я по тебе истосковалась! Я тебя люблю больше жизни. (*Говорит с восторгом.*) Ты моя единственная радость!

Николай Иванович. Нет, ты меня не любишь.

Ира. Смешно, я на пляже тобой вчера просто любовалась.

Николай Иванович. Вот это ты зря!

Ира (*с восторгом*). Мне от тебя ничего не нужно! Я просто больна тобой!

Николай Иванович. Больна, так это выздоравливают.

Ира. Нет!

Николай Иванович. Если бы ты меня любила, так ты бы немедленно уехала! Вот что я хотел сказать!

Ира. Уехала, зачем?

Николай Иванович. Мне так надо.

Ира. Не гони меня, я сама уеду.

Николай Иванович. Нет, уезжай! Алена и Римма как раз тебя выделили из толпы! Алена плакала целый час! Вот это номер, понимаешь! Делаеть человеку как лучше, идешь ему навстречу, а он на тебя смотрит!

Ира. Смотреть нельзя?

Николай Иванович. Нельзя.

Ира. Ну, не буду. Слушай, у меня к тебе одна будет просьба...

Николай Иванович (*тускло*). Как сын, как здоровье?

Ира. Средне.

Николай Иванович. Как здоровье матушки?

Ира. Она в своем репертуаре.

Николай Иванович. Давай ключ в таком случае.

Ира. Что, опять?

Николай Иванович. Нет, ты давай улетай отсюда. Вообще.

Ира. То мама на меня кричала, теперь ты.

Николай Иванович. У Алены реактивное состояние! Она на людей стала кидаться из-за тебя!

Ира. Ей пятнадцать лет.

Николай Иванович. Она дитя!

Ира. Подумаешь, я тоже была дитя.

Николай Иванович. Ты была пошлячка.

Ира. Коленка...

Николай Иванович. Короче говоря, вы должны будете отсюда вылетать.

Ира. Вот она принесет в подоле, тогда посмотрите.

Николай Иванович. Да я башку откручу тому пошляку!
Короче говоря, это касается не вас. Вы знаете, на что я пойду благодаря моей семье? Вы мешаете! Вас здесь не должно быть!

Ира. Я такой же человек, как и они, имею право здесь быть.

Николай Иванович. Вы пошлячка! И вы потеряли себя.
Ты посмотри на себя, кто ты такая. Стыдно сказать.

Ира. Когда человек любит, это не позор.

Николай Иванович. Позор, позор просто! Ты кончай с этими преследованиями меня тобой!

Ира. Я хожу где хочу.

Николай Иванович. Вам на этом пляже не положено было сидеть. У вас нет пропуска на него. Глаза слишком большие!

Ира. Что, уже на море нет места?

Николай Иванович. Вам именно — нет.

Ира. Но это же не ваша земля?

Николай Иванович. Мы посмотрим, чья это земля.

Ира. Мне здесь хорошо, и я остаюсь.

Николай Иванович. Тогда мы уедем. Придется забирать все, бросать путевки, лечение, все! Перевозить их в Москву на дачу! Так ты хочешь? Ты человек?

Ира. А ты не боишься, что на даче она меня тоже увидит? Я же буду там все лето. А речка одна на всех.

Николай Иванович. Ты права. Что же, тогда уезжай ты.
Бери вот сороковку. *(Достает, медленно пересчитывает деньги, откладывает часть, остальное прячет.)* Вот!

Ира не берет. Николай Иванович кладет деньги на скамейку. Ира встает и идет в автомат, набирает номер. Николай Иванович встает, отходит, потом возвращается и нерешительно забирает деньги. Идет оглядываясь.

Таким явлениям, как ты, нет места на земле. *(Уходит. Возвращается.)* Ты знаешь, что Алена может сделать с тобой?

Ира. Знаю. *(Отворачивается.)*

Николай Иванович медленно уходит. Неожиданно вытирает рукой слезу. Уходит, как глубоко обиженный человек.

Ира *(в будке автомата)*. Але! Павличек! Ты? Мне нужна бабушка. Позови, только быстро, а то у меня абсолютно нет

монеток. Да, Павлик, как ты себя чувствуешь? А. Немножко хорошо, понятно. *(Улыбается.)* Малышка моя. Ну, молодец, теперь давай бабушку. Ушла. Прекрасно, значит, она ходит. Ты один? Молодец! Умница! Что она сказала? Ах, в больницу. Ну, конечно! Вот я и еду! Я сначала решила поскорей позвонить проверить, как ты себя там ведешь. Павлик, у тебя есть вода? Как это — не знаю? Ну, в чайнике. А, да, ты же его не поднимаешь. Ну, в кране тогда. Откроешь кран, возьмешь стаканчик... Нет, что ты, теперь я из крана разрешаю. Хлебушко есть? *(Кусает губы, чтобы не заплакать.)* Хорошо, тогда открой холодильник, ты ведь умеешь? Нет, теперь я из крана разрешаю. Ты открой холодильник, внимательно посмотри, что там лежит, а я тебе скажу, что можно есть... Ты беги, посмотри, а я позвоню через несколько минут. Ну, целую! Беги, молодец!

Выходит, потому что у будки уже стоит Молодой человек. Вид у него довольно встрепанный, в руке хозяйственная сумка.

Молодой человек *(звонит)*. Мама! *(Смеется.)* Это я. Слушай, тут такое дело. Мы Сашку перекупали. Вот. А градусников здесь нет... Да ничего страшного. Слушай, ты посылку с теплыми вещами не отправила? Вот и молодец. Значит, туда вложи всю аптечку. Мы не рассчитали. Всю. Вплоть до горчичников. Мало ли. И подойди к поезду Москва — Феодосия. Может, кто-нибудь возьмется довезти. А я встречу. *(Смеется.)* Да откуда мы знаем, градусников-то нет! Вот чудачка. Ну, буду звонить вечером. Не занимай телефон, а то тут жуткие очереди по вечерам. Целую! *(Выходит.)*

Ира *(кидается к нему)*. Молодой человек, вы плащ не купите для своей жены? Очень дешево, всего сорок рублей! А он стоит девяносто, он почти новый! Немецкий!

Молодой человек *(улыбаясь)*. Спасибо, спасибо, что вы... Не надо. Нам посылка придет с теплыми вещами. Не надо!

Ира. А у меня как раз нет денег! Для жены, для жены! Возьмите. А мне как раз надо на самолет да еще добраться до аэропорта.

Молодой человек *(улыбаясь)*. А у нас, откровенно говоря, в обрез. Еле-еле, понимаете.

Ира. Не уходите, не уходите, я вас очень прошу! Я сейчас дам один звонок, и мы еще поговорим! *(Заходит в будку, набирает номер.)*

Молодой человек *(улыбаясь)*. Да говорить не о чем, вы не поняли. У нас в обрез!

Ира *(из будки)*. Я вам вышлю сразу же, как прилечу. Что такое? Занято!

Молодой человек. Я ничего не решаю. У нас всеми средствами распоряжается жена.

Ира. Занято, надо же! *(Набирает еще и еще.)* Занято. Павлик, что ли, трубку неправильно положил!

Молодой человек. Понимаете, *(улыбаясь)* жена мне денег совсем не дает. Как ни смешно, ко мне часто обращаются с такими просьбами на улице.

Ира *(набирает номер. Лихорадочно)*. Значит, вы хороший человек. Занято! Павлик не положил трубку. Что же делать? *(Выходит из будки.)*

Молодой человек. Мне срочно. *(Улыбаясь.)* Извините, нужно за молоком...

Ира *(лихорадочно улыбаясь)*. Ну, пойдете к вашей жене!

Молодой человек. Извините, мне надо за молоком срочно... Я очередь занял... А то оба ребенка заболели.

Ира. Хорошо, в очередь. А потом к вашей жене.

Молодой человек. Только извините, дома у нас хаос. Жена всю ночь не спала, так что вы не пугайтесь. Дети заболели... Вы ее не пугайтесь, дети.

Ира. Господи, да у меня у самой мальчик... *(Запинается. Она вообще старается держаться бодро и производить веселое впечатление.)* Сколько человек может голодать, если у него есть вода? Суток пять?

Уходят.

Голос ребенка. А когда я спал, ко мне луна прилетала на крыльях. У нее глазки черненькие, я ее не боялся. Потом синее тело и большой крючок розовый, на самом конце розовый и весь блестел. Она такая красивая была, вся развевалась. Она мне ничего не сказала. Я все ей рассказал про мою беду. И она мне сказала: «Я в Москве не летаю». Она в Москве вообще не летает — сказала она. Она раньше, говорит, летала в Москве. Она такая летушная, и она однажды прилетела к нам. А про себя я тоже рассказал, что я иногда разговариваю ночью. Все равно ты мой дружок, не поделаешь ничего, своим крючком сказала

луна. Она сказала, что разговорчивых людей я беру к себе домой и гуляю с ними. (Слово «людей» голос ребенка произносит с ударением на первом слоге.) У нее, она сказала, еще есть обед. Мясо она купила.

Этот монолог может идти с помехами, как бы прорываться сквозь эфир. Вперемежку с ним должна идти следующая звуковая сцена.

Голос диктора. Вылет самолета рейс Симферополь — Москва откладывается.

Голос дежурного. Я же сказал, билетов нет...

Голос Иры. Но он без хлеба!

Дежурный. Что же это вы оставили его... Нехорошо. Ничем не могу помочь. Я же не печатаю тут билетов. Хлеба могу дать. Следующий.

Женский голос с акцентом. Мы на похоробы, на похоробы. Девушка, отойдите от стола. Вам сказано. У нас телеграмма заверенная, на похоробы.

Голос Иры. Но я могу не успеть!

Дежурный. Но ведь я не высажу пассажиров, чтобы только вы полетели... Следующий. Давайте.

Женский голос с акцентом. Девушка, встаньте, грязный пол! Встаньте тут, девушка!

Мужской голос с акцентом. Они везде пролезут, понимаешь.

Дежурный. Освободите кабинет. Заходить по одному. Девушка, не ползайте за мной на коленях! Вам сказано, девушка! При чем здесь фотография... Не знаю я никаких фотографий. У меня у самого есть сына фотокарточка, что же, предъявлять? Ну? Москва-то все равно не принимает.

Картина восьмая

Веранда дачи. Татьяна, Светлана и Федоровна белым днем пьют чай. Гора немойтой посуды.

Светлана. Она говорила: я никому не нужна, никому не нужна. А она нам нужна. Все время думаю о ней: хоть бы не приезжала!

Федоровна. Пусть приезжает, но чтобы теплая установилась погода. И вы тогда перейдете на старое место.

Светлана. Нам и без нее хорошо при любой погоде. Все время о ней думаю.

Татьяна. Если она вернется, нам придется отсюда вылетать.

Светлана. Еще чего! Мы заняли, и все!

Федоровна. А я ее к себе пушу. Но у меня эта дача сдается теперь за триста двадцать рублей сезон!

Светлана. Так мы в свой туалет будем ходить, оно нам надо!

Федоровна. Это в вашей власти. Но я предупредила!

Татьяна. Так это же с будущего года! *(Хихикает. Слово «будущего» Татьяна произносит с ударением на «ю».)*

Федоровна. Это для нее с будущего, поскольку туалет ее. А это же не вами поставленный туалет.

Татьяна. Надо же какие пироги. За ее красоту нам надбавка.

Светлана. По сто шестьдесят... Ничего себе...

Татьяна. Нас фактически двое, вас трое.

Светлана. Живите трое.

Татьяна. Нам здесь не развернуться. *(Хихикает.)*

Светлана. Это ваше дело.

Татьяна. Нас двое, вас трое. Три да два... Триста двадцать на пять... *(Задумывается.)* Шестью пять тридцать... Два на уме... Четырежды пять двадцать.

Федоровна. С вас сто двадцать восемь, с них сто девяносто два рублика. И электричество.

Светлана. Максима здесь почти не бывает!

Татьяна. А меня бывает? Я только ночь ночую. *(Ночью она произносит с ударением на «ю».)*

Светлана. А меня ночами не бывает.

Татьяна. Уехать бы куда подальше в дом отдых, а то эти магазины, электричка, кастрюли жирные... Совсем запрягла меня.

Светлана. А ты меня? Кто с Антоном сидит?

Татьяна. Не ты с Антоном сидишь, а Максим с ним сидит и его колотит.

Светлана. А Максиму нельзя быть хлюпиком! Я не допущу, чтобы он был как эти. *(Кивает в сторону комнаты, где сидит Леокадия.)* Я не допущу, чтобы он рано умер, как его отец!

Я с ним гимнастикой занимаюсь! А твой Антон не желает, и пусть.

Входит Ира за руку с Павликом. На руках у Павлика котенок.

Ира. Ой, все здесь!

Немая сцена.

Мы нашли вашего котенка, Федоровна! *(Берет у Павлика котенка.)*

Входят Максим и Антон, как зачарованные смотрят на котенка, гладят его. Павлик тоже гладит. Он в косынке, на косынке шерстяная шапочка; на нем клетчатая рубашка, колготки с пузырями на коленях, короткие штанишки на лямках: спецодежда детсадика. Максим в майке и в трусах. Майка красивая, с рисунком. Антон тоже в майке и трусах, но майка у него попроще.

Господи, мы идем, а он на углу сидит, прямо на улице, а на него собака наскочила! Он сгорбился весь вот так. *(Показывает.)* А не уходит.

Ира держит в одной руке котенка, в другой руке сумку. Павлик крепко держится за сумку.

Павлик собаку прогнал, мы стали котенка ловить, он в лопухи под забор. Мы стали шарить там, а он, оказывается, ушел за штакетник! Я поднялась, смотрю, он уже за забором у дома молоко лакает из блюдца, а женщина его гладит. Симпатичная такая. *(Смеется.)*

Татьяна локтем подталкивает Светлану, кивает на Иру.

Оказывается, он у хозяйки все это время кормился, ушел за два участка на третий, что только пережил! *(Прижимает его к щеке.)* Там же на участках собаки, Джек на этом, Кузя на том!

Федоровна. О-о-о, это надо думать! Сейчас принцессу принесу. *(Выходит за дверь, кричит тоненько.)* Элька, Элька, кис-кис! Элька, Элька, Элька. Куда подевалася? Ну? *(Скрывается.)*

Ира *(так же радостно)*. Ой, у меня маму в больницу положили, прямо на операцию! Оказалась грыжа, уже защемилась, еще немного, опоздали бы! Я уезжала на два дня, ничего

не знала, Павлик один на целый день оставался. И на часть ночи. Я никак не могла сесть в самолет, билетов не было, я у дежурного реву, выручайте, мальчик мой один остался, бабушка его заперла! Бабушку в больницу, а мальчик больной! Он говорит: вы выберите что-нибудь одно, или мальчик больной, или бабушка, тогда ползайте тут на коленях! Умора! *(Радостно смеется.)*

Татьяна толкает Светлану, показывает: смеется, мол.

Тут к нему командировочный: товарищ капитан, у меня контейнера, мне срочные грузы, надо вылетать! А дежурный мне билет выписывает.

Светлана. Я бы в жизни не встала на колени перед капитаном.

Ира. Потом еще того прекрасней: билет есть, а Москва не принимает. *(Смеется.)* Я к летчикам. Ну, они меня взяли в первый же самолет. Говорю: мне в катастрофу попадать нельзя, у меня мальчик маленький погибнет! Они хохочут! Я вхожу в дом, дверь отпираю, а она не отпирается! *(Хохочет.)* Оказывается, Павлик на половине перед дверью уснул! В Москве такой дождь! А я без плаща, как назло! *(Хохочет.)* Цыганке одной продала.

Светлана. У нас тоже небо еле держится. Гляди, опять началось! *(Встает, подходит к двери, смотрит в небо.)* Что они там, с ума посходили!

Татьяна. На той половине уже грибы выросли.

Ира. Как я рада, что я здесь! *(Котенку.)* Ты рад? Сердечко бьется. Глядите, раньше был такой глупенький, мордочка детская! А теперь на мордочке следы страданий. *(Прижимает к себе котенка.)* Как сердечко колотится!

Входит Федоровна с кошкой. Кошка, как водится, вырывается.

Федоровна. Куда! Потеряла, теперь ищи! А она уже котовать начала. Уже забыла свою питомку-то? Забыла? Совсем забыла. И молочко небось пропало. Ну, понесли их на чердак. Котенка на участок нельзя, живо в лапы к Джеку попадется.

Дети, Федоровна, Ира уходят вереницей, бегут под дождем с кошкой и котенком.

Светлана. Я же говорила, она с этим Колькой ездила развлекалась. А Федоровна все: дурные предзнаменования, дурные предзнаменования. Все ей снилось, что хлеб черным чем-то намазывают.

Татьяна. Икрой, что ли? *(Хихикает.)*

Светлана. Куда нам теперь деваться...

Татьяна. Так мы же договорились. Что мы не уходим.

Входят Ира и Федоровна.

Ира *(радостно)*. А они, кажется, узнали друг друга! Федоровна Эльку держит, я ей котенка подсовываю. Котенок начал сосать, Элька как ошпаренная вскочила.

Федоровна. Знать, отвыкла она.

Ира. А котенок размяукался, Элька опять легла.

Федоровна. А то мне эти коты как надоели, топают над головой. Сегодняшнюю ночь все перекатали на чердаке.

Ира *(радостно)*. Павлика и Максима с Антошей Федоровна пустила посидеть на чердак. Они так мирно встретились.

Федоровна. Они братья!

Татьяна. Четырехъюродные, четвероюродные. На киселе.

Федоровна. Все люди братья.

Ира *(радостно)*. Не все. Некоторые сестры!

Светлана *(вздыхнув)*. Ну вот, Ирина. Мы уж отсюда никуда не пойдем, ты нас извини. Хватит нам скитаться.

Татьяна прыскает.

Ира. Да Господи, живите! Мне как раз это удобно, мне надо теперь каждый день к матери в больницу мотаться. Пока что она в реанимации, ей ничего нельзя, а с завтрашнего дня уже переведут. Ой, теперь я брошу Павлика на вас.

Светлана. На меня, короче говоря.

Ира *(улыбаясь)*. А мне больше не на кого рассчитывать.

Светлана. На себя надо рассчитывать.

Татьяна *(хихикнув)*. У тебя же этот есть... сортир.

Ира. Ну, где вы нас с Павликом положите?

Светлана. А ваши кровати нетронутые. Мы что, варвары. *(Федоровне.)* Учтите, Федоровна, теперь здесь Ира, остается прежняя цена, двести сорок. На троих это будет по восемьдесят.

Татьяна. Это вас трое...

Светлана *(твердо)*. По восемьдесят! Кто не хочет, тот уходит.

Татьяна. Я только ночую.

Ира. Да, я пока тоже буду ночевать. Слава Богу, я уже Федоровне отдала сто рублей!

Татьяна. Продукты закупать, готовить — все по очереди. И чтобы Максим не дрался! Ясно? Драчунов на мороз! Если кто из ребят будет побитый, учти, Светлана! Нас теперь двое!

Федоровна. А на поправку привезешь мать сюда, ко мне в комнату. Два старых человека, сговоримся. Как скучно старому, и-и, как скучно!

Ира (*бледно улыбается*). Я к ней сама лучше буду ездить.

Федоровна (*не слушая*). Возьму я с нее недорого, вот добавишь еще семьдесят да твои двадцать... вот и будет.

Светлана. Дождь какой!

В дверях появляется Леокадия с зонтиком.

Леокадия (*неожиданно звучным, ясным голосом*). Там с потолка капает.

Немая сцена.

Конец

1980

**РАЗНЫЕ ПЬЕСЫ
ДЛЯ
ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ**

КВАРТИРА
КОЛОМБИНЫ

▪

БАБУЛЯ-БЛЮЗ

▪

ТЕМНАЯ
КОМНАТА

■
КВАРТИРА КОЛОМБИНЫ

**Четыре
одноактных
пьесы**

■
*Спектакль из репертуара
театра «Современник»
(Москва)*

▪
ЛЮБОВЬ

ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА

• АНДАНТЕ

КВАРТИРА КОЛОМБИНЫ

▪

▪
ЛЮБОВЬ
▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

СВЕТА.

ТОЛЯ.

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА, *мать Светы.*

Комната, тесно обставленная мебелью; во всяком случае, повернуться буквально негде, и все действие идет вокруг большого стола.

Входят Света и Толя. Света в простом белом платье, с небольшим букетом цветов. Толя в черном костюме. Некоторое время они молчат, Света снимает туфли и стоит в чулках, потом она садится на стул. Когда она надевает домашние тапочки — на усмотрение режиссера, во всяком случае, это имеет значение, процесс надевания Светой домашних тапочек.

Толя. А где мама твоя?

Света. Она пошла в гости.

Толя. Ну, что же...

Света. Поехала, вернее. К родным, в Подольск.

Толя. Давно?

Света. Сразу... после нашей записи.

Толя. Насколько я представляю, туда часа полтора в одну сторону.

Света. Меньше. Час пятнадцать с метро.

Толя. Устанет. Обрато ехать ей будет поздно. Все-таки Подольск, шпана.

Света. Она не любит нигде ночевать.

Толя. Ну, что же...

Пауза, во время которой Толя немного ближе подходит к Свете.

Света. Ты... есть будешь?

Толя. Меня хорошо отравили в этом ресторане.

Света. Мне понравилось.

Толя. Меня отравили.

Света. Нет, мне понравилось.

Толя. С непривычки.

Света. Нет, мне просто понравилось, как там кормят.

Толя. Цыпленок табака?

Света. Почему цыпленок? Я ела бефстроганов.

Толя. Ты завтра на себе почувствуешь, что значит бефстроганов. Они на каком масле это готовят, знаешь?

Толя подходит к Свете, и вот тут она может отойти на другую сторону стола искать домашние тапочки под скатертью.

Света. Мне понравилось.

Толя. Цыпленок табака был хорош только для зубного врача.

Света. Я ела бефстроганов.

Толя. А цыпленок годился лишь только для зубного врача.

Света. В смысле?

Толя . После него срочно надо чинить зубы.

Света . У тебя плохие разве зубы?

Толя . У меня зубы отличные, ни разу не болят.

Света . Тогда что тебя волнует?

Толя . То, что, кроме костей, нечего было есть.

Света . Поменял бы, попросил официантку.

Толя . Не люблю поднимать хай в ресторанах.

Света . Ты все равно поругался ведь с официанткой вначале.

Толя . Но это не от большой любви. Посадила за стол с крошками, обедками.

Света . Кто сажал? Ты сам скорей сел.

Толя . Кругом столько столов пустых, а они говорят — подождите.

Света . Подождали бы.

Толя . У тебя ведь нога стертая.

Фраза производит какое-то действие, которое вполне можно назвать как бы звуком лопнувшей струны.

Света . Я из-за этих туфель прокляла все на свете. Бегала, бегала за ними почти весь этот месяц, в результате взяла на полнмера меньше и только позавчера.

Толя . Это когда я тебе звонил?

Света . В этот день.

Толя . Трудно было достать?

Света . Да белых нигде не было. Лето.

Толя . Заранее надо было.

Света . Да так как-то.

Толя . В конце концов, написала бы мне. Адрес я тебе свой оставлял.

Света . Я тебе тоже адрес оставляла.

Толя . Я все бегал с дома продажей.

Света . Я работала.

Толя . Там у нас, в моем бывшем городе, можно неожиданно что-то достать. На толкучке по субботам с рук продают.

Света . Я не люблю с рук, от покойника может быть.

Пауза. Толя стоит.

Толя . У нас после зимы там, в моем этом бывшем городке, немецкое кладбище начало оттаивать, рушилось. Представляешь? Зимой кое-как, знаешь, забросали, и вся любовь, а весной стало проседать. Мой приятель там отхватил два красных сапога — один сам из земли показался, а за вторым пришлось порыться, и в самом неожиданном

месте, как бы ногу оторванную в головах положили, причем валетом. (Смеется.) А что, мясо с костями вытряхнул, на базаре выменял. Дорого взял. Вымыл, правда, в озере. Да в озере немцы весной дыбом вставали, льдина на льдину налезала. Там мыть то же самое.

Света. Фу.

Толя. Это я в подтверждение тебе. Кто-то эти сапоги купил.

Света. Фу как.

Толя долго смеется. Он все еще стоит.

Толя. Вообще-то надо умыться после этого посещения ресторана. Где-то тут был мой чемодан, там полотенце.

Света. Да возьми там в ванной, наши красные висят.

Толя. Во-первых, если уж на то пошло, негигиенично, общее полотенце.

Света. Я тебе другое наше дам, тоже красное.

Толя. Как различать будем?

Света. Я тебе зайчика вышью.

Толя. Зачем? На самом деле у меня тут целое приданое.

Простыни есть, пододеяльники даже.

Света. На своих собираешься спать?

Толя. Жизнь подскажет.

Света. Я с мамой лягу, а ты постелешь себе. Тогда твое приданое не пропадет.

Толя. Не пропадет мой скорбный труд. Я стирал и гладил все свободное время. Покупал, стирал и гладил.

Света. Сам?

Толя. Я один, как ты знаешь. В моем родном городке тоже был один, хотя мама в свое время не согласилась меня женить на одной местной девочке. Сказала, что у нее родители до третьего колена ей известны и все воры. Так что я все стираю себе и глажу до сего времени сам.

Света. Вас там в нахимовском приучили вальс танцевать и стирать.

Толя. Ты со мной зря не пошла на вальс.

Света. У меня нога стертая, ты бы мог пригласить Кузнецову.

Толя. У нее свой муж для этого есть и сидел.

Света. Он бы не обиделся, если бы ты Кузнецову пригласил.

Толя. Да, он бы не обиделся.

Света. Главное, два дела тебя приучили в нахимовском: танцевать и простыни стирать. Одно другое дополняет, идеал настоящего мужчины.

Толя. Почему же? Мы в нахимовском были на всем готовом, простыни стирать не приходилось. Это вообще дело не такое. Не умею. Даже когда я на буровой работал в степях Казахстана, и то у нас повариха стирала. И в Свердловске я ведь на квартире у хозяйки жил, по договоренности опять-таки с ее простынями.

Света. Ты это все рассказывал.

Толя. Я про простыни впервые. Первый раз в жизни простыни стирал, когда к тебе собирался. Купил, выстирал в порошок и прогладил. На купленных сразу ведь спать не будешь, через сколько рук прошли: швей-мотористки, не говоря уже о ткачах, потом ОТК, потом на складе, дальше продавцы, покупатели.

Света. Молодец. Гигиену соблюдаешь.

Толя. Да, я аккуратный парень, брезгливый.

Света. Брезгуешь нашими-то полотенцами?

Толя. Я? Нет. Зачем.

Света. А почему свои привез?

Толя. Ну так как же... Ведь я знаю. У вас на самом-то деле не густо.

Света. Не густо, но я всегда к Новому году сама себе подарок делаю: две новые смены покупаю, и спим на чистом.

Толя. Первое дело. Мы тоже так будем делать, я тебе буду дарить. В нашей семье.

Света. Где это ты видишь — в нашей семье? Может, ничего еще и не будет.

Толя. Поглядим, увидим. *(Подходит к Свете и неожиданно для самого себя кладет ей руку на грудь.)*

Света *(отшатываясь)*. Уйди-ка.

Толя. Ну что ты. Что ты. Чего боишься. Ничего не будет.

Света. Ты где, в порту находишься? Матрос дальних странствий. *(Ее разбирает смех.)*

Толя. Ну зачем ты. Ты моя жена.

Света. Фактически нет и не думай.

Толя. Это дело пустяка.

Света. А будешь приставать, так поедешь к себе.

Толя. Куда? Куда я поеду?

Света. А куда знаешь. *(Все еще посмеивается.)* К своей маме.

Толя. Она ведь у моей сестры живет. Там некуда.

Света. Тогда к себе в Свердловск. К хозяйке.

Толя. Я оттуда уже выписался. Все! Отовсюду выписался, дом материн в родном городке продал. Я нигде! Вот стою тут, у твоего стола, пока у твоей матери.

Света (*посмеиваясь*). Стоишь — так садись.
Толя. Не надо. Обождем, постоим.

Пауза. Толя все воспринимает всерьез.

Света (*посмеиваясь*). Пристает!

Толя. Как это получается, что муж к жене пристает? Этого не может быть на самом-то деле. Муж жену уважает, и все.

Света. Оставим разговор.

Толя. Мама ведь уехала специально, ради чего страдала, к чужим людям ночевать собиралась?

Света. Я еще раз тебе повторяю, что она ночевать не любит. Она ничего про ночевку там не говорила, значит, не будет. Она что говорит, то и делает, и я такая.

Толя. Это хорошо. (*Задумывается.*)

Света. Я говорю только то, что думаю, я ни от кого не завишу, зачем мне придумывать что-то, врать, потом опять придумывать дальше. Говорю, что думаю.

Толя. Но она еще не скоро, чего ты боишься.

Света. Мы сколько в ресторане просидели, во-первых. Вторых, откуда ты взял, что я боюсь? Я не боюсь. Я вообще не имею привычки говорить неправду. Что ты тогда обо мне знаешь? Я всегда говорю то, что есть, и я не боюсь. Ты меня не знаешь. Мне нечего бояться. Ты ничего обо мне не знаешь.

Толя. Я к тебе присмотрелся за пять лет учебы.

Света. Присмотрелся, но не знаешь.

Толя. Я все знаю, но не хочу знать. Около тебя вертелись двое, но не решились.

Света. Не будем меня обсуждать, договорились? Если ты меня спросишь, я скажу тебе честно.

Толя. Мне нечего тебя спрашивать, я тебя узнал за пять лет учебы в университете.

Света. А я вот тебя вообще не знаю. Ты учился в другой группе, мы закончили, ты ко мне ни разу даже не подошел за те самые пять лет. Ни на вечерах, нигде.

Толя. Это значит, я наблюдал и сравнивал.

Света. Потом вообще взял распределение в Свердловск, уехал. Нужна я тебе была, если ты уехал? Так не бывает. Уж если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко, так Грибоедов писал. Помнишь, Мамонов читал нам на тему этих слов целую лекцию о различий женского и мужского?

Толя. Я все эти годы подбирал, и отпадали одна за другой все кандидатуры.

Света. Что есть назначение женщины в этом мире и что удел мужского начала.

Голя. Я и уехал в Свердловск, ничего не решив.

Света. Все отпали?

Голя. Я уехал в Свердловск, ничего не решив.

Света. Полюбил бы хоть раз одну, не отпала бы.

Голя. Я не могу любить. Что с меня возьмешь. Я не умею.

Я моральный урод в этом смысле. Я не умею. Я тебе сказал.

Я честно тебе все сказал: не люблю никого, но я хочу жениться на тебе. Хотел, вернее.

Света. Теперь не хочешь?

Голя. Теперь женился с сегодняшнего дня.

Света. Говорят, что это проверяется так: спросить мужчину, женился ли бы он на своей теперешней жене еще раз, что ты на это ответишь?

Голя. Ты мне подходишь, ты по всем наблюдениям как раз то, что мне надо. Я много смотрел, что ты думаешь? Я поступил в университет уже двадцати пяти лет.

Света. Ты уже это рассказывал сегодня.

Голя. И опять могу повторить: кандидатур было много, и они одна за другой отпали. Кроме тебя. Кроме тебя.

Света. Ты же меня не любишь, ну скажи.

Голя. А что теперь подделаешь. Я честно говорю, не скрываю, из всех одна ты мне подходила. Но что я мог тогда, когда было распределение? Ты меня вообще не знала, подойти и предложить? Разве ты бы за меня пошла тогда замуж, непосредственно перед распределением? Нет, конечно.

Света. Нет, конечно.

Голя. А теперь вышла за меня. Вот и весь разговор на самом деле.

Света. Ты приготовился к этому за два года? Выжидал, что ли?

Голя. Как сказать, что значит выжидал. Не то чтобы и выжидал, и готовился, помнил, не это. Я тебя не любил. Но я тебя наметил еще в университете. А потом проходит два года, мать пишет мне в Свердловск, что продает дом в моем родном городке, свой родовой дом, мое имение, на которое я уже не рассчитывал, потому что мне в моем родном городке уже ничего не светило.

Света. Почему? Поселился бы.

Голя. Мне там не было работы на самом деле. Ну, мать мне пишет, что продает дом и переселяется к Тамаре. И чтобы я поехал и продал, и треть от всего будет моя. А дом

хороший и двухэтажный почти. Я ехал в мой родной городок через Москву, впереди светили деньги, и я решил зайти к тебе.

Света. Ты мне это уже все совершенно так и рассказывал, и хватит об этом.

Толя. Но это действительно так, что же теперь сделаешь.

Света. У тебя как будто не у всех людей. Все говорят одно, подразумевают другое, а догадываются, что все совсем еще по-другому, и при этом не подозревают, насколько они ошибаются.

Толя. Я говорю то, что на самом деле.

Света. Ты высказываешь все, и больше тебе ничего не остается высказывать, дальше уже идут одни повторы.

Толя. Это действительно, ну что ж.

Света. У тебя как будто существует только одна главная мысль, и больше, кроме этого, за душой ничего, одна эта твоя правда.

Толя. Так оно и есть.

Света. А вот я думаю, что ты такой же как все и как я. И когда ты так упорно начинаешь придерживаться своей версии, я начинаю подозревать, что за всем этим кроется все совершенно другое.

Толя. Ничего другого, что ты. Я не вру почти что никогда. То есть я могу говорить неправду, если я не знаю чего-то. Но то, что я знаю, я говорю точно.

Света. А ведь ты знаешь, что дело обстоит совсем не так, как ты мне это тут изобразил. И ты это знаешь на самом деле, и я это знаю.

Толя (*монотонно*). На самом деле ничего подобного просто. Слушай, как было дело: я поступил в университет двадцати пяти лет, я был уже немолодой для себя и собирался жениться, но присматривался, поскольку был немолодой. Одна за другой кандидатуры отпадали, и уже к диплому осталась одна лишь ты. Я уже знал, что любить никого не способен, и мало того — через сколько-то времени наблюдения за кем-нибудь возникало острое чувство неприязни. Только по отношению к тебе этого не было. Только по отношению к тебе. Сначала просто у меня к тебе ничего не было, ровная, спокойная полоса, а потом, перебирая все в уме, я туманно стал догадываться, что эта спокойная, ровная полоса отношения что-то значит. То есть, что это «ничего» и есть самое ценное и оно больше мне нужно, чем что-нибудь, чем любые другие отношения. Но мы

получили распределение, ты осталась в Москве из-за болезни матери, а я не мог тебе ничего предложить и уехал в Свердловск. То есть я сам еще на самом-то деле только начинал обо всем догадываться, и это продолжалось в Свердловске. Там я работал два года, и опять тот же эффект, никто мне не понравился. Всегда при всем оставалась одна только ты, при всем вычитании других ты была в остатке. И вот мама пишет мне, что продает дом и что треть, если я его продам за ту цену, которую мне удастся, будет моя. Я сразу же ушел с работы, выписался из Свердловска, мысль работала очень четко, и поехал продавать дом через Москву. Я не знал еще, за сколько можно продать в моем родном городке хороший двухэтажный дом, но сколько-то денег светило впереди, тем более что я в Свердловске откладывал. Я пришел к тебе в библиотеку и сделал предложение тебе. Просил ответить на следующий день, с тем чтобы подать заявление в загс. И ты согласилась. Вот все.

Света. А если бы я не согласилась?

Толя. Ты бы согласилась. Я на это шел.

Света. Ты точно был уверен.

Толя. А як же.

Света. Ни капли сомнения?

Толя. В том все и дело, я это знал с самого начала. Я шел на то, что ты такая.

Света. Какая?

Толя. Вот такая, как ты есть.

Света. Но ты же меня не любишь. Правда?

Толя. Я тебе уже объяснил и, если хочешь, могу еще раз повторить. Я не привык обманывать сам себя, я в течение пяти лет анализировал, и все кандидатуры отпадали одна за другой.

Света. Оставь, я это уже слышала. Это не все и даже совсем не то.

Толя. Все то.

Света. На самом деле ты в университете любил.

Толя. Я? Кого?!

Света. Ты знаешь кого.

Толя. Я?

Света. Ты любил Кузнецову.

Толя. Нет.

Света. А она вышла за Кольку Лобачева.

Толя. Да нет!

Света. Она вышла за него.

Толя. Я говорю: нет, не любил. Я не могу любить никого. Совершенно не могу, это не в моих силах.

Света. Как бы там ни было, Кузнецова мне говорила, что ты ей делал предложение. На лестнице. Вот так.

Толя. Нет!

Света. Да говорила, говорила, успокойся.

Толя. Что я ей сказал, так это вот что: «Выходи замуж». И все. Так ей сказал просто: «Выходи замуж».

Света. Это оно и есть.

Толя. Это совет.

Света. Ты мне тоже так сказал.

Толя. Не совсем. Это разница.

Света. Я просто уже знала твою формулу предложения.

Толя. Не совсем, это дело интонации и обстановки. Я тебе сказал: «Выходи замуж», ты сказала: «За тебя?», я сказал: «Да». А Кузнецовой я совет дал: «Выходи замуж», она сказала: «Да кто меня возьмет», а я промолчал. Это формула — она двойная, из двух моих фраз. «Выходи замуж» и «да» в случае моего предложения. А в случае простого совета я вторую фразу не говорю, я многим так советовал выходить замуж.

Света. Многих же ты любил.

Толя. Опять-таки говорю — нет. Я и Кузнецову не любил, я не могу любить, что же с этим поделаешь. Я не могу никого любить и никогда не мог. Еще в нахимовском все влюблялись, а я не мог.

Света. Ты любил и эту азербайджанскую, Фариду.

Толя. Откуда!

Света. Ты к ней ходил, правда?

Толя. Но я же мужчина, ты не понимаешь?

Света. Да ты ее просто любил, а она тебя погнала.

Толя. Я ушел сам, самостоятельно, когда понял, что она мне по всем обстоятельствам не подходит. Чем больше я к ней приглядывался, тем больше меня от нее отталкивало. Я же тебе говорил о тех кандидатурах, которые у меня были. Одна за другой эти кандидатуры отпадали.

Света. А какие еще были кандидатуры?

Толя. Да Господи, как ты думаешь! Я взрослый мужик, сначала служил на подводной лодке, слава Богу, из-за кровяного давления списали. Куда податься? Я на буровую, в степи Казахстана, а там из женщин всего одна была повариха, да и то у нее был муж и хахаль, а ей было пятьдесят три годочка! Как ты думаешь, после этих переживаний я по-

ступил в Московский университет, у меня не разбежались глаза?

Света. Ну какие, какие кандидатуры были у тебя, ну какие?

Толя. Все, весь курс! Буквально весь факультет и все общежитие, можешь считать, было у меня кандидатур.

Света. Ты говоришь неправду.

Толя. Я никогда не вру, только по мелочам.

Света. Ты говоришь неправду. На самом деле ты всех любил.

Толя. Я не могу любить, я на это совершенно не способен. У меня нет этой способности. О! Падает давление! Затылок словно сковало. Видимо, будет дождь. Сейчас я покраснею.

Света. Маму застанет дождь.

Толя. По моему давлению можно предсказывать погоду за пять минут перед дождем. Я покраснел?

Света. Мама вымокнет из-за меня.

Толя. Я покраснел?

Света. Не очень.

Толя. Возможно, дождя не будет. Тут надо точно смотреть. Смотри.

Света. Не знаю.

Толя. Смотри внимательней.

Света. Ну, я не знаю.

Толя. Ты покраснела.

Света. Будет дождь со снегом, да?

Толя. Не знаю, что будет.

Света. Мне просто хочется тебе сказать вот что: ты всех любил, кроме одной.

Толя. Кого это?

Света. Да так.

Толя. Я повторяю, что вообще не любил ни одной.

Света. Но тебе нравились.

Толя. Кто?

Света. Кандидатуры.

Толя. С этим я спорить не буду. Кандидатуры, конечно, мне нравились, как дикому человеку из нахимовского училища.

Света. Ну так не все ли равно, как назвать — нравились или любил?

Толя. Любить и нравиться — разные понятия, просто разные.

Света. Ты откуда знаешь? Ты ведь не любил никогда, ты не можешь сравнивать.

Толя. Да, я не любил никого и никогда, я не в состоянии просто любить. Я урод в этом отношении.

Света. Будем называть любовью то, что тебе все нравилось.
Просто назовем так. Неважно, как называть. Ты всех любил, тогда ты и меня любил?

Толя. Я не могу любить.

Света. Но тебе нравились твои кандидатуры?

Толя. Сначала да, а потом меня от них как бы отбрасывало.

Света. Не тебя отбрасывало, а тебя отбрасывали.

Толя. Нет, именно меня как бы отбрасывало. Я часто в мыслях применял это выражение: снова меня отбросило. Как бы отбросило. Что поделывать, я отметал одну кандидатуру за другой.

Света. Но меня ты выделял одну из всех?

Толя. В какой-то степени да.

Света. А все тебе нравились.

Толя. Я тебя выделил одну из всех, но на самом деле потом.

Света. До выпускного вечера?

Толя. До? Нет, после. Гораздо после, и в Свердловске я по-настоящему о тебе стал думать. Ты меня как-то устраивала, успокаивала, ты мне часто вспоминалась как единственная.

Света. Но на выпускном вечере ты танцевал опять-таки с Фаридой.

Толя. Она ведь уезжала навсегда, прощальный вальс.

Света. А Кузнецова была уже с животом.

Толя. Я, представь себе, не помню. Ты все помнишь.

Света. Тогда давай все это дело сведем к одному. Тебе все нравились, ты всех, скажем, любил.

Толя. Опять нет.

Света. А меня из всех ты выделял. Я была как бы обратный пример.

Толя. Ты — да, ты другое дело, я говорил.

Света тяжело замолкает.

Света! Свет! Светоч! А?

Света. Ты потому и думал обо мне как о последнем варианте, который остается, когда все другие отпадают. Последний запасной вариант, который не подведет уж при всех условиях. Так?

Толя *(идет к Свете)*. Иди сюда.

Света *(идет от него вокруг стола)*. Самый простой и легкий путь оставлен на потом. Где тебе не откажут, не мордой об стол. Ты меня одну никогда и не любил.

Толя. Я никого... *(Садится.)* А что такое любить? Что хорошего? Что это дает? Вон твоя же Кузнецова любила Колю страст-

ной ответной любовью и вышла за него, а теперь они друг другу так показывают (*крутит пальцем у виска*), она его называет «маньяк сексуальный», а ребенок сидит на горшке посреди комнаты и орет.

Света. Ты откуда это знаешь?

Толя. Я ночевал у них. Две ночи.

Света. Значит, ты у них скрывался.

Толя. Почему скрывался?

Света. А как называть? Позвонил только за два дня до свадьбы и снова исчез. Конечно, скрывался. Могли бы вместе походить, что-то сделать.

Толя. Я кольца купил, что еще надо было, месяц назад купил и тебе отдал на сохранение.

Света. Но что теперь говорить, что это был за месяц.

Толя. Был хороший месяц, я прожил хорошо и в ожидании много сделал, думал тебя увидеть.

Света. А тогда почему ты приехал в Москву и меня не захотел увидеть? Позвонил только: встретимся в одиннадцать, я приведу свидетелей.

Толя. Ужин заказал в ресторане.

Света. Мы так хорошо могли походить, погулять это время.

Толя. Но как-то оно прошло, и теперь самое главное есть, то есть мы без помех поженились и не передумали. Встретились бы до свадьбы, пошли бы разговоры, кривотолки у нас, что, да как, да кто любит.

Света. Сейчас-то все равно мы разговариваем.

Толя. А сейчас все уже позади.

Света. Какой хороший был месяц! Листья пахли.

Толя. Да?

Света. Я много не спала.

Толя. Все прошло.

Света. А ты приехал, сразу к Кузнецовой ночевать пошел. Пошел навещать свою старую любовь.

Толя. Мне надо было переночевать.

Света. Не обязательно.

Толя. Как не обязательно, человеку же надо ночевать, спать.

Света. У нас бы поночевал.

Толя. Неудобно.

Света. Сегодня-то ты собрался здесь ночевать?

Толя. Да. Но сегодня мы уже поженились. Расписались.

Света. Значит, сегодня тебе не будет неудобно?

Толя. Сегодня по закону.

- Света. По закону не стыдно. По бумажке. А только ведь бумажка появилась, все остальное то же самое.
- Толя. Это многое меняет.
- Света. Ты получил право теперь надо мной?
- Толя. Конечно.
- Света. А как ты можешь? Ты ведь меня не любишь. Как же ты сможешь ко мне прикоснуться?
- Толя. Как муж прикасается к жене. *(Не двигается с места.)* Ты теперь моя жена.
- Света. И не подходи ко мне, ты меня не любишь.
- Толя. Только теперь я тебя узнаю.
- Света. Конечно, ты думал, что если все тебя отбросили, то я не отброшу.
- Толя. Только теперь я тебя узнаю, почему те двое не решились.
- Света. Тебя же все отбросили, сто пятьдесят человек.
- Толя. А были серьезные причины у них, и один это почувствовал, и второй. Один за другим. Теперь я понимаю.
- Света. Кузнецова с удовольствием рассказывала, как ты стоял на лестнице и трясся и повторял: «Выходи замуж», а она в ответ: «Да кто меня возьмет, да не за кого, и кому я нужна». А сказать «Мне нужна» побоялся, потому что знал, что ответят.
- Толя. Я покраснел?
- Света. Ты покраснел.
- Толя. Будет дождь.
- Света. Мама промокнет, зонта не взяла. Теперь я понимаю, почему ты два дня в Москве проводил без меня. Ты боялся, что я тебя тоже раньше времени отброшу.
- Толя. Нет. Я мамы твоей стеснялся.
- Света. Ты же ведь знал это и шел на это, я сказала, что мама всегда будет жить с нами, что я всегда буду жить с матерью, даже когда мы построим твой кооператив.
- Толя. Да живи, кто мешает.
- Света. Я сегодня лягу с мамой, ты у нас переночуешь на своих стиранных-глаженных, а завтра пойдем подадим на аннулирование брака.
- Толя. Я пойду ночевать к Коле.
- Света. Зачем, только новости придется носить, рассказывать, что и как. Кому это важно. Переночуй здесь. Ты на моей кровати, будет удобно, как в поезде. Ни в чем тебе не идут навстречу, ни в одной женитьбе.
- Толя. Неизвестно кому повезло.
- Света. Вообще, знаешь? Действительно, собирай свой чемодан и иди, и можешь сказать, что тебя опять отбросило.

Толя. А мне его не надо собирать, я его не разбирал.

Света. Вот и иди.

Толя. Аннулировать как будем?

Света. Не знаю, все равно. Ты иди подай заявление, я подам свое. Чего мы вместе пойдем, дружной семьей?

Толя. Тогда извини.

Входит Евгения Ивановна.

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Света. Ты, мам? Чего это ты так рано?

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Света. Еще вечер.

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Толя. Вечер добрый.

Евгения Ивановна. Вечер добрый, зять.

Света. Mam, что ты?

Евгения Ивановна. Что я рано приехала? Да я поехала было в Подольск, а потом раздумалась, что я без приглашения, заранее не предупредила, все ведь у нас не как у людей, все неожиданно навалилось: тут и туфли, и платье, и ночевка. С бухты-барухты ночевать собралась у людей. Кто мне они? У меня есть своя, кстати, кровать, я никому на ней не помешаю, уши заложу. Я здесь живу и никуда не денусь, хоть лопните.

Толя. Да я ухожу, не беспокойтесь.

Евгения Ивановна. А я вам не помеха, делайте что надо.

Толя. Я все равно ухожу, совсем.

Евгения Ивановна. А, уходишь, ну иди. Ты мне сразу не подошел, думаю, чего моя Светка страдает. А ему нужна московская прописка, только всего, фиктивный, оказывается, брак.

Толя. Почему фиктивный?

Евгения Ивановна. Да не пудри мозги, не пудри. Никто хуже моей Светы не нашелся на него позариться.

Толя. Зачем так говорить?

Евгения Ивановна. Нужен ты нам. Мы и вдвоем прекрасно проживем, хоть обе старые, обе больные, но проживем. Я без мужика, в холодной постели тридцать лет сплю, и она поспит. Лучше, чем с тобой. С тобой только трудности одни житейские будут. Иди без оглядки.

Света. Почему он должен уходить? Ему некуда уходить. Он здесь имеет все права.

Евгения Ивановна. Да он сам хочет уйти, ты не видишь?

Света. Что ты вмешиваешься?

Евгения Ивановна. Это моя комната, посторонним здесь нечего делать. Я же вижу, я не слепая. Постель-то немятая. Фиктивно за него замуж вышла, зачем тебе этот позор-то? Штамп захотела получить?

Толя. Она не фиктивно, мы не фиктивно.

Света. Может, нам вообще лучше уйти? Толь, пошли отсюда.

Евгения Ивановна. Да что ты-то собралась! Я его не пускаю, он все нахрапом действует, а увидишь, получит прописку, построит квартиру и нас погонит, вот увидишь. Я его не пускаю. Он только обрадуется уйти. Иди, иди. Один день побыл в Москве — предложение, а она приняла. Потом исчез, где неизвестно время проводил, а ты все ждала, все бегала к телефону за других. Уходи-ка, не стой на дороге. *(Наступает на Толю.)*

Он отступает к двери.

Света. Толя, подожди, я оденусь, подожди-ка. *(Надевает туфли, морщится.)*

Толя. Надень другие, эти режут.

Евгения Ивановна. Куда ты за ним побежала?

Света. Растоптанные?

Толя. Неизвестно, сколько ходить придется.

Евгения Ивановна. Иди, иди. Вот тебе чемодан, улепетьвай. *(Загораживает спиной Свету.)*

Света. Погоди, мне надо что-нибудь собрать.

Толя. Все есть. Что надо, утром купим.

Света. Деньги тратить теперь нельзя так.

Толя. Плащ возьми, дождь будет.

Света. Ты покраснел.

Толя. Затылок ломит.

Евгения Ивановна. Ну и иди. *(Вытесняет его за дверь.)*

Он приоткрывает дверь силой.

Раздавлю!

Света *(хватает его за протянутую в щель руку)*. Толик! *(Уходит.)*

Евгения Ивановна. Начинается житье!

Конец

1974

▪
ЛЕСТНИЧНАЯ
КЛЕТКА

▪
ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

ЮРА.
СЛАВА.
ГАЛЯ.
СОСЕДКА.

Сцена представляет собой лестничную площадку. Двери. Из лифта выходят Юра, Слава и Галя. На них пальто и шапки.

Юра. Куда?

Галя. Направо, пожалуйста. *(Звонит несколько раз в дверь.)* Соседки нет.

Юра. Можно сказать, хорошо.

Галя снова звонит и прислушивается.

Обито клеенкой. Десятку отдали.

Галя. Двадцать не хотите? *(Звонит.)* Но мы вдвоем с соседкой, так что решили. Сквозняк на лестнице, шум.

Юра. Я бы вам за так сделал. Ради глаз.

Галя. Ради глаз выходит еще дороже.

Юра. Не дороже денег.

Галя. Дороже.

Юра. Почему это вам так кажется? Почему вам дороже, а мне не дороже? Мне, может быть, как раз дороже. Целый день с дверью ковыряться.

Галя *(звонит)*. Мне дороже.

Звонки раздаются над сценой очень явственно.

Юра. Вы странная. Вам это самой нужно, как и мне. Мы ведь идем друг к другу с открытой душой?

Галя. Допустим.

Юра. Тогда надо признаться, что вам это тоже нужно не хуже меня. Мы ведь не притворяемся тут в жмурки?

Галя. Предположим. *(Роется в сумочке.)*

Юра. Вы хотите то же, что и я. Я хочу того же, что и вы. Мы равны! Я вас не обижаю, вы меня.

Галя еще раз звонит и снова роется в сумочке.

Почему мы вам сказали ошибочно, что будет один в светлом пальто на остановке, в руке торт? Потому что хотели с другом на вас посмотреть и, если не подойдете, тихо сесть в автобус и уехать. Чтобы не обижать. Чтобы не тянуть резину. А сразу и ясно. Но не уехали, вы нам подошли.

Галя. Да? *(Делает вид, что увлечена беседой, поворачивается спиной к двери, лицом к собеседнику и перестает рыться в сумочке.)*

Юра. Да. У вас то, что надо, глаза в моем стиле. Волосы пока не видны.

Галя. Черные.

Юра. Брюнетки еще темпераментней.

Разговор продолжается как ни в чем не бывало, но Галя стоит, как бы загораживая вход в квартиру, и ничего не предпринимает, чтобы пустить гостей в дом.)

Галя. Вы хорошо разбираетесь в людях.

Юра. Я? Да, я это делаю. *(Воодушевляясь.)* Вот мой друг Славик, сотрудник одного из институтов. Познакомьтесь.

Галя. Галина Ивановна. Очень приятно.

Слава *(подавая руку)*. Я.

Юра. Славик. Ростислав. Мой друг.

Галя. Ваш друг молчаливый.

Юра. Это признак ума. Молчание — золото.

Галя. А разговор — серебро.

Юра. Это вы подметили. Это верно. Я много говорю. Выпил с утра бутылевич «Сурож». Марка портвейна, «Сурож». Вы извините, суббота. Музыканты играют на мероприятиях. С утра уже поднесли.

Галя. Музыканты?

Юра. Мы музыканты. Но это разговор будущего.

Галя. Почему? Мне интересно.

Юра. Что вам сказать? Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего. Слезы ему вода, горе не вечно.

Галя. А что вы играете?

Юра. В основном Шопена. Маршѹ.

Галя. Да? А на чем вы играете?

Юра. Такая есть валторна. Валторнист.

Галя. А что это?

Юра. Духовое.

Галя. Духовое?

Юра. Когда я был мальчиком, у меня от нее лопалась губа.

Видите? Вот. *(Выворачивает губу под лампочкой.)*

Галя. Ой. Часто лопалась?

Юра. Ежемесячно.

Слава. Пошли.

Юра. Подожди. Славик молчит, но чего-нибудь обязательно скажет, и всегда в точку.

Галя. А как, вам зашивали?

Юра. Зашивали? Нет. Зарастало. Неделю не играть — зарастает.

Но я не давал зарастать, расковыривал.

Галя. Больно было?

Юра. Я валторну зато терпеть ненавидел.

Слава. Да пошли.

Юра. Однако учился в музыкальной школе. Погоны носил.

Галя. Хочешь не хочешь, я понимаю.

Юра. Дуди.

Слава. Я пошел.

Юра. Славик хочет уйти.

Галя. Правда?

Слава. Нашел тоже! Грош цена в базарный день.

Юра. Мы обиделись.

Галя. Да?

Юра. Ехали, а вы нас не пускаете. Это некрасиво. Договаривались по телефону. Встретились на остановке. Если мы вам не подошли, то вы так и сказали бы. Еще тогда. А то ехали, приехали. Расценивали вы нас, что ли? Некрасиво. Вы себе цену должны знать, какая вы. Это не в ваших силах, так играть. Красотки так играют. Но только не вы.

Слава. Пошли.

Юра. Погоди, пусть ответит за это. Чем это мы не подходим?

Галя. Неужели?

Юра. Что — неужели?

Пауза.

Слава. Неужели в самом деле все качели погорели!

Юра. У нас тут еще три телефона записаны, могли бы им звонить. Учительница английского языка. Культурная женщина. Посадила, скатерть ковравая, хрусталь, живет одиноко. Ноги не вытирайте, и так пол невымытый, руки опускаются, все мое со мной, а больше не для кого. Потеряла любимого Колю.

Слава. Не Колю. Колли она любимого потеряла. Собаку. Породу.

Юра. Колю она потеряла. Фотография чья висит?

Слава. Фотопортрет Хемингуэя.

Юра. Ты откуда знаешь?

Слава. У нас в лаборатории такая же висит.

Юра. Слава у нас все знает. Сотрудник одного из институтов. Но рухлядь у нее! Позапрошлого столетия выпуска. Не

выкидывает, память о предках. Она происходит не отсюда. Бабушка у нее, сказала, смолянка. Видимо, из Смоленска все барахло вывезли. Бабушка смолянка, ходила в холщовых платях, духов не употребляла, женщина должна пахнуть свежей водой. Спина прямая до сих пор. Так с прямой спиной и сидит на колесах ее бабаны.

Слава. На бабаны бы я женился.

Галя. Я в Смоленске не была.

Юра. Я в Смоленске не бывал.

Галя. А где бывали?

Слава. Это его собачье дело.

Юра. То есть, проще говоря, не вашего ума дело.

Галя. Я бывала в Сочах.

Юра. И никого себе там не подыскали?

Галя. Как сказать.

Юра. Никто не позарился на красоту?

Галя. Как еще сказать.

Юра. Это бывает. Есть люди, которые никому не нужны, никто ими не интересуется, как отщепенцы одни сидят. А нами все интересуются со Славиком, мы нужны. С вами это так, поцелуй с разбегу, а есть... Учительница английского языка, тридцать восемь лет, преподает в институте. Люстра — хрусталь и бронза.

Галя. Вы уже говорили про нее.

Юра. Э, нет, это еще... Другая. Их несколько.

Слава. Ну, пошарили отсюда. Счастливо оставаться.

Галя. И вам счастливо доехать.

Юра. Приятно было познакомиться. То есть не особенно, конечно. Но все бывает. Откровенно говоря, вы нам тоже подошли не очень, мы только так между собой посоветовались — недаром же ехали, может быть, она закуску выставит, бутылевич со знакомством.

Галя. Да, стол собрала.

Юра. Вот если бы мы к вам не подошли на остановке, вы бы одна свой стол подъедала. Села бы сама с собой. Ваше здоровье, Галя! Ваше тоже, Ивановна, отдохнем. Поздоровилась бы с бутылкой. А то мы подошли, все-таки человек не один, люди не зверята. Все-таки ты не совсем нам не понравилась, все-таки было в тебе что-то, красивые глаза, пальто вот.

Галя. Пальто каждый может надеть.

Юра. Не скажи, Галина, не скажи. На ком пальто, как на корове седло, торчит. А на тебе все ладненько так, аккуратненько. Галка должна быть такая — черненькая, ладненькая. Птица.

Слава. Да ты ее не знаешь — что уж сразу Галка.

Юра. А Галка — потому что она мне нравится. У меня все знакомые Галины — все Галки. У нас раздатчица в столовой Галка. Даже две Галки — старая и пожилая такая. Галчонок.

Галя. Вы в казарме живете?

Юра. У меня комната есть. Питание только казенное.

Галя. А мама ваша?

Юра. Мамы нет и неизвестно.

Галя. Правда?

Юра. Так что ты, Галка, не думай.

Галя. Да я не думаю.

Юра. Пойдем, сядем да и посидим как следует быть. А?

Галя. Легко сказать.

Слава. Юра, пошли отсюда, ну!

Юра. Ну, бывай здорова, Галка, не скучай!

Галя. Извините.

Слава нажимает кнопку лифта.

На десятом автобусе до конца, до круга.

Юра. Разберемся, Галка! Эх вы! Ну, не ожидал. Запомни меня. Запомнишь? Завтра проснешься и вспомнишь. Вспомнишь так, замечтаешь, а меня уже нет.

Галя. Как нет?

Юра. Обыкновенно. *(Импровизируя.)* С пятого этажа без лестницы. *(Пауза.)* А лифта в доме нет. И все.

Галя. Ну, прям.

Юра. Серьезно. Скажи, Славик.

Слава. Да пошли.

Юра. Потому что никогда не известно.

Слава. Он по водосточной трубе.

Юра. И сыграю сам по себе Шопена марш. А потом раз — и в цинк!

Слава. Нет, цинк для иногородних, кого труп куда-то отправляют. Не для местных. Тебя куда отправлять?

Юра. Я не тутейший. Я сам с Бреста.

Слава. В Бресте у тебя нет никого. Кому твой цинк.

Юра. Лифт долго держали. Пришел. Я Гале свой цинк завещаю. Слава, а ты сыграешь на геликоне. Галка, захоронение послезавтра. Приходи. *(Нежно целует ей руку, она не дает, целует ей полу пальто.)* Клянусь! Всегда любил упрямых. В ней что-то есть. Оскал какой. Несговорчивая девушка — это добрая, хорошая девушка для одного. Это — внутренняя красота. Так, Галочка?

Галя *(улыбнувшись)*. Да не знаю я.

Юра. Какой оскал! Славик. Ну, пока до свидания. Я любил твои косы корзиночкой, называл тебя попросту Зиночкой. Это я стихи сочинил, когда был в десятилетнем возрасте. Называл тебя попросту Зиночкой...

Галя. Знакомая была?

Юра. Нет, просто так. Медсестра в санчасти. Но это можно изменять, можно сюда вставлять Мариночкой, можно Ириночкой. Разные случаи бывали. Я люблю твои косы корзиночкой, разреши мне назвать тебя... *(Думает.)*

Слава. Глиночкой.

Юра. Назову тебя нежно Галиночкой. Сними-ка шапку, какие у тебя волосы, дай поглядеть.

Галя снимает шапку.

Ничего.

Слава. Хорошего. Лифт пришел. До видзенья, пани.

Галя. Чего?

Юра. До зобаченья, пани.

Галя. Как это?

Юра. Конечно, прическа так себе.

Галя. Химия.

Слава тянет Юру в лифт, они уезжают. Галя подходит к двери лифта, слушает, как он едет. Звук стихает. Галя прислоняется к стене, достает расческу. Несколько раз звонит. Слушает у двери. Стучит кулаком в дверь. Прижимается к двери лицом, так и стоит. По лестнице тихо поднимаются Юра и Слава. Юра зажимает Гале глаза.

Ой! Ну кто это? *(Начинает вырываться.)*

Юра не пускает Галю.

Юра *(тонким голосом)*. Угадай! Ктё этё?

Галя сразу успокаивается, стоит неподвижно, как бы прислушиваясь к своим ощущениям.

Галя. Вы, Юра?

Юра отпускает. Между Галей и Юрой что-то в это мгновение произошло, их интонации меняются.

Юра. Вы чего не дома, не за столом?

Слава. Ты не видишь, она ключи забыла.

Юра. Чего же ты молчала, вот задрыга!

Слава. А соседка где?

Галя. Я не знаю. Она должна вроде вернуться, если не заночевала у дочери.

Юра. Да ну, взломаем дверь тебе. Поможем чем сможем.

Галя. А как же?.. Нет, нет. Я из-за двери на работу завтра опоздаю. Замок вставлять, за слесарем бегать. Соседка не взойдет, ключи другие.

Слава. Никогда не опаздывала?

Галя. Нет, нет, что вы. Не стоит того.

Юра. Да ну... Ночь здесь проводить.

Галя. Вы идите, идите.

Юра. Поезжай к родным.

Галя. У меня нет.

Юра. Совсем?

Слава. Как у Юры, нет и неизвестно.

Галя. Отец женился... на моей подруге.

Слава. Не дурак.

Юра. И ты переживаешь? Матери нет давно?

Галя. Мама в больнице сейчас находится.

Юра. Переживает? Развод не дает?

Слава. А подруга есть? К которой можно пойти.

Галя. Вот это и была подруга.

Юра. Ничего, пройдет. Это пройдет.

Галя. Мама руки на себя накладывала.

Юра. Пройдет, пройдет, Галина Ивановна, это дело такое.

Отца не осуждай, мужчина должен как минимум жить три жизни: первая молодость, вторая молодость и третья молодость, от шестидесяти и выше. Ты ему жить не указывай.

Ты его принимай, как он есть, и не очень упрекай. Он все уже в жизни для тебя сделал, на ноги поставил. Две молодости тебе отдал. Теперь пусть для себя, для здоровья поживет. А мать, что же, она забудет, забудется.

Галя. Я ее после больницы к себе возьму, туда некуда.

Молчание.

Юра. Ты ей дочь.

Галя. Она хочет внучонка, тогда, говорит, я забуду себя.

Юра. Так сразу внучонка. *(Пауза.)* Скоро только кошки родят. По крайней мере девять месяцев. Да еще какое-то время найти мужчину. Не всякий ведь согласится. Не каждый пойдет на это дело. Кому охота иметь на стороне ребенка.

Галя. Нет, мама так не согласна. Я ей предлагала. Слышать не может без ужаса. Если у меня... то, говорит, чтобы у тебя было хоть все. Только с распиской.

Юра. А потом в одной комнате теща, и семья, и ребенок. Каша какая-то.

Галя. Но ведь я и сказала все Анне Дмитриевне. И дала свой телефон для того.

Юра. Какой... Анне Дмитриевне?

Галя. Ну, вот которая-то сватает.

Юра. Парикмахерше?

Галя. Ну.

Юра. Ты таким путем замуж? Ой, не верь, не верь нам, мужикам. Нам разве это нужно, разве этот хомут? Просто погулять, приятно провести время, как мужчина может с женщиной. Зачем ему лишние сложности, зачем эти скороспелые браки? Ты нам не верь, не верь. Никто, ни один дурак так не женится. Кому это нужно? Не верь. Да и ты тоже ведь не просто так семью завести хочешь, а для покоя, чтобы мать утешить, так? Ты ведь здесь тоже нечестно ведешь: мужику покажется, что он тебе подходит, а это не он тебе нужен, а мать успокоить посредством его. А муж не любит мать. Муж не любит, когда все по теще, а хочет, чтобы по его было. Только ради его. Ты и будешь на два фронта работать. Мать будешь слушать, муж смотается, а если ты мужа во всем слушаться будешь, мать твоя нервная вообще на лампочке повесится. Нет, это все не дело.

Галя. А вы как считаете, Ростислав?

Слава. Я не думаю, что ты из-за матери хочешь замуж.

Галя. Правда?

Слава. Чего ссылаться? Тебе самой это позарез.

Галя. Мне самой-то ничего жить одной. Я приду с работы, у меня чисто, телевизор, шифоньер, все необходимое. Я так рада была, когда мне комнату дали. Мама с отцом

последнее время плохо жили, ругались. Какой отдых! А мама теперь упрекает, что вы все меня предали. Ты, говорит, в первую голову, подругу водила. Ничем не уговоришь, плачет.

Юра. В кого ты и уродилась, упрямая такая.

Галя. Я? Я не упрямая.

Слава. Пусть отец уезжает.

Галя. Она ему развод не дает.

Юра. Вот семья.

Галя. Плачет, отвернется к стене.

Юра. Вот семья, семейная жизнь. Да пропади она пропадом!

Хотели хорошо вечер провести, вот вам. А мне хорошо, ни отца, ни матери, никого, фамилия Брестский. Никто от меня не страдает, и мне страдать не от кого. Вот Слава у нас, тот в семье с тещей живет, вот каждый вечер оттуда гуляет.

Слава. Где это я гуляю?

Юра. А со мной.

Слава. Это не считается. Я в четырех стенах не нанялся сидеть.

Юра. А ты жену бы взял и с ней ходил.

Слава. А это наше дело.

Юра. Так что вот видите, Галя.

Галя. Ну что я вижу?

Юра. Что семья в настоящее время не существует.

Галя. А что же?

Юра (*философски*). Существует женское племя с детенышами и самцы-одиночки.

Галя. Правда?

Юра. И, как вы, самки есть, которые могут перейти в женское племя.

Галя. Неужели же?

Юра. Это-то как раз самое плохое, самки без детенышей. Вот как ваша мама.

Галя. А вы какие будете?

Слава. Кончай, Юра. Брестский у нас в похоронном оркестре самый трепач. Как примет — ну не заткнешь кляпом.

Юра. Почему и Анна Дмитриевна нас предупредила: мол, Галина хорошая девушка, но забывчивая. Это у нее недостаток. Деньги ей внести забыла?

Галя. Не забыла. В аванс отдаю.

Юра. Ты все так можешь забыть: чайник кипящий, газ, свет выключить. Ключи забыла. Надо же!

Галя. Я?

Юра. Нет, я.

Галя. Я не забывала.

Юра. Я забыл.

Галя. Я просто не хотела вас пускать. Вы мне не понравились, оба двое.

Юра. Ты очень даже хотела, ты обрадовалась, ведь ждала на остановке. Десять минут мерзла.

Галя. Нет! Не десять!

Юра. Десять минут по часам. Слава проверял.

Слава. Это он не соврал.

Галя. Потому что я видела, что это вы.

Юра. Откуда? Мужчина в светлом пальто и с тортом?

Галя. Я видела, что это вы. Вы шептались и на меня смотрели.

Юра. Вообще-то да, на тебя так смотреть никто не будет.

Галя. Не сказала бы.

Слава. Странно. А так ведь ты вроде ничего на лицо.

Юра. В темноте на остановке.

Галя. Лифт!

Из лифта выходит Галина соседка.

Соседка. Ты чего тут?

Галя. Ключи забыла.

Соседка. Чумовая. Добрый вечер.

Юра. Добренький вечер.

Слава. Здравствуйте.

Кланяются в пояс.

Юра. Симпатичная мордашка.

Соседка входит в квартиру, Галя за ней.

Такая симпатичная, а ушла.

Дверь захлопывается.

Слава. Звони!

Юра. Сам звони.

Слава звонит. Дверь не сразу открывается. Выходит Галя в платье и в тапочках.

А действительно она ничего. Галя, мы стоим и ждем приглашения, как пешки.

Галя. Ради чего это?

Юра. Приятно провести вечер. Мы можем очень хорошо посидеть, поговорить. Споем вам.

Слава. У вас стол же накрыт, честное слово. Жалко стараний.

Юра. Просто как два друга и подруга.

Галя. А зачем, что будет-то?

Слава. Ну, все будет.

Галя. Это мне не нужно.

Юра. Зачем-то было нужно.

Слава. Красотой мы всё такие, ростом не убавились.

Галя. Это не относится.

Слава. Галина, вы смотрите современно. Есть день, и его надо прожить так, чтобы не было мучительно больно. А было бы мучительно хорошо. И так день в день. Все равно ничего прочного нет. Живите днем и будьте счастливы днем. Что смотреть в будущее? Там нас всех ожидает знаете что? Как итог — марш Шопена самое большее. А то и этого вам не закажут. И нет людей более жизнерадостных, чем мы. Много получаем, много тратим, дома нас не ждут... Жена моя уже привыкла и на развод подала...

Галя. Вас жена бросила?

Слава. Она бы меня бросила, если бы я на ней женился.

Юра. Мы, Галочка, холостые на сегодня. Жены наши пусть подождут.

Галя. А мне без разницы.

Соседка *(выглядывая)*. Дверь что не заперта?

Галя. У меня ключ.

Соседка. Закрывать? Дует.

Галя. Закрывай, закрывай.

Соседка. Да не стой ты с ними, с пьянью этой. Ханыги чертовы, надоели.

Юра. Такая симпатичная бабка, не стоит.

Соседка. У, руки горят прямо. *(Захлопывает дверь.)*

Слава. Юра, на Богом обиженных не обижаются.

Галя. Что такое это ханыги?

Юра. Не повторяй глупых слов и дурацких.

Слава. Мы ей незнакомы, и так на чужих людей бросаться. Она на всех бросается? Надо лечиться.

Юра. Иглокалыванием.

Слава. Надо все-таки решить вопрос о накрытом столе. Как поступим?

Соседка *(открывая дверь)*. Как хочешь, Галя, я их не пушу.

После одиннадцати имею право. *(Захлопывает дверь.)*

Юра. Еще нет одиннадцати.

Слава. Без десяти.

Юра. За десять минут все уладим. Управимся.

Галя. Там много.

Слава. Вы нас не знаете.

Юра. Мы способны на чудо.

Слава. В крайнем случае закончим заседание здесь.

Галя. Что — здесь?

Слава. Я как-то даже привык.

Юра. Тихо, тепло, светло.

Слава. Подайте Христа ради.

Галя. Я вам вынесу.

Юра. Можно на газете.

Галя. Обождите. *(Уходит.)*

Слава. Сейчас примем, а?

Юра. Не пора ли нам пора, что мы делали вчера в это же самое время.

Слава. Что ты, хорошая баба.

Юра. Что у нее там за бутылка. У такой может быть водка.

Слава. Конечно, не сухое-то вино.

Юра. Как эта нам подносила из рюмок.

Слава. И хорошо, что без этих скатертей, половиков.

Юра. Я не привык.

Слава. Подъезд — самое наше место.

Юра. Сплю на новом месте — приснишь жених невесте.

Выходит Галя.

Галя. Вот тут... Хлебушко. Колбаски нарезала... Сыр. И вот.

Слава, Юра. Что ты, что ты, спасибо.

Галя. Только вы спуститесь на этаж. А то соседка вас еще погонит.

Юра. Хорошо, Галина Ивановна. Так и сделаем. Извините, Галина Ивановна, если чем не угодили.

Слава. И простите ради Бога.

Юра. Два друга и подруга.

Слава. Ничего, я еще, может быть, на вас женюсь.

Юра. Да! И я. А что?

Слава. Имейте в виду так что. Если мама, не дай Бог, мы сыграем все. Марш Шопена.

Юра. И вообще, если это дело понадобится — сразу ко мне: звоните. Мы со Славиком наших ребят организуем. Для друзей все. За умеренно и бесплатно.

Слава. Много мы не можем, но уж что про что, а это мы способны сразу же. Хоть завтра понадобится.

Юра. Все отлично, Галчонок. Детей заведешь хороших, красивых.

Слава. А что касается нас — то только позови! Мы наготове со своей музыкой.

Юра. Часто только мы не можем, а так — пожалуйста. От времени до времени.

Спускаются.

Занавес

1974

■
АНДАНТЕ
■

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

МАЙ, *мужчина.*

ЮЛЯ,
БУЛЬДИ,
АУ } *женщины.*

Тахта. Ау сидит, с интересом слушая Юлю.

Юля. Вообще там скучно, тоска, тоска, тоска по родине. Все в черных красках. Тогда идешь в Андстрем.

Ау. Понимаю, знаю такое.

Юля. Идешь в Андстрем, берешь креслице в два мальро, чтобы только никто рядом не подсел, не хватанул. Там страшные вещи с этим.

Ау. Понимаю, привязываются.

Юля. Просто шагу не дают пройти. Понимаешь?

Ау. Еще бы.

Юля. Я сюда приезжаю, до чего отдыхает душа. Но тоже не могут не приставать. Девушка то, девушка се. Женщины привязываются: «Дама, где брали, — допустим, — сумку». Они думают, что если они бегают с языком за шмотками, то все бегают. Мне на вещи наплевать. У меня полные кофры. А в Андстреме сидишь, привязываются, подсаживаются со своими креслами, предлагают пулы, метвицы.

Ау. Пулы такие вязаные.

Юля. Нет, пулы, метвицы, габрио. Вроде все так невинно, а если с ними начать иметь дело, пропадешь. Нас предупреждают: никаких пулов! Осторожней, особенно с метвицами.

Ау. Метвицы какого цвета?

Юля. Они всегда прозрачные, их почти незаметно.

Ау. Красивые, я видела, одна баба приносила. Гладить при сорока градусах только руками, не стирать.

Юля. Какой стирать! Это таблетки. Мет-ви-цы. Ты что, не слышала?

Ау. Это наркотики?

Юля. Какой наркотики! Это не наркотики, а бескайты. Бескай-ты.

Ау. Бескайты, погодите-погодите...

Юля. Бескайты бывают кви, это метвицы, пулы. А бывают цветковые, это габрио и другие там.

Ау. Какие?

Юля. Да тебе все равно ни к чему.

Ау. Да почему, у меня подруга на Козьих островах.

Юля. На Козьих еще не появились. На Гибралтаре есть.

Ау. Да у меня полно подруг.

Юля. Ну, так вот, проглотишь, сначала ничего. А потом начинается...

Ау. Хорошее состояние?

Юля. Это из другой оперы. При этом может быть какое угодно состояние. Но ни один мимо тебя не пройдет, поняла?

Ау. Приворотное такое зелье?

Юля. Зачем зелье. Фармацевтические таблетки. Патент. Но всем не продают.

Ау. А кому?

Юля. Отдельным.

Ау. Разве не все равно кому продавать? Как говорится, были бы мальро.

Юля. При чем тут мальро? Мальро — это квадратный метр по-ихнему.

Ау. Вы сказали креслице в два мальро, я помню.

Юля. Я сказала, креслице в два мальро площадью, то есть большое, никто со своим креслом не приблизится. Все равно как на скамейке сидишь одна. Твоя личная скамейка.

Ау. Ну, погодите, Юля. *(Сдаваясь окончательно.)* Так сразу много информации. Что такое бескайты все-таки?

Юля. Это сразу не понять. Это дает красоту. Причем не сразу, а неожиданно.

Ау. А почему не всем продают?

Юля. А как по-твоему, если все вокруг женщины станут красивыми, это ведь тогда будут обращать внимание на кого? На некрасивых, правильно? По психологии. Поэтому эти бескайты распространяют из-под полы. Не всем. Если тебе предложат, соглашайся сразу, больше в другой раз не предложат. Они формируют постоянную клиентуру, потому что, если женщина хоть час была красивой, она хочет быть красивой весь день и даже год.

Ау. Значит, они берут женщину на удочку и водят как хотят.

Юля. Как хотят и даже больше. Поэтому так предупреждают: осторожней с метвицами! Но Бульди все нипочем. Она постоянная бескайтщица.

Ау. Бульди?

Юля. Стерва редкая. Вся на бескайтах. Рано состарится.

Ау. А вы бескайтами не пользуетесь?

Юля. Мне лично предлагали шесть раз.

Ау. Вы не соглашались?

Юля. Они обращаются, по психологии, к тем женщинам, которые по внешнему виду уже на бескайтах, как они думают. Понимаешь? Понимаешь меня?

Ау. Что-то слабо.

Юля. Ну, они подходят к женщинам, которые по внешнему виду как бы уже приняли. То есть, понимаешь.

Ау. Не совсем.

Юля (*понизив голос*). К уже красивым.

Ау. Ну понятно. Ну понятно. А когда примешь, интересно стать красивой?

Юля. Бульди вся так и ходит ходуном. Сразу видно, ей в новинку, интересно.

Ау. Бульди? Уже несколько раз упоминали вы. Это кто?

Юля. Это стервозина большая.

Ау. Да что вы.

Юля. Ты ее увидишь, может быть, если она только сама зайдет за кофром.

Ау. Она тут живет?

Юля. Они вместе со мной приехали, в одном купе даже.

Ау. Они? А кто еще?

Юля. Да они все.

Ау. Понятно. Да, Господи, как интересно жить! Как вам интересно жить! Как я вам завидую, Юля! Повидать весь мир! В таком еще сравнительно молодом возрасте! И такие туалеты, и такая внешность! Вам все Бог дал, Юля. А я сижу снимаю вашу квартиру. Ехать полтора часа до работы. Приедешь вечером, кофейку выпьешь — и спишь, и спишь. От кофе спишь! Хожу в отрепьях. Почему, потому что лень бегать искать.

Юля. Деточка, везде есть свое, слезами залит мир безбрежный. Ты вот думаешь — пышная красотка, все высшего близа, клайкеры, бопсы, все твое, пока по улице идешь, глазами всю тебя оценят, не поймут, что к чему, но поймут, что им-то как до небес. А на самом деле все всего стоит.

Ау. Юля, у меня к вам будет громадная просьба. Не знаю, как начать. Просто неудобно.

Юля. Да?

Ау. Не могу, язык не поворачивается спросить... Вы привезли что-то на продажу?

Юля (*успокаивающе*). На продажу — нет, детка, что ты. Если я еще буду торговать... Нет. Я привезла только подарки матери, сестре, брату, портнихе, подругам. Торговать-то нет.

- Ау. Ну буквально не в чем ходить. Смешно? А вы во мне такие комплексы развиваете: шампуни, лаки, всякие мазилки. Реветь хочется.
- Юля. Единственно что, может, подруги что-то не возьмут... Хотя я сомневаюсь. Они все подмечают.
- Ау. Конечно, мы ведь с вами чужие, случайные люди, я у вас квартиру снимаю, и все.
- Юля. Надо вам поступать на курсы иномашинисток. Там, правда, принимают исключительно своих: жен, дочерей и тэ пэ. Три года учебы — и страна.
- Ау. Три года — долго.
- Юля. А быстрее — это только выйти замуж. Но предупреждаю: это очень нелегкое житье, жена в посольстве. Маленький коллективчик.
- Ау. Спаянный, понимаю.
- Юля. Не в этом дело. Требуется особая способности к уживчивости все-таки.
- Ау. Так и быть. Выхожу замуж. Хорошо, уговорили вы меня.
- Юля. Я тебя не уговариваю, я не сваха. Ненавижу сводить. Было дело, свела сама однажды свою приятельницу с мужем, какой год теперь расплачиваюсь.
- Ау. С каким мужем?
- Юля. Да с каким, с каким, со своим. Поняла теперь — детка?
- Ау. И что теперь?
- Юля. То же самое и теперь. Вот эта самая Бульди. Прицепилась к нам, как банный лист до хоны.
- Ау. Понятно.
- Юля. А как же. Никто ничего не знает, внешне она моя самая лучшая подруга. Все общее.
- Ау. И вы это терпите?
- Юля. Не то слово. Еле терплю. Мало того что она с нами в одной квартире поселилась. Это мало. Меня еще в проходную комнату засунули. Во как! Какие бывают парадоксы! Сплю прямо на ходу. А если куда ехать, то Бульди — лучшая подруга Юли, неразлучная тройца.
- Ау. Она иностранка?
- Юля. Да нет, она Бульдина по фамилии. Так ее муж прозвал, Бульди. Видно, потому, что она на бульдожку похожа. Кривоногая.
- Ау. Не знаю, может, вам лучше развестись с ним в такой ситуации? Я вот развелась со своим мужем, не утерпела.

- Юля. Развестись и вернуться сюда? А кто я здесь буду, откровенно говоря? Младший продавец четвертой категории? С весов торговать? Я же уехала с восьмью классами. Трезво-то рассуждая.
- Ау. Зато вы теперь их язык знаете.
- Юля. Трезво рассуждая, я на нем неграмотная. Могу только сказать что-нибудь в магазине и на улице, кишкильды манту. Особенно не распространяюсь. Так только. И не читаю. У меня активный запас слов. А кто читает на языке, у того пассивный. А у меня активный. Говорю без словаря. Смотрю в словарь и не читаю.
- Ау. Но ведь сколько приходится терпеть! Я вот по себе помню...
- Юля. Там я терплю, а здесь что, не буду? Тоже потерплю. Эта квартира на мужа записана. Кто я без мужа буду? С полкомнатой, что ли? Дальше, если у него будет развод, его сразу отзовут, и Бульди тоже. И они сюда придут, и я. Значит, друг у друга на головах тоже придется сидеть. Сколько-то времени. Только с той разницей, что сидели там, а придется сидеть здесь.
- Ау. Вот-вот, то же самое было и у меня. Образовалась такая же ситуация, они сразу крик: развод, развод!
- Юля. Муж мне заикнуться о разводе не дает. Свирепееет. Он тяжелый человек, ему ничего не докажешь.
- Ау. Какой все-таки ужас эта жизнь!
- Юля. Вот в отпуск приезжаем как будто вместе, а они едут к Бульдиной матери, а я сюда. Отдыхаем врассыпную.
- Ау. Вот и походите теперь по знакомым, по родственникам. Все будут рады, не с пустыми руками. Вот вам и слабое утешение.
- Юля. Поверите? Единственное утешение. Только этим и живу круглый год. А Бульди с мужем моим там, у матери, у внебрачной тещи.
- Ау. Я понимаю.
- Юля. Смешно, у нас это дико сказать, а в Агабаре по пять жен имеют. Ведь знаете, детка, каждой жене лучше быть пятой, чем никакой.
- Ау. Но там же у них равенство, равенство жен! Не то что у нас: раз новую жену завел, старую гони в три шеи.
- Юля. Вот и сразу видно, детка, что вы нигде не были. Равенства нет вообще и нигде. Понятно? Одна жена старая, а четверо других все моложе и моложе.
- Ау. А у вас кто старше — вы или Бульди?

Юля. Она выглядит как развалина. Она все время на бескайтах, почему я их и боюсь принимать. Год идет за два. Быстро стареют. Боюсь, что мужу скоро поновее надо будет жену. Вот смех-то, Бульди так никогда и не получит штамп в паспорте. Не все мне в Андстрем мотаться, и она посидит на креслице ночку. Как я сию сплошь да рядом. Один раз обиделась, ушла. Так им это понравилось. А теперь вот пусть сама посидит попереживает.

Ау. По-моему, кто-то дверь ключом открывает.

Юля. Точно, сейчас Бульди припрется за своими тряпками, не вынесла. Боится, что я в ее кофре шевыряться буду.

Входит Бульди.

Бульди. Бэдзи эконáйз, чурчхелла.

Юля. Чурчхелла, чурчхелла. Фама́ чурчхелла.

Бульди. Бэдзи эконáйз, пинди.

Юля. Фама ты пинди .

Бульди. Чурчхелла пинди.

Юля (*живо*). Фама чурчхелла пинди. Супер чурчхелла, супер пинди. Вот, познакомьтесь, это Аурелия, это девушка, которая снимает у нас квартиру. А это Бульдина, моя подруга.

Ау. А, вы Бульди, я о вас много слышала, очень приятно. Будем знакомы, меня зовут Аурелия, сокращенно Ау.

Бульди. Аурелия пинди.

Юля. Это она сказала — какая приятная девушка Аурелия.

Ау. Можно Ау.

Бульди. Ау чурчхелла пинди.

Юля. Она говорит — Ау приятное имя приятной девушки.

Фама ты чурчхелла.

Ау. А я что скажу: Бульди пинди, Бульди пинди!

Бульди (*свирепя*). Как? Как произнесла?

Ау (*быстро*). Бульди пинди чурчхелла, супер пинди, супер чурчхелла. Я, знаете, очень способная к языкам, просто как попугайчик, сразу схватываю. Язык красивый, похож на валайский.

Бульди. Юля, шипшú кофр?

Юля. А ты по-русски говори, тут люди.

Бульди. Где кофр, чурчхелла? Мой кофр?

* «Фама ты пинди» произносится как «сама ты пинди».

Юля. Я за тебя его волокла, теперь сама ищи, он в прихожей подо всеми чемоданами.

Бульди выходит.

Ничего, сейчас она кофр заберет и смотается, мы с тобой, как люди, кофе попьем.

Бульди входит.

Ау. Давайте я вам помогу.

Бульди (Юле). Пойди вниз, встретить Мая. Он с вещами у такси стоит.

Юля. Почему это?

Бульди. Все ей надо. Почему-почему. У нас в квартире капитальный ремонт санузла. Мама даже у сестры живет. Как раз к нашему приезду все затопило. Везде кашпо плавают.

Юля. Вот так всегда. Все должна Юля делать. Без Юли никуда. Без Юли полное кашпо. (Выходит.)

Бульди. А вас, девушка, мы попросим. Придется попросить.

Ау. А куда, мне некуда пока.

Бульди. А куда прописана, туда.

Ау. Я? Я прописана у бывшего мужа. Там жена и ребенок.

Бульди. Девушка, не помню, как звать, Уа, что ли, мы ведь приехали на месяц. Ну сами поймите, это наша квартира, что же мы должны терпеть еще одну бабу?

Ау. Можно я на кухне переночую? Я завтра же найду себе новую квартиру. Буду искать, короче говоря.

Бульди. Это не будет. Никакой кухни. А потом вы еще не найдете квартиру, опять сюда придете? Зачем нам это нужно, Уа какая-то.

Ау. Что же вы будете, выкидывать меня, что ли? Ночью тем более. Я заплатила за этот месяц.

Бульди. Я посмотрела, какой пол в прихожей. Так девушки не поступают. Кофры стоят на кашпе. Весь пол загабуканный.

Ау. Да вымою сейчас.

Бульди. Ты сколько здесь живешь? А сколько не моешь? В чужой квартире?

Ау. Я в ванной переночую, можно?

Бульди. Ну что, с милицией тебя выводить? Честное слово.

Ау. Ну что вы! Надо же было предупредить!

Бульди. Я своих не предупреждаю, а чужих буду. Свою маму не предупредила, а тебя телеграммой. Незнакомая Уа, кындырбыр. Вот сейчас придет мой муж, ты дождешься.
(Подступает к Ау.)

Ау. А вы здесь не живете!

Бульди. Я? Я не живу? Вот придет муж, узнаешь, где я живу.

Ау. Он вам не муж.

Бульди. Мне? Кому, мне? Мне не муж?

Ау. Он Юлин муж, чего там. Я знаю.

Бульди. А я Юлина подруга родная, поняли? Я к подруге приехала, и все.

Ау. Еще наскაკивает. Прямо на комод прет. (Передразнивая.) Это комод? Это комод? Мне некуда идти, понятно? Муж со мной разошелся, когда я в больнице лежала, ребенка потеряла. Выхожу, а он уже новую женку завел, у него к ней новое чувство.

Бульди. Да что мне, больше всех надо, что ли? (Роетя в сумке, глотает таблетку.) Воды!

Ау. Вода направо, вторая дверь.

Бульди уходит. Входит Май.

Май (видит Ау). Какая прелесть! (Ставит чемоданы.) Какая прелесть! Кто вы?

Ау. Добро пожаловать, пинди.

Май. Какие слова!

Ау. Я способная, кындырбыр. Как услышу, сразу запоминаю. Пинди, чурчхелла, кашпо.

Май. Так и сказали? Прямо при вас? Нну... А вы как при этом оказались?

Ау. Я тут снимаю квартиру.

Май. Все ясно. А кто разрешил?

Ау. Юля сдала.

Май. Юля у нас известная чурчхелла.

Ау. Юля кашпо.

Май. Какая даровитая девушка, сразу поняла все. Как мы с вами жить будем?

Ау. Уже решили — я в ванной.

Май. В ванной такой девушке не годится.

Ау. Я в кухне переночую, на полу.

Май. В кухне газ, раковина, не годится. Такой девушке не подходит.

Ау. Тогда где же остается, в прихожей?

М а й . В прихожей чемоданы, грязь. Мы будем об вас беспокоиться.

А у . Но с вами я спать не буду, это решено.

М а й . Согласен. С нами ты спать в комнате не будешь. Такое дело. Сама понимаешь.

А у . Ну, вот, уж думайте, куда меня засунуть. У меня муж ведь меня бросил...

М а й . Мой совет хочешь? Езжай на вокзал.

А у . Мой муж меня бросил, когда я была в больнице и там потеряла ребенка, и женился на другой.

М а й . Нехорошо, развод — это больно.

А у . Что теперь поделаешь. Конечно, больно. Вот завтра пойду искать квартиру, чтобы вам не помешать, у вас своя семья. Так что уж поживу с вами немножко, если не возражаете.

М а й . Сколько же немножко?

А у . Ну немножко.

М а й . Час? *(Подступает к ней.)* Или час пятнадцать?

А у . Меня Бульди ваша знает! Ой, Бульди! Она все знает! Бульди!

Входит Бульди.

М а й . Ты узнаешь эту шиншиллу?

А у . Она узнает, она узнает. Ну говори, говори, меня же зовут Уа. Она так меня называет: Уа. Надо наоборот. А у . Мы с ней так друг друга называем.

Б у л ь д и . Я подруга Юли. И все.

А у . Ну как же, как же, мы же с тобой говорили, ты вторая жена Мая вот твоего, у Мая две жены: Юля и Бульди.

М а й . Какая прелесть! Надо же! А ну-ка, шиш из моей квартиры!

А у . Бульди, ну скажи ему... Скажи хоть ты ему... Что же такое происходит!

Б у л ь д и *(восклицает)*. Кто я, кто он, кто я ему, кто он мне?

А у . Ты ему любовница, он муж двух жен.

М а й . Ну-ну, ты с фонарем над койкой не стояла.

Б у л ь д и . А это Юлька ей наговорила, накидала фактов из жизни.

М а й . А это шантаж! Никому никакого ничего до этого нет! Ты хочешь ночевать? Переночуешь во всем казенном, я заявлю в милицию, случай шантажа.

А у . А вы ничего не докажете. Нет шантажа. Вам невыгодно эту грязную историю распространять.

М а й . Нет шантажа, будет попытка ограбления шмоток. Тебя поймали.

А у . Кто да кто?

М а й . А у нас есть безмолвный свидетель, подруга моей жены Бульдина М. К., случайно оказалась с нами вместе, сослуживцы из далекой страны.

А у . Нехорошие какие! Я от вас ухожу! *(Собирает вещи.)*

М а й . Ну! Ты еще почище нас! Шантаж — уголовно наказуемое преступление!

А у . А ты один с двумя женами!

Б у л ь д и . Он с одной, с одной, со мной одной!

А у . Женат на одной, живет с иной!

М а й . Женат на одной и живет с одной.

А у . Но с разными!

М а й . Так сложились жизни пути. Но я одноженец! И однолюб!

А у . Вы двоелюб!

М а й . А это не считается! Я одноженец!

А у . Вы живете с одной, а любите другую! Это подлость!

Б у л ь д и . Он и живет со мной и любит со мной!

М а й . С тобой одной! С тобой одной!

А у . Вот и проговорились! Согласились с моим мнением.

М а й *(после паузы)*. Кишкильды?

Б у л ь д и . Ум.

А у . Обманули дурака на четыре кулака! Я сейчас ухожу! Но, поверьте, вам от этого будет только хуже! Вы мне хуже, и я вам хуже! Я вам такое дело устрою, жалобную книгу будете просить!

М а й *(обращаясь к Бульди)*. Рембо?

Б у л ь д и . Бурдэ.

М а й . Шантэ кранты!

Б у л ь д и . Фам шантэ!

М а й . Блю дура брамс, шантэ камю рублей.

Б у л ь д и . Би-би-ти ушанка полкило.

М а й . Ушанка дура рублей.

А у . Спасите! Спасите! Убивают! Пожар!

Входит Ю л я .

Юля! Спасите! Они меня договариваются убить, я поняла! Печень мою съесть! Торс выбросить, а ноги под трамвай, инсценировка!

М а й . Элениум.

Юля. Нет, нет, он говорит, он тебе будет привозить все для тебя и для твоих друзей. Дубленку привезет. А что происходит?

Май. Хурды-мурды.

Юля. Я? Я ничего ей абсолютно не говорила, Ау, правда? Да о нашей жизни все давно все знают, нашли тоже чего скрывать! Мало ли кто как живет? Вон Лев Иванович живет с мумией кошки, что его, тоже разводить? Вы чего испугались?

Май. Хурды-мурды почтамп.

Юля. Ну можно же договориться! И ничего она не напишет! Зачем ей это, она у нас будет ходить как онассисы. Дубленка из крота! И еще я что дам! На, прими таблетку, ту таблеточку, которую ты просила!

Ау. Так просто вы меня не отравите!

Юля. Тогда я приму!

Май. И я.

Бульди. А я давно приняла, но из-за этой хоны все никак не проглочу.

Ау. Вода направо вторая дверь.

Май. Не знал этого о собственной квартире.

Ау. Все, я ухожу от вас.

Юля. Ну подожди, посмотри на меня! Воспользуешься случаем. Сейчас, сейчас! Не уходи, тебя я умоляю.

Бульди. Ффух, ффух. Глубокие выдохи.

Юля. Ну как?

Май. Как пошла-а...

Бульди. Проглотила, но не пошла еще.

Май. У меня пошла-а...

Бульди. Нет, у меня не пошла.

Ау. Ладно, дубленку... Бумажный трикотаж... Сапоги... Косметику... Белье, только не синтетику. Синтетику мне не давайте, не возьму.

Май. До сердца доходи-ит...

Бульди. У меня еще нет.

Юля. Вот! Вот!

Бульди. До зубов! До корней волос!

Ау. Спортивное все... Куртка, брюки вельвет... Маечки... Комбинезон...

Май. Май прекрасен, люблю грозу в начале мая! Май свеж, душист!

Ау. Шарф длинный, кофта длинная, крупной вязки... Понятно? Перчатки лайковые, зеленые, сумка лайка, сапоги хром на каблуке. Я лучше давайте запишу. Шаль как у Абрамовой.

Юля. Думают, я хуже всех. Юля — бог! Юля не хуже никого! Пусть годы проходят в красоте! Юля юна! Все. Я предупредила. Пеняйте на себя.

Бульди. Если уж так, то Бульди анданте!

Май. Меня надо любить! Про Мая скажи. Май всегда говорит: Май самый лучший! И что же? Май оказался прав.

Бульди. Май пшено.

Май. Нет! Нет! Не это! Ты не веришь бескайтам! Им нельзя не верить! Я неотразим!

Бульди. А я что, отразима, что ли? Я тоже на бескайтах! Денег стоит! И не наших рваных!

Ау. Так, записываю. Духи: Франция, книги: Тулуз-Лотрек, все импрессионисты. Детективы: Америка. Аппаратура: хай-фай, квадрофония, как у Левина. Музыка! Графика Пикассо, альбом эротики, Шагал, репродукции.

Май. Следующий этап! О! До сердца дошло! До бугров! Девочки мои!

Бульди. Май прекрасен! Май в зеленеющем Подмоскowie!

Юля. Мои детки! Как вы красивы в этот осенний час! Вы анданте!

Бульди. Юля, ты ангел, как ты нас терпишь, в проходной комнате, одна среди криков!

Май. Юля, ты наше взаимное счастье! Мои дорогие куры! *(Поет.)* А я один сижу на плитуре и вдруг смотрю, три курочки идут! Первая впереди, вторая за первой, а третья позади, качая голову!

Ау. Сейчас, сейчас. Билеты на Таганку, Новый год в Доме кино! Абонемент в Отдел редких книг... Все о декабристах срочно! Русские церкви! Интересная высокооплачиваемая должность! Бах, Вивальди, пластинки! Маленькая ночная! Как у Лошади!

Юля. Все что-то бормочет наша жилища... Дурочка глупенькая, как я ее обожаю в это время! Ау!

Все. Ау! Ау! Ну, Ау!

Юля. Я тебе постелю, ты устала... Мы втроем уместимся на полу, а тебе тахта! Подставь щеку! Подставь другую!

Ау. У меня ничего в жизни нет. Нет ни угла, ни тряпок... Ни мужа... Ни ребенка...

Все. Понимаем, наша детка бедная. Поспи, ляг, усни... Мы тебя, малюточку, так любим в этот час! Анданте, анданте, анданте!

Ау. Сейчас, еще минутку, запишу. А то забуду. Фарфор «Кузнецов и сыновья»! Дом на набережной! Машина! Машина времени! Поездка на воды! Фрегат Паллада! Сына!

Все. Бедная наша, набурмушилась... Пипетка наша... Иди к нам, будем распевать на четыре голоса!

Ходят хороводом.

1975

■
КВАРТИРА
КОЛОМБИНЫ
■

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

КОЛОМБИНА.
ПЬЕРО.
АРЛЕКИН.

Коломбина и Пьеро за столом.

Коломбина. Вы извините, что у нас не убрано.

Пьеро. Что вы, что вы. Мы люди искусства...

Коломбина. Кровать как шарикова нора...

Пьеро. Я понимаю. Некогда.

Коломбина. Хоть убирай, хоть не убирай... Все равно кто-нибудь в гости зайвится... Вот просто специально я вам могу показать, пойдемте...

Пьеро (*кивает, но с места не двигается*). А где ваш муж?

Коломбина (*медленно*). Какой... муж?

Пьеро. Ваш.

Коломбина. Мой... муж?

Пьеро. Я человек в театре новый...

Коломбина. Я незамужем, вы что.

Пьеро. Давно?

Коломбина (*считает в уме*). Уже неделю.

Пьеро. А где он?

Коломбина. Он? Пошел в магазин.

Пьеро. За чем?

Коломбина. За капустой.

Пьеро. Ну, всего вам доброго. (*Встает.*)

Коломбина. Сядьте. Он пошел за капустой и за гречневой крупой.

Пьеро садится.

И за мандаринами.

Пьеро начинает есть.

(*Сладко.*) Как вы медленно едите.

Пьеро. Я с самого утра ничего не ел. (*Смотрит на часы.*) Ой, уже два часа! Мне в три на репетицию. Да еще внутренне собраться!

Коломбина. Да вы пейте, пейте! Репетиция раньше шести не начнется.

Пьеро (*пьет*). Я с утра ничего не пил. А почему раньше шести не начнется?

Коломбина. А кто ведет?

Пьеро. Арлекин.

Коломбина. Ну. А он где?

Пьеро. Не знаю. Дома.

Коломбина. Ой, какой вы новый человек в театре! Он давно уже ушел из дома!

Пьеро (*вскакивает*). На репетицию?

Коломбина. Чудачок! Ко мне.

Пьеро (*выходит из-за стола*). Давно?

Коломбина. Да уже месяца два будет. Садитесь.

Пьеро (*садится, медленно встает*). У меня репетиция в три. Тут важен внутренний настрой. Я очень уважаю Арлекина. Его репетиции — это моя любовь. И я очень уважаю вас.

Коломбина (*с расстановкой*). Не на-до.

Пьеро. Нет, я вас очень уважаю, Коломбина Ивановна. Вы нам как мать.

Коломбина. Кто это уже вам наплел, интересно.

Пьеро. Увидите его, передавайте привет. Большой, горячий.

Коломбина. Увижу — передам. Но ведь он пошел за капустой и за гречневой крупой.

Пьеро (*садится*). Господи, какое же это все-таки волшебство — театр. (*Ест.*) Или вот, например, возьмите балет. Или возьмите пантомиму.

Коломбина. Вот и я ему сказала: возьмите гречневой крупы! А он взял, закатился в кулинарию, взял гречневой каши, взял вареной капусты! И рад. Как будто мы на гастролях! И простоял два часа в очереди, как дурак!

Пьеро. Что?

Коломбина. Ведь эти вареные тряпки в три раза дороже. То же самое можно прекрасно изготовить дома из природного сырья.

Пьеро. Вы — хорошая хозяйка.

Коломбина. Вот у меня прошлый раз муж был — что за мужик! Где ни сделает, там вылизет! А этот повадился в кулинарию. Быстро туда — через два часа быстро назад. Видите ли, захотелось ему домашненького, котлет. У меня соседи этими котлетами собаку кормили. Покормили, ничего понять не могут. Вызвали ветеринара. Он собаке искусственное дыхание сделал, говорит: эти котлеты сами ешьте, а собаке это вредно.

Пьеро. Ну, спасибо вам на добром слове, уже два часа, я тронулся.

Коломбина. Как раз с двух до трех в кулинарии перерыв на обед. А товар привезут в полчетвертого. Из их ресторана отходы. Он освободится не раньше шести.

Пьеро (*садится*). Сколько вкусных вещей!

Коломбина (*вздыхая*). И вино хорошее. Пейте, пейте.

Пьеро ест и пьет.

Пьеро. Но вы все равно передайте ему мой большой и горячий привет, когда он придет.

Коломбина. Вы настаиваете?

Пьеро. Очень!

Коломбина. Хорошо. Передам.

Пьеро (*перестает есть, думает*). Или не надо.

Коломбина. Да нет, чего там. Передам. Он спросит, почему это Я передаю привет от вас — ЕМУ. Большой и горячий — я верно запомнила?

Пьеро. Хорошо, не надо.

Коломбина. А я ему должна буду признаться, что вы меня навестили с букетом цветов.

Пьеро. Каких там цветов, я такой недогадливый. Вы мне — помните — сказали, что вы ответственная за работу с молодыми и чтобы к вам по творческим вопросам обращались на дому, потому что вы будете валяться с мигренью.

Коломбина. Я буду вынуждена сказать ему, что все-таки вы пришли с цветами. А он не любит цветов, приходит: «Опять цветы, да что же это такое! Опять кто-то был!»

Пьеро. Вот я и без цветов. Нет цветов!

Коломбина. А я ему скажу: пришел этот мальчишка с цветами, а я эти цветы выбросила.

Пьеро. Куда?

Коломбина. А за окно!

Пьеро кидается к окну, выглядывает, Коломбина тоже идет к окну и, обняв Пьеро, смотрит вниз. Стоят неподвижно.

Пьеро. Там нет цветов!

Коломбина. Надо же, какой народ пошел вороватый! А ведь были розы.

Пьеро. Какие розы?

Коломбина. Какие? Две красные, три розовые, четырнадцать белых.

Пьеро вырывается, поправляет рубашку.

Жалко было, но что делать? Мальчишка пылкий, еще возьмет чего в голову.

Пьеро. У меня зарплата семьдесят рублей, какие розы, вы что?

Коломбина. Надо же, всю зарплату угрохал на розы! Милый! Ну и могла ли я после этого его выгнать? Я накрыла стол, он сел и все сожрал. Все вино выпил. Колбасу съел. Сыр тоже. Яблоко девять штук было. *(Заглядывает в пустую тарелку. Пьеро тоже.)* Как раз вчера мой-то по магазинам бегал, купил яблок, сыру, колбасы. Сегодня вечером после спектакля одна датчанка придет... А я еще его погнала за капустой, гречневой крупой... Говорю, угостим ее чисто русским ужином — щи, каша, мандарины... Закуска ведь уже куплена. *(Смотрит в пустую тарелку.)*

Пьеро. Ха-ха-ха! Была закуска да сплыла! Как смешно!

Коломбина. Привет ему передать? Ха-ха! Большой? Горячий?

Пьеро. Ну не могу! Ха-ха! Ах вы какая! Ну вы прелесть! Ну-у, вы сплошное очарованье!

Коломбина. Ха-ха-ха! Привет тебе от сыра и от колбасы!

Пьеро. Ну, вы красавица! *(Смеется.)* Ну, вы гармония, ну, диво!

Коломбина. И от французского коньяка привет!

Пьеро *(перестал смеяться)*. Я пил «Ркацителли», вы что?

Коломбина. И от коробочки конфет «Вечерний звон»! Да? *(Смеется.)*

Пьеро *(бледно улыбается)*. Придумщица! Вы фантаст! Ха-ха! *(Поникает.)* Ну, ничего. Я молодой специалист. Меня не могут уволить по закону три года. Нам в училище говорили.

Пауза.

Коломбина. Что-то меня знобит! Я вся дрожу!

Пьеро. Так и так мне ролей не дают. Одну роль дали, котика с усами, играть по воскресеньям с десяти утра, для младшего дошкольного возраста. Голова трещит, глаза слипаются, дети по рядам бегают...

Коломбина. Послушайте, как у меня бьется сердце.

Пьеро. Я пошел. Скоро кулинария откроется, репетиция начнется.

Коломбина. Мандарины, мандарины же, вы забыли? Ему еще бежать за мандаринами. Какой вы смешной! Какая у вас рука большая! Давайте померяем, у кого ладошка больше, у вас или у меня?

Сравнивают ладони.

Пьеро (*капризно*). Я хочу сыграть Гамлета.

Коломбина. Гамлет — это возрастная роль. От пятидесяти.

Пьеро. А тогда я хочу сыграть Ромео.

Коломбина. Ишь какой! Я играю Джульетту, а он сразу Ромео! Да я, чтобы пробиться, семнадцать лет ждала эту роль! Нашелся какой Ромео. Ромео — возрастная роль.

Пьеро (*капризно*). А я хочу Ромео!

Коломбина. Ну давайте порепетируем. Ты здесь, я здесь. Ты кладешь руку на грудь. (*Прислоняется к плечу Пьеро.*) Раз-два, начали! Пошел!

Пьеро кладет руку себе на грудь.

Какой вы еще молодой член нашей труппы! Нельзя все время думать о себе! Это эгоизм! Общайтесь, общайтесь!

Пьеро (*отодвигаясь*). Лучше давайте я буду Гамлет!

Коломбина. Я чувствую, что я уже стара для вас.

Пьеро. Вам сколько?

Коломбина (*после паузы*). Мне уже двадцать шесть.

Пьеро (*поникая*). Да, вы уже пожили на свете...

Коломбина. Ладно. Только вам я открою тайну. На самом деле мне... Это я себе увеличила возраст, когда была в пятом классе. Мне было тринадцать, а я сказала восемнадцать. Чтобы меня приняли в театр. Я уже тогда выглядела старше своего возраста.

Пьеро. А паспорт не спросили?

Коломбина. А это был театр-то областной передвижной гастрольный в городе Талды-Курган. И потом, кажется, паспорта ввели позже.

Пьеро. А я всегда был моложе всех в классе. Мест в детском саду не было... Меня отдали в школу трех лет... И с тех пор все девочки не мои. Им со мной неинтересно. Сами посудите: мне три, ей семь... Я меньше всех... Борода еще не растет...

Коломбина. Зато у вас роскошные усы!

Пьеро. Это я наклеил.

Коломбина. Ничего, ничего. Хватит трепаться, репетируем!
Вы здесь, я здесь. Вы Ромео, я Джульетта. *(Кладет голову на плечо Пьеро.)*

Пьеро. Мне усы мешают.

Коломбина. А вы их снимите пока.

Пьеро. А я их стеклопластиком приклеил. И смолой эпоксидной. Они на неделю привариваются. А то они в сне опадают. А я живу в общежитии, за всем не углядишь. Усы хорошие, новые. А то, сказали, с меня за усы вычтут.

Коломбина. Ну хорошо, неугомонный! Играйте с усами.

Пьеро. Это будет сценическая ложь. Ромео ведь четырнадцать лет, у них в этом возрасте усы не такие пышные.

Коломбина *(теряет голову)*. Ну хорошо, ну хорошо, давайте я буду Ромео, а вы Джульетта. Раз я вас старше, ладно.

Пьеро. Это опять будет сценическая ложь. В те времена девочки еще не носили брюк.

Коломбина. Вот вам мое платье. *(Бежит, приносит платье, бюстгальтер довольно большого размера, пояс с чулками, трико. Вешает все на ширму.)*

Пьеро заходит за ширму.

Пьеро *(его голова видна над ширмой)*. А где дают мандарины?

Коломбина. Да успокойтесь, за городом, в ресторане «Зугдиди». Если хотите, я отвернусь.

Пьеро переодевается. Вешает на ширму носки, брюки, трусы, рубашку. Берет с ширмы поочередно пояс с чулками, бюстгальтер, платье... Коломбина пудрится, глядя в довольно большое зеркало, спиной к ширме. Пьеро появляется над ширмой.

Пьеро. Нет... Я не могу. Джульетта не может быть с усами. Это будет сценическая ложь.

Коломбина. Тыфу ты, Господи! Ну, вот у меня есть немного спирту, специально берегла для датчанки как национальный русский напиток. Я сейчас вам отмочу.

Заходит за ширму. Слышен стон Пьеро и его крик: «Ой, больно!»
Входит Арлекин. У него в руке авоська.

Арлекин *(кричит)*. Коля! Коля! Коломбина! Гречки нет, я купил манки! Сварим датчанке манку, тоже чисто русская каша! Капусты нет, я купил костного жира, у них там небось этого нет! Мандаринов нет, я купил свеклы! Кулинария закрыта на санитарный день, выводят тараканов! Где ты? *(Видит висящую на ширме мужскую одежду.)* Где вы? *(Заглядывает поверх ширмы.)* А!

Коломбина *(поверх ширмы)*. Это зашла ко мне дочь подруги. Она так выросла!

Пьеро выныривает над ширмой. Он с усами, в парике. Коломбина закрывает Пьеро усы ладонью.

Арлекин. Дочь? А почему усы?

Коломбина. Это она баловалась. Понимаешь, приклеила усы стекловатой... Девочки, они всегда хотят стать мальчиками. Прибежала ко мне за помощью. И вот мы отмечаем сидим.

Арлекин. Почему за ширмой?

Коломбина. Так сложилось. *(Убирает с ширмы брюки, трусы, рубашку.)* У вас, говорит, актеров, есть чем отмочить. Сидим как две дуры. *(Снимает с ширмы носки.)*

Арлекин. Да я просто так отклею! *(Протягивает руку, Пьеро ныряет за ширму.)* Да ты не бойся, дочка! Что? Что говоришь?

Коломбина. Она говорит, через неделю само пройдет. Стесняется.

Арлекин. Колюня, а как ее звать?

Коломбина. Как ее звать? Как тебя звать? *(Наклоняется, исчезает за ширмой.)*

Арлекин. Маня? Ваня?

Пьеро *(выныривая, прикрыв усы рукой)*. Не понял.

Арлекин. Значит, Ваня. Что-то лицо твое мне знакомо, Ванька.

Пьеро. Ах нет, что вы. Меня зовут Маня.

Коломбина выводит Пьеро из-за ширмы, он в ее платье, в туфлях.

Коломбина. Знакомьтесь. Это дядя Арлекин. Это Манюра.

Пьеро протягивает руку как для поцелуя.

Арлекин *(крепко пожимает руку Пьеро, тот в ответ жмет еще сильнее)*. Усы твои мне где-то в глаза бросились.

Пьеро. А я в театр всегда первая прихожу. Я все ваши спектакли видела.

Арлекин. Ты зритель, что ли?

Пьеро. У вас блестящая зрительная память. Поздравляю.

Арлекин. У меня вы все на счету, все пятнадцать человек.

Пьеро. Вчера было восемнадцать, я считала.

Арлекин. Вчера, махнула! Вчера был аншлаг! Пьеса молодого драматурга шла, запрещенная! Долго в списках ходила! «Горе от ума».

Пьеро. Да, там еще он ей как даст! А она: «А-а-а!» А он так: «Ой-ой-ой!» Дальше — благим таким матом.

Арлекин. А ты в театр тоже с усами ходишь? Мне твои усы запали.

Пьеро. Да я их приклеила неделю назад. Говорят, эпоксидка только через неделю отпускает. А если отмачивать — через семь дней. И самое интересное, что приходится мужской костюм носить. Чтобы не засмеяли. И вот только здесь я решила переодеться. Тетя Коля дала. И я переоделся. Видите, я себя уже в мужском роде назвал.

Арлекин. А что вы тут делали?

Коломбина. Видишь ли...

Пьеро. Мы репетировали. Я мечтаю о театре.

Арлекин. Кто кто?

Коломбина. Я Ромео, он Джульетта.

Арлекин. Сценическая ложь. Джульетта с усами? Не верю.

Коломбина. Вот мы их и отпаривали за ширмой.

Арлекин. А ты-то почему Ромео?

Коломбина. Да? А я, как Сара Бернар, раньше в молодости всегда мужские роли играла. Снежок, Димка-Невидимка, Том Сойер, Павлик Морозов. Меня школьницы всегда у служебного входа с цветами встречали. Записки писали: «Дорогой Маленький принц! Жду тебя у входа в белой шапке с ушами». А у меня уже дети взрослые были... Внуки. В армии. Смешно! Здесь перевяжешься. И все.

Арлекин. Так. *(Кидает авоську.)* Репетируйте!

Коломбина. «Офелия, о нимфа, помани меня в своих молитвах». Дальше, текст, текст! Что-то так: «Сударыня, я могу прилечь к вам на колени?»

Пьеро. А я что говорю?

Коломбина. Ты говоришь: «Да, мой принц». Все время так:
«Да, мой принц». «Чего, мой принц?»
Пьеро. Ничего, мой принц.
Коломбина. И тут Гамлет целует Офелию! Играют гобой *.
Арлекин. Что? †
Коломбина. Играют гобой.
Пьеро. Чё это, мой принц?
Коломбина тянется поцеловать Пьеро.
Арлекин. Так. Что-то все не туда. В Гамлете не целуются.
А вообще целуются вот так. Показываю! (*Целует Пьеро.
Отодвигается.*)
У Пьеро отваливаются усы.
Пьеро (*пощупав под носом*). Маня.
Арлекин (*вертит Пьеро*). Ну, Коля, ты нашла талантливую
артистку!
Коломбина (*в нос, тихо*). Арик, ты не понял.
Пьеро. Ой, мне пора идти!
Арлекин. Куда, девочка! Мы еще и не начали репетицию.
Пьеро. Мне надо к себе в школу. Я школьница.
Коломбина (*тихо*). Арик, приди в себя.
Арлекин. В школе уже все закончено. Я слышал последний
звонок.
Коломбина. Арик, уймись.
Пьеро. Я веду в школе после уроков заседания интерклуба.
Переписка с моряками Мозамбика.
Арлекин. Коля! Быстро обедать! Школьница проголодалась.
Коломбина. Я не понимаю, какое отношение...
Арлекин. Обед где? Вот так всегда.
Коломбина. Он съел. (*Показывает на Пьеро.*)
Арлекин. Кто-о?
Коломбина. Вот она.
Пьеро. Я после школы голодная... Родители в Панаме...
Арлекин. Все! Отныне будешь есть у нас в театре! Дочь
кулис!
Коломбина. Вот ты там и ешь тогда сам. У Шелудько язва!
У Рудого язва! У Толечки язва! У Ольги язва!

* «Г» произносится как украинское.

Арлекин. Язва не от буфета! Язва от характера! У меня нет язвы!

Коломбина. Если бы язва была от характера, ты бы давно на инвалидности сидел. А ты просто не питаешься в буфете!

Арлекин. Я там не питаюсь, потому что мне некогда! Я бегаю по очередям для вас же! Девочка, девочка, я тебя давно искал! Где ты была?

Коломбина. Она такая же девочка, как я.

Арлекин. Сравнила.

Коломбина (к Пьеро). Послушай, я считаю, в твоих же интересах все открыть. Понятно? Все вспомнить, все понять. Арлекин! Это не девочка!

Пьеро. Я не девочка.

Арлекин. Ничего. Это со всеми бывает так школьницами сейчас почти.

Коломбина. Она не девочка. Ты что, слепой?

Арлекин. Потом она мне расскажет все-все-все.

Коломбина. Расскажи ему сейчас.

Пьеро. Все-все-все?

Коломбина. Арлекин, ты только послушай. Это жутко интересно, ха-ха-ха. Ведь мы... ведь я тебе только что чуть не изменила... Ну помнишь, за ширмой...

Арлекин. С ней? Интересно...

Коломбина. Расскажу сначала. Приходит это чудо, приносит розы. Три красных, три белых, остальные... белые. И давай меня соблазнять! Всеми доступными средствами. Я их сразу, конечно, выкинула за окно.

Арлекин. А какие были средства? (Выглядывает за окно.)

Пьеро. Не верьте, она лжет!

Арлекин. Это ново!..

Коломбина. Ну, все. Я, как председатель комиссии по борьбе... по работе с молодыми, открываю заседание комиссии. Мы вызвали молодого специалиста Пьеро, который обратился в комиссию с заявлением, что он целый год вынужден играть котика с усами, а усы все время воруют. Мы также вызвали на заседание бюро комиссии режиссера Арлекина Ивановича с просьбой ответить на это заявление в присутствии всех присутствующих.

Арлекин. А никого нет! Нет кворума.

Коломбина (*показывая на зрителей*). Это у вас в театре нет,
а у нас есть. Что вы можете ответить? Люди ждут!
Арлекин. Дальнейшее покажет будущее.
Коломбина. Вы можете идти, Пьеро. Всего вам наилучшего.
Если будет еще что, заходите. (*Арлекину.*) Остальных гени-
альных просьба задержаться.

1981

■
БАБУЛЯ – БЛЮЗ

**Четыре
одноактных
пьесы**

■
*Спектакль из репертуара
театра на Малой Бронной
(Москва)*

•

ДОМ И ДЕРЕВО

Я БОЛЕЮ ЗА ШВЕЦИЮ

ВСТАВАЙ, АНЧУТКА

СТАКАН ВОДЫ

▪
ДОМ
И
ДЕРЕВО
▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

АЛЕКСАНДР.
ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА.
МИША, *сын Александра.*
ДИНА, *жена Миши.*
ГЕРА, *друг Миши.*
АНЯ, *жена Геры.*

Калитка. Входят Миша с Диной, за ними с двумя сумками и рюкзаком спешит Гера, ведет Аню, затем Гера уводит Аню.

Г е р а (*возвращаясь без вещей*). Ты знаешь, я решил для маскировки это дело все спрятать. Для маскировки. Мы гуляем.

М и ш а. Мы гуляем.

Д и н а. Ужас.

М и ш а. Никакого ужаса. Они сейчас выйдут, это последний автобус, завтра у отца в сберкассе пенсия, это они соблюдают точно.

Д и н а. А если они заболели?

М и ш а. Исключено.

Д и н а. Все кладбища полны симулянтами.

М и ш а. Я говорю, что на данном этапе это исключенный вариант. Завтра у них банный день, стирка, они получают заказ, шляются по магазинам... И пенсия. Они возвращаются усталые, но довольные, вечером во вторник. Итого двое суток.

Д и н а. Вот прямо сейчас я боюсь. Как приехали, я сразу испугалась. Как вспомнила! Я не люблю ходить где меня выгнали. Лучше давайте подождем в кустах вон там. Пусть уедут.

М и ш а. Ага. А потом как взламывать будешь?

Д и н а. Не знаю.

М и ш а (*цитирует*). «Перед уходом все форточки запереть, свет вырубить, газ отключить...». Ясно? В дверях два замка. Обворовали их соседей, во всем садоводстве паника, вызывали плотника для укрепления дверных коробок.

Д и н а. Не знаю.

Г е р а. Давайте елку выкопаю прямо сейчас в лесу?

М и ш а. Мало времени. Действительно, как я не подумал.

Д и н а. Ногтями?

М и ш а. Сейчас сбегая к соседям за лопатой. Пошли, Гера.

Д и н а. Я с вами. Я боюсь.

М и ш а (*посмотрев на часы*). Не успеваем. У елки корень пять метров, сказал отец.

Г е р а. Да я копал, знаешь? За десять минут два на полтора. Старшина только скажет «упали», и все встать-лечь двести раз, а я стою «вольно», потому что сколько я у отца на участке копал в пору тяжелого детства... Сколько я копал! Отец, конечно, сейчас это... сволочь, конечно... поселились там эти, пашут, как будто это их...

Миша (*сидясь*). Все равно не успеваем. Придем с этим корнем, а все заперто и с сиреной. Отец говорил, что купил на дверь сирену, как на «Жигулях».

Гера. Это материны дети. Тот их папаня пошел по большому пути и с концами, мать вышла замуж за моего отца. Я родился, а тут их отец является, увидел, что творится, развернулся и ушел. Потом его посадили. Он напился, на кого-то полез... Короче, в колонии его свои же убили.

Дина. Да ну тебя.

Гера. А эти материны... Мать, конечно, меня защищала, но она же на работе целый день... Отец тоже как мог их лупцевал, но доставалось мне! Ничего. Отец сказал: все равно дом записан на тебя. Тайно сказал, под банковской. А эти там все заняли, у Тоньки двое детей, у Сашки пацан... Им хорошо, конечно... Нас с Анютой гонят. Но ничего. Потом это все будет наше. Пусть строятся, пусть выращивают. Дом отцовский. А будет наш.

Миша. Я боюсь, мы не доживем.

Дина. А доживем, так будем как они.

Гера. Никогда! Я все для своего... кто бы ни был... Все для ребенка сделаю! Все! А если вообще у нас будет сын... Все! Точка! Спасибо, мы у вас поживем хоть недельку. Анька хоть успокоится.

Миша. Я тоже, я тебе рассказывал, пахал тут до двустороннего воспаления легких. Но как они на нас орали! «Эта ель, эта ель, да вы знаете, это наши годы, это Александра годы!»

Дина. Господи, как тут здорово! Дымом пахнет! Костром!

Миша. Костры запрещены у них. Под килем торф три метра. (*Подпрыгивает.*)

Гера (*подпрыгивает*). Это что! У нас там с самого начала ходили как по кровати!

Дина. Кончайте прыгать, провалитесь!

Миша. Ты что, этой почве уже двадцать лет! Еще отец с матерью не разводились... Помню, здесь было жутко. Комары, рвы с водой, пни... Сначала они все деревья покорчевали, а потом отец торжественно сажал. Вот любуйтесь: береза, рябина... Ель я спилил, царствие ей небесное.

Над калиткой вырастает Вера Константиновна.

Дина. Ой, здравствуйте, Вера Константиновна! Как здорово, что мы вас застали!

Миша. Атас!

Дина. А мы уже посмотрели елочку вам выкопать, только дайте лопату... Специально приехали исправлять свои огрехи. Да вы не беспокойтесь, Миша сам возьмет в сарае.

Вера Константиновна. А я слышу чьи-то голоса раздаются, а что случилось? Что-нибудь случилось? Прошу вас, Александру ни слова.

Дина. Ничего, ничего не случилось, Верочка Константиновна, просто мы решили приехать и посадить елочку хорошенькую, метров пять.

Миша. Это корень метров пять.

Вера Константиновна. Нет, я слышала, как вы говорили «царствие ей небесное» и смеялись. Александр плохо чувствует, имейте в виду.

Молодые переглядываются.

Дина. Это мы все про ель, про ель, царствие ей небесное.

Вера Константиновна. Нашли на что тратить столько времени! Три часа на дорогу да три обратно, это же как съездить в Ленинград за один день. И потом, автобус-то вот-вот, и уже уезжать.

Дина. Ничего, мы на помощь себе друга призвали, познакомьтесь, это Гера. Покажите ему сарай и все. Где лопаты.

Вера Константиновна. Будьте здоровы.

Гера. Очень интересно познакомиться. *(Подает Вере Константиновне через калитку руку, та вытирает свою и пожимает руку Геры после паузы.)*

Вера Константиновна. Насчет лопаты вы, вероятно, не успеете, Александр уже все поставил на сигнализацию.

Дина шепчет Вере Константиновне что-то на ухо.

К моему большому сожалению, вероятно, там тоже на сигнализации.

Дина. А вы что, уезжаете?

Вера Константиновна. Неопределенно. Ни да, ни нет.

Дина. Еще не решили?

Вера Константиновна. Не могу сказать определенно.

Миша. Ну ладно, мы сейчас к Савельевым смотаемся, возьмем у них. У них всегда лопата поточенная, не то что у нас как валенок, втыкаешь, втыкаешь в землю, втыкаешь... Взмокнешь весь...

Вера Константиновна. Это от непривычки у вас к физическому труду, Михаил.

Миша. Да?

Вера Константиновна. Не хочу себя хвалить, но я, когда переделывала за вас грядки, я совершенно не утомилась. Ежедневная работа!

Миша. Вы за меня?

Вера Константиновна. Пришлось. Мы с Александром посоветовались.

Миша. Это когда я лежал в больнице с воспалением легких из-за этой лопаты да вашего огорода?

Вера Константиновна. Я говорю, это у вас с непривычки.

Миша. Да?

Дина. Миша!

Вера Константиновна. А что? Тракторов у нас нет, все пашем врукопашную. Вот этими граблями. *(Протягивает над калиткой руки.)*

Миша. Ладно. А где отец?

Вера Константиновна. Я вам не скажу, я вас обману. Ушел где-то. Без Александра, вы сами знаете, я хозяйка? Кто я здесь? Вы ведь знаете Александра.

Миша. Ну хорошо. Пошли, стало быть, по соседям. Попросим лопату, а то сидеть негде, потому что чаю не дают.

Вера Константиновна. Михаил, а вот вас я хочу спросить. Вы отдаете себе отчет, что вы тут натворили? Вы отдаете себе? Вот вы срубили ель. Ну так что? Мы будем приезжать на Новый год к пню? Пень украшать? Пню молиться?

Миша. Эта ель затеняла всю клубнику! Не цвела клубника-то!

Дина. Ну приехали же мы! Мы же посадим! Новую елку вам!

Вера Константиновна. Вы отдаете себе, что у этой ели было имя? Елена Александровна, да! Она была его дитя, и он ее растил! Она укрепила своим корнем эту землю! А теперь стоит окомелок! Пень Александровна! Горе, горе. И вы хотите принести ему из лесу подмену. Вы отдаете отчет, что у ели корень пять метров?

Миша. Отдаем.

Дина. Он на руку наматывает.

Вера Константиновна. Я очень понимаю ваш смех, Дина, и вообще ваше отношение к нам.

Дина *(истерически хохочет)*. Куда ехали! Мишечка! Тут пень!

Вера Константиновна. Спасибо. Я все поняла. И передам кому следует.

Миша (*посмотрев на часы*). Ну ладно. Ло-жись! Отдыхаем тут.

Где у нас был термос. Где у нас что? Гера!

Гера. А ничего нет.

Миша. Как?

Гера. Так. Нету. Лежи. (*Уходит.*)

Дина. Нету, нету.

Садятся.

Вера Константиновна (*в беспокойстве*). Пройдите, там есть лавочка. На остановке. Встаньте.

Миша. Нам и здесь хорошо.

Вера Константиновна. Но вы же опять схватите пневмонию, земля же сырая! Болото! Я опять буду виновата.

Миша. Не опять, а снова.

Вера Константиновна. Идите на лавку, говорю вам. Здесь посажена мята.

Миша. Отец, когда делал пристройку, сказал, что это будет моя комната.

Вера Константиновна. Но ждите, ждите же смерти его хотя бы! Я вам уступлю! Мне не надо ничего! Я посторонняя! Набежали, даже не дождавшись! Я сама, своими руками вам все отдам. Мне здесь для себя не нужно ничего. А я надрываюсь с шести утра. Для кого я готовлю почву? Для кого удобряю? Коровьи лепешки ворую в колхозе! Выращиваю — для кого?

Дина. Ничего, ваши дочь и внучка съедят.

Вера Константиновна. Что им перепадает? Им пара банок варенья, а я их сюда ведь не вожу! Не зову! Мои-то родные дети здесь не появляются и ничего не пият!

Миша. Им тут ничего не обломится.

Вера Константиновна. Если вы хотите знать, я была у юриста.

Миша. Ага. Оно и видно.

Вера Константиновна. Я знаю свои права. Если вы хотите знать, я узнала.

Миша. На случай папиной смерти, что ли? (*Смеется, Дина подхватывает его смех.*)

Вера Константиновна. Смеетесь над смертью своего отца? Да он вас переживет! Я не отдам его! Мы договорились. Я не отдам его в лапы смерти.

Миша. Все там будем.

Вера Константиновна. Смерти нет!

Дина . Успокойтесь, есть.

Вера Константиновна . Помните горьковскую «Девушку и смерть»? Это тот случай. Эта штука (*стучит себя в грудь*) посильней гетевского «Фауста».

Все понурились.

Да! Александр только внешне такой суровый, внешне нелюдимый и неприветливый. Вы бы видели, как он убивался над этой елью! Хотел привить этот пень новой веточкой! Бинтовал! В отличие от многих он не задавит паука! Берет за лапку и сажает на окно, где мухи, и приговаривает нежно: «Иди, щенок, вон твое место». Это называется биозащита! Тут каждый куст наш, полит нашей кровью! У нас теперь дети — это кусты и деревья! И не вы, во всяком случае.

Входит Гера .

Дина . Минералка? Я пить не хочу. Я есть хочу.

Гера . Открывашку забыл.

Миша . Дай об забор открою.

Дина . Не трожь их забор.

Вера Константиновна . Вы издеваетесь, а я посмотрю на вас через двадцать лет, как вы будете жалеть вкопанный вами же забор. Меня не будет, возможно, меня уже допекут, но вы вспомните меня. Александр каждый столб на себе из леса принес.

Миша . Дай открою зубами.

Вера Константиновна . Зубы надо беречь. Это понимаешь тогда, когда их уже нет. Вот вы вспомните меня через двадцать лет...

Гера достает из кармана ключ, открывает, Миша пьет, затем пьет Гера.

Между прочим, спид передается и через рот, если есть ранки.

Гера поперхнулся, Миша стукнул его по спине.

Ни в коем случае не бейте его по спине! Я читала в журнале «Здоровье», что надо обернуть носовым платком язык и тянуть на себя!

Пауза. Дина прячет лицо в ладони, Миша отвернулся. Гера кашляет.

Я закончила курсы первой помощи. Платка у меня нет, я сморкаюсь в тряпочку, она чистая, я кипятила. Дать?

Гера качает головой, вытирает слезы.

Оберните, оберните язык. Будет легче. Меня никто не слушает почему-то, дочь моя вроде вас. Не слушала меня и вышла замуж в сорок лет, привела этого задрыгу Корбина из города Экибастуз, откопала где-то. Теперь ее дочь, а моя внучка гордо ушла из дому, и куда? Сюда ко мне, на чужую дачу, она не поехала. Понимала, что сюда не сунешься... Я ее предупредила, когда она ко мне обратилась, что здесь не только ей, но и его родному сыну не место... Здесь протекает жизнь двух глубоко одиноких людей... Внучка сняла комнату на станции Катуар, сарайчик с топчаном пока лето. Можно же везде снять. Вы искали?

Дина. А нам не надо чужого!

Вера Константиновна. Этот Корбин тоже сволочь порядочная. Я советовалась с юристом насчет своей квартиры. Она сказала, разделяйте ордер и принудительный обмен. Дочери пятнадцать метров... И внучке двенадцать... А мне ничего. Я нигде. Я умру, я им здесь ничего не оставлю. Хотя имею право, я советовалась с юристом, и она мне сказала, что и как.

Миша. А отец знает?

Александр *(возникая)*. Отец знает.

Теперь они двое стоят, опершись на калитку.

Миша. Привет, папа.

Дина. Здравствуйте, Александр Петрович.

Гера. Здравствуйте. Я Гера, мы с вами познакомились на Мишином дне рождения.

Александр. Миша вечно пускает к себе всех.

Вера Константиновна. Александр, тебе вредно волноваться. Они здесь просто дышат воздухом, и все. Иди прими валокордин. Они сейчас уезжают с автобусом.

Александр. Эх ты, спилил такую ель!

Вера Константиновна. Каждый человек должен в жизни построить дом и посадить дерево. Дом и дерево! А они спилят дерево и сожгут дом на фиг.

Александр. И чего ты сюда ехал? Ты ведь знаешь, что я тебя проклял и весь дом отдаю вот ей по завещанию.

Вера Константиновна. Не весь, не весь. Даже при завещании ему обломится. Я узнавала, юрист сказал.

Миша. Смотри, как она ждет!

Александр. Она тебе не чета! Ты ждешь!

Миша. А я-то ехал тебе ель посадить... Герка согласился помочь, перся из города три часа. Лопаты только не взяли, забыли, дома суматоха, мама тетю Катю из больницы привезла. «Скорая» ездит все время. Тетю Катю в больнице уже не держат. По три раза за ночь.

Александр. И ты поскорее смылся сюда с друзьями. А ведь здесь тебя не ждали. Я лучше сюда ее внучку возьму, чем вас. А? Гони, Вера, сюда всех своих внуков.

Вера Константиновна. Спасибо, я не откажусь, я благодарна, я не ожидала такого подарка. Малышка... Кому она помешала бы, конечно. Но ее одну, без матери и отца нельзя брать, это же громадная ответственность, вдруг поносик, зубки..

Александр. Ей уже восемнадцать лет, ничего.

Вера Константиновна. Ах, помилуй, это другая. Та выходит замуж по моему совету, а дочь родила от Корбина! Моя дочь! В сорок лет сошла с ума и родила! Я завтра же позвоню, обрадую... Лето, они задыхаются в городе... Такая маленькая еще... Чудесная! Какое-то новое счастье! Семь месяцев, а уже лопочет. И вполне осмысленно. Ты-то тля, а ты бя. Чудо!

Александр (*остывая*). Ага.

Миша. Герка у нас классный землекоп. За десять минут... Скажи!

Гера. Да ладно.

Миша. За десять минут как экскаватор землю роет.

Вера Константиновна. А то мы блаженствуем тут, а они там. Одни. А я бы всех их сюда собрала. Самовар на воздухе... Корбин тоже умеет землю рыть. Корбин, муж дочери. Моя внучка Лиза Корбина.

Александр. Скажи-ка, Миша, а на кой хрен вы тетю Катю из больницы забрали? А?

Миша. Сказали, что ее тогда переведут в больницу для хроников. А там сам знаешь... Это еще за городом на электричке. Туда вообще пилить полтора часа. Не наездишься.

Александр. Да... Конец.

Миша. А у нас еще телефон отключили за неуплату междугородных разговоров. Тут надо «скорую» вызывать, а мама,

здасьте, не заплатила. Звонила Пашке в Кустанай и протаскала счет в сумке... тоже, знаешь, моталась между работой и больницей... А сейчас вообще.

Александр. Правильно. Вот Паша от вас и уехал... Я ему звонил. *(Кричит.)* Вы мне не помогаете. Больше о дружках думаете.

Вера Константиновна. Этот Корбин, конечно, редкая сволочь, ночью спит как бревно, Алечка к ребенку вскакивает сама, а ей ведь надо беречь молоко... Она ведь немолодая... Но он, на несчастье, любит малышку, и их не разделить. Алечка тоже любит этого идиота как безумная. Придется брать всех троих.

Александр. И что?

Миша. Две ночи бегал к автомату на улицу. Потом ездил на телефонный узел, валялся в ногах и бил хвостом.

Александр. И что?

Миша. Ну, все в порядке. Шоколадкой обошелся.

Вера Константиновна. Если «скорой» дать в зубы десятку, они забирают все-таки в больницу.

Александр. Ну и?

Миша. Нет.

Александр. Что нет, что нет. Балда стоеросовая. Мать пожалей. В больнице-то Кате будет лучше! И «скорая» не откажет.

Миша. Да десятки нет. Сюда ехали бесплатно.

Александр. Ну что такое, ну что такое! *(Достаёт кошелек.)*

Вера Константиновна. Александр, тебе вредно волноваться! Не делай резких движений!

Александр. На тебе десятку!

Миша берет. Пауза. Александр и Миша отходят в сторону.

Вера Константиновна. Правильно. Отец должен всегда помогать. Я это знаю. Я прожила уже большую часть жизни. Да. Старость не за горами.

Дина. Что вы!

Вера Константиновна. Да-да, не уговаривайте меня. Я это предвижу. Голова уже рано поседела, это все видно, я ведь крашусь. Тайно от Александра.

Дина. Не может быть! Чем вы краситесь? Я тоже хочу такой цвет!

Вера Константиновна. Лук, лук! Шелуха плюс керосин.

Дина. Здорово! Научите меня?

Вера Константиновна. Женщина в любом возрасте должна следить. Гимнастика, контрастный душ — холодно-тепло, холодно-тепло. Здесь Александр сделал для меня два душа из клизм. Берется обычная клизма на два литра, и все. Далее. Маски из всего, что вы едите. Варите борщ, то даже маска из борща.

Александр выходит.

На чем я остановилась. Да, кстати, Александр спас меня от гибели. Я уже и на вокзал ходила ночевать... Так там милиционеры поднимают: нельзя спать, бабушка! Мне же негде было быть, находиться! Я обратилась к одному доктору Розе, говорю: Розанька, бессонница. А у самой глаза слипаются. Ну, Роза мне выписала кое-что, чтобы я поспала. Две упаковки — и все. А? И вдруг я встречаюсь с Александром. В диетической столовке. Я так медленно ела, он даже сел рядом.

Входит Александр.

Александр. Ну что, кто куда?

Миша. Мы здесь переночуем, пожалуй что.

Вера Константиновна. Нет-нет, это исключено. Это исключено.

Миша. Мы в палатке. Мы тихо.

Вера Константиновна. Нет-нет, я сказала, исключено.

Миша. Да не на участке, мы тут.

Вера Константиновна. Нет, молодежь, надо знать честь. Погуляли — все. Идите, идите.

Миша. Ну, можно на одну ночку-то... Я здесь привык... Вырос тут.

Вера Константиновна. Вы не одни у нас. Да.

Александр. А что сказал Павел?

Миша. Пашка-то? Живет в общежитии, там жилищная проблема, что ли. Две семьи их в одной комнате. Вот как. Как молодые специалисты. Что сказал? Хочет домой, но куда?

Александр. Это я знаю сам.

Миша. Ну ладно...

Александр. Держи ключи. *(Передает Мише ключи.)* Пристрой-ка. В дом не лазить.

Миша. Форточки уходя запереть.

Вера Константиновна. Вы просто удивительный человек! В пристройке нет форточек. Там нет даже окна. На

что ты обрекаешь людей, Александр! Нет, я не понимаю тебя. Легко ли им будет, молодым?

Александр. Ничего. Когда я был молодой...

Миша вздыхает.

Да, когда я был молодой, мне пришлось очень туго, я тут уже говорил.

Вера Константиновна. Еще как!

Александр. Но всегда находились добрые люди вокруг, и я всем старался помогать. Всегда. Как это тебе ни покажется странным, я человек.

Вера Константиновна. С большой буквы. Меня от гибели спас, когда доктор Розочка мне дала снотворное. Дала два раза по сто таблеток на стакан воды на ночь.

Александр. Это-то ладно. Но я всегда знал и говорил, что человек тогда человек, когда он построит дом, вырастит дерево... *(Пауза. Смотрит на Мишу.)*

Вера Константиновна. ...И сына, я им это уже сказала, но он-то спилил его. И если не сожгут дом, я тогда уже не знаю, кого благодарить.

Александр. Он не сожжет. Он не сожжет. Он его любит. Да, сын?

Дина *(толкает Мишу)*. Любит, любит.

Миша *(очнувшись)*. Да они поживут всего неделю, им обещали сдать комнату.

Пауза.

Вера Константиновна. Кто?

Гера свистит. Появляется Аня с рюкзаком, тележкой, сумками. Аня на сносках.

Немая сцена.

•
Я БОЛЕЮ
ЗА ШВЕЦИЮ
•

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

КАЛЯ.
ДИМА.
СТАРУХА.

Каля убирает со стола. В углу, на столе, стоит большой портрет мужа Кали с черным бантом. Телефонный звонок.

Каля. Але! Опять бросили трубку. Целый день хулиганство. Кто такой дерзкий. Кто такой бездушный, в такие дни хулиганить.

Дима. Дети, наверное.

Каля. Дети целый день не будут — им надоест. Это кто-то очень смелый.

Дима. Ни разу ничего не сказали?

Каля. Два раза просили Анечку.

Дима. Женский голос?

Каля. Да. Это тебя, что ли? У тебя в интернате уже есть девочки? Девочки бегают за тобой? Скажи им на будущее, что так не надо ранить людей, что есть все же рассудок. Они знают, что у тебя умер отец?

Дима. Нет. Я же не успел, в субботу ушел, сам не знал, что так будет. Никто не знал.

Каля. Завтра пойдешь учиться. Специально объяви всему классу и по всем своим знакомым, что подобные звонки отменяются.

Дима. Все тогда специально будут звонить.

Каля. Звери, звери. Неужели они не понимают, что если в доме умер человек... *(Плачет.)*

Дима. Они хохочут вообще всегда. Им не запретишь, они еще больше будут смеяться. Они нарочно отмечают, где еще похихотать. Специально. Так заинтересуются, а как это не звонить? Им любой запрет не идет. Учительница инглиш запрещает пальцами хрустеть. Они ботинки снимают и хрустят ногами, шелкают. Она с ума сходит от этого. Нет-нет, да кто-то и шелкнет. Пальцами ног. А у инглиш от этого глаза на лоб лезут.

Каля. Господи, где же ты растешь! Господи, как же ты там растешь! Ты хрустишь тоже?

Дима. Я? Когда как.

Каля. Ты не думаешь, как ей это мучительно слышать?

Дима хрустит пальцами рук.

Прекрати!

Дима хрустит.

Ну прошу тебя, мне это безразлично, хрусти. Давай.

Звонок телефона.

Алё? Кого вам надо? Вам Диму? Не балуйтесь, у него умер отец. Положили трубку. Все-таки действие оказалось. На них иногда это действует.

Звонок.

Подойди сам.

Дима. Алё! Это я, Дима, говорите, ничего не будет, папа умер, просят не беспокоить, в следующий раз позвоните. Завтра я буду с утра в школе. Алё! Положили трубку. *(Кладет трубку.)*

Каля. Не надо так много сообщать, им только этого и надо. Они устроили себе развлечение. Но мне должны звонить сегодня насчет памятника, вот в чем беда. Нельзя не подходить.

Звонок.

Алё! Вам кого? Говорите, говорите, кровь пьете, так? Алё! Девушка, потерпите до утра! *(Бросает трубку.)* Какие звери!

Звонок.

Дима. Алё! Кого? Анечку? *(Закрывает трубку.)* Какую-то Анечку опять.

Каля. Скажи, сейчас. *(Берет трубку.)* Алё! Анечка вас слушает. Это я, Анечка. Алё! Да, Анечка. Нет Анечка. Я вам говорю, это я. Какой вы номер набрали? Последние цифры сорок пять? Верно, это этот номер. Я Анечка. Ну, вам нужна Анечка? Это я у телефона, это она. Что теперь? Кто говорит? Мама? Мама Анечки? То есть, моя мама? Вряд ли. Какая Анечка? Воронцова? Я Воронцова, слушаю. Нет, серьезно, но меня зовут Калерия, а не Анечка. Но все-таки, какая вам Анечка нужна? Анечки Воронцовой здесь никогда не было. Уж поверьте мне. Да уж придется. Жила? Не знаю. Когда это? Двенадцать лет назад?

Дима. Моя мама Аня Воронцова.

Каля. Погодите. *(Диме.)* Что говоришь?

Дима. О моей маме речь. Анна Воронцова.

Каля *(бросает трубку)*. Это твоя бабушка, видимо, звонит. Узнала, что Степан умер. На похороны не приехала, день пропустила и звонит. Видимо, из автомата звонит. Что ж, двенадцать лет ждала.

Звонок. Ни Каля, ни Дима не подходят к телефону.

(Кричит.) Двенадцать лет даже и не подумала, как ребенка с двух лет растить! Ни разу не вспомнила о внуке! Ни разу простыни не постирала! Ни рубашечки не купила!

Дима (берет трубку). Алё! Анечки нет. Дима есть. Я сын Анечки. Да, я знаю.

Каля. Знает, он знает! Ему давно соседи на старой квартире сказали, дети сказали!

Дима. А кто это? Бабушка моя? Здравствуйте. Это Дима. Папу вчера похоронили. Да нет, что вы! Я школу через год буду заканчивать. Я? Большой. Приезжайте, адрес знаете?

Каля (берет трубку). Послушайте, завтра Дима идет в школу, это на Восьмом просеке, дом одиннадцать. Навестите его там. Здесь Анечка никогда не жила, мы обменяли квартиру. Все. (Кладет трубку.) Как это задумано, однако же! Какой-то вроде голос судьбы, как голос судьбы. Как будто все только и ждет, как меня наказала судьба.

Дима. Ну что вы, тетя Каля!

Каля. А ведь грех говорить, но твоя мать не была нормальным человеком. Никто здесь не виноват, она сама на это шла. Ты же не знаешь, она шесть раз травилась. Тут один раз отравишься котлетой, и то три дня откачивать.

Дима. Когда это я травился котлетой?

Звонок.

Каля. Алё! Секундочку. Дима, это тебя. Подойди. Говори вежливо.

Дима. Я слушаю. Привет. Бабушка, привет. Да. Да нет. Нет, я хорошо ем. Питаюсь. Я в интернате. Почему, нет. Не детский дом, какой детский. Почему, можно. Соляной проезд, дом сорок «а», квартира пять, первый подъезд, второй этаж. Вы откуда будете ехать? А. Ну вот, налево от автомата как раз ворота. Пока.

Каля. Ты ее пригласил? Ты когда-нибудь будешь спрашивать, когда чего можно?

Дима. Я ее не приглашал. Она сама. Она у дома стоит.

Каля. Целый день, что ли, стоит? Целый день звонила.

Дима. Не знаю.

Каля. Она откуда? Из Кемерова?

Дима. Не знаю.

Каля. Из Кемерова. Ладно. Только бы с ума не сойти, ладно. Ты с ней не уезжай, Дима. Тебе надо школу кончать, в институт. Теперь серьезные вещи будут.

Дима. Да чего я в Кемерове не видел? Я из этого двора не уеду.

В девятом классе в эту школу перейду. Тут все ребята.

Нужно мне. Я и в интернат из-за этого не люблю ходить.

Каля. Но ты разговаривай с бабушкой как следует. Что не поедешь из-за школы, школа с уклоном. С каким уклоном?

Дима. Счетно-вычислительные машины.

Каля. Вот с таким уклоном. Так и скажи. Мне бы не сойти с ума, самое главное. *(Глокает таблетку.)*

Звонок. Дима идет открывать. Вводит старуху Марину Семеновну.

Дима, поставь чайник.

Дима уходит.

Старуха. Дима, погоди. Подойди-ка. *(Крестит его, кланяется ему, падает ему в ноги.)* Деточка, прости меня!

Дима стоит и не знает, что с собой поделать.

Каля. Дима, поставь чайник, человек приехал, устал.

Дима уходит на кухню, старуха стоит на четвереньках, лицом вниз.

Вставайте. *(Подходит к старухе. Та ложится.)* Дима!

Входит Дима.

Слушай, ей плохо. *(Достает таблетки из сумки.)* Воды-ка!

Дима уходит.

Выпейте таблетку. Выпейте таблеточку. Вам будет легче. Надо же. Господи.

Дима входит с водой.

Вот водичка. Дима, дай ей водички.

Дима *(становится на колени)*. Не выпьете воды? Не выпьете воды? *(Трясет ее за плечо.)*

Каля. Посмотри, глаза у нее открыты?

Дима. Почему?

Каля. Посмотри, посмотри.

Дима. А как?

Каля *(нагибается)*. Бабусь! А бабусь! Надо вызывать «скорую».

Глаза закрыты. Жива.

Дима. Жива?

Каля. Значит, жива.

Дима. Почему?

Каля . Когда умирают, не так.

Дима . Почему?

Каля взваливает старуху на стул, машет перед ней газетой.

Старуха . Димедрол в сумке.

Каля . Какой сумке?

Старуха . У меня.

Каля . Какой димедрол?

Старуха . Валидол.

Каля . Конечно, димедрол от бессонницы, от насморка. У вас насморк?

Старуха . Валидол.

Каля . Дима, воду поставь. Валидол без воды.

Старуха . Водички.

Дима дает воду. Она пьет.

Валидол.

Каля . Где сумка ваша?

Старуха . Тут была.

Каля . Вы разве с сумкой?

Старуха . С сумкой, была с сумкой. *(Беспокойно оглядывается.)*

Каля . Дима, посмотри сумку.

Дима приносит сумку.

Старуха . Там сбоку... Нет, дайте я сама. *(Роется, достает узелок. развязывает, берет таблетку под язык, завязывает узелок. Достает другой узелок.)* Димочка, это тебе... печенье пачку. Любишь печенье?

Дима . Нет.

Каля . Возьми бабушкин гостинец, спасибо, бабуся, что навестили.

Дима . Да не люблю я печенье.

Старуха . А что любишь, я пойду куплю.

Дима . Да все есть.

Каля . Спасибо хоть скажи.

Дима . Спасибо.

Старуха . Схожу куплю. Я на тебя за твою всю жизнь десять рублей не истратила. Давай схожу куплю.

Каля . Уже магазин закрылся. У нас все есть. У нас много от поминок осталось... Конфеты, пирожные. Торт остался целый, неприкосновенный. Будем сейчас пить чай. Раздавайте.

Старуха снимает пальто, вешает на спинку стула.

Каля . Дима, отнеси пальто.

Дима вешает пальто.

Вы где остановились? А? Бабуль, плохо с ушами? Где ночевать будешь, а?

Дима входит.

Дим, спроси у бабки, она где ночевать собирается, у нас?

Старуха . Дима, покажи мне, как ты живешь.

Каля . Покажи свой рабочий уголок.

Дима . Вон там.

Старуха . Димочка, какой ты худой.

Каля . Да нет, бабушка, он хороший, он только за эти шесть дней похудел. Все-таки отца похоронил. А потом, это так сейчас модно, худым быть. Он специально не ест иногда.

Старуха . Анечка тоже худая была, он в нее.

Каля . Может быть, и в мать пошел, кто ее знает.

Старуха . Димочка, ты знаешь, твоя мама повесилась?

Каля . Скажи, Дима.

Дима . Знаю. Она подохла.

Каля . Ты чего это плетешь, а? Ну чего плетешь?

Дима . Подохла.

Старуха . А ты знаешь, почему она повесилась?

Дима . Знаю. Отец гулял.

Старуха . Правильно. Отец твой гуляющий оказался мужчина, несмотря на свои тридцать шесть лет.

Дима . Мой отец сдох.

Старуха . А ты знаешь, с кем твой отец гулял, от кого мама повесилась?

Дима . Он с Калей гулял. Она тоже подохнет. Смертью храбрых. Она из окна бросится. Она говорила. Отдаст меня в интернат насовсем и подохнет.

Старуха . Димочка, прости меня!

Дима . Но она сказала, что подождет, пока я десять классов кончу и поступлю в институт и кончу институт и женюсь. Тогда она тоже покончит с собой.

Старуха . Я за тобой не приезжала, твой отец поклялся, что тебя не отдаст в мои руки. Я бы тебя вырастила. Я десять рублей на тебя и то не истратила. Я копила, я накопила для тебя.

Дима . На «Жигули» накопила?

Старуха. Это сколько?

Дима. Десять с половиной тысяч.

Старуха. Накопила.

Дима. Давай встанем на очередь! Один парень из нашего класса, Лева, меня спрашивает: у твоего отца есть машина? Я говорю: финансы не позволяют. Но, возможно, я смог бы собрать машину из деталей. Смог бы. А он отвечает: запасных частей нет на твою машину. У него у отца «Жигули».

Старуха. А что же он сына в интернат отдал? Я понимаю, за что тебя отдали.

Дима. У нас интернат отличный, нормальный. Купим «Жигули», я детские права имею. Вернее, я все правила выучил, а сдать — это ерунда. Будем ездить в магазин, куда хочешь. Кайф!

Старуха. Купим, купим, будем ездить везде и повсюду. За картошечкой в деревню.

Дима. В кино, куда угодно.

Старуха. В интернат каждый Божий день.

Дима. В интернат, точно.

Старуха. Леву-то этого не возят.

Дима. Нет, ездит на метро.

Старуха. Домик купим в деревне.

Дима. С гаражом.

Старуха. Надо узнать, сколько за домик.

Дима. Узнаем. Ты кем работала?

Старуха. Я? На производстве, маляром.

Дима. Сами домик покрасим.

Старуха. Обклеим, покрасим. Полы отциклюем, кошку заведем.

Дима. Собаку.

Старуха. А на дворе собачку. А в доме кошку.

Дима. Из яиц куры вылупятся.

Старуха. Каждый день свежие будем есть.

Дима. Что ты! Что ты!

Старуха. Занавеси повесим. Телевизор купим.

Дима. Все купим. Сашке купим велосипед.

Старуха. Какому Сашке?

Дима. Сашка — это братец. Мой брат.

Старуха. Где это?

Дима. Он в детском садике на пятидневке.

Старуха. Купим велосипед. Давно он? Сколько лет?

Дима. Пять лет ему.

Каля . Шесть почти.
Дима . Почти что шесть.
Каля . Он уже читает.
Дима . Ну, не очень он читает. Когда папа... Когда папа его
учит... Он его учил, он всегда за конфетку читал.
Каля . Он хитрый. Бабуль, чай будем пить?
Старуха . Дима, будешь чай?
Дима . Я уже нажрался.
Старуха . Печеньица бери.
Дима . Да не люблю я, сказал.
Каля . Принеси чайник.
Дима уходит.
У нас переночуете?
Старуха . Денег у меня есть только пятьсот рублей.
Каля . Для нас это не деньги. Один памятник возьми да заплати
четыреста.
Старуха . Что же теперь поделаешь. Копила, копила, пятьсот
скопала. Над собой не прыгнешь. Я не воровала.
Каля . Вы сами откуда?
Старуха . Я из Кемерова.
Каля . Давно приехали?
Старуха . Я уж неделю. Неделю на вокзале ночую. То на
одном, то на другом сижу.
Каля . А нам звонили?
Старуха . Звонила, звонила, все узнала.
Каля . А когда живой был, звонила?
Старуха . Он когда помер?
Каля . Пятый день.
Старуха . А я когда приехала?
Каля . Неделю.
Старуха . Да вроде еще нет недели. Нету.
Каля . Но ты с ним разговаривала?
Старуха . Вот не могу сказать тебе. Не скажу, не знаю.
Каля . Вспомни. Доктора никак не могли установить причину
инфаркта.
Старуха . Нет памяти совсем.
Каля . А билет вы сохранили?
Старуха . Это командировочные сохраняют, я сама приехала.
Я билетик не сохраняю. Приехала, не взяла.
Каля . А в какой день приехали?
Старуха . Это в какой?

Каля . В четверг?

Старуха . Не помню.

Каля . А когда — вечером? Или утром?

Старуха . Я же чуть не слепая. Привели, посадили — все.

Каля . Кто привел?

Старуха . Чужие люди. У меня никого не осталось. Жила с сыном. Он женись. Она меня не полюбила. Ешь не так, ходишь не так, спишь не там. Ребеночек у них родился, как кукленок. Она меня не подпускала к нему. Я возьми да и скажи сыну. Ну и...

Каля . Выгнали?

Старуха . Выгнали еще как, в шею. Не пускают меня. В дом сумасшедших хотели меня... что я ребенка отравляю. Я хотела его отваром напоить, понос был сильный. Она же его загубить может. Он лежит, ничего не принимает. Я отвар, черный сухарик с чаем, с сахарком... Вырастила же ведь двоих. Ну, я ехать в Москву. Ушла из дому, взяла билет... Вещей одна сумочка... Пенсию всю им отдавала.

Каля . А пятьсот рублей?

Старуха . А где мне пятьсот рублей взять? Нет.

Каля . Я узнаю, узнаю у них, когда вы поехали... Вы ему звонили...

Старуха . Не звонила я ему, нет, не звонила.

Каля . А я говорю, это ты, бабуля. Ты его в гроб загнала, позвонила ему. Куда тебе еще деваться? Была бы дочь, ты бы к ней приехала, так? А если дочку муж убил, то надо к мужу. И ему сказала, наверное: привет от Анечки Воронцовой.

Старуха . Вот честное слово, что нет!

Каля . То-то я прихожу, он как будто умирает. А у меня было такое поганое настроение, я ему сказала что-то. Он схватился за сердце.

Старуха . Вот, честное слово, это ты ему сказала, он и умер. Ты сказала.

Каля . Ты сказала раньше.

Старуха . А ты сказала что? Небось что он гуляет, сказала.

Каля . Нет. Я сказала не то. Что Диму из школы исключают. А ты что сказала?

Старуха . Я-то ничего. А ты его отца лишила. Дима!

Дима входит.

Дима . Чего?

Старуха. Дима, она отца тебя лишила. Тебя отца. Пони-
маешь?

Дима. Да ладно, ладно, бабушка. Все мы подохнем.

Старуха. Она-то останется. Всех в гроб загонит и останется.
Поедем со мною в Кемерово. Там твой дядя родной, там
у тебя братик двоюродный есть, кукленочек. Машину себе
заведем. Дядя работает, он тебя в школу устроит. Поедем!

Дима. Мне надо из интерната уходить. Я хочу в свою школу.
Бабушка, живи с нами. Машину здесь купим. Я в другую
школу перейду. Сашку возьмем с пятнадцатки, дома будет
жить, с нами.

Каля. Зачем ей это.

Старуха. Мне мальчишку жалко... *(Плачет.)* Лежит, третьи
сутки еды не принимает... Они его не кормят ничем,
а бабка не моги.

Каля. Такое всегда лечение от диспепсии, трое суток не
кормить. Трое суток одно питье, потом кормят.

Старуха. Ты не знаешь, как бабке внучонок... Дети это не то.
Внучонка жаль. Маленький такой.

Дима. Бабушка, я люблю «Жигуленка» синего. А ты?

Старуха. Димочка, на тебе десять рублей.

Дима. Зачем?

Старуха. Я еду, поехала. Тебя повидала, посмотрела, мачеха
у тебя хорошая женщина, строгая. Я виновата перед вами,
убейте меня. Прости меня, Димочка! Простите! Если что
не так, простите! Я звонила. Это я звонила вашему отцу.

Дима. Уезжаешь, бабуля? А «Жигуленка» хотела купить, дачу...
Приедешь?

Каля. Димочка, это она отца твоего убила, ты не виноват. Она
ему звонила, истерзала его звонками. А это не ты, не то,
что тебя из школы исключают. Я тебе неправду говорила,
оказывается. Ты ни при чем.

Дима. Бабушка, ты уезжаешь?

Старуха. Еду, еду, ты меня к себе не возьмешь. У меня нету
денег, нету совсем. Сороковка на дорогу. Пенсия через
неделю только, и то пятьдесят семь рубликов. Возьми
десяточку-то, сохрани на память обо мне. Больше нету.
Может, мальчонка-то жив еще остался.

Каля. Остался, остался.

Старуха. Жив? Может, выправится. Приезжай к нам, Димоч-
ка. У нас хорошо. Речка. Угольный бассейн. Шахты вокруг,
куда ни кинь.

Дима. Ну ладно. Я тебя провожу до вокзала.

Старуха. Нет, Димочка, нет, как ты обратно, темно будет идти. Я тебя узнала, я тебя одного отпускать не буду, если отпущу, я в Кемерове с ума сойду. Маленький мой. Десять рублей никому не давай, им они ничто, а тебе на печенье.

Дима. Я не люблю печенье. Бабушка! Возьми меня! Меня из школы исключают!

Старуха. Денег нет на билетик, Димочка.

Дима. Я самый дешевый билет. Хотя нет. Я не поеду. Мне своих ребят во дворе не хочется терять. У меня знаешь какой есть друг? Знаешь какой друг?

Старуха. Я тебе напишу в письме.

Дима. Да нет, ты ведь тоже подохнешь.

Старуха. Да нет, нет, что ты! *(Идет к двери.)*

Каля. Дима, собирайся, пошли ее проводим. Купим билет. Посадим. Одевайся.

Дима. Матч сейчас, сборная Швеции — сборная Канады. Мам, а? Ты за Сашкой должна идти. Забыла? Все подзабыла.

Старуха. Я доберусь, я доберусь. Он у меня живой такой, подвижный, глаза большие, куклёнок.

Дима. Это второй круг уже, соотношение семь к трем да восемнадцать очков. А у наших четырнадцать очков.

Каля. Сейчас пять пятнадцать, за Сашей ехать полчаса, успею. Забираем его из садика по средам, купаем, моем, грязный такой, ужас, колготок не стираешься. Фактически он там с понедельника на вторник, со вторника на среду, потом с четверга на пятницу — три ночки. Они там ночки считают.

Дима. Я болею за Швецию.

Старуха. Ничего, все поправится. Ухожу.

Конец

1977

▪
ВСТАВАЙ, АНЧУТКА!
▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЗЯБРЕВ.
ДЕД.
БАБА.
АНЧУТКА.

Зябрев. Здравствуйте. Я Зябрев.

Дед. А что такое?

Зябрев. Это Александр Иванович, здравствуйте.

Дед. А в чем дело?

Зябрев. Я же с вами говорил позавчера, с вами? По телефону.

Вы ихний дедушка?

Дед. Так и что?

Зябрев. Мы договорились, что я приеду. Зябрев, вспомнили?

Помните, вы еще от телефона отходили, Таня-то ваша громко плакала? Теперь вспомнили? Вы мне говорили, что у Тани несчастье, родинка какую неделю кровоточит, вспомнили? А утром вчера вам позвонил и еще к врачу вас направил. Он у вас был, вы звонили?

Дед. А какой вопрос у вас?

Зябрев. Врач был?

Дед. Это к вам не относится.

Зябрев. Это очень хороший врач и именно по этому вопросу.

Ну, по вопросу кожных разрастаний. Вы не расстраивайтесь, это как раз форма, подлежащая излечению.

Стук в стенку. Дед уходит. Зябрев остается один.

Звонок. Зябрев впускает Бабу.

Баба. Добренький день.

Зябрев. Добренький день.

Баба. А где хозяйева?

Зябрев. Дедушка с Танечкой все возится. Таня наша громко плачет.

Баба. С Танечкой, да.

Зябрев. У Танечки внезапно закровянила родинка. Дед в панике, говорить не может вразумительно, талды-талды. Пришлось организовать профессора. Муж ведь Тани в отъезде.

Баба. Да, да, Вовочка в командировке.

Зябрев. И далеко. Ему решили не писать. Чтобы не расстраивать. Хороший профессор — девяносто процентов бы-стро излечения.

Баба. Хороший профессор?

Зябрев. Этот? Первоклассный. Он у меня лечил сыну ангиому на колене, под коленкой. Внезапное разрастание. Мы с женой чуть не умерли от страха. Но теперь ничего, теперь парню уже двадцать третий год. А жена умерла.

Баба. А давно было?

Зябрев. В полтора годика. А жена недавно.

Баба. А где?

Зябрев. Под коленом, вот здесь. А жена в магазин пошла — и вот.
Баба. А какого вида?
Зябрев. Такое вроде родимого пятна.
Баба. У меня тоже, но всю жизнь.
Зябрев. И не болит?
Баба. Иногда, когда заденешь.
Зябрев. Это тогда надо срочно.
Баба. А что?
Зябрев. Потом будет уже невесело.
Баба. У меня на грудной клетке.
Зябрев. Все равно невесело. Надо показаться.
Баба. Лучше не буду.
Зябрев. Это от вас ничего не отнимет. Запишитесь на прием.
Баба. Когда не думаешь, не знаешь, так и так помрешь.
Зябрев. Ну зачем же такое суеверие.
Баба. Как ни хворала, померла.
Зябрев. В наше время нельзя.
Баба. Года четыре назад мне вот ихняя тетка ангину заговорила.
Зябрев. Ну и как, прошла?
Баба. Больше ни разу.
Зябрев. Самовнушением занимались.
Баба. Нет, это она точно заговорила.
Зябрев. Просто все поверили тому, что она вас заговорит.
Атмосфера создалась.
Баба. Нет, в кухне просто.
Зябрев. Да, бывает, бывает, очень много того носится в воздухе, чего мы не видим, не знаем и никогда не заметим.
А тетка эта жива еще?
Баба. Тетка-то жива.
Зябрев. А где она приблизительно живет?
Баба. Приблизительно на улице Стромынка.
Зябрев. Тогда надо ее привезти на такси сюда. Она Таню помнит?
Баба. Она ее крестила.
Зябрев. Она ходит?
Баба. Она сама себя обихаживает. Говорит по утрам: «Ну, Анчутка, вставай!» Ей девяносто три годочка.
Зябрев. Она соображает?
Баба. Лучше нас.
Зябрев. Она еще заговаривает?
Баба. Я не слышала что-то.
Зябрев. Как же, ведь в семье может понадобится. Мало ли, та же ангина.

Баба. Тут все закончилось четыре года назад. Она потеряла способность.

Зябрев. А в чем это выразилось?

Баба. Атрофировалось, как бывает у стариков.

Зябрев. Нет, если она знахарь, то это должно быть до конца дней.

Баба. Откровенно говоря, они на нее обиделись, что она меня вылечила. Все им обидно. Она ихняя тетка, а лечила меня.

Зябрев. Ну и что здесь такого? Люди должны оставаться людьми, даже родственники.

Баба. Так вот поди ж ты.

Зябрев. Надо ее уговорить, дело идет о Тане.

Баба. Они с ними не дружат.

Зябрев. Так, она где живет?

Баба. Улица Стромынка, приблизительно.

Зябрев. А приблизительно дом какой?

Баба. Примерно десять «а».

Зябрев. А квартира?

Баба. А зачем?

Зябрев. Не беспокойтесь.

Баба. Они с ними не дружат, мы никто к ней не ездим.

Зябрев. И вот прекрасный способ подружиться!

Баба. Да что хлопотать-то! Квартиру не знаете.

Зябрев. Я вот сейчас и поеду. Это не проблема.

Баба. Да это нашей семьи дела! Вы же не знаете!

Зябрев. Что мне надо, так это такси. (*Уходит.*)

Входит Дед.

Дед. Ушел?

Баба. Кто, этот? Профессор?

Дед. Профессор.

Баба. Ушел, но вернется, обещал скоро вернуться на такси.

Дед. Зачем это?

Баба. А что?

Дед. Зачем он вернется, спрашиваю.

Баба. Зачем-то обещался. Мое какое дело. Я интересуюсь, как Танечка.

Дед. А что Танечка?

Баба. Все-таки она мне дочь. Как все равно что дочка.

Дед. Она вам не дочь, запомните, а невестка.

Баба. Но как дочь, и я интересуюсь.

Дед. А что Танечка-то? По какому вопросу?

Баба. У Танечки несчастье такое, и я переживаю. (*Плачет.*)

Дед. Никакого несчастья.

Баба. Но ведь я знаю, без толку скрывать. Я мама мужа вашего.
Я родная. Дело пока что быстроизлечимое, надо обратиться. К профессору надо.

Дед. Ничего у нее нет.

Баба. Я же слышу, Таня громко плачет. Слышно через дверь.

Дед. У Тани нервное состояние.

Баба. Надо держать в руках.

Дед. Что держать?

Баба. Когда бывает так.

Дед. Не бывает. Это только в данный момент.

Баба. Пусть она не волнуется. Чего волноваться. Диагноз-то поставлен? Я сама была в больнице. Каждое утро: не пить, не есть, не мочиться. Исследовали-исследовали, а диагноз не поставили.

Дед. А что вам ее диагноз.

Баба. Я вам не чужой человек. Я мать.

Дед. Ничего у нее нет.

Баба. Чего скрывать, не понимаю, мы одна ведь семья. Вова мой сын. Я с сыном секретов не имею. Вова приедет, мне так или иначе расскажет. Вова с вами живет, а я на вас удивляюсь. Неужели же я чужая? Воспитывала-воспитывала, мне тоже можно сказать.

Дед. Мне вы никто.

Баба. Нет, мы вам родня.

Дед. Я с вами не родня.

Баба. У Тани состояние, а вы так кричите. Вы ей хуже делаете, успокойтесь.

Дед. Вы успокойтесь навеки.

Баба. Я-то успокоюсь, за мной не пропадет, я успокоюсь и уеду, а вот вы зря так. Все равно криком беде не поможешь. Вы не на меня кричите, вы на нее кричите, что она есть и ничего не скажешь.

Дед. Откуда это вы взяли?

Баба. Вообще.

Дед. Домой, домой. Домой езжайте.

Баба. Я пришла узнать, что есть от моего родного сына.

Дед. Вы только деньги тянете с него.

Баба. Он у меня прописан, деньги на квартиру. У меня пенсия знаешь какая?

Дед. Домой, домой.

Баба. А ну, вытолкните, вытолкните старшего товарища. Вытолкните меня. Соседи пусть слышат, покричите. Вон у вас

Таня громко плачет. А вы такими пустяками занимаетесь.
А вопрос о жизни и смерти.
Дед. Это у вас вопрос о смерти.
Баба. Я к сыну пришла.
Дед. Сын ваш не прописан тут.
Баба. Он здесь живет, от него письмо и перевод.
Дед. Езжайте.
Баба (*стучит в стенку*). Здравствуй, деточка, здравствуй, дочка.
Как состояние?
Дед. Езжайте домой, побирушка.
Стук в стену. Дед уходит.
Звонок. Баба вводит Анчутку и Зябрева.
Зябрев. Еще раз здравствуйте, прилетели. Такси даже не понадобилось, прилетели прямо на крыльях. Ну, ваша тетя.
Прямо на крыльях, одна нога там, другая здесь. Буквально!
Баба. Тетя Нюра, вот и свиделись!
Обе плачут.
Анчутка. А я каждое утро говорю себе: «Анчутка, вставай!»
Встаю.
Зябрев. А теперь — прямо молниеносно.
Анчутка. Каждое утро встаю для жизни. Анчутка, говорю, вставай! Никто за тебя не встанет! И так девяносто три года борюсь со своей ленью.
Зябрев. Но это все в прошлом.
Анчутка. Анчутка, вставай. Во как. И встаю. А кто мне что подаст. В магазин ползаю.
Баба. Тетя Нюра, так уж приходит: когда старость, мы никому не нужны.
Зябрев. Нужны, нужны, наш опыт нужен.
Анчутка. Ты что состарела так?
Баба. А ты думаешь! Володе-то уже сорок лет, я его уже не вижу. Прячут прямо от родной матери. В командировку усылают. Я одна.
Анчутка. А, уже?
Баба. А ты думаешь! Думала, ты одна такая одна? Все одни.
Анчутка. Где пациент?
Баба. Руки помой.
Анчутка. Омыла.
Баба. Ты не омой, а помой.
Входит Дед.

Дед. Кто это?

Зябрев. Это ваша забытая тетя.

Баба. Это тетя Нюра Шеина.

Дед. При чем это?

Зябрев. Это «скорая помощь» вам.

Дед. Зачем? Что такое? Ничего не пойму. Долой всех отсюда!

Зябрев. Люди должны быть помощниками.

Дед. Тут не требуется.

Зябрев. Послушайте, вы здоровый человек.

Анчутка. Это Коля! Ты не умер? Я думала, ты умер, не приходишь.

Дед. Ну и Коля.

Баба. А Танюша за стеной, тут.

Анчутка. Чуфырь-чуфырь бобырь мозырь. На лесах, на болотах, на зевотах, на ряске, на коляске, помчусь, займусь, займусь этим делом, пелом, спелом, улетайте, уходите, уезжайте, хворости, болести, корости, чирьи, бельмы, почесуи, все отсюда, чуфырь, бобырь, мозырь.

Дед. Понеслась, понеслась.

Стук в стенку. Дед уходит.

Анчутка. Все! *(Стучит в стенку.)* Ответа нет. Они молчат.

Баба. Правильно, значит, вылечила. Если бы не вылечила, он бы нас отсюда всех погнал к чертовой матери. Молчит, ему нечем крыть.

Зябрев. Тетя Нюра, вы спаситель! Тетя Нюра, я прославляю вас!

Анчутка. Громы, громницы, девы, девицы, вихри могучие, ветры враждебные, все скрыто, заглажено, чуфырь, бобырь.

Зябрев. У меня сердце! У меня сердце! Тетя Нюра, любые дела, только сердце, третий месяц после инфаркта! А?

Анчутка. Шуры-муры, шулды-булды, асики-помики, срашение, сведение, полный результат, чуфырь, бобырь, мозырь, гладь, благодать.

Зябрев. Боже ты мой, сердце бьется ровно!

Баба. Анчутка, диагноз непоставленный вылечи, а? Целый месяц в больнице мочу им выделяла в баночки.

Анчутка. Ты меня бросила. Но грох-грох, скок-поскок, пыль-пыль, рассыпья, растворишь, разложись, прах, чуфырь-бобырь, мозырь!

Баба. А как проверить?

Зябрев. Вы верьте, вы чувствуйте, ощущайте!

Баба. Да? А правда.

Входит Дед.

Дед. Мы с Таней уходим, просьба освободить.

Зябрев. Поздравляю, поздравляю! Теперь у вас будет все в порядке.

Дед. У нас и было все в порядке.

Зябрев. Теперь вы можете быть спокойны, все угрозы миновали, можно ехать дальше, можно жить. Я сам чувствую себя обновленным, матерым и без сердца.

Дед. А в чем дело?

Зябрев. Но тетя Нюрочка вылечила вашу Таню.

Дед. Она не болела.

Зябрев. Как не болела? А кровоточивая родинка?

Дед. Это мы вам просто сказали. Сказали, что не можем с вами говорить. Таня громко плачет. Вы стали спрашивать, что да почто. Раз вы такой любопытный, я придумал первое попавшее, что у Тани кровоточит родинка, потому что у меня самого кровоточит. Понимаете? Мы вам сказали так, чтобы вы поняли и больше не беспокоили. Но вы не поняли.

Зябрев. Ну, это хорошо, а обмен? Мы же меняемся с вами.

Дед. Об этом и речь. Теперь я вам вот что скажу, нам меняться незачем.

Зябрев. Как же, помешали объявление, людей с ума сводили. вы съезжаетесь, две квартиры на одну в хорошем районе. У меня как раз разъезд из хорошего района.

Дед. А чего же вы из хорошего района?

Зябрев. У меня был инфаркт, мне нужен воздух и движение, а сын с невесткой молодые, им нужен покой, и они хотят пожить своей жизнью, и я не упрекаю.

Дед. Так вот нет же. Объявление давал зять. С кем он хотел съезжаться, с тем пусть и съезжается. Может, он с учительницей русского языка захочет съехаться, я тут при чем.

Баба. При чем учительница, Вова меня к себе хочет взять, я слепая совсем, диагноз не поставлен.

Дед. А? Анчутка вылечит, тогда не надо будет съезжаться.

Зябрев. Так играть с человеком. Мы ждем обмена, у меня послеинфарктное состояние, сын с невесткой беспокоятся обо мне, мне нужен отдельный воздух и движение. Они обо мне нервничают, у нас хороший район, как вам и полагалось.

Дед. Анчутка возьмет и вылечит, и воздух не понадобится, сами живите в хорошем районе.

Зябрев. Это, конечно, ваше семейное дело, но зачем надо было комедию ломать, родинка, уродинка. Какое-то посмешище!

Дед. Анчутка вот вам все сделает, ступайте.

Анчутка. Это мой племянник, дайте мне руку пожать, имею право родному племяннику. *(Пробивается к Деду, жмет ему руку.)*

Дед. Зачем ты сюда ввалилась?

Анчутка. Все, я рассыпаюсь прахом! *(Рассыпается прахом.)*

Зябрев. Тетя Нюра!

Баба. Анчутка! Вставай! Никто за тебя не встанет!

Дед. Встанет, встанет, с ней бывало. *(Слушает пульс.)* У нее и пульса-то никогда не было в жизни. Всегда была холодная. Ляжет и лежит семеро суток, никто уже и хоронить не брался, дело известное. Надо ее домой отправить, на Стромынку. А то еще лучше, начинает сразу пахнуть, вот как сейчас. Сразу никто так не делает, тетя Аня. И скелета сразу не бывает. Только спустя какое-то время. Время еще не пришло, еще только три минуты. Прахом рассыпалась, а до праха еще дожить надо, она нетерпеливая. Аня, Аня, я вам не верю и никто уже не верит, собирайтесь!

Зябрев. Надо «скорую помощь»!

Дед. Что вы все медицину! Ее там зарежут на столе, сейчас ведь нет летаргии, всех подряд порют по швам.

Баба. Тетя Нюра, талды-балды, талды-балды.

Зябрев. На покосах — на угонах, на шоссе — на машине.

Баба. Трали-вали, кошки драли.

Зябрев. Кикси-микси, тики-таки, ексель-моксель брамденбург.

Баба. А от курицы вода, бабка-ёжка поплыла.

Зябрев. Нет, она умерла.

Баба. Маска смерти несколько ее не изменила.

Дед. Надо ее переправить на Стромынку. Здесь она не воскреснет, здесь ей надо будет притворяться, а одна она быстро воспрянет духом.

Зябрев. В таком виде ее никто на такси не повезет.

Дед. Да откуда кто знает? Прах, пыль, веником замести.

Баба. Езжайте, я тут посторожу.

Зябрев. Как с ней, так и в моем деле. Бесчеловечно как. Человека веником. Вы ее парализовали. Бесчеловечно.

Дед. Да? Это ведь обмен. Слава Богу, меняться никто никого не заставит. Никто никого ничего не заставит. Вон Вову никто не заставит. У него там нашлась какая-то учительница, вот вам и обмен. Наша Таня громко так плачет. Заставь ее не плакать. Заставь!

Баба. У Вовы учительница? Я к Тане привыкла.

Дед. Теперь отвыкнешь.

Зябрев. Хорошо. Обмен отпал. Вы отпали. Я отпал. Анчутка отпала. Вова отпал.

Дед. Учительница зато припала. Вова к ней припал.

Зябрев. Мне надо ехать, Вову я не знал.

Баба. Я пошла, поковыляла.

Дед. Анчутку возьмите.

Зябрев. Я возьму. Стромынка, дом десять «а», третий этаж направо, четыре звонка.

Дед. Положите ее часть на подушку, часть под одеяло, причем под одеялом насыпьте по всей длине. Понадобится шесть литров воды. Ведро у нее под кроватью. Соль поваренная, йод, сода по столовой ложке на ведро воды.

Зябрев. Я для нее что хотите сделаю.

Баба. Скорей, пошли, в полиэтиленку заверни.

Дед. Все равно ждать до завтра придется.

Стук в стену.

Она чем хороша, что она неистребимая. Она к нам каждый день является.

Стук в стенку.

Мы только истребимые. Каждый день трясемся, что она не соберется.

Стук в стену.

У нас уже все соседи ее принимают, подметают и нам дают. А у меня родинка кровянит. А ей сказать, она примет близко к сердцу и два раза в день придется выметать.

Зябрев. Будьте спокойны, нам она чужая, все будет хорошо.

Дед. Иду!

Расходятся за кулисы.

1977

■

▪
СТАКАН
ВОДЫ

Диалог

▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

А.
М.

М. Волк, волк, волк, настоящий волк! Вот вы еще увидите, еще посмотрите и увидите сразу, какой он волк. Я его так зову всегда, и вы теперь так зовите. Многие считают, что я за него держусь после того как меня бросил мой первый муж, после того как у меня умерли близнецы. Многие считают, что я за него держусь любой ценой. Что он меня пожалел тогда и подобрал, когда я вышла из родильного дома Грауэрмана с пустыми руками и двумя гробами. Это я говорю так, вообще мне ничего не отдали, сожгли их в котельной, истопница сожгла. Видали, что творится? Шуры-муры. Я прихожу потом в канцелярию, а истопница пришла пьяная ругаться, что ей не доплачивают за недоносков. Устроила в канцелярии настоящую драку, что ей за такую переработку недоплата. А я как раз пришла за справкой о смерти. Ну надо же! Представляете мое состояние? Я бы дала ей деньгами, отрезами, дала бы даже тридцатку, большие такие деньги были, громадные простыни. Она бы за эти гроши отдала бы мне все, я бы их схоронила. Какая хитрая женщина! Сейчас им было бы по сорок лет, смешно сказать. Сколько воды утекло. Может быть, оно и к лучшему. Сейчас бы им было по сорок лет, но я даже не знаю, кто они, мальчик и мальчик вроде. Мне так кажется. Один раз снилось во сне, еще до родов, почему-то он один, я его держу на руках, прижимаю и не могу понять, мальчик или девочка. Он в штанишках, понять нельзя. Если понять нельзя, думаю во сне, наверное, девочка. Но снится всегда наоборот. Мне снится все наоборот, что мой Волк меня любит. Какая хитрая женщина! Но ничего, я давно уже с этим порядком примирилась, поставила на своей жизни большой деревянный крест. Волк есть волк. Знаете, чем отличаются волки, что они тут же, просто на месте, разьедают своего же волка, если он раненый. Или больной, или старый, как в моем случае. Но это волк, он санитар леса и полей, его даже берегут. Вот сейчас он придет и вы его наконец увидите, немного подождите и ни в коем случае не уходите, я вас только прошу, потому что если он узнает, что к нему приходила такая молодая девушка и ушла, он будет в полном сознании, что это я спровадила и наговорила черт-те чего. Вы ведь хитренькая женщина?

А. Ничего, время есть.

М. Спасибо. Прошлый раз у него было увлечение санитаркой из его же больницы. Вы знаете, ведь теперь в больницах санитарками направляют чаще всего воров, которые проворовались, они там отбывают срок. На носилках носят, утки носят, покойников разносят. Таскают отбросы. Вот он такую санитарочку привадил. У нас хозяйство идет врозь, он себе сам свое хозяйство стирает и покупает, я же работаю, в моих условиях не работать равняется голодной смерти. Вы меня поняли? Так вот. Он сам себе подстирывает в раковине, питаться в диетическую столовую ездит на Маяковку и вот решил улучшить жизнь и сказал, что теперь тут будет приходящая его жена, то же самое и прачка и кухарка, а то он не в силах больше выносить меня. Понимаете? Понимаете?

(А. кивает).

Я эту санитарочку, конечно, выставила как только она на порог появилась, еще слова пикнуть не успела, а уже стояла опять за дверью. Не понимаю, что он в ней нашел, моложе меня только лет на пять, не как вы, правда, она хорошо сохранилась на тюремных хлебах. Причесалась, надушилась, рожу наквасила, думала, идет и придет. А Волк сам не пришел, прислал ее на разведку, думал, она справится. Вот как вас он прислал. Но я ведь очень быстро справляюсь. Я еще не одряхла и абсолютно не изношена физически. Только закалена. Посмотрите, нет морщин. Это не от хорошей жизни. Я имею в виду, что я все вынесу, после того что со мной было в двадцать лет в этой канцелярии. Когда истопница орала, что не будет сжигать, не нанималась их подарки принимать, пусть их забирают, они у нее в сарае в кирпичках лежат три штуки, под стропилами, еще подкинут, еще будут лежать, пусть дают еще ставку. Я тут же на нее кинулась, меня стали держать, она драться, меня держат, ну хоть посмотреть, кто у нее в сарае, можно ведь, хоть посмотреть, а они меня в больницу отправили в буйную. Вы представляете? Полотенчиками связали, пеленками. Конечно, кто я после этого на всю жизнь, псих со справкой. как говорится, мне все сходит с рук, хотя что я такого в жизни сделала? Почти что ничего. На работе я ничего не боюсь никому ничего сказать. Я говорю, все молчат. в том числе мой начальник, а я его заместитель, он

пользуется, что я такая страшная, а он пусть будет добрый. На пенсию, во всяком случае, меня не отпускают, а я рвусь. А он говорит нет, кого угодно уволим, лучше не вас. Я не встречал такой работы, как у вас. Но очень на меня всех собак спускает, чуть что: на пенсию, на пенсию, на отдых. А так мне все время на субботу-воскресенье предоставляют путевку в пансионат. Так что в субботу-воскресенье Волк свободен, учтите. Или он едет вместо меня туда же, отдыхает там на полную катушку, мои сослуживцы его любят уже, он пьет с ними. Так что звоните сюда, я вам буду говорить, где Волк. Или же буду просто трубку бросать, когда он меня доводит, я трубку бросаю или говорю: девушка, ошиблись номером. Такие не живут здесь. А у него своя жизнь, он ходит где хочет, с кем хочет, это ему позволено, мало какая женщина такое бы терпела у себя под носом, когда приезжаешь, а в ванне чужая грязь, шпильки, волосы. Таскаю-таскаю эту вонищу, пока можно лечь отдохнуть как следует. Редко кто может это вынести, никогда. А я вымою, вычищу, лягу в постель, все блестит на мне и подо мной, уборка вся на мне всегда, тут я не терплю когда вмешиваются, я люблю чистоту и сама чистая, в юности меня звали «Синеглазка». Два мужа на мне женились. Во время войны в эвакуации кто как перебивался, а я одна с двумя детьми, а у меня марлевые занавески накрахмалены, сама крахмал делала, картошки натрешь и сделаешь, одна с двумя детьми, представляете? Но у меня паек, Волк прислал свой аттестат, он до подполковника дошел, а дети у меня сорокового года близнецы, крошки, понос, рвота, ехали туда в теплушках, я налаживала медобслуживание и детские учреждения, а дети оставались одни с нянькой, представляете? Вот так всегда они меня преследуют, их нет уже давно в живых, умерли оба в больнице, пришлось отдать, у них диспепсия, я в разъездах, мне придали телегу с возницей, тетя Маша, что ли. Как-то Машка меня привозит домой, а дом, вдруг смотрю, пустой, никого нет, тетки-няньки нет, я кричу: в детскую больницу, а оттуда мне навстречу несут трупы, синих несут, как цыплят. Ну, я им устроила, все пошли под суд и выше, в детской больнице было воровство повально, у детей у всех диспепсия, они не сосут, не едят, те обрадовались и все домой поволокли, все про-

дукты. Дальше. Я искать своих, меня спрашивают — мальчик, девочка, фамилия, а я все забыла, ничего не могу сказать в ответ, только реву как бык. Очнулась уже в палате, нас десять человек, пролежала все, весь суд, весь процесс над вредителями врачами и техничками. Одна санитарочка мне потом сказала, как можно спасти от диспепсии: по капле чистых сливок вливать ребенку сквозь зубы, если есть зубы. Некоторые так и умирают, нет зубов. Что вы на меня так смотрите, я сумасшедшая? У меня ведь были дети, детка, были, я рожала даже. Но у меня была неразвивающаяся беременность, остановился вес и все, живот начал спадать. Я туда, я сюда, кладут меня в больницу, все у вас, плоды не шевелятся, действительно близнецы, подтвердилось, рентген сделали. А мне-то что? Теперь вам ждать родов, выйдут мумии, они у вас там муфицируются, прямо у вас в животе. А мне что? Теперь только ждать и ждать. Слушают меня, слушают, нет сердцебиения, а я вся ссыхаюсь день ото дня. Я мужу жалуясь, а этого нельзя, «мужу псу не показывай себя всю», это мне пословицу бабы потом привели, я не знала, жаловалась, жаловалась. Все ему рассказала, и на том конец, больше я его не видела, потом он меня больше не навещал, а в войну пропал без вести. А тогда разводы были легко, раз и развелся со своей стороны. Ну вот. Неделью он не ходит, две не ходит, я лежу, другим цветы, подношения, мне ничего, продукты мать покойная носила, а я не ем, лежу и слушаю, может, забьется хоть одно сердце? Казалось все время, надеялась до самого конца. Не хотела верить, что у меня две мумии. Мне рожать, начались схватки, вокруг меня никого, ни одного, я лежу, жду, не кричу, жду, что они закричат. А одна акушерка мне сказала: чего тут, давай рожай скорее, у тебя щепки, и все. Все бросили меня, собрались вокруг живых. Акушерка говорит: ну что, лежи одна пока, ушла, а я как закричу, как заорю! Ничего сама не поняла, что такое, акушерка прибежала, говорит, с тобой все пока, глаза откроешь? Я не открыла. Ну, они прибрали, все забрали, а я пролежала двое суток и пошла домой. К матери пошла, как незамужняя. Я даже не посмотрела на них, за что себя виню, была возможность, а я не посмотрела. На что там было смотреть. Ну сами посудите. Детки еще совсем маленькие.

Ничего, все бывает, зато теперь некому будет на старости лет стакан воды мне в морду швырнуть, как говорит мой Волк. А я первая уйду, отмучаюсь. Он еще поживет. Я его не переживу. А он как дурачок женится сразу. Он говорит: сыновья бы твои пьяницы были, дочери бы уже старухи, друг с другом бы ругались, не все равно, теперь мы с тобой ругаемся. Конечно, мы друг другу заменили целый мир теперь, ругаемся за всех. А вы знаете, у Волка был или есть сын. К нам приходила одна молодая, еще моложе вас лет на пятнадцать. Такая уже девушка в годах. Стакан чаю выпила, на пол его бросила и говорит мне: ну вы женщина, ну скажите ему хоть вы, может или нет ребенок без отца, вам уже ведь все равно, уже нет детей и это прочно, а малышу ровно годик, я должна бороться за свое счастье. Скажите ему, что в жизни главное — это дети. А я говорю: решайте без меня сами. ваше дело, а Волк, вижу, ему не нравится, когда на него идут вслепую, как на комод, ну и все. Она поскандалила и пропала, теперь этому сыну восемнадцать лет уже, Волк его не видел ни разу и обошелся. А денег он вообще не дает никому, жадный, учтите. А почему он будет меня бросать, спрашивается, если мы в начале блокады, самую страшную зиму голодали вместе, а он потом, после этой старой девушки, говорил по телефону не помню кому: жена меня спасла от смерти, своими кусками меня подкармливала, семь кошек мне сварила, а я ради какого-то неизвестного ребенка делаю ей подлость, да я этого ребенка не хотел, просто задела мою мужскую гордость, она, видите ли, его чаем поила, а потом так гордо и говорит: ну вы остаетесь или нет? Он и остался, раз — и у него ребенок. А в блокаду это было действительно, я обменивала все вещи на свежих кошек, варила по кусочкам, поддерживала его, он громадный ведь мужик и обжора. А у меня двое детей незадолго от этого погибли. Как раз в блокаду. Детей не сохранила, а его сохранила. Ну чего вы тут расселись?

А. Я жду Леонида Витальевича.

М. Не черта тебе его тут ждать. Тебе не ясно? Полицию вызвать?

А. Давайте.

М. У него тут тоже одна знакомая пришла и жила, вроде вас.

Не уйду, и все. Стали мы жить втроем. Как ансамбль

«Березка». Он уронит книгу, она мне кричит: ты что, осатанела совсем, ты не видишь, у человека что упало. Двухкомнатная квартира и нас трое. Я убирала, мыла, посуду мыла за собой только, а они там сами с собой занимались. Они варили для себя, он сам встал к плите, у них был медовый месяц, готовил целыми днями. Увлёкся. А что ему остается, раз его проводили на пенсию. Готовил, свои носки стирал в умывальнике, как и раньше, а она валялась. А он рад: есть о ком позаботиться. Забытое чувство пробудилось. Я хотела всегда первая о нем заботиться, все ему отбила, сама расхлебала, а он тоже человек, тоже хочет жить по-человечески и о ком-то думать. Так он мне похвастал в кухне. Она тоже вне себя от радости, в экстазе, нашла новое чувство, каждый день красила ресницы, нашла об кого погреть бока. Я, говорит, в своей жизни настрадалась — она ему говорила, а я все должна была тоже слушать. У меня, говорила, тридцать лет полного одиночества, были мужья, три мужчины в жизни, все три мужа, никогда просто так. Она это намекала. Последний, говорит, прожил со мной один месяц, был моим мужем, все это семнадцать лет тому назад, никак с тех пор с ним не расквитаюсь, отсудил у меня половину комнаты, все, что можно было с меня взять. Теперь на его половине живут родные, говорит, из города Свердловска наезжают, едят целыми вечерами, что у меня уши закладывает, хотя у нас перегорodka сухой штукатурки, но толку от сухой штукатурки! Так она моему Волку жаловалась. Уже у них почти взрослый сын от этого месячного брака, сын все норовит к отцу за загородку, а она на этого сына положила всю жизнь. Ей не сладко, мы все это поняли. Она пожила, пожила, а потом Волк перестал из себя изображать первую помощь и лег в больницу на обследование толстой кишки, как обычно. Это у него такой признак нетерпения. Ну, я ее и попросила отсюда. Говорю: у тебя там дети по лавкам плачут, иди домой. Она говорит: один сын. Ну, говорю, привет сыну. А то сын отвыкнет от тебя, некому будет стакан воды подать на старость. А ради чего ты его растила, спрашивается. Иди, а то и это упустишь. Она стала плакаться, билась об стенку, убивалась. Но делать не черта, она тут никто, ни жена, ни полжены. Побегала к Волку с передачкой в больницу, выяснять отношения, я, мол, тебе никто, со мной вон что эта делает. А Волк ей ничего не

говорит конкретного. Она и бряк: мне, может, лучше уйти или остаться — сама слово произнесла. Он ничего ей конкретного, хочешь иди, хочешь как хочешь. Она сама мне потом же говорила, это означает отказ, и спрашивала: а вы как считаете? А что мне считать, мне какое дело. А я к ней даже привыкла. Баба добрая, без злости, без костей, так, земляничное мыло, как Волк выражается, он у меня шибко умный. Придешь домой — она уже прибралась, все-таки две жены легче, чем одна, я полы подмою, она пыль вытряхивает, помои выносит, где чего приколотит, починит. Одна-то насобачилась в своей одинокой жизни. Тридцать лет то одна, то ее бьют, то у нее лопаются сосуды. Но что делать, она ревет, курит. Я уже стала ее удерживать специально, чтобы она не думала, что ее уж так гонят, говорю, да живи, кто тебя гонит, волк есть волк, ни к кому не привязан, в лес смотрит. Она говорит: пойдите, оставите к нему в больницу, мне уже пропуск он не оставил, санитарка говорит, он без посещений, карантин, что ли. Ну, я прошла, я же законная жена, прошла, все, в халате, как полагается. И говорю: ему говорю, пусть она у нас живет, я привыкла к ней, ты тоже привыкнешь, она женщина хорошая, я ей все прощаю, мне с ней легче, хоть она уже совсем развалилась от горя по тебе. Он как услышал, отвернулся, нет, нет и нет. Я говорю: что ей передать, он говорит — не надо, что ей мучиться в чужом доме. Не надо от нее ничего. А я тогда сама говорю: а я тебе в таких делах не помощник и никто, передавать не буду ничего, пусть она живет, это не по-человечески, гнать. Ты не тем занимаешься, говорю, на такую ерунду тебе силы тратить, ты бы лучше о работе подумал, куда устроиться, хоть вахтером при лифте, и то лучше. Он побелел, давление поднялось, дальше больше. Она, эта моя незаконная кума, все живет, упирается. Он теперь уже не обошелся своим словом «нет», по-благородному не вышло, не у всех такая воображаемая гордость, у некоторых одни слезы. Он ей орал, звонил по автомату, чтобы она убиралась, что люди кругом, на что это похоже, не вызывать же милицию. Она трубку от уха отведет, поплачет, опять слушает. Потом валится на тахту и мне все рассказывает. Он, говорит, наверное, что-то подозревает, ревнует, а у меня ничего ни с кем не было, это ошибка, я ему не изменяла и не изменю, и можете это ему сказать. Я — ему!

А он, оказывается, приплел ей мужа за перегородкой, когда она бегала тут сына навещать. Волк и ухватился за эту версию, за мужа. Она кричит: какой он мне муж, и вплоть до того, что собирается этого мужа из палатки выковыривать, он в палатке торгует галантереей, и везти его в больницу на такси, что у него давно новый брак и он больше там не живет. Хотела даже перегородку нанять сломать в доказательство, что муж выписался, а я ей отсоветовала. Это временная мера, Волк уже уходит и уйдет, а тебе жить без перегородки со взрослым сыном, может дело дойти до убийства, если ему не жить отдельно за стеной, а так, глядишь, сохранишь благородство и получишь стакан воды в морду. Потом она сама себя стала руками душить, все это для моих ушей и для передачи Волку, облевала всю его подушку, все-таки подавилась языком, не знаю как. Конечно, Волк был в экстазе, когда я ему рассказала про подушку. Кулаком по колену себя ударил. Ему выписываться, а некуда. Она лежит на его неприбранной тахте нечесаная, невытая, курит. А его обязаны выписать, с ним там больше ничего делать не собирались, все. Я его привезла из больницы в слабом состоянии, положила у себя у комнате. Та стала под дверью и начала качать головой. Он говорит, вызовите милицию кто-нибудь. А нам только криков в подъезде не хватало, и так все бабки в подъезде были в курсе и со мной здоровались чуть ли не за версту. А она головой мотала-мотала, а потом из кармана вынула флакончик и ляп! Выпила полную упаковку снотворного, сжевала. Приняла, села и бормочет: промывание, промывание. Глаза закрыла и бормочет. Я вызвала «скорую помощь», они ей стали делать промывание и разорвали пищевод на двадцати сантиметрах. Все у нас в коридоре было залито кровью, поняли? Поняли?

А. Поняла.

М. Уволокли, а потом я ее навещала, кормила из груши в резиновую кишку через нос. Месяц я ходила. Волк тоже два раза приходил, еле ноги уволок. Она лежит, вся в трубках, как ежик. Он еле ноги уволок. Следовательно она тоже ничего не сказала. Была в гостях, расстроилась. Сын ее тоже приходил, я его насобачила кормить, мне же надо работать. Он и кашу уже сам варил. Золотой парень оказался. Потом к нам пришел за ее вещами, мы ему

открыли с трудом, никому старались в тот период не открывать. Я ему все приготовила, он даже чемодан не принес, а она тоже без чемодана к нам пришла, для начала с хозяйственной сумкой. Потом только нанесла всякой всячины. Я это все барахло увязала в хороший узел, он взвалил и поволок. Теперь у него, у мальчика, своя комната, но мать фактически на нем. Волк есть волк. Он хватает и съедает, санитар, вы это понимаете? Он съест и убьет. Вот на что вы идете. Так что забирайте чемодан и вон, вон.

А. Мне некуда.

М. Опять новое дело! Куда некуда?

А. Никуда. Я к вам пришла, к Леониду Витальевичу.

М. У нас вам негде! Понятно?

А. Да вы не поняли. Я посоветоваться. Просто посоветоваться.

М. Хорошие советы с чемоданом.

А. Мой папа с Леонидом Витальевичем давно еще работал. В ЭНИМе.

М. В ЭНИМе? Ну? Кто это?

А. Жуков. Жуков Юрий Николаевич.

М. Не знаю.

А. Заведующий отделом планирования.

М. Не знаю таких.

А. Еще когда была жива моя мама, а я осталась без работы, она говорила: сходи к Леониду Витальевичу.

М. Он бы никогда не взялся.

А. Папа же его устраивал на работу.

М. А папа где?

А. Папа от нас ушел в другую семью, потом умер. Мама осталась с нами двумя. Мы выросли, я ушла с работы, поссорилась с одной сотрудницей, подала заявление... Осталась на маминой шее. Год назад мама умерла... Денег у меня нет. пенсия маленькая...

М. Какая у тебя пенсия, ты же молодая.

А. Пенсия по шизофрении.

М. Ничего себе.

А. Это мне брат посоветовал после смерти мамы лечь в больницу, все равно лежишь, там будешь лежать, там тебя будут хоть кормить. Правда, нашли у меня депрессивное состояние после смерти мамы.

М. Ничего себе.

А. А на самом деле я просто переживала смерть мамы, простое человеческое чувство, и все. Ну вот, я вышла, после больницы тяжело, надо как-то жить... А брат опять вызывает врача, мы ее не можем поднять с постели, она неподъемная, сама себя не оправдывает, кормить я ее не в силах. Не с ложки ведь. На двадцать семь рублей. А кому какое дело, не кормите. Оставьте в покое. А брату, видно, понравилось жить одному, опять положили меня в больницу, диагноз уже тот. Клали меня, я кричала криком. Положили в буйное.

М. Ничего себе.

А. Конечно. Теперь три дня назад я вышла опять из больницы. Его нет, собрала вещи, поехала на вокзал. Оставила вещи. взяла пенсию. Опять на вокзал. Сегодня пришла днем, брат уже сидит дома. Зачем? Ведь ты же на работе. Говорит, где ты скитаешься, это бродяжничество у тебя в крови, сама себя опять не оправдываешь. Оборвалась.

М. Ну что, надо устроиться на работу. А вот куда? Я не знаю, куда шизофреников берут теперь. Леонид тебе не поможет.

А. Я редактором работала.

М. На редактора не рассчитывай. Пуговики пришивать, коробки клеить. Утром рано уйдешь, вечером придешь. Приготовишь себе, поешь, спать ляжешь.

А. Я не могу пуговицы, я сойду с ума.

М. Куда уж больше. Ты и так плохо нормальная. Небось все придумала, что брат следит. Небось ему дела нет до тебя.

А. Сидит, опять пишет заявление.

М. А как, скажи, ты нашла наш адрес?

А. У мамы был на всякий случай.

М. А откуда, кто дал?

А. Папа дал, она к нему ездила в больницу. Папа сказал: этот человек мне обязан, я его когда-то выручил из очень большого дела.

М. Не было никаких дел.

А. Мама все записала, все данные.

М. Не было, ничего такого не было. А где записка?

А. Записка? Вот она.

М. Ты и правда сумасшедшая, что с такими записками обращаешься. Дай сюда. *(Читает.)* Это было когда? На что ты надеешься? Десять лет назад. Срок давности истек. Он пенсионер глубокий. Кому теперь до этого дело? Ты хотела его этим заставить?

- А. Ладно, дайте обратно записку.
- М. Не думай, не дам. Тебе же лучше. я спрячу подальше, а если ты еще сунешься, я ее пушу в ход. Положу тебя в лечебницу, что ты к людям пристаешь с безумными вещами. Ты же сумасшедшая.
- А. А что мне делать?
- М. Отсюда тебе лучше сразу идти подальше. Здесь тебе не помогут. Плакать не надо. Не тот дом.
- А. А что плакать? Я уже за свои сорок лет все слезы выплакала.
- М. Тебе сорок? Хорошо сохранилась. Замужем, значит, не была.
- Ну, иди, Волк этого не любит, чужих. Иди.
- А. Замужем я была и ушла. Он меня попрекал, что нет детей.
- А у меня операция была, и все.
- М. Вот-вот, и к таким людям ты идешь за помощью. Иди, иди отсюда. Бери чемодан. Брата своего во всем вини. Мужа вини. А не нас. Мы никто, такие же люди, как все. Почему мы должны.
- А. Мама умирала, говорила: держитесь друг за друга, дети, вы одни во всем мире, ближе никого у вас нет.
- М. Муж любит жену здоровую, брат сестру богатую.
- А. Вы родились в один день, в один час, так заклинала.
- М. Вы близнецы?
- А. Мы с братом близнецы.
- М. У меня тоже были близнецы... Я тебе рассказывала, моим близнецам было бы сорок лет... Счастливая твоя мамаша... Пока что подожди на лестнице, а то Леонид свирепеет, если у него в квартире кто-то есть. Я от этого отстраняюсь. Придешь, на тебе записку. *(Дает ей записку.)* Это будет так вернее. Скажешь просто: нет работы. И все. А то он от чужих несчастий свирепеет. Только не говори про брата, что близнецы. А то он на меня кричать будет — это ты все выдумала, опять у тебя галлюцинации, опять близнецов приплела. Ты ведь не галлюцинация?
- А. Да, да. Конечно.

■
ТЕМНАЯ КОМНАТА

**Три
одноактных
пьесы**

■

*Спектакль из репертуара
МХАТ им. Чехова*

■
СВИДАНИЕ

ИЗОЛИРОВАННЫЙ БОКС

КАЗНЬ

▪
СВИДАНИЕ

▪
ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

ЧУРБАН.
МАТЬ.
СЫН.

Сын дожевывает, утирается.

Мать. Тебе Александр Александрович привет передает.

Сын. Как сказал?

Мать. Передайте сыну привет, мужайтесь.

Сын. Встретила его?

Мать. А... Так просто. Звонила ему.

Сын. Он что сказал?

Мать. Посоветовал обратиться.

Сын (*крутит головой*). Без него не знали.

Мать. Сказал, что всегда предполагал, что он необыкновенный человек и его впереди что-то ожидает.

Сын. Вот зачем ты всем звонишь? Зачем?

Мать. Компот будешь?

Сын. В горло не лезет.

Мать. Я советуюсь, а что же мне делать. Что мне остается.

Сын. Вот ты, я не знаю...

Мать. Ночи не сплю... Зачем ты это сделал?

Сын. Замолчи! Сволочь...

Мать (*отшатнувшись, кивает на чурбан*). Компот будешь? Ночью варила. Господи, хоть чем-то себя занять. Прощлую ночь «скорую» вызывала, они мне вкатили чего-то... Предложили в больницу.

Сын. Легла бы.

Мать. Да, а ты?

Сын. Господи, да что ты все обо мне! Думай о себе. Кто звонил?

Мать. Боря этот твой. Привет передавал.

Сын. Еще кто?

Мать. Уже все отзвонились, теперь ждут. Неудобно им, я понимаю.

Сын. Чего неудобно.

Мать. Ну что, ну как... Дергать меня. А я одно и то же: то да то. Пока ждем.

Сын (*услехнувшись*). Пока! Все уже. Не ждите.

Мать. Свидание дали.

Сын. Ну и вот. Вот и оно.

Мать. Наоборот. Я советовалась, сказали: значит, не будет.

Сын. Да? Незачем. Кто сказал?

Мать. Юрист.

Сын. Какой еще? Матвейка?

Мать. Другой.

Сын. Опять деньги занимала?

Мать. Это не адвокат, это в консультации, юрист. Женщина. Збарская.

Сын. Что сказала?

Мать. По всем признакам, если дали свидание, ожидайте хороший финал. У нее было дело, там дали свидание, а потом помилование. Сейчас они уже ждут освобождения. Пятнадцать лет прошло.

Сын. У них какая была статья?

Мать. А... Особо опасное преступление. Статья пятьсот восьмая бис.

Сын. Такой нет.

Мать. Была, а эта Збарская опытная, она на пенсии, в консультации как консультант. Может, это я перепутала.

Сын. А что было-то?

Мать. Кража со взломом, убили старуху, убили ее племянницу, беременную. И выходит теперь.

Сын. А, вот видишь. Двоих.

Мать. Троих. Младенчика в животе.

Сын. Ну вот. *(Пауза.)* Кто-нибудь звонил?

Мать. Лерка не звонила. Да, Лерка. Она оказалась одна в хорошей квартире теперь, на кого ты и поработал. Как всегда. Ей хорошо, а ты тут. Связался, называется.

Сын. Мама!

Мать. Мама, а я тебя предупреждала, что ты не по себе сук рубишь. Говорила, что ты погубишь себя. Говорила? Ведь я предупреждала тебя. И что оказалось? Что я была права. Лерка сволочь!

Сын молча кивает на чурбан.

Ну выпей компотику. Борисовна принесла югославского черносливу. Я ведь на бюллетене. Я хоть год просижу на бюллетене, у меня сердце не выдерживает. Масленникова продлевает бюллетень не глядя. «Жалко мне вас сюда в поликлинику таскать на прием, я бы вам до конца сразу выписала, — говорит, — еще вам и здесь мучиться».

Сын. До какого конца?

Мать. А до конца моей жизни. Я не доживу. Все из-за Лерки. Я бы ее тоже своими руками...

Сын. Мама, зачем ты сюда пришла?

Мать. Выпей компоту. Желудок варить будет. Полезно.

Сын. А ты что о ней знаешь?

Мать. Ну живет, что ей делается.

Сын. Одна?

Мать. Одна. Радуйся, никому не понадобилась.

Сын. Работает?

Мать. Нет, куда ей.
Сын. Как это куда?
Мать. Ну что ты на меня так глядишь, сынок? А? Эту бы Лерку... Выпей компоту, я уйду налегке.
Сын. Говори, убью!
Мать показывает глазами на чурбан.
Я прошу тебя. Ну что с ней?
Мать. Я не хотела тебя расстраивать. Твоя Лерка... Сволочь она, сволочь. *(Плачет.)*
Сын. Ничего, ничего, говори.
Мать. Она родила, вот что.
Сын вытарашился в пространство.
Твоя честная Лерка.
Сын. Кого?
Мать. Сына, кого. Память по отцу.
Сын бросается на колени.
Что ты, что ты! *(Показывает на чурбан.)*
Сын встает, садится.
Выпей компоту.
Сын пьет из банки.
Ягодки вылови. Вот она с ним и жила до свадьбы. Девять месяцев не прошло, семь с половиной. И явка налицо.
Сын. Как назвали?
Мать. Я не интересовалась.
Сын. Кто сказал?
Мать. Я звонила в родильный дом. Мальчик. Три пятьсот. Пятьдесят один сантиметр.
Сын. Как же так...
Мать. Вот, что хочешь.
Сын. Ее же кто теперь встретит? Из роддома?
Мать. Ну, подруги.
Сын. Нет, теперь некому.
Мать. А, да.
Сын. Мать не встретит, отец нет. Муж нет... Вся родня и подруги, все погибли.
Мать. Да.
Сын. Соседи?
Мать. Какие соседи, они же там не жили. Получили-то квартиру у черта на рогах, в Чертановке.

Сын. Да... Она мне ни на одно письмо не ответила.
Мать. Да ее и дома не было, все по больницам... Со свадьбы и прямо на «скорой».

Сын. Я же помню.
Мать. Она же в уборной заперлась, в туалете.
Сын. А что запирались было, как будто я не выломал бы... Если бы мне было надо. Заперлась и все, не хотела и все. Я плакал и все. А кто милицию вызвал?

Мать. Нижние.
Сын. Я бы ее не тронул пальцем. Поговорить, только поговорить. Я только этих... и больше никого. Они же ее заставляли сделать аборт, они от меня ее увезли, да на новую квартиру без адреса! Сволочи!

Мать кивает на чурбан.

Подруги ее тоже. Я вошел, они засмеялись. Папка с мамкой рожу сделали. Жених плечами пожимал.

Мать. Не по себе сук рубил.

Сын. Все люди равны! Так записано. Она моя жена.
Мать. Что ты, что ты.
Сын. Она моя жена, сволочь! Да! И это мой сын!
Мать *(делает знак, глазами, что рядом чурбан)*. Что ты, Господь с тобой.
Сын. Ты ее встреть из больницы.
Мать. Чего придумал.
Сын. Купи ей... Все что надо. Мне напиши через Матвейку записку, на кого похож.
Мать. Чего придумал.
Сын. Меня скоро не будет, помогай ей.
Мать. Надо же Матвейке сказать, что это сын, что это сын твой! Как же так!

Сын. Ты что, ты думаешь, что это изменит?
Мать. Да она отречется. Она от тебя откажется, что не твой.
Сын. Нет, нет, это они ее натравливали, как зайца, она-то меня любила. Они ей уши прожужжали, этого вояку где-то выкопали. Они. А она просто плохо чувствовала, а они ее заставили сделать аборт.

Мать. За это не убивают.
Сын. Да! Сволочь! Они-то хотели моего сына убить! Они же убить-то хотели? Аборт это что?

Мать. Да, знаю, знаю.
Сын. Я за это их и убил.
Мать. Знаю, знаю.
Сын. Подруги ее устраивали в больницу. Милка с Томкой. Вообще чучело.

М а т ь . Знаю.

С ы н . Милка с Томкой чучело.

М а т ь . А как же.

С ы н . Медсестры, они этих аборт... Проститутки. Убийцы. Милка с Томкой. Убийцы они, аборты всем делали.

М а т ь . Да... Это да...

С ы н . В день по тридцать аборт делают. Я ведь убил же пятерых! Это не сравнишь! Ведь что же!

М а т ь . Ладно, хорошо. Успокойся. Если все так, то тебя скоро выпустят. Я только к Матвейке заеду, скажу пару слов.

С ы н *(в возбуждении)*. По тридцать аборт в одном отделении! А сколько больниц! Это ведь живые люди! Слышат всё, питаются! Кувыркаются! Я читал! У каждого отец и мать, и бабушки с дедушками! Что, надо убивать? За что? Живые дети! Надо соображать!

М а т ь . Это хорошо, знаю. *(Собирает банки, обеды, пакеты.)*

С ы н . Милка с Томкой, это они убивали! Отец с матерью Леркины, ее этот муж, заставляли! Ведь Бог-то есть! *(Плачет.)* Боже мой, мучают, убивают каждый день... Каждый день, не остановишь... Что же, всех их под суд? Не возьмут... Боже мой, смилуйся над убитыми детками...

М а т ь . Срочно же, срочно надо врача. Головка-то не болит, нет? А? *(Прижимает сына к груди.)* Слава Богу, слава Богу, я давно ждала! Я знала. *(Чурбану.)* Его на экспертизу срочно, он же с ума сбесился, на экспертизу больного человека, а не казнить. Не казнить, а изолировать. Он же больной, слава Богу, за себя не отвечает... Его мысли замучили... А то придумали больных расстреливать... Он убил, его убивать, а он не убивал. Нет! Ему показалось. Пойдем домой. Пойдем, я тебя уложу в постель, перестелю... Тебя койка дожидается твоя... Чисто все, я все выскребла, как чувствовала. Не убиралась, а теперь вчера убралась, как чувствовала. Борисовна принесла югославского черносливу... Отлежишься... Головочка ноет... Пойдем, я тебя отведу... Тихо так... *(Смотрит на чурбан.)* Нельзя? Он же больной. С ума сошел. *(Смотрит на чурбан.)* Ничего нельзя? Здорово он мыслит? *(Смотрит на чурбан.)* Нет, я бегу к Матвейке. Не плачь, не плачь, ты ненормальный. Тебе справку дадут. *(Смотрит на чурбан.)* Все? Свидание закончено? Спасибо вам. *(Выходят в разные стороны.)*

■
ИЗОЛИРОВАННЫЙ
БОКС

■
ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

А., 42 года
Б., 60 лет

- А. А мне как сказали, я пошла на утренний сеанс в кино. Прихожу, там полтора человека, все бабуси, один молодой человек, одна я.
- Б. А я в кино уже не хожу никогда.
- А. Я думаю, бедные вы люди, ходят на утренний сеанс в кино, совсем некуда податься людям. Ладно хоть я, меня только что приговорили, я пришла развлечься.
- Б. А я совсем не могу развлекаться. Маруся старается, ходит в гости, по знакомым, туда, сюда, молодого человека привела еще. Курил.
- А. А этот молодой человек, он в кино в буфете стоит, пиво пьет. Кино начинается, а он еще две бутылки взял. А это он, оказывается, пришел пиво пить. Правильно, так в зал и не пришел. Сидело десятка полтора бабусь и я. Билет на утренний сеанс стоит копейки, он купил билет выпить в кино пива. А в зал не показывался.
- Б. Этот молодой человек, правильно, пришел к нам посидеть, да недолго выдержал. Ирочкина карточка на стенке висит с черным бантом. Конечно, оно ему нужно. И он ушел. Маруся в слезы. Никому мы не понадобились. Зачем ты, мама, про Ирочку рассказала. Я виновата. Ирочка виновата.
- А. А в кино, как сейчас помню, какую-то чепухню показывали, про пионеров. Кому нашли показывать. Все пионеры в школе давно, только если прогуляют, в кино забредут. А остальное взрослый состав. Но делать нечего. Совсем край света пришел, вот и про пионеров посмотреть пришли. Я-то думаю, ну хорошо я, приговоренная к смерти. Хорошо я, я куда хочешь зайду, только чтобы было тихо и на меня не глазели. А Ваня мой ничего не знал, я ему ничего не сказала. Ваню бы еще поддержать, поднять бы два годочка! Ну? Два годочка. Ему исполнится шестнадцать лет. Все-таки уже работать пойдет.
- Б. Мне два года дают.
- А. Мне десять лет дают при благоприятном стечении. Ремиссий если много будет, тогда. Я постараюсь. Десять да четырнадцать ему будет двадцать четыре.
- Б. А мне зачем эти два года?
- А. А тут, говорят, один фанатик лечил вытяжкой из акулы. Фанатик, денег не берет, ему важен метод. Вылечил почти одного старика семидесяти пяти лет! Нашел кого. Тут молодежь с копыт валится. А он, чтобы риска меньше

- было. Так я бы пошла на риск. А кто за меня похлопочет? Ваня бы пошел хлопотать, но адрес не дадут. Но ему некогда. Он в интернате имеет полную загрузку, его и ко мне отпускают через пень-колоду в будние дни приемов.
- Б. А зачем мне хоть день, хоть два? Марусе я не нужна, я уберусь, Маруся будет свободно водить кого надо. Заведет себе новую жизнь, родит ребеночка. Вот тогда обо мне совсем забудет, нас с Иришкой забросит, а мы вместе пролежим, нам мало надо. Тридцать пять лет пролежим, и Марусю дождемся, глубокую старуху.
- А. Ему будет, Ване, уже двадцать четыре года, он женится, я так мечтаю. Женившись, я ему опять буду не нужна.
- Б. Тридцать пять лет только дают лежать на кладбище, потом ликвидируют. Только Марусю к нам вложат, опять перетасовка. Бульдозером сравнивают с лицом земли. Новостройку построят, храм Спаса на костях. А нам с Ирочкой будет не все ли равно. Своего мужа могилку с одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года забросила. Ходить — слезы лить. Мертвые беспокоются. Как сейчас Ирочка беспокоится, ну что ты, бабушка, по мне плачешь? Живи пока живется, придешь ко мне, успокоимся. Живи, живи, бабушка, живи бабуленька, приказала долго жить. Долго не выйдет, сколько дадут поживем. Может, и десять лет, зачем только.
- А. Мне дают десять лет, вчера Лагутин дал, меня везут сюда на каталке, историю болезни положили на грудь. Я посмотрела, стоит: еще десять лет.
- Б. Лагутин?
- А. Санитары у лифта ждали, пошли выяснять. Я и посмотрела, глазам не верю; написано: еще 10 л. Зачем, почему, обычно доктора не пишут срок жизни. А на меня написали. Редкая вещь. 10 л.
- Б. Десять литров, что ли?
- А. Лет, лет. Каких литров? Пьяные тут, что ли?
- Б. Мне десять лет, так Маруся за эти десять лет таких делов наворочает, можно двойню родить, троих мужей притаранит. А я с Ирочкой останусь, кто о ней подумает. Ну, не буду, не буду. Бабуля, не плачь. Бабуля, не ходи ко мне часто, не плачь. Деточка, как же часто, когда я прикована уже месяц. Все там у тебя быльем заросло. Маруся ведь работает, в семь кончает, в субботу ко мне ходит, в воскресенье ей же надо обстираться, вздохнуть. Она не

может к тебе ходить, у мамы сердечко болит, головка разламывается. А я к тебе приду, приду, моя травочка. Бабуля, не приходи, пока не поправишься.

А. При чем здесь литров? Десять лет. Первые три года нам школу кончить, это раз. Ванечка отлично учится, золотую медаль. И без золотой медали тоже в институт ходят. Можно вечером. В армию его не возьмут, я инвалидка, он будет единственный кормилец, так? Вечером и будет учиться. Как раз в двадцать четыре года он закончит, и я закончу. Я ему открою все дороги, у него будет своя комната, мальчик будет большой, взрослый. Как хорошо все-таки, что я инвалид! Я в любой момент к людям брошусь на колени: возьмите моего Ванечку, у меня рак, рак, я недолго проживу, а он один. И справку с диагнозом, Нина Ивановна обещала дать на руки.

Б. Тебе Нина Ивановна сказала?

А. Нет, мне в консультации доктор Гогоберидзе. Тогда, когда я в кино ходила. А вам?

Б. А я сама догадалась, зачем сюда кладут. Нина Ивановна только Марусе сказала, Маруся начала трястись, заплакала, только еще этого не хватало, говорит, что же мне теперь, еще, что ли, хоронить? Только похоронила, опять новости. Я же, кричит, хватит того, что дочь похоронила. Кричит, с ума они там посходили, что ли? Не слишком ли много на одного человека? А я лежала в реанимации как раз, все слышно.

А. А мне доктор Гогоберидзе сразу сказала, говорит, тащите себя за уши, держись сама, никакие силы не укрепят. Если хочешь вырастить сына, мужайся. Вот я после этого и пошла в кино на пионеров смотреть. Не могу я на детей смотреть, так их жалко, маленьких ведь в детские дома берут, из города усылают. Там хлеб счетом дают, по два кусочка, я ездила с шефской помощью от предприятия, слезами умылась. Но Ваню уже не возьмут, он большой. Они в наш автобус двое забралась, колбасу развернули. Шофер погнал: детдомовские всю колбасу нанюхали. Не ели, правда. Но Ваню туда не возьмут, он большой, четырнадцать лет. Двадцать четыре года, куда ему в детский дом! Пока еще четырнадцать. Но мне лично все равно что уже двадцать четыре, годы летят как птицы, и не заметишь. А ему у меня много не надо. Моя пенсия, а я по больницам постараюсь. Чтобы я ушла, а ему было уже не в новинку.

Не было, не было, а вдруг ушла совсем. Ну и одно и то же получается. А деньги все ему. Пусть тренируется жить самостоятельно. Он и сейчас уже самостоятельный, на субботу вечер и воскресенье ходит сам домой, сам варит, мне передачи носит, все самостоятельно. Зачем, сынок, тратишь денежку? Мне не надо ничего, тут кормят. Надо, надо, мама. У него деньги сейчас есть. За месяц моя пенсия, да в интернате бесплатное питание.

Б. У Маруси тоже моя пенсия да ее зарплата, а куда она деньгами кидается? Ничего у ней не остается. Как меня нет, она опять швырнулась. То она в Таллин, то она в Прибалтику завьется. На месте не сидит. Ходит, где ее не знают. Где ее знают, там шарахаются. Ищет, видно, где подцепить мужа. А как ни скрывай, ведь муж придет все равно в твой дом, увидит всю подноготную, Иришку тоже не скроешь, ведь выболтаешь сама! Через каждые два слова у нее Иришка выскакивает. А люди пугаются. Люди, конечно, не хотят слушать. Их с души воротит. Маруся, говорю, не суйся к людям. А куда же ей соваться? Ко мне соваться тот же результат, что сама с собой. Она к другим. Везде один позор.

А. А я не стыжусь рака. Пусть другие стыдятся. А я не стыжусь. Я знаю свою ситуацию, а другие же не знают! Не знают, на мне не написано. Я ведь напрасно не размахиваю, я только из-за Вани. Мне из-за Вани надо долго жить. Моя задача всех растолкать, да. А у них свои дети, конечно, они за своих борются. А мне плевать на их детей, у меня свой есть. Так и боремся, кто кого. Называется жизненная борьба.

Б. А мне ничего не надо. В очередях я не стою. Маруся тем более. Нам ничего не надо. Она только за билетами стоит на самолет. Живет-живет, накопит — и бряк на самолет! Летает Аэрофлотом.

Стук в стену.

А. и Б. Кого? Меня? Вас. Меня?

Б. Меня. Ой, что это. Ой, халатик. Ой, я же не встаю. Маруся пришла, моя деточка. Не плачь, бабушка. Не плачу, ангел мой, нет. *(Выходит.)*

А. сидит, закрыв лицо руками. Б. входит с пакетами, сумками.

А. сидит, закрыв лицо руками. Б. раскладывает принесенное.

- Б. Вот так, не ходит — не ходит, потом всего накупит. Куда столько, куда? А она улетала в Прибалтику, там она купила. Чувствует мое сердце, что она скоро мне внучонка заимеет из Прибалтики. Там ее не знали, там ее не боялись. А нам не все равно кого, нам не все равно откуда. Бабушка, не мучай мое сердце, не ходи ко мне часто. Где часто, деточка, я же прикована к больнице. Скоро к тебе мамочка навернется, чувствует мое сердце, скоро она успокоится и придет к тебе, всю травку выполет, цветочки польет. Бабушка, мне и так неплохо под травкой.
- А. С ума сошла, что ли. С ума сошла. Бабка наша рехнулась совсем.
- Б. Вот сколько всего нанесла, радость хочет мне доставить и доставила. Мама, говорит, тут мне премию выдали. Тут тебе чулочки теплые венгерские. Тут тебе чистый лифчик. Это яблочки. Это варенье.
- А. Ваня мальчик, я его в такие вещи не ввожу: лифчик. Он стесняется. Он учится на отлично. *(Закрывает лицо руками.)*
- Б. А к тебе придут, придут еще, не беспокойся, мамка. Ты у сына одна, он к тебе прибежит, в магазинах суета, ведь суббота.
- А. А он еще только из школы пришел. Я и не беспокоюсь. Ты ведь не знаешь, а он ко мне все время бегаёт. Ты ведь не знаешь, я ведь тебя первый раз в глаза вижу. Меня привезли в твою палату, и я села, и все. Ваня еще не знает, где я. Это выздоравливающая палата. Я и Ване ничего не говорю про болезнь, пусть не знает этого.
- Б. Прямо! Выздоровливающая. Кто до тебя здесь был, за тем все утро сегодня мыли.
- А. Ты откуда знаешь?
- Б. Я тут живу.
- А. Давно?
- Б. Да уж месяц.
- А. Ну и выздоравливающая.
- Б. Прямо! Это заканчивающая палата.
- А. Заканчивающая лечение палата. Мне вчера перестали давать таблетки, назначили уколы.
- Б. Ну.
- А. Нина Ивановна сказала выздоравливающая.
- Б. Та до тебя тоже все выздоравливала. До сего утра. Теперь увезли с полотенцем на глазах.
- А. Мне дали срок десять лет.

- Б. Десять лет? Десять литров.
- А. Пьяница, что ли? Литры мерещатся.
- Б. Десять литров из тебя спустили жидкости.
- А. Вчера, что ли?
- Б. Значит, вчера.
- А. А как же Ваня?
- Б. Он придет сегодня?
- А. Он-то да. Он да.
- Б. Придет, все ему скажи. Все распорядись. Все. Напиши, вызови тетку. Бабу. Мужа, какой есть. Всех зови.
- А. А сколько дней?
- Б. Да пиши сразу сейчас. Я ведь тоже ждала на днях, а все еще тут.
- А. Нет, выздоравливающая. Нина Ивановна сказала.
- Б. Это бокс!
- А. Что?
- Б. Ну, это бокс. Изолированный бокс для нас. Чтобы их не пугать. Мы в хорошей больнице. Не пугать же людей.
- А. А как же Ваня?
- Б. А как Маруся? Ты что, мать не хоронила?
- А. Нет.
- Б. Тогда ее и зови. Твое счастье.
- А. А я вообще без отца и без матери. Отец бросил их, а мать уехала вообще. Погибла, что ли.
- Б. Ну вот, а они переживут нас. Вместе с нами не умрут. Пиши, пиши кому попало. Они остаются жить. Ну ты дура. Ну ты подумай, ты бы пережила Ваню. Похоронила бы Ваню. Ну? Что лучше? Маруся похоронила Ирочку, теперь меня. Ну-у, я ей не завидую. Нет. Как у нас в доме в одной комнатке умирали мать и сын, оба Сатановские, в однокомнатной квартире. Так спасибо, она умерла днем раньше, как и полагалось матери раньше ребенка. Ему двадцать семь, ей пятьдесят, вот так.
- А. Зачем это мне, у меня своя жизнь, у них своя.
- Б. Нет. Я тебя слушала, теперь терпение лопнуло. Он у тебя самостоятельный, хвала Господу. Напиши на предприятие свое, пусть его берут учеником. Какие люди из учеников выходят! Ты что! А мы как росли? Чего ты опасаться?
- А. Пусть образование получит, я так мечтаю.
- Б. Опять еще! Родные есть?
- А. Есть сестра в деревне.
- Б. Выпиши сестру.

- А. Выпишешь. У нее дом, хата, корова. У нее дети. Выпишешь ее.
Б. Пусть тогда его заберут.
А. А комната наша пропадет?
Б. Ну ты переборчивая. Все не по тебе. Комната в крайнем случае не пропадет. Здесь есть юрист, вызови к постели юриста.

Стук.

- А. Кого, меня? Иду! Иду. Слава Богу, слава Богу. Он, он пришел.
Он-то жив, а ты говорила, бабка. Жив. (*Уходит.*)
Б. закрывает лицо руками.
Б. Не надо, бабушка, не надо, миленькая. Не буду, детка. Мамочка у нас есть. Мамочка нам родит... братика... а хоть бы и сестренку...

Конец

▪
КАЗНЬ

▪

**В КАЖДОЙ СЦЕНЕ
ДВОЕ АКТЕРОВ.**

Сцена
первая

- Первый. Тренировок не было, ничего не было. Сейчас, разбежался я.
- Второй. На ком тренировки-то?
- Первый. А хотя бы на обезьянах.
- Второй. Будет тебе обезьяна на двух ногах впереди идти да со связанными руками, да не оглядываться.
- Первый. Тогда на движущейся мишени.
- Второй. А это тебе ни к чему. Ты и так с одного шага в мишень попадешь.
- Первый. А если он дернется?
- Второй. Это никакая тренировка не спасет. Не предусмотрись, в какую сторону он дернется.
- Первый. Он что, свободный пойдет?
- Второй. Какой свободный, руки за спину.
- Первый. Ноги свободно пойдут?
- Второй. А как же.
- Первый. Надо чтобы и ноги.
- Второй. Что ноги-то? Тогда волочь его, что ли? Если ноги будут связаны. Все равно он так или иначе дернется. В меня только не стрельни. Гляди, он еще на колени упадет. Обернется.
- Первый. Ему оборачиваться не указано.
- Второй. А не прикажешь в такой момент.
- Первый. Надо и голову так зафиксировать. В одну сторону.
- Второй. Тебе бы куколку сделать из человека.
- Первый. Трудно. Ох, трудно.
- Второй. Трудно, что тебя в такой момент мне подсунули. Это трудно. Мы с Колмаковым его каждое утро водили. То туда, то еще куда. Он без паники ходит уже. А тут на тебе, в такой момент конвоира заменят, он забеспокоится. Он в первое утро, когда его вывели, на колени падал.
- Первый. Перед вами с Колмаковым? Глупый, что ли?
- Второй. Нет, он просто так падал. Не оборачиваясь. Так: три шага — бух на колени. Поднимаешь. Опять шаг — и опять та же штука.
- Первый. Молился, что ли?
- Второй. Видно, не выдерживал. Какой там молился.

Первый. Ах, черт, трудно будет. Я новый, он поймет.
Второй. Поймет-то поймет. Почувствует. В него вступит.
Первый. Ах, черт. Может быть, так отнесется: мало ли, Колмаков не Колмаков, у меня чин тот же. Может, он думает, что для исполнения за ним другие вообще придут.
Второй. Он по-всякому думает, и так, и так. Каждый раз только и гляди, на колени упадет. Ты бы тоже думал.
Первый. А я не убивал. Меня не за что.
Второй. Сегодня вон убьешь, мало ли.
Первый. Я не убью, а приведу в исполнение.
Второй. Приведешь в исполнение убийство.
Первый. Здравствуйте! Не пойду я с тобой, вот зловредина.
Черт.
Второй. Мало ли: он убил по-одному, ты убьешь по-другому.
Мало ли. Убьешь.
Первый. Ты тоже убьешь.
Второй. Я расстреляю.
Первый. И я расстреляю. За дело причем. Это надо же какой черт: зверь. Здесь просто. Убил и труп разнял.
Второй. Вот и верно я сказал, что ты убить собрался. За что-то хочешь его убить. Он за что-то убил, а ты убьешь его за это.
Первый. А ты нет?
Второй. Я не знаю, кого он убил, убил или нет, может, ошибка следствия.
Первый. Убил и труп разнял, доказано. Расчленёнка.
Второй. Кем доказано-то?
Первый. Следствием, кем.
Второй. Ошибка следствия.
Первый. Ты-то много знаешь.
Второй. Я не знаю, и ты не можешь знать, что не ошибка. «Двенадцать разгневанных мужчин» смотрел?
Первый. Нет, мне нужна все-таки была первая попытка.
Второй. Как ты это понимаешь? На обезьянах тебе доказано, что нельзя тренироваться. На мышах, что ли?
Первый. Но ведь я не попаду!
Второй. Ладно, я попаду.
Первый. Нет, черт, мне плевать, что ты. Важно, что я не справляюсь. Мне нет дела. Я не пойду на это.
Второй. Да, забегал, забегал. Твое дело выстрелить.

Первый. Он дернется.

Второй. А это не твое дело. Ладно, стрелять будешь по коридору вниз. Я справлюсь.

Первый. Зачем мне эта халтурка.

Второй. Майору доложишь тогда.

Первый. Доложу.

Второй. Уже воняешь.

Первый. Воняю.

Второй. Колмаков не вовремя руку подвернул.

Первый. Да вовремя, вовремя он руку подвернул. Я теперь знаю.

Второй. Чем с тобой тут вонь слушать, лучше с инвалидом связаться.

Первый. Колмаков вон и то сумел руку из строя вывести. Самокрут, наверное, устроил.

Второй. Да что я тебе, наставник, что ли? Учитель, что ли? По труду и самоподготовке.

Первый. Ты болей, болей за дело.

Второй. Ты-то не то что на колени бы упал, ты вообще бы ползком ходил.

Первый. Я не убиваю, я повторяю. Мне нечего под конвоем ходить.

Второй. На фронт тебя. Вот бы ты делов наготовил.

Первый. Сейчас мир на всей земле. Мир для чего установили?

Второй. А мне какое дело, не ходи, ты мне пара, и все. Ты мне никто.

Первый. Связался черт с младенцем!

Второй. А никого на подменку нет.

Первый. Никого на подменку нет. А я даю отвод. Самоотвод. Так что все отменяется! Ему еще пожить, пока Колмаков с бюллетня не выйдет.

Второй. Вот и хорошо. А я сразу подумал, когда же ты себя покажешь? Когда тебя пронесет?

Первый. Мне эта грязь не подошла.

Второй (*смотрит на часы*). Так. Шесть ноль-ноль. Встать!

Первый встает.

Напра-во!

Бьют куранты. Гимн.

Первый поворачивается. Второй поворачивается.

Шагом... арш! Стой, раз-два. Боевое оружие при-нять!
Левое плечо вперед, на приведение в исполнение
шагом... арш! Раз-два, раз-два.

Первый (*на ходу*). Не буду.

Второй. Из караульного помещения вперед — марш! Да
выйди, выйди из помещения, тебя не убудет, чего сидеть
тут зря?

Первый. Ну, вышли, и дальше все.

Второй. Вот его дверочка. Тише, не устраивай паники. Не
портить человеку смерть.

Уходят в дверь.

Сцена вторая

Врач. Товарищ майор, разрешите войти.

Майор. Что у вас?

Врач. А врачебный отчет.

Майор. Это можно.

Врач дает майору бумагу.

Врач. Что характерно, сердце билось восемнадцать минут
дополнительно.

Майор. Чего же ждали?

Врач. Пока загрузится.

Майор. Дождались бы, что выжил. Мог бы выжить.

Врач. Нет, он точно загружался уже.

Майор. Что вы — загружался, загружался. Термин нашли.

Врач. Это слово у нас в больнице. Чтобы больных не беспокоить.

Майор. Кто допустил, это неточное попадание?

Врач. Два ранения, одно пустячное, в район ключицы. Другое
с летальным исходом.

Майор. Ну, специалисты. Кто допустил, новенький?

Врач. Теперь не скажешь.

Майор. Хоть следствие заводи. Ну что с таким народом делать.
Преступника государственного, убийцу прикончить не
могли.

Врач. Уже все нормально, что вы.

Майор. Везде сам бегай за ними. Он в сознании был восемнадцать минут или как?

Врач. Трудно все же сказать.

Майор. Вот. Устраивают еще пытку тут. Не могут убить сразу. Восемнадцать минут жил! Надо же! Все, наверное, сознавал.

Врач. Трудно сказать, мы тайны смерти не знаем.

Майор. Но точно скончался?

Врач. Ну зачем же. Я ведь констатирую, загрузился. Я отвечаю за свои слова.

Майор. Вы новый человек, я вас не знаю, как вы отвечаете. Вдруг он вообще еще живет.

Врач. Это твердо, нет.

Майор. Кто вас знает. Ладно.

Врач. К тому же я расчленил.

Майор. Но хоть не живого расчленил?

Врач. Что вы!

Майор. Теперь не проверишь, только судебной экспертизой. Как нет сознательности у людей на местах, то ты ничего не поделаешь с ними. Хоть доверяй, хоть проверяй, все напортачат. С живого шкуру сдерут по неграмотности. По лености своей. Вместо того чтобы привести в исполнение, растянули как черт-те чего. Вы тоже. Вы что, сидели с ним?

Врач. Пульс держал.

Майор. Нашли тяжелораненого. Тоже мне. Добили бы по-человечески. А то столпились и ждали. Зрители какие. Не на пятерку сработали, не на пятерку. Вы объясните конвою, куда что везти. Машина есть, слава Богу хоть машину дали.

Врач. В крематорий голову, в медицинский институт остальное тело. Я знаю. Инструктировали.

Майор. Шофер тоже, как назло, не наш.

Врач. Что делать. Лето. Все в отпуску. Но какой организм!

Майор. Где?

Врач. Изношенный буквально. Печень на четыре пальца изпод ребер. Я смотрел его.

Майор. Все вы специалисты. Ладно. Отчет посмотрю, идите.

Сцена
третья

Шофер. Я не нанимался это дело таскать.

Второй. Ты что, мужик?

Шофер. Я знаю, знаю.

Второй. Я один буду, по-твоему, таскать, да?

Шофер. Я не нанимался. Ваше дело.

Второй. Думаешь, мое? Тут товарищ один хороший есть, он упал на лестнице только что и руку себе так удачно подвихнул. Ходить может, носить нет. Якобы на лестнице, а скорее всего дверью.

Шофер. Ваше дело.

Второй. Травма на службе, сто процентов, дверью хлопнуть — и раз-два. А потом иди, ложись под лестницу. И это уже вторично.

Шофер. Ваше дело. Скажи, а кто это? Это тот, да? Убийца, да?

Второй. Нечего тебе знать.

Шофер. Ну скажи, капитан. Говорят, их на уран посылают, урановые рудники. Что же этого не послали?

Второй. Тебе оставили.

Шофер. Как он, выкрикивал?

Второй. А тебе что. Пошли грузить.

Шофер. Говорю тебе, не нанимался. Ну, капитан, как это, расскажи, я у вас тут первый и последний раз. Внукам передам.

Второй. Ишь ты какой быстрый. Я тебе, ты внукам. Пошли, там два ящика.

Шофер. Двоих тащить, что ли?

Второй. Одного, не бойся, успокойся.

Шофер. Одного в двух ящиках?

Второй. Кого одного, ты что? Просто два пакета.

Шофер. Одинаковые?

Второй. Пойдем, увидишь.

Шофер. Я к таким страхам не притрагиваюсь.

Второй. Просто полиэтиленка.

Шофер. А там что?

Второй. А там мешковина.

Шофер. А там что?

Второй. Ящики.

Шофер. Одинаковые?

Второй. Нет.

Шофер. Понятно. Слушай, это тот, который убивал?

Второй. Пойдем, посмотришь, может, тот.

Шофер. Чего я увижу-то, чего я увижу, его что, видно? Ой, я спать не буду. Ты сам волоки, капитан, я лучше в кабине посижу. Зачем я только пошел на это мокрое дело.

Второй. Это ящики же, ящики. Просто два ящика.

Шофер. Почему два?

Второй. Вот далось тебе. Возьмешь который легче.

Шофер. Я взвешивать не нанимался.

Второй. Я сам тебе дам, не бойсь, не обману. Тебе же надо все равно везти. Чтобы везти, надо грузить.

Шофер. У меня нет загрузочных работ.

Второй. У меня есть, что ли?

Шофер. Не знаю, что ты прыгаешь.

Второй. Правда, больше всех мне надо, что ли. Мое дело сопровождать. Сейчас майору доложу про тебя.

Шофер. Мне без разницы. Я уже отслужил.

Второй. Совесть есть?

Шофер. У меня есть, не жалуюсь.

Второй. Бутылку просишь?

Шофер. Я язвенник в шестой степени.

Второй. Сяду и буду сидеть. Езжай в гараж. Подписывать тебе не буду лист.

Шофер. А я грузить такие ужасы не буду.

Второй. Тогда езжай незагруженный.

Шофер. Какой принципиальный.

Второй. Я не принципиальный, а надо сделать дело. Теперь как хочешь, наружи не оставишь.

Шофер. Как это.

Второй. Его наружи не оставишь. Мертвого убийцу.

Шофер. Это-то верно. Ты прав как никогда.

Второй. Он ему руку погрыз. Напарнику. В бессильной злобе. Если откровенно говорить.

Шофер. Правильно сделал.

Второй. Вот я один остался грузить, понимаешь?

Шофер. Понимать-то понимаю.

Второй. Пойдем, наружи не оставим.

Шофер. А я их боюсь.

Второй. Я раньше тоже боялся. Но надо, понимаешь? Тебя тоже понесут. Раз ты живой, пока что обязан. Потом тебе отдадут, не бойся.

Шофер. У меня знаешь сколько друзей? Тебе не снилось.

Второй. А у него нет друзей.

Шофер. Меня понесут так ой-ой-ой. Вся база. Гудки будут гудеть.

Второй. Вот и ты ему гуднешь.

Шофер. А, пошли, черт с тобой. Похороним.

Второй. Хоронить не будем. В медицинский институт.

Шофер. В институт так в институт. Черт с тобой.

Второй. Видишь, а ты боялся.

Уходят.

Сцена четвертая.

Второй, Студент.

Второй (*звонит, ждет*). Алле! Алле! (*Стучит.*) Алле! А? (*Прислушивается.*) Телеграмма срочная! Отчиняйте! А? Кто тут есть в морге?

Открывается дверь, выходит Студент, жуя.

Всё, всё! (*Протягивает бумагу, поворачивается уходить.*)
Несем!

Студент. Где?

Второй (*весело*). К вам с посылкой, даже две. (*Отходит.*)

Студент (*читает*). Э, э! Это что?

Второй (*весело*). На войне не без урона. Каюкнулся один.
Будем загружать упокойника.

Студент. У нас закрыто, товарищ.

Второй (*стоя в отдалении*). Ты читал, чей гриф? Ты что, новенький? А где тот? Папаша тот, бородатый?

Студент. Он теперь в кооперативе «Земля и люди».

Второй. Помоги ты. Что стоишь, ноги по сторонам, идем.

Студент. Мы закрыты. Нового материала не принимаем.

Второй. Что я вам, как частичка туда-сюда буду ездить? В крематории газ отключили у них, горелки холодные. Сопло не тянет у них! Голову не взяли! Куда я с добром? Бери!

Студент. Голову? Одну голову?

Второй. Голову. Это раз. И второе — остальная вся туша.

Студент. Ампутация?

Второй. Что?

Студент. Ампутировали чайник? *(Показывает ребром ладони по шее.)*

Второй. Как тебе сказать.

Студент. У нас лето, товарищ.

Второй. Где?

Студент. Народ в натуре потный сидит на берегу моря. Все на отдых отканалы.

Второй. Ты возьмешь?

Студент. Ты что! Я здесь хвост сдаю, посторонний человек.

Второй. Какой хвост?

Студент. По внутренним органам, товарищ. Всё!

Второй. У меня как раз полно. Все, что хочешь есть! Все цельное, нетроганое.

Студент. У тебя что, сельсовет не врубаются? Закрыто.

Второй. Там у него все есть, и наружи тоже.

Студент. Везут и везут, как с дуба рухнули. С утра пятая машина.

Второй. Ты их не принял?

Студент. Нет, товарищ.

Второй. А куда они повезли?

Студент. Якобы на станцию переливания крови.

Второй. Какое тут переливание! Нам не надо. Какую. Не спасешь.

Студент. Все повезли. И ты вези. Да ты, небось, опоздал. Когда произведено прерывание?

Второй. Ну какое прерывание?

Студент. Искусственное прерывание.

Второй. Где?

Студент. Искусственное прерывание жизни.

Второй. Прерывание? В шесть тридцать.

Студент. Да где ж ты его с тех пор таскал?

Второй. Пока то, се... Пока чайник скипел... Не положено говорить.

Студент. Это что — он?

Второй. Не положено знать.

Студент. Или она?

Второй. А... Тебе кто лучше подходит?

Студент. Все равно на станции переливания тебя уже не примут.

Второй. А где это? Я бумаги предъявлю. У меня примут.

Студент. Все! Пршла любовь, повяли помидоры. Там принимают, но только таких, кто зажмурился не более четырех часов назад.

Второй. А у меня там время не проставлено. Дата — и все.

Студент. Да они проверят.

Второй. Ладно, я поехал, где это?

Студент. Да через четыре часа уже кровь нельзя слить, ты что! Все!

Второй. Они там... что ли кровь сливают?

Студент. А ты думал.

Второй. После этого... После прерывания сливают?

Студент. А после всего.

Второй. У осужденных?

Студент. Почему. У всех, товарищ.

Второй (*хрипло*). А куда мне теперь?

Студент. Суди сам: морозильник забит, формалина нет, котлы сухие, почки лежат невостребованные, сердце пять, транспорта нет, врачи в отпусках, трансплантации отменяются, бензин кончился, кетгута нет, не веревками шить.

Второй. У нас бензин кончается.

Студент. Так что поезжай прямо на жмурдром.

Второй. Это где?

Студент. Ближайший — Ваганьковское, дедушка. Мне пора.

Второй. Глаза у меня целые.

Студент. Глаз целый поднос.

Второй. А ушки?

Студент. Мой совет: как только что, с внутренними органами надо везти сюда и врубай сирену, полчаса срок. Потом уже для пересадки не берут. И вообще лучше не портить человека вашими свиноколами (*хлопает 2-го по кобуре*), не хренячить ценный человеческий материал, а как в Китае

поступают: осужденного сразу кладут на стол и изымают что надо в свежем виде и с готовыми анализами в эпикризе. Это же доллары! По долларам буквально ходим, товарищ!

Второй. По долларам? *(Суровеем, зорко оглядывается, подбирает живот.)*

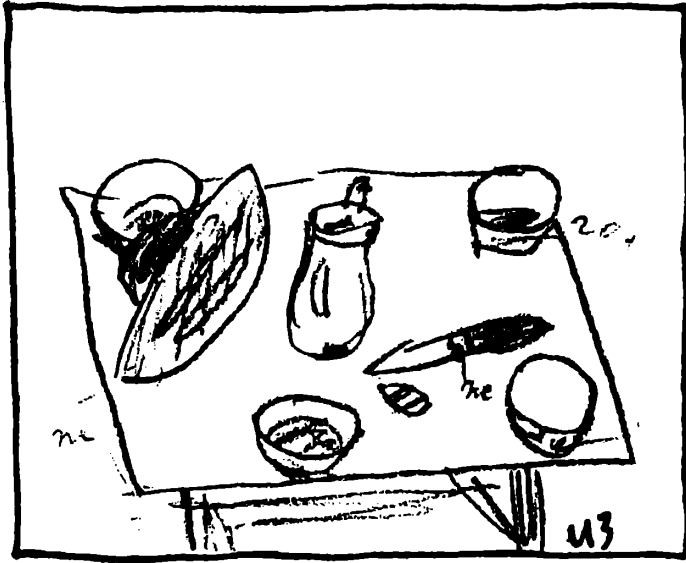
Студент *(достает из кармана кусок, откусывает)*. Вопрос свежести.

Второй *(так же)*. Свежести?

Студент. Я порыл. Пока. *(Уходит.)*

Второй. А нам куда теперь?

ПЕЧИ XX ВЕКА

ПЕСНИ XX ВЕКА

▪

ЧТО ДЕЛАТЬ !

▪

МУЖСКАЯ ЗОНА

▪

ОПЯТЬ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

▪

СЦЕНА

ОТРАВЛЕНИЯ МОЦАРТА

▪

АВЕ МАРИЯ, МАМОЧКА

■

ПЕСНИ XX ВЕКА

Комната. Молодой человек с магнитофоном. Говорит в микрофон.

Молодой человек. Але, але, але! Даю пробу, даю пробу!

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль, пуск! *(Пауза.)* Внимание, внимание! Внимание, внимание! *(Пауза.)* Проба пера, проба чернил! *(Пауза.)* Внимание, внимание! Жили-были дед и баба, ели кашу с молоком! Внимание! Дорогие пассажиры! Соблюдайте правила! Соблюдайте внимание! Катилася торба с высоко-го горба! Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Не жалею, не зову, не плачу, все прошло, как с белых яблонь дым... Дальше не помню, не помню. *(Пауза.)* Ты жива еще, моя старушка, жив и я, привет тебе, привет. *(Пауза.)* Благодарю за внимание. Наш полет выполняется. *(Пауза.)* Внимание, внимание! Всем, всем, всем! Работают все радиостанции земного шара. Говорит Москва. Московское время... московское время... где будильник-то. Сейчас, сейчас. Московское время говорит Москва. Передаем песни. Передаем все песни двадцатого века. Ты жива еще, моя старушка. *(Пауза.)* Все пройдет, как с белых яблонь дым... *(Пауза.)* Пленка тратится, тратится, кассета крутится, крутится, крутится. Одну минуточку. Через минуту слушайте передачу. Страна моя, Москва моя, ты самая любимая! Любимая, любимая, где ты, я вас не знаю. Еще что. Одну минуточку, одну маленькую минуточку, еще несколько маленьких-маленьких... тоненьких... Стоп! Где-то здесь кнопка остановки. *(Читает инструкцию, нажимает кнопку.)* Стоп!

Пауза.

Так. Обратная перемотка? Очень хорошо и даже здорово. *(Нажимает кнопку.)* Так. Все много проще. Позволяет перезаписывать. Переговаривать. То все сотрем. Так. Так! Пуск! *(Нажимает кнопку.)* Наш микрофон установлен. Вы слышите, что делается на трибунах. Тройка Якушева, тройка Харламова! Тройка. Го-о-ол! Я центральный нападающий, буду вести репортаж, играющий комментатор. Так... так... Пас левому полусреднему... Ай-яй-яй! Пас мне. Силовой прием атаки. Я играющий тренер. Ваш

комментарий. Мой комментарий — победа! Силовой прием. Как слышите, прием. Я Орел, я Орел. Вас слышу, прием. *(Пауза.)* Работает магнитофон марки «Вымпел», четыре скорости и тому подобное. Магнитофон куплен в удешевленных товарах. Раз-два-три. Але, але. Сейчас. *(Прокашливается.)* Выступает... заслуженный артист Ингушской ССР и деятель искусств... Александр Тэ! *(Хлопает, поет.)* Любовь, любовь, любовь, любовь! Я люблю вас, морда!

Встает, покачиваясь, поет.

Табу-дуби-даби-дуби-даби-дуби-дам-пам!

Изображает певца с гитарой.

Тач-тач-тач-тач-тач-тач-тач!

Стоп. Все сотрем. Пуск! Але, але! Фу, фу, фу! *(Дует в микрофон.)*

Фу, фу! Пуск! *(Нажимает кнопку.)*

Моя комната: потолок два шестьдесят пять или более того, потом что: пол, стенки, люстра, ковер, еще ковер в цветах, потом стеллаж, на стеллаже книги, все сплошь собрания сочинений... Кто: Островский, Гайдар, «Вечный зов»... кто еще. Пока не подписался на собрания сочинений, после подпишусь. Подпишусь, распишусь. Распишитесь, новобрачные. Я пишу, пишу, пишу, шестнадцать палок напишу, если вы не верите, возьмите да проверьте. Моя комната! Машина нимберлендского посла, к подъезду! Машина метозойского посла, к подъезду! А какая у меня, «Жигули» табачного цвета или «Мерседес», или «Форд», часы на руке японские, электроника, весь в дубленках, а моя комната. Машина ампирейского посла, к подъезду! На полу ковер, на стенах по ковру, потолок в коврах, лампа под ковром, на столе ковер... что еще... На стене картины, «Утро в сосновом лесу». Что еще. Айвазовский. Нет. К вам обращаюсь я, братья и сестры, я совсем один, у меня нету никого, ни того ни сего. Ни пятого ни десятого. Московское время... Где-то тут были мои золотые... Где будильник-то... Нет. Передам звуковое письмо Александру Тэ.

Прав ли Александр Тэ, если он выпил вчера шесть бутылок кефира, которые полагались за вредное производство всей группе товарищей, но никто не хотел, а он взял и надулся? Вы правы, Александр, хоть вас и прозвали за такие дела Кефиром. Меня зовут Кефир, а проще Кефа. Если бы вы знали, как я живу тут один! Если бы вы знали мой трудовой путь!

Но мы вас вызываем на бюро. Я член профкома. Мы все спрашиваем его. Имя, отчество, фамилия. Фио. Фио! И строго спросим. Шесть бутылок кефира на дороге не валяются.

Нет, не то.

А что: я блондин высокого роста, я познакомился с Мариной на танцах в поселке Сходня, в дом отдыха, что же делать. Она работает на птицефабрике Братцево, она работает оператором кормораздатчика, а проще говоря, в курятнике. Японский зонтик взяла на танцы, танцует с зонтиком, если домой пилить, а пойдет дождик.

Марина, Марина, Марина! Парам-парарам-парарам. Марина, как мне выразить те слова! Поцелуйтесь, новобрачные! Обнимитесь, новобрачные! Марш! Марш Менделсона! Марш, марш вперед! Кольца пальцы. Пальцы в пальцы пойдём по жизни шагая. И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда, никогда и никогда.

Вот, простите, зарекомендовал себя как очень дельный товарищ, он у нас теперь будет трудиться в должности старшего помощника подметайлы. Будьте добры, проводите товарища в отдельный кабинетик. Дорогу жениху! Дорогу жениху брату!

Нет, моя комната. На полу ковер, арабская спальня, стеллажи, стеллажи, цветной телик. Изображение дается в цветном изображении.

Но, Марина, простите меня, считайте меня подонком, а четыре километра провожать да четыре обратно — это заблудишься. Так и не вышло больше ничего, она не пришла на танцы. Больше никогда не пришла. Сколько я ни ходил, она не приходила. Как мне передать те осенние вечера, танцплощадку заперли, а я ходил совсем один взад-вперед по шоссейке, а ветер приносил запах

курятника. Марина! Я вас не любил! Я с вами танцевал однажды. Однажды я танцевал дважды.

Хозяйка-бабушка мне говорила, ты здесь снимаешь, не води к себе, не води, сам ходи туда, а к себе не води. Сам пойдешь, погляди, где, что, как, как они живут, что да что, как полы помыты, какие привычки. Бабушка, есть ли на свете любовь? Есть ли на свете настоящая любовь? Она отвечает: «Не люблю я ни женский пол, ни мужской, ни кошачий таких людей кобелей». Сколько лет прожила, семьдесят пять лет прожила, а никогда не любила, оказывается. Это ее любили, оказывается. Она говорит, а что с тебя взять, тебе семнадцать лет, сам опомнишься. Главное, гляди, как полы у ней. Бабушка, какие полы, когда даже неизвестно, где она живет, а на фабрику только по пропускам, ходят тут всякие, еще кур выносят. Только по пропускам. Марина, как ваше фио? Марина фио. Или даже одна фамилия. Мне дали хорошую комнату в отдаленном районе, шестнадцать метров, пол и потолок. Бабушка, вот моя невеста, как ее зовут и откуда привезут. Я учусь на последнем курсе в техникуме, да, уже, будете знать. Диплом с отличием. И невеста. Марина Тэ. Мы поедем на «Чайке». Все, о чем мечталось, сбылось. Все, о чем сбылось, мечталось.

Нет. Сначала начинаю. Жизнь начинается сначала. Сегодня такое-то число, новая жизнь.

Каждый понедельник он начинает новую жизнь. О, как напряженно работают люди завода! О, как напряженно, как напряженно! Работа в цеху так и кипит, так и кипит. Передаем репортаж из цеха завода КТМЗ. Вам слово, инженер Тэ! Кхм. Кхм. Мы дали слово, мы его выполним и перевыполним. Вот как вкратце и должно быть всегда, а не голые слова. Голые факты, а не голые слова. Спасибо, и на этом заканчиваем телевизионную передачу о лучших людях города.

Еще раз спасибо, завтра снова приедем вас снимать, он этого достоин. В семнадцати сериях. Он достоин, милый воин, наш отец родной.

Стоп!

Задумывается.

Пуск! Дождь лил как из ведра. Молодой человек прекрасной наружности вышел из магазина, прижимая под мышкой только что купленный в уцененном отделе магнитофон марки «Вымпел», который уже никто не выпускает. Молодой человек нес магнитофон, когда мокрые лужи становились... отражали небеса... и небеса отражались в прекрасных... чарующих. Как это сказать. Как сказать вам, москвичи, на прощанье... что передать вам... на ваше мечтанье... Однажды вечером, вечером, вечером... Нет, стоп.

Нажимает кнопку, думает.

Пуск! *(Нажимает кнопку.)* Дождь шел и шел, и то хоть бы шел, а то лил как из ведра. А молодой человек тем временем торопился домой, где его ждала целая группа товарищей, собравшихся поприветствовать. Мы решили тебе дать прозвище Санек. А то Кефа да Кефа. Наш Санек, мы его всегда ждем. Шурик. Он наш Шурик. Так даже лучше. Стоп!

Нажимает кнопку, думает.

Пуск! *(Нажимает кнопку.)* Молодая девушка с большими глазами шла... *(Думает.)* Стоп.

Нажимает кнопку, думает.

Пуск! *(Нажимает кнопку.)* Я сижу в своей комнате, окно выходит на запад, в данный момент на западе тучи. Ветер порывистый, слабый до умеренного. То умеренный, то слабый. То сильный. О, сильный до умеренного. Сильный! *(Пауза.)* Слабый. Слабый, слабый. Слабый. *(Пауза.)* Еще слабее и ослабел. *(Пауза.)* Не слышно. Не слышны в саду даже шорохи. В комнате не горит лампочка, бабушка не разрешает, пока окно еще светлое, хотя окно не особенно светлое, уже темнеет. И все это из-за плохой погоды. О, как грустно сейчас и как хочется плакать, не рыдайте вы так надо мной, журавли. О, как тяжело на сердце! Сердце, тебе не хочется покоя, сердце, как хорошо на свете жить! Стоп, хотя ладно, не буду перезаписывать, это проба, потом сотру. Проба сил. Проба чернил. Даю пробу. Комната шестнадцать метров в квад-

рате. Не сказать, как я страдаю! Эти вечера у меня на сердце. Девушка! Можно вас на танец! А был дождь, танцы-то кончились. Девушка, я вас не знаю. Она шла. Почему я вас не знаю? А мне какое дело. Такая гордая. Мне какое дело. Но почему я вас не знаю? А она шла вся мокрая от дождя. Вся рыдала. Хотелось сказать ей просто и нежно так: девушка! Пошли ко мне домой, только я у старушки комнату снимаю, вернее, веранду, пока мне не дали общежитие. И она не раз предупредила, что выставит на крыльцо мои вещи, если я буду водить всякую шпану. Но я водил, вожу и буду водить еще много раз! Я еще живой, господа! Не передушили!

Моя комната шестнадцать метров, пол синий, стеклянный, с подсветкой. Тахта широкая. Девушка, попрошу вас следовать за мной. У меня своя квартира, у меня магнитофон, только он без музыки. Что без музыки делать? Чем развлекаться? Но она не пошла бы ко мне, это я точно знаю. Закривлялась бы. Мне какое дело. Что я буду делать у вас без музыки? А что все делают, чай будем пить. Я у бабушки снимаю с ее кипятком и чайником. У меня же своя комната в высотном доме! В моей двухкомнатной квартире стоят: тахта, диван, два кресла... Цветное телевидение. Книги. И вот магнитофон. Чем ее завлечь, я бы не знал. Чай я пить вообще-то не приглашаю, у меня не с чем. С таким. Две стипендии угрохал на магнитофон. Как теперь жить — не понимаю. На одном кефире. Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви. У меня стоит койка железная, столик для учебы, бабушка дала, тумбочка, вешалка на три крючка. Чем же ее развлечь, куда посадить, я просто не знал. Мебелью не развлечешься. Одна рухлядь, смотреть не на что. Еще гардероб, но он запертый, там все хозяйкино заперто. Пригнитесь ниже, а то еще вас бабушка заметит. Она все по участку ходит, смотрит в окно, ей все интересно. Потом, когда я запишу на свой магнитофон различные записи, у ребят возьму, я составлю коллекцию, к примеру: редко звучащие записи. Или еще коллекцию песен двадцатого века. Ко мне начнут ходить, все тут бабушке истопчут на участке. Здесь живет извест-

ный коллекционер Александр Тэ? Да, здесь, куда ему деваться! Мы будем сверять записи, будем меняться. Как полагается. Каждый вечер я буду слушать музыку. Вы смотрели телепередачу «Песни двадцатого века», автор и исполнитель вон он. Скромно сидит у микрофона, глаза светятся огнем. Массу писем мы получили за вчерашний день. Весь мой багажник усыпан письмами. Я отвечу всем сразу на все: большое, просто огромное спасибо. От сердца к сердцу примите поклон. Он и исполняет на гитаре. А как он поет, слышали бы вы! Ля-ля-ля-ля-ля, вот и песня вся. Всегда подтянутый. Мне еще нужно купить гитару, тоже надо будет поднажать. И хороший проигрыватель. Я буду переписывать пластинки. Все песни двадцатого века вот тут у меня, в тумбочке слева. Ко мне придут ребята. Я каждую девушку смогу пригласить.

Ну и что, что я выпил шесть бутылок кефира? Письмо в редакцию. Дорогая редакция, прав ли Александр Тэ, если он выпил весь кефир группы АМТ-1 первого курса, предназначенный за вредность, если никто не стал пить? Прав ли Александр, и он прав, чем уборщица этот кефир обратно в буфет отнесет и будет им ноги мыть. Прав, прав Александр, тогда за что же товарищи стали обзывать его Кефиром? Шесть бутылок кефира — это почти что рубль в пересчете, а это опять-таки два дня жизни.

Верно, верно вы шагаете по жизни, Александр, мы передаем вашу любимую песню «На заре туманной юности всей душой любил я милую». Мелодия исполняется на балалайке. А теперь, дорогие товарищи, он и есть у нас постоянный ведущий. Он просто нарасхват. Его туда, его сюда, всюду гремит его родной голос.

Вот перед вами студенческое общежитие, мы входим сюда широкой тропой, ведущей вдоль аллеи парка. Девушка — организатор, такая бойкая, на вид гроза, она придет приглашать меня выступить, и я ее утихомирю. Да, дела потом, но вы вслушайтесь в мелодии старых песен... Так что глаза заблестят только. При звуках танго. Разрешите пригласить, мы одни в этом зале пустом. Я положу ей руку на плечо, как родной отец, и поцелую,

как родной. Так. Дальше больше. Она ко мне будет приезжать и оставаться на ночь, отсюда до электрички далеко, ногу сломишь. Такое проклятое место. Она переедет ко мне, бабушка в ответ ни слова, что живет не знамо кто. Потом ее будет тошнить, это верный признак приближения ребенка. Приедет родня. На свадьбу подарят машину, квартиру, у нее отец полковник. Моего ничего не останется в доме, ребенок вырастет и будет лазить по пластинкам, будет считать, что это все его. Не захочет меня слушаться. Это первое. Второе. Прошу не греметь во время записи и не двигаться, особенно когда будут приезжать с телевидения. Как это сделать, не привязывать же их, чтобы не гремели? И как сделать так, чтобы не лазили в пластинки? Нет, так жить невозможно. Так жить нельзя! Я больше не могу записывать!

Стоп!

В волнении выключает магнитофон и расхаживает по комнате. Включает магнитофон.

Пуск! Сколько раз я тебя просил вытирать полки не такой мокрой тряпкой! Как непонятно! Можно так жить? Когда просишь, просишь и не допросишься! На меня капля упала сверху! А от сырости все покоребится, покорежится, завьется, бороздки пойдут не туда. Понимаешь? Понимаешь, нет? Же-на! Же-на! Же-на-а! Я спрашиваю тебя, моя родная, дорогая, милая, мягкая, теплая! Что на меня капли падают? Здесь дождь? Нет, здесь она тряпичей прошлась, не выжала даже, она здесь устроила дождь с капелью! Теперь все перетирать надо будет, когда туман сойдет.

Пауза.

Жена! Ты слышишь меня? Же-на-а!
Где ты? Где твоя сухая тряпка? Где тебя найти? Я прошу обтереть все пластинки до единой, весь двадцатый век. Же-на-а! Ни шороха! Же-на-а! (*Шепотом.*) А жена! Что молчишь?

Пауза.

Стоп!

Выключает магнитофон. Снова включает.

Стояла хорошая погода, погода, дождь лил как из ведра. Девушка, почему я вас здесь никогда не видел раньше? А? У меня нет никого. Разрешите вашу руку. Что у вас пальцы холодные? О, эти звуки. Жена!
На этом кончается наша передача, до новых встреч в эфире. Наш адрес: Шаболовка, далее везде. На конверте укажите что хотите, как можно подробней.

Конец

▪
ЧТО ДЕЛАТЬ!

▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

ДЕВУШКА.
МУЖЧИНА.
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.
ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА.

Сидит Девушка. Входит Мужчина, вводит обеих Женщин.

Мужчина. Сейчас организуем. Вы садитесь. Я принесу рюмки.

Первая *(весело)*. Мне можно стакан.

Мужчина. Где-то были апельсины.

Первая. Да мы на минуточку.

Вторая. Не беспокойтесь.

Садятся. Мужчина уходит. Женщины разглядывают помещение.

Первая *(второй)*. Смотри, смотри.

Вторая *(встает, смотрит, отходит, возвращается)*. И вон.

Первая *(тоже отходит, смотрит, возвращается)*. Здорово.

Сидят, разглядывают помещение.

Здорово, но непонятно.

Вторая *(причесываясь)*. Зеркало есть?

Первая. В пудренице. *(Достаёт пудреницу.)*

Вторая женщина смотрится.

Вторая. Роба блестит. *(Пудрится.)*

Первая. У тебя хорошая кожа, жирная.

Вторая. Прям.

Первая. Жирная кожа не стареет.

Вторая. Прям. *(Красит губы.)*

Первая. А у меня сухая.

Вторая. Ноги промокли.

Первая. Погода ужасная. Мама хорошо что починила мне сапоги.

Вторая. А я ношу сорок дней, и уже.

Первая. Надо сказать маме, она скажет, у нее есть сапожник.

Вторая. Хоть плачь.

Девушка беспокойно смотрит в ту сторону, куда ушел Мужчина.

Первая. Гарантия-то есть на сапоги?

Вторая. Я с рук покупала, ты что?

Первая. Теперь все, теперь к сапожнику.

Вторая. Я в работке у бабы купила.

Первая. Ты ей верни.

Вторая. Прям. *(Рассматривает ногу в сапоге.)*

Первая *(ахнув)*. Это те-то?

Вторая. Те самые.

Первая. Ну все.
Вторая. Все.
Девушка. А почему брали?

Женщины переглядываются.

Вторая. Это мальгасийские. Три тысячи.

Девушка. С вас много взяли.

Вторая. Много не много...

Девушка. У нас такие за пятнадцать приносили.

Первая. А где вы вкалываете?

Девушка. В МГТБКС.

Первая. К вам не такие приносили. Эти на водяной подушке.

Девушка (*ахнув*). На водяной?

Женщины молчат.

На водяной промокают?

Вторая (*рассматривая ногу*). Нет, это нога вспотела.

Девушка. Вы не покажете?

Вторая. Пожалуйста. (*Протягивает ногу.*)

Первая. У них из-за них была прямо драка.

Девушка. Это не натуральная подушка.

Вторая. Натуральные стоят три тысячи пятьсот.

Первая. По виду не отличишь. У них в работке все с ума походили, трое до сих пор с ней не разговаривают.

Вторая. Я первая мерила и не стала их снимать. В них ходила деньги занимала. Они с меня сдирать хотели.

Девушка. Плохо, что промокают.

Первая. Я говорила: в сырую погоду обувь портится.

Вторая. Я и так в работку в старых хожу, приду, переобуваюсь.

Девушка. И сюда бы так.

Женщины молчат.

Я всегда в тапочки у него переобуваюсь. Приду неважно в чем, переобуюсь. И все.

Первая. Он ваш знакомый?

Девушка. Миша?

Первая. Его Миша зовут?

Девушка. Кто Миша, кто Паша.

Первая. Ясно.

Девушка. Кто просто Гусон.

Первая. Гусон?

Вторая. Точно. Это нога вспотела. Это не кожа, а кожзаменитель.

Первая. А нам сказали — Петр.

Девушка. Петр?

Первая. Петр... Генрихович, что ли... Германович...

Вторая. Густавович.

Девушка. Нет, это не он. Точно не он.

Первая. Моя мама была с ним вместе на одном банкете у Надежды Ивановны. Она нам записала.

Девушка. Надежда Ивановна? Кто такая?

Вторая. Остается только продать, у кого нога не мокнет.

У меня в кожзаменителе мокнет. Не выношу.

Девушка. Это какой размер?

Вторая. Тридцать девять.

Первая. Продашь. Спокойно продашь.

Девушка. Когда он ходил на банкет?

Первая. Даже за три тысячи пятьсот.

Девушка. У него все вечера были заняты. Я точно знаю.

Вторая. За три пятьсот! За четыре не хочешь?

Первая. Я узнаю у себя.

Девушка. Когда это он ходил на банкет?

Первая. Ай, женщина, я помню... Во вторник.

Девушка. Во вторник не может быть. Это не он.

Первая. Мама записала адрес, фамилию. Он пригласил, вернее, Надежда Ивановна пригласила к нему.

Девушка. Пашка? Во вторник?

Вторая. Хотя да... *(Задумывается.)*

Первая. Вы знаете, у кого вы находитесь?

Девушка. Я-то хорошо знаю.

Первая. Ну вот. А то: Пашка, Мишка, Ванька...

Замолкают.

Вторая *(Первой женщине)*. Нет. Не получается.

Первая. Он с моей мамой познакомился на банкете у Надежды.

Вторая *(Первой женщине)*. Ладно, пока не надо.

Первая *(Девушке)*. Вы хоть знаете, к кому попали? По паспорту он кто?

Девушка. Знаю, не беспокойтесь.

Первая. Он сказал, что у него жена и дети: мальчик шести лет и девочка двенадцати. Девочку он не видел полтора года. Но хорошая девочка.

Девушка. Девочка Даша.

Первая. Ну вот, а вы говорите. Мальчик Глеб.

Девушка. Я знаю.

Первая. Но не ваш. Он ваш муж?

Девушка. Это не важно.

Вторая. Слушай, ладно, ты скажи у себя в работке... Так осторожно, так и так, привезли сапоги... Поняла? Через границу новые не пропускают, там их специально носили. Носильные вещи. Ясно? Мне их тоже так продали, под этим видом.

Первая. Моей маме семьдесят лет. Она, как только Начались сложности с кефиром, купила корову и ушла в деревню, и мы все выросли.

Девушка. Не может быть, он спит!

Все замерли.

Первая (*Второй женщине*). Пошли посмотрим.

Вторая. Неудобно.

Первая. Приглашал ведь.

Девушка. Он безвольный, он всех приглашает.

Первая. А вы тоже как сюда попали?

Девушка. Это не важно. Слышите, он храпит?

Все прислушиваются.

Или он ушел? Он мне просто надоел. Возьмет и уйдет.

Он необязательный человек.

Первая. Ну ладно, давай посмотрим.

Вторая. Смотреть не на что.

Первая. Думаешь?

Вторая. Конечно. Это же диптих? Вы не в курсе, женщина?

Девушка. Триптих.

Вторая. А где третья стела?

Девушка. Увезли в мастерские.

Вторая. Судя по атрибутике, это две музы — дестра и синистра... Ну... Проработка неполная, классические пропорции вне поля зрения... И не в стиле, а так просто, перформато. Одна нога короче. Головы... головки — просто кафе молодежное. Я не знаю, я бы лично... Рисунок перформато.

Первая. А мне кажется, это оттого, что мы не видели третью стелу. Нельзя судить разобщенно. Третья вещь может воссоздать целое. Нога короче, потому что она поднята на зрителя. Головки новые. Мне кажется, это будет смотреться издали очень хорошо. Он говорил мне, что подход — тридцать метров на поезде.

Вторая. Не знаю, не знаю...

Входит Мужчина.

Мужчина. Ну, познакомились? Что я хотел? А? Я за чем-то ходил...

Первая (*весело*). За стаканами.

Мужчина. Все забыл.

Первая. Давайте я схожу. Где они?

Мужчина. Там, за занавеской.

Первая уходит.

Мне так понравилась ваша матушка!

Вторая. Это не моя, это ее.

Девушка. Где ты был?

Мужчина. У Волкова.

Девушка. Пошли к Волкову!

Мужчина. Я обещал показать им кое-что. Мама их просила.

Первая (*возвращаясь*). В ту дверь кто-то сильно стучит.

Мужчина. Ах ты! А ну, пошел! А ну!

Выбегает.

Девушка. Опять убежал! Куда ты убежал? Ничего не понимаю!

Первая. Ну вот. (*Садится.*) Я там пока посмотрела. Иди * загляни.

Вторая. Не могу, надо снять сапоги. Вся продрогла.

Первая. Где-нибудь вытереть?

Вторая. Вот это да, подошва снаружи не оставляет следов, а внутри все мокрое.

Первая. Нога вспотела.

Вторая. У меня нога сухая, но это же мальгасийские. У них там нет таких температур. Вода разморозилась.

Первая. Сними, сними.

Вторая. Нет, не могу.

Первая. Спать в них будешь?

Вторая. Я седьмую ночь в них. Вода выручает, иначе я бы не выдержала, вода мне по ноге. Вчера ночь стояла на вокзале, и ничего.

Девушка. Воду менять надо?

Первая. Обрати внимание.

Вторая. То, что Надежда обещала?

Первая. Как будто. (*Отходят в сторону.*)

Девушка. Альберт всегда такой, наведет гостей полный дом, а сам уходит. Неприлично.

Сильный грохот.

Да-да, войдите. *(Выходит.)*
Первая. Вот так вот и ломились.
Вторая. Кто-то как мы. Ничего, площадь большая.
Первая. Спать, спать и спать.
Вторая. Холодно.
Первая. Не это важно.
Девушка *(входя)*. Никого нет.
Вторая. У нас так девочка в подъезде баловалась. Нажимала на звонки.
Грохот.
Первая. Ай, да войдите!
Пауза. Грохот.
Девушка. Да там заперто. *(Уходит.)*
Вторая. Ну вот, а потом ходили к ее матери, мать обещалась ее наказать.
Первая. У нас одна так наказала дочь, а потом повесилась.
Вторая. Правильно.
Девушка *(входит)*. Альберт очень забывает. Прошлый раз он оставил меня одну в лифте, а кнопку не нажал. Кнопка его личная. Я висела три часа. Он за это подарил мне фломастер для лица.
Первая. Прогладила ее утюгом. У нее презерватив из фартука выпал.
Вторая. Правильно.
Первая. Она умерла, но не сказала.
Вторая. Правильно.
Девушка. Один раз он забыл меня за шкафом. Хорошо, у меня был с собой хлеб. После того случая в лифте я всегда ношу с собой бутербродики. У него совершенно нечего есть. У Альберта.
Вторая. Альберт? Здесь нет решительно никакого Альберта.
Девушка. Я его так называю.
Вторая. Его зовут Борг.
Девушка. Альберт — это его полное имя.
Первая. Надежда Ивановна говорила как-то по-другому. Шалим... Малиш... Машель... Шамель...
Девушка. Альберт Михайлович.
Вторая. Теперь ноги отошли и горят. Хочется есть.
Девушка. Он никогда ничего не дает гостям. Ничего! Я ношу бутербродики. *(Ест.)*

Вторая . Все для творчества, ничего для человека. Человек все равно должен исчезнуть. Будут стоять его стелы.

Девушка . Никогда ни крошки. А их много к нему шляется.

Неизвестно откуда взявшись.

Вторая . Какой на улице холод! Ноги горят.

Входит Мужчина .

Мужчина . Срочно нужно две буханки хлеба.

Девушка (*жуж*). Альберт, ты что, откуда? Где ты?

Вторая . Скажите, Борг, вы всегда так долго работаете?

Мужчина . Нет, частенько я работаю быстро. Иногда оформляю буквально за двадцать минут. Например, пятый квартет. Хлеба нет? (*Уходит.*)

Девушка . Откуда я ему возьму хлеба, у меня у самой только бутербродики.

Сильный грохот.

Первая . Уйдем?

Вторая . Нет, мы увидели только крошечную долю.

Девушка . Не дают спокойно жить. Где Альберт? Это стучит * его теща.

Грохот. Появляется совершенно обессиленный Мужчина . Садится.

Девушка (*глядит его по голове*). Ты гений! Ты выше всех живущих!

Первая . А зачем же и мы пришли?

Вторая . Мы-то знаем!

Первая . Равного вам и не было. Так сказала Надежда Ивановна.

Мужчина . Кто это — Надежда Ивановна?

Первая . Из отдела распространения. Вы у ней были на банкете.

Мужчина . Вы ее знакомые?

Первая . Моя мама ее подруга детства.

Мужчина (*обращаясь ко Второй*). У вас замечательная мама. Почему она не пришла?

Первая . Это моя мама.

Мужчина (*обращаясь ко Второй*). Я ищу жену по теще теперь. Мне важно видеть сначала, кто и как... Из дочерей хороших матерей я и буду выбирать.

Девушка . Пошли к Волкову, а?

Мужчина . Мне понравилась вот ее матушка.

Первая. Это моя, моя.

Вторая. Ваши стелы как будут стоять?

Мужчина. Одна полубоком, та, которую увезли. Уйдет в землю, как уже заброшенный памятник.

Первая. А вы разве не женаты?

Мужчина. Сейчас?

Первая *(весело)*. Именно.

Мужчина. Женат и очень раскаиваюсь.

Девушка. Миш, пошли к Волкову.

Мужчина. Он сейчас очень занят, он поит коня.

Первая *(весело)*. Это не страшно, что вы женаты.

Мужчина. Мне моего тоже надо кормить. Или выгнать?

Первая. Моя мама умеет ходить за скотом.

Мужчина. Да, я это понял. Русская женщина.

Вторая. То, что вы женаты, нам все равно, мы не жениться сюда пришли.

Мужчина. Слушайте, я, кажется, буду вас лепить!

Вторая. Пошли.

Уходят.

Девушка. Я пойду к Волкову.

Слышен грохот. Мужчина и Вторая женщина возвращаются.

Мужчина. Послушайте... Вот что. Знаете... Или ладно. Надежда Ивановна... она...

Первая *(весело)*. Что?

Мужчина. Она зачем мне распределила коня?

Слышен грохот.

Он бьет копытами.

Вторая. Ну и ничего.

Мужчина. Его ведь надо кормить! Овсом!

Вторая *(весело)*. Можно помоями.

Мужчина. У меня мало помоев.

Первая. Я вообще дома не ночую.

Мужчина. Магазины-то закрыты! Я спойл ему три бутылки коньяку. Он вообще стал стучать ногами!

Девушка. Альберт, он заснет. Все мы заснем.

Первая. А у нее вообще свинья сидит в ванной.

Вторая. Да, запах жуткий. Слышите, пахнет? *(Нюхает руки.)*

Первая. У нее психоз.

Девушка. А у меня баран в прихожей.

Вторая . С барана можно снять шерсть.

Девушка . Уже кто-то снял, нам его так дали. Побритого. Он мерзнет, мы его накрыли половиками. Ест даже газеты.

Альберт, ты мне обещал дать газеты.

Мужчина . Очень может быть.

Слышен грохот.

Первая *(весело)*. А у меня живет корова.

Вторая . А у меня свинья. *(Нюхает себя.)*

Девушка . Нет, у меня баран. Маленький такой, весь высох, рога спилены, все время дрожит. Мама говорит: с твоего Альберта как с козла молока, возьми хоть у него газет.

Вторая . А я дома не живу. *(Нюхает пальцы.)*

Слышен грохот. Мужчина выбегает.

Первая . И напрасно ты так надушилась. Я корову не боюсь, но она так воет! Ей нужен теленок, что ли. Бодается. *(Чешет бок.)*

Мужчина *(входит забинтованный)*. Газеты он не ест. И пришла мать моей нынешней жены. Просит всех вас удалиться, они сюда переезжают.

Вторая . А мы же еще ничего не осмотрели!

Первая . Да! Гений! Мы сами все осмотрим, вы о нас не беспокойтесь! *(Ложится и засыпает.)*

Вторая . Надежда Ивановна нам сказала, что советует к вам обратиться, что у вас большая мастерская и можно переночевать.

Мужчина . Да! И за это она распространила мне коня, а моей семье северного оленя и упряжку лаек.

Вторая . Надо помогать сельскому хозяйству! Нет кормов! Что делать!?! *(Ложится, засыпает.)*

Мужчина . Ну и что, что я не живу с семьей? Что делать! За это им лаек? Дополнительно?

Девушка . Что делать!..

▪
МУЖСКАЯ
ЗОНА

Кабаре

▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

НАДСМОТРЩИК.
ЛЕНИН.
ГИТЛЕР.
БЕТХОВЕН.
ЭЙНШТЕЙН.

Действие происходит в античном театре.

Надсмотрщик (*сидит за столиком как режиссер*). Так. Как всем нам тут уже известно, пьесы Шекспира написала одна графиня, кличка «Голубка». Ну и Бог с ней. Играем наш мужской вариант. Начинаем. Где у меня Ромео, где Джульетта.

Гитлер. Я... Джульетта.

Надсмотрщик. Был же Бетховен.

Гитлер. Он же не слышит ни кляпа. Глухой.

Надсмотрщик. Бетховен!

Ленин толкает Бетховена.

Бетховен. Я! (*вдевает слуховой аппарат*).

Надсмотрщик. Ты Джульетта.

Бетховен. Я лес. Нет, я луна.

Надсмотрщик. А кто Гитлера назначил?

Гитлер. Вы сами вчера.

Надсмотрщик (*читает список*). Ничего подобного.

Ленин. Было, было.

Надсмотрщик. Я пока не с ума соскочил. Гитлер не может
★ быть Джульеттой.

Гитлер (*складывая ручки, женским голосом*). Могу! Ромео!
Пооди суда!

Надсмотрщик. Ромео... Ромео у нас Эйнштейн. А ты, Гитлер... Ты будешь у нас кормилицей. Так. Джульетта Бетховен.

Так. Репетируем с цифры пять, Джульетта с кормилицей.

Бетховен (*беспокойно*). Что он сказал?

Ленин. Джульетта с кормилицей.

Бетховен. А роль?

Ленин. А ты не выучил?

Бетховен. Ась?

Ленин. Глухой, что ли? Как глухой оборотень сидит.

Надсмотрщик. С пятой цифры.

Бетховен. А.

Гитлер. Что-то я, Джульетта, беспокоюсь.

Бетховен. А что.

Гитлер. Мне не нравится твое состояние.

Бетховен. А что.

Гитлер. Я сдаю в стирку твои простыни...

Бетховен. И что.

Гитлер. И уже два месяца они чистые.

Бетховен. Ну и что.

Гитлер. Я не поверю ни за что, что ты стала такая аккуратная девица.

Бетховен *(беспокойно)*. И что дальше?

Гитлер. Раньше одну неделю в месяц я меняла тебе простыни каждый день.

Бетховен. А в чем дело?

Гитлер. Я знаю тебя, ты сильная по своей натуре, у тебя приходят обильные месячные, ты вся заливаешься по ночам...

Бетховен. И что теперь?

Гитлер. А теперь уже два месяца все чисто.

Бетховен. И что из этого?

Гитлер. Надо выйти замуж как можно скорее, сегодня или завтра.

Бетховен. Зачем?

Гитлер. Семимесячные, видишь ли, рождаются крепкие, но уже шестимесячные... шестимесячные выживают плохо, это может вызвать ажиотаж, если шестимесячный родится четыре кило весом. Надо выйти замуж сегодня.

Бетховен *(искренне)*. Почему это?

Гитлер. Тогда хотя бы твой ребенок родится через семь месяцев.

Бетховен. Кто сказал?

Гитлер. Господи, она совершенно невинна! Ничего не понимает, что с ней.

Бетховен *(угрюмо)*. Что бормочет, не знает. *(Трясет слуховой аппарат.)* Алё.

Гитлер. Так. Сегодня бал, сегодня приведешь прямо сюда отца этого ребенка.

Бетховен. Я слушаю, алё. Я не могу отца ребенка привести сюда, алё.

Гитлер. Могла с ним переспать, теперь выйди за него.

Бетховен. Нет.

Гитлер. Ну не упрямясья.

Бетховен. Я не могу, алё.

Гитлер. Ну почему?

Бетховен. Нас никто не обвенчает.

Гитлер. Я договорюсь с братом Лоренцо, по-моему, я с ним спала.

Бетховен. Нет! Нет, алё.

Гитлер. А в чем дело, алё?

Бетховен. Так. *(Смотрит в сторону, бьет носком об пол. Стесняется.)*

Гитлер. А кто он? Кто отец?

Бетховен. А?
Гитлер. Алё!
Бетховен. Отца не выдам, алё.
Гитлер. Повторите, плохо слышно. Перезвоните.
Бетховен. Как слышите, прием. Я Ромашка!
Гитлер. Ромашка, вас слышу хорошо. Диктую по буквам,
к-т-о о-т-е-ц! Ольга Тимур Еремей Цецилия кто?
Бетховен. Отец?
Гитлер. Константин Тимур Огульберды! Кто!
Бетховен. В. И. Ленин. Вася Ира Ленин.
Ленин. Нет.
Гитлер. Так... Я же с тебя глаз не спускала с тех пор, как ты
начала путаться с братом... Это что, от него?
Ленин. Если он про вчерашнее, то я просто потрепал его по
руке.
Гитлер. Это будет у тебя племянник от брата?
Бетховен. Нет. *(Пинает носком пол. Стесняется.)*
Гитлер. А кто?
Бетховен. Я ничего и никогда тебе про отца не скажу.
Запомни. Ничего про отца, про папу ни слова.
Гитлер *(ахаем)*. Ах он сволочь! Мало что он спит со своими
сыновьями, теперь и на дочь перешел! Так... Ничего себе:
ты родишь от отца, тебе это будет брат, а ему внук, и сам
себе этот ребенок будет дядя! Сам себе дядя.
Ленин. Но не от меня дядя.
Надсмотрщик *(просыпаясь)*. Пятая цифра!
Бетховен. Оставь меня, кормилица, ты дура.
Гитлер. Меня несчастной сделал, а жену // толкает вообще
на пакости какие... // Ах мы пропащие, але, а вообще //
какой хороший человек твой папа, // когда он вне семьи
или, але, // когда он спит зубами к стенке.
Бетховен. Я папку люблю.
Гитлер *(горячо)*. Его все любят, окромя Монтеки. // Слушай,
а за кого тебе выйти-то? Все кругом ходят обрученные
с семи лет! А твой жених такая гадость!
Бетховен. Фу. Потный, жирный, от него пахнет рыбой.
Засыпает сразу, и храпеть, храпеть!
Гитлер. А я и не подумала. Придется тебе за него выходить.
Он у тебя часто бывает?
Бетховен. Каждый день как на дежурство. Но я его не хочу.
Гитлер. Уж придется. Может быть, это его ребенок.
Бетховен. Нет, я что, дуручка! Я ему не разрешаю. Обходится
сам. Про-тивный!..

Гитлер. Ну мало ли... Припишешь... Он не понимает, небось.
Бетховен. Я его больше не хочу, слышишь? Найди мне кого-нибудь.

Гитлер. Ну все, вот звуки музыки, начинается бал. Переоденься во все белое, я тебе сейчас кого-нибудь приведу.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Так. Где у нас луна? Ленин, ты луна?

Ленин. Я луна. (*Сворачивает рот на сторону.*)

Надсмотрщик (*зевая*). Кто у нас Ромео? Эйнштейн!

Эйнштейн. Я. (*Вытаскивает скрипку.*)

Надсмотрщик. А вот этого не надо. Ты что, начнешь играть на скрипке, вас с Джульеттой сразу застукают. Танцуй пока на балу с кормилицей. Гитлер! Танцуешь с Эйнштейном. Ромео танцует с кормилицей. Джульетта вся в белом!

Гитлер и Кормилица танцуют, Бетховен тем временем передевается во все белое, т. е. остается в кальсонах и майке. Эйнштейн с Гитлером танцуют «Кумпарситу» с резкими поворотами головы. Гитлер прячет скрипку за кулисами.

Гитлер (*прижимая Эйнштейна*). Такой молоденький! Первоходка, небось?

Эйнштейн (*хрипло*). Ты ошибаешься, тетка! Мне далеко уже не четырнадцать!

Гитлер. Пойдем ко мне?

Эйнштейн. А если меня с тобой увидят?

Гитлер. Ну и увидят, алё. А я тебя зато познакомлю с Джульеттой.

Идут к Бетховену.

Бетховен. Ох! (*Стоит в подтанниках, дрожа.*)

Гитлер. Джульетта, ты так хотела познакомиться с Ромео!

Бетховен. Ох.

Эйнштейн. Это... Джульетта?

Гитлер. А кто же еще?

Эйнштейн. Я ее себе представлял не такой.

Гитлер. Что, оказалась много лучше?

Эйнштейн. Ой, я скрипку позабыл. Щас вернусь. (*Поворачивается уходить.*)

Гитлер. Ты, еврейская морда! Стой здесь. Скрипка вам двоим ни к чему сейчас.

Эйнштейн. Я больше ни секунды здесь не останусь, меня давно звали в Америку!

Гитлер. А в Освенцим не хо? А по ха не хо?

Эйнштейн. Ты дикая, некультурная женщина, я не желаю иметь с вами ничего общего, ты настоящий Гитлер в юбке!

Гитлер. Я ша приду. (*Выходит крадучись.*)

Бетховен. Вы что, играете на скрипке?

Эйнштейн. Да, с семи лет. Я еще не умел говорить, думали, что идиот, и решили хотя бы научить меня играть на скрипке, мало ли, можно на улице заработать... Что еще возьмешь с идиота.

Бетховен (*загораясь*). А меня, знаешь, учил играть... знаешь такого Сальери? Композитора такого?

Эйнштейн (*осторожно*). В седьмом бараке?

Бетховен (*туманно*). Нет, он не здесь.

Эйнштейн. Эта та история с Моцартом?

Бетховен. Там много клеветы. У Моцарта всегда было плохо со стулом.

Эйнштейн. Принесу скрипку, сыграем?

Бетховен. У меня есть скрипичный концерт, ля-ля-ля. (*Поет.*)

Эйнштейн. Скрипку Гитлер у меня спрятал, олух.

Бетховен. А меня он любит. Гитлер любил Бетховена.

Эйнштейн. И Ленин тебя любит, соната Аппассионата.

Ленин отрицательно трясет головой, потом спохватывается и снова кривится.

Бетховен. Меня многие любят.

Эйнштейн. Пока этот (*в сторону Надсмотрщика*) спит, я скажу: меня тут никто не может оценить, а зарабатываю я скрипкой, начну играть, они сразу суют мне кубок с амброзией и просят: здесь больше не играй. А в остальном — ну кто здесь знает, кто я и что такое е равно мц квадрат!

Бетховен. А че это?

Эйнштейн. Долго объяснять.

Ленин (*внезапно*). Да, здесь, в этих условиях, никто не обращает внимания. Как в эмиграции. Идешь — никто не узнает, даже в твою сторону не глядят. А дома, в России, приходилось натягивать парик, брить все лицо, так на меня кидались. Из-за этого мы и совершили переворот, чтобы все узнавали, кидались, но при этом не ссылали опять в Шушенское. Там тоже всем все равно, Ленин, Ульянов, фигляюнов... Ходят крестьяне, они не въезжают, кто я.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Луна! Едрит твою в ноздрю.

Ленин. Я Луна (*бесмысленно кривится*).

Входит Гитлер.

Бетховен (*Гитлеру*). А ты вообще что сюда затесался, блин!
Мы еще не кончили.

Надсмотрщик. С пятой цифры! Луна плывет по небесам!

Ленин, кривясь, загребает сажонками.

Бетховен. Ромео, ты как мороженный окунь, глаза с поволокой, а сам фригидный такой.

Гитлер (*Эйнштейну*). Надо, Алик, надо.

Бетховен. Ну его. Няня! Нам вдвоем лучше. Открой окно да ляг ко мне.

Эйнштейн (*с постели*). Такая себе невеста, подштанники несвежие.

Гитлер. Ты думаешь только о том, Джульетта, с кем бы переспать, а о деле забыла. Я могу, конечно, я всегда мою доцу люблю, но замуж я тебя не возьму, ребенка на себя не запишу. Тут мужчина нужен.

Бетховен. С ним не спится, няня, здесь так душно. Какой-то неказистый мужчина, а я ведь четырнадцатилетняя и в белом.

Эйнштейн (*вставая с постели*). Мне пора, луна вроде заходит.

Ленин делает попытку зайти, т. е. опускается, крутя туловищем как в твисте.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Еще не зашла!

Ленин подымается, улыбается, рот на сторону, делает пассы руками.

Бетховен. Держите руки при себе, нахал!

Надсмотрщик. Ну не ожидал я от вас такой халтуры.
Как будем вечность проводить? Бездарно будем проводить?

Эйнштейн. Потому что играют одни мужчины.

Надсмотрщик. Да ну... в женской зоне Ромео тоже играет какая-нибудь... Голда Меир.

Гитлер. Бабы бездарный состав. И жида. И инвалиды.

Эйнштейн хочет уехать в Америку.

Бетховен (*Эйнштейну*). Я сам, Алик. (*Гитлеру*.) Я инвалид второй группы со слуховым аппаратом, ща, блин, кровяной умоешься!

Надсмотрщик. Гитлер сейчас пойдет на общак, если так будет играть.

Эйнштейн. Что такой обшак, не пойму юмора.
Надсмотрщик. Он у нас вообще кипит в котле, берем его
играть как первоклассного актера.
Гитлер. Не верю!
Джюльетта, доца, чем тебе не муж
Сей отпрыск рода знатного Ромео?
Признайся, согласишься, что будет лучше уж.
Бетховен. Я боюсь ужей.
Ленин. Уж полночь близится, а все луна проходит
свой вечный путь,
как смена караула
у мавзолея Ленина меня.
Надсмотрщик. Луна заходит. Утро.
Ленин уходит как часовой, печатая шаг под звон курантов.
Бетховен. Ромео, никогда мне не было так хорошо ни
с родителями, ни с братом, ни с папой.
Эйнштейн *(смущен)*. Чего там! Моя мамочка тоже мной
довольна, недавно родила мне сестренку с двумя рожками
и хвостом. Папа ее хорошенечко заспиртовал, на Новый
год будет настойка.
Надсмотрщик. Ленин, так луна не заходит!
Ленин, семена, танцует танец маленьких лебедей.
Гитлер. Сейчас сыграем свадьбу, у Джюльетты родится дочь
с рогами!
Надсмотрщик. Так, Ленин, Гитлер обратно на обшак, ост-
альные свободны!
Бетховен. Кипяток только рака красит!

Финал.

Примечание: Без согласия автора пьесу не ставить.

■

ОПЯТЬ
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Стоит Женщина, у ее ног детские игрушки. Входит Девушка с игрушками, сваливает их на пол.

Девушка. Вот вам еще игрушки. Я сама их выбирала.

Женщина молчит.

Это вашему ребеночку. У вас кто — девочка или мальчик? Я купила и кукол, и машины, посуду, солдатиков. Бывает, что мальчики играют в кукол.

Женщина молчит.

У вас сколько ему лет? Или ей? Я купила и для большого мальчика конструктор с реле времени. И для большой девочки набор для вышивания и швейную машинку. Можно шить тамбурным швом. И велосипед для них обоих.

Женщина молчит.

Вы можете отдохнуть, садитесь, есть стул. Вы устали. Я понимаю. О, давайте я погуляю с вашей собачкой. Какая интересная! У нее что на голове?

Женщина. Это не собачка.

Девушка. Правда? Это кошка? А что у нее на голове? Можно я ее поглажу?

Женщина. Это не кошка.

Девушка. Я подумала только. А что это у него на голове? Какая интересная зверюшка. Можно я пойду с ним погуляю? Как оно называется?

Женщина. Это неважно.

Девушка. А у меня есть веревка. Я его не упущу. Сделаем такую сбрую на груди, я его поведу. Я никогда еще не гуляла с таким чудом.

Женщина. Не надо.

Девушка. Оно же должно гадить. Его надо вывести, а то придется убирать с полу.

Женщина. Ничего.

Девушка. Вам придется самой, я вас только встречаю. Дальше вам все придется самой. Еды я вам принесла, купила кастрюли и посуду для малыша. Манная крупа, гречка, консервы.

Женщина. Спасибо.

Девушка. А зачем оно так делает? А что это у него на голове? Как череп. А когда придет ваш ребенок?

Женщина. Не знаю.

Девушка. Там для него кровать на случай, если он маленький, и раскладной диван на случай, если большой. Диван раскладывается в длину до двух метров. Ой, что это оно

делает? Господи!

Женщина. Зевает, по-моему.

Девушка. Никто ведь не знал, в каком году вы родили. Пять, три года назад или, самое большее, пятнадцать.

Женщина. Плачет, по-моему.

Девушка. Надо же, как много! Убирать придется.

Женщина. Платочком вытереть слезы.

Девушка. Как же оно называется? Это там такие водятся? Оно взрослое?

Женщина. Нет, по-моему.

Девушка. Ну, в таком случае, какое же оно вырастет? Господи, что это у него на голове?

Женщина. Как у всех — череп.

Девушка. У всех череп спрятан под мясом, понимаете? Почему оно улыбается?

Женщина. Спит, а не улыбается.

Девушка. Глаза-то открыты. Зубы улыбаются.

Женщина. Во сне. *(Начинает петь колыбельную.)*

Девушка. Вы понимаете, что происходит? Почему у него такая шея?

Женщина. Мы много перенесли.

Девушка. Не до такой же степени. Я просто не понимаю, целый ряд позвонков.

Женщина. Голову-то надо поворачивать, одним позвонком не обойдешься.

Девушка. Это-то я понимаю. А где ваш ребенок?

Женщина. Это он.

Девушка. А как его зовут?

Женщина. Валя.

Девушка. Какого он рода?

Женщина. Это девочка.

Девушка. Значит, игрушки ей подойдут. Куклы, швейная машина. Может, поиграет в машинки. До какого состояния ребенка довели! Ей сколько?

Женщина. Шесть.

Девушка. Месяцев?

Женщина. Лет.

Девушка. Значит, будет спать на диванчике. Шесть лет назад... Это от кого?

Женщина. Вы его не знаете.

Девушка. Имя, фамилия, отчество есть? Я же должна записать.

Женщина. Что это, я же вышла на свободу...

Девушка. Да, вы на свободе. Но ведь я должна оформить документы. Все с нетерпением ждали, кто у вас: мальчик, девочка, сколько лет.

Женщина. Валентина Валентиновна Валентинова, шесть лет.
Девушка. Я запишу. *(Записывает.)* Имя, отчество, фамилия отца?
Женщина. Валентин Валентинович Валентинов.
Девушка. Как же вы умудрились? Вы же сидели в одиночке.
 Это был охранник?
Женщина. Я же на свободе, вы понимаете?
Девушка. Но тут есть пункт: где работает отец?
Женщина. Он не работает.
Девушка. Он тоже заключенный?
Женщина. Я его не знаю.
Девушка. Случайная связь?
Женщина. Я не знаю.
Девушка. Изнасилование? Вы скажите, я буду знать, как писать
 в документах ребенка. Если это изнасилование, то будет не
 Валентиновна и не Валентинова. Будет Ивановна Иванова.
Женщина. Я уже сказала, как зовут. Мне больше нечего сказать.
Девушка. Имейте в виду, девочка на всю жизнь будет Ива-
 новна Иванова. Ей пятно на всю жизнь.
Женщина. Она Валентиновна Валентинова.
Девушка. Кто такой Валентин Валентинов? Докажите.
Женщина. Так ее зовут.
Девушка. Вы придумали. Зачем скрывать, вы же на свободе?
Женщина. А зачем спрашивать?
Девушка. Вы же на свободе. Это документы.
Женщина. Нам не нужны документы.
Девушка. А без документов опять посадят, чтобы оформить
 документы.
Женщина. Он ведь не ребенок. Я его привезла как экспонат.
 У него кличка Жучка.
Девушка. Тогда вам не полагается двухкомнатная квартира.
 Откуда же взялось, что вы едете с ребенком? Все с нетер-
 пением ждали.
Женщина. Какой ребенок, вы что?
Девушка. Куда вы его дели?
Женщина. У меня не было. Откуда? Я шестнадцать лет
 просидела в одиночке.
Девушка. От вас доносился детский плач.
Женщина. Мало ли.
Девушка. К вам было не разрешено входить все шестнадцать
 лет. И от вас время от времени доносился детский плач.
Женщина. Это случайность.
Девушка. Вы ведь знаете, что за убийство ребенка полагается
 шестнадцать лет одиночки. На своем опыте убедились.
Женщина. Опять двадцать пять!

▪

СЦЕНА
ОТРАВЛЕНИЯ МОЦАРТА

Сальери (*входя*). Ну, выпьем, Моцарт, так и быть! Ты пошли за вином, вот деньги. Вот деньги. (*Кричит.*) Моцарт! А Моцарт!

Моцарт (*входя*). Садись, Сальери. Что ты кричишь?

Сальери. Я кричу, что мы с тобой можем выпить, я вчера продал реквием.

Моцарт. Ты написал реквием?

Сальери. Ну, не я сам написал, мне заказали. Приходил какой-то человек, в мое отсутствие заказал и в мое же отсутствие взял, жена отдавала.

Моцарт. Реквием?

Сальери. А что ты удивляешься? Самое смешное, что это полностью совпадает с моими предчувствиями. Я скоро умру. Мне не дожить до тридцати семи лет.

Моцарт. А какой человек?

Сальери. Ну какой, жена говорит, конечно, в черном, в трауре. Говорил, что нужно срочно.

Моцарт. Сколько это срочно?

Сальери. Два дня.

Моцарт. Всего два дня?

Сальери. Ну халтура ведь. Значит, надо быстро. Покойник ждать не будет.

Моцарт. Как же ты так справился.

Сальери. Я-то справился. Он говорил, что заказывал и тебе, но ты что-то ненадежен.

Моцарт. Я?

Сальери. Да, в смысле быстрой халтуры ты ненадежен. Ты начнешь болеть, увядать, тебя будет тошнить от этого дела. Я же тебя знаю. Моя жена поэтому и взяла деньги вперед, потому что у меня фирма почетная и известная. Я не подвожу.

Моцарт. Ты никогда не подводишь, в отличие от меня. Я всегда подвожу.

Сальери. Но зато ты гений. Ты вон в три года концертировал.

Моцарт. Нет.

Сальери. Все об этом знают.

Моцарт. В три года отец меня только как следует музыке стал учить. В три года только все выяснилось.

Сальери. Выяснилось, что ты гений?

Моцарт. Нет, выяснилось про слух и память. А трудоспособности у меня как не было, так и нет.

Сальери. Брось. Гений — это труд.

Моцарт. Да, когда отец все время стоял за моей спиной. Я работал. Я настолько любил своего отца, что работать для него было счастье. Он только посмотрит... все! Если похвалит, я просто умираю от блаженства. Он посмотрит, глаз у него вспыхнет... Отец меня просто создал. Он при своем упорстве создал себе недостающие качества, то есть родил меня...

Сальери. Родил гения...

Моцарт. Его упорство плюс мои слух и память. Мы с ним вдвоем только и представляли собой что-то...

Сальери. Гений.

Моцарт. Да как хочешь называй. Отца нет. Он любил меня. Он, когда я болел, целые ночи стоял на коленях перед моей кроватью. Он был моим вдохновением. Когда меня заперли одного, без него, сочинять, он думал, что я не справлюсь, но он и я было уже в то время одно и то же. Я думал: вот удивлю отца! А все они думали, что я хотел удивить их.

Сальери. Их — это кого?

Моцарт. Ну, заказчики...

Сальери. Это ты уже гениальничаешь.

Моцарт. Сальери, кто гений, это не здесь решается.

Сальери. Это уже решено и ты гений.

Моцарт. Ты все меня подначиваешь. Ну да, конечно, я гений. А ты тогда кто такое? Заказывают мессу: тебе и мне. Заказывают реквием: мне заказали, а взяли у тебя, хотя я тоже сочиняю. Уже неделю.

Сальери. Моцарт, это ведь заказчики, ты не для них сочиняешь. А я для заказчиков. Я для них. И неизменен. Благодаря этому я тебя могу угостить. Плюнь, не выдумывай! Я вот скоро умру, а ведь моя жена больна и трое детей больны. Как ты думаешь? Меня даже некому будет похоронить по такой погоде. Две собаки побегут на запах. Две собаки за гробом. Вот в чем вопрос.

Моцарт. Ну, я пойду. Ты все шутишь надо мной. Но я пойду.

Сальери. Вот спасибо! А мне-то что? Я буду давно в раю. А мои кости будут мирно покоиться вместе с другими костями. Безымянные, мирные, честные кости. Да, ты пойдешь, если сам не заболеешь.

Моцарт. Да, если сам не подохну.

Сальери. Ну, хорошо, пошли за бутылкой.

Моцарт. Некого послать, а потом у меня есть. *(Достает, наливает.)*

Сальери. Вот гляди: вот в эту рюмку я, допустим, насыпал яду.

Моцарт. Ты?

Сальери. Допустим! Теперь что: мое существование никому не нужно. Моей жене и детям оно нужно, а так никому. Но они бы охотно променяли бы меня на теплый дом и денюжки в чулке, чтобы можно было бесконечно оплакивать благородного папашу. Отца у меня такого, как у тебя, нет, я всего добился сам, сколько я добивался, чтобы моя жена вышла за меня! Она наконец смиловилась. Черт бы ее взял. Так на вот тебе: я тебя добивался, я и ухажу.

Моцарт. Решил уйти? *(Пьет.)*

Сальери. Уйти в небытие. *(Пьет.)*

Моцарт *(пытаясь помешать)*. Ты, никак, с ума сошел! Ты что!

Сальери. Ничего. Тебе тоже до меня нет никакого дела.

Я к тебе шастаю, хоть бы ты ко мне раз в жизни зашел!

Моцарт. Да я уже давно никуда не вылезаяю. Два пальца в рот! Ну!

Сальери. Не суетись перед лицом смерти!

Моцарт. Да зачем ты ко мне пришел только! О Господи!

Сальери. Да я сейчас уйду.

Моцарт. Ты не дойдешь!

Сальери. Не все ли равно где умирать! Ха-ха-ха! А потом, ты ведь не знаешь, может, я тебе тоже яду подсыпал! Ой, не могу, ха-ха-ха!

Моцарт. Дурак, все смеешься. Если бы ты выпил яду, ты бы давно уже умер, и я в том числе.

Сальери. Этот яд рассчитан на две недели. Его мне дала одна мавританка по имени Черный человек. Дала мне его за мое доброе дело.

Моцарт. Какое, какое ты мог сделать доброе дело?

Сальери. А что, непохоже, что я могу? Если ради дела, то и я готов. А ты так плохо обо мне думал? Вот, на грани смерти выясняется. Я всегда думал, что ты ко мне плохо относишься. Ты как-то кисло меня вообще принимаешь, когда смотришь, то в глаза не смотришь... Еще есть несколько примет.

Моцарт. Никто никого не может заставить.

Сальери. Вчера ты наши рюмки обменял, я видел. Если бы я был человеком, как ты, я бы заставил тебя выпить эти рюмки. Чтобы ты отравился. Но я, на счастье, не такой.

Я не подозреваю друга в том, что он меня хочет отравить.
Понял?

Моцарт. Сальери, ты хотел умереть вроде бы. Что же ты?

Сальери. Нудный, фу! Я же сказал, что подсыпал яд тебе.

Моцарт. Когда это?

Сальери. А ты рюмочки менял опять? Теперь умирай. Теперь подыхай. Я хотел сам покончить с собой, но тебе тоже будет неплохо хоть раз в жизни подохнуть. Все боишься, теперь не бойся.

Моцарт. Конечно, твои заказчики будут рады.

Сальери. Мои заказчики тебя не трогают, а тронут, сразу отбегают.

Моцарт. В такую погоду!

Сальери. А ты что думал, что я оставлю деточек своей жене? Она же их мигом лишится! Мигом все потеряет, в жизни, что безумно любила, и выйдет замуж за сына булочника. Мне нет смысла сейчас умирать.

Моцарт. Имей в виду, все будут знать. Меня травят! Меня отравили! А-аа!

Сальери. Ты сначала докажи, докажи!

Моцарт. Я умру, и это будет доказано.

Сальери. Ну, два пальца в рот, а? Если ты мне не веришь.

Моцарт. Зачем? Вы все хотите моей смерти.

Сальери. Ну кто все, ну кто все? Я один с тобой возжаюсь, одному мне есть до тебя дело. Никому ты не нужен. На два пальца!

Моцарт. Уйди вон!

Сальери. Писать не можешь, так сочиняешь черт-те чего. Ты музыку-то лучше пиши, чем сочинять про меня. Музыка! А не эту клевету!

Моцарт. Если бы ты знал, что ты наделал!

Сальери. Если ты на меня наговоришь, значит, ты не гений. Гений не может так нагло врать. Две вещи несо-
вместные.

Моцарт. А чего ты испугался? Если это был не яд, я не умру.

Сальери. Что это-то? У меня и перстня нет, смотри!

Моцарт. Девал куда-то.

Сальери. Куда? Обыщи!

Моцарт. Не буду.

Сальери. Тебе нет смысла умирать. В такую погоду за твоим гробом не пойдет никто. Я первый не пойду.

Моцарт. Все. Мое дело сделано, я уже написал реквием.

Сальери. А мне какое дело? Я тут ни при чем. Зачем меня сюда впутывать. Ты, во-первых, закончить рекви-ем должен был две недели назад. Чего же ты тогда живешь? А?

Моцарт (*улыбаясь*). Я ждал тебя. Я ждал тебя.

Сальери. Меня ему надо было. Неужели тебе мало, что ты уже Моцарт, что у тебя все издано, что ты живешь в нищете и не продаешься? Мало тебе?

Моцарт. Ты моя судьба.

Сальери. А моя?

Моцарт. Твоя тоже, разумеется.

Сальери. А мне оно нужно? Я ни при чем!

Моцарт. Если бы ты знал, что ты сделал!

Сальери. Ты что, наглый? Ты человек или ты кто? А я человек, я человек! А ты не прав! Не прав! Ты не прав!

Звучит РЕКВИЕМ.

▪
АВЕ МАРИЯ,
МАМОЧКА

▪
ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

ЖЕНЩИНА.
МАТЬ.
ДЕВУШКА.
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.
ЮНОША.

Купе. Входят с вещами Мать, Женщина и Девушка. Располагаются.

Женщина. Сюда, сюда! Где наши места? Девушка, посмотри. У тебя же билеты. Два нижних, как и надо. Это верхнее? Девушка, ты уж полезешь на полку, два старых человека... Эта полка? Закидывай сюда сумочку. Так...

Мать стоит неподвижно со свертком в руке, с букетом.

Сюда, сюда! Ящики сюда. Это что? А, это то. Куда, куда? Сюда, сюда. Радиоприемник вниз. Влезет? Влезет, влезет, подтолкни. Так... *(Оглядывается на Мать.)* Мало вещей забрали, надо было больше, я же говорила, ничего не лишнее, я бы взяла... Я бы забрала... Зеркало в прихожей оставили! Я же говорила... Так. Как жалко! *(Оглядывается на Мать.)* Ладно. Давайте ставьте туда, вниз. Ставьте! В самую глубину! Дайте я, вы туда не нагнетесь. Сюда еще войдет. Давайте чемодан.

Мать ставит под сиденье сверток в целлофане.

★
Мать. Лучше не надо.

Женщина. Давайте, давайте! Я что говорю? Там место. Сюда много войдет. Ну?

Мать. Лучше не надо.

Женщина *(хлопочет)*. Ведь мест у нас много, а места мало. Сюда войдет, давайте тот чемодан, за вами. Мой. Девушка, протяните руку, если вам не лень. А, я сама поставлю.

Девушка *(с расстановкой)*. Не надо.

Женщина. Что не надо, что не надо! Два чемодана и ящики. Семь мест у нее, пять у меня.

Девушка. Я наверх поставлю все.

Женщина. Наверх! А еще один человек не едет? Полка пустая, кто взойдет, куда места будет ставить? Головой надо думать, башка! Я про все заботиться мучаюсь. Наверх. Потом будет неловко, пришли, все заложили вещами, как эти...

Девушка *(с расстановкой)*. Вы не беспокойтесь.

Женщина. Как анчутки.

Девушка *(Матери)*. Ляжете сюда? *(Предлагает Матери место.)*

Женщина. Как сами знаете. *(Пятится на четвереньках, встает.)*
Ложись сразу, лапочка, а?

Девушка и Женщина усаживают Мать, сами садятся напротив.

Женщина. Прямо во рту пересохло. Лапочка, ложись.

Мать ложится, в руках букет.

Девушка. Укрыть вас?

Женщина. Букет дай положу к окну, холодней будет, а то зима, где цветы достанем дома.

Мать наклоняется, кладет цветы на пол около свертка.

Куда, умная головушка? Куда? Вычислила. *(Суется поднимать.)*

Девушка. Не трогайте, вам говорят, женщина!

Женщина. Женщина, вас не спросила. *(Выпрямляется.)*

Девушка. Укрыть вас?

Женщина. Я укрою сама. *(Встает, роется в сумке, достает черную шаль, укрывает Мать шалью. Подумав, укрывает ее с головой.)* Спите, усните. Снотворного надо. У меня есть, я только лишь на снотворном как это случилось. Барбарин! Воды надо. Надо воды принести. А? Так она не заглохнет.

Девушка молча встает и уходит.

Женщина. Таня, это кто? Это эта? Я их плохо разбираю.

Эта? *(Наклоняется, слушает, что тихо говорит Мать.)* Я их не различаю пока что. У меня все в глазах плывет. Все черное. Давление померить, но где? А зачем она едет? *(Наклоняется, слушает, кивает.)* А ей что надо-то? *(Наклоняется, слушает, выпрямляется, качает головой.)* Надо же. Никогда бы не поверила. *(Пауза.)* А сам что, говорил что? *(Наклоняется, слушает, кивает.)* А, это тогда верно. Все? Все? А когда? Обращались-то к ней да, я видела. Я видела. А мало ли. Одна шайка. Бывают и бабы главнее. К ней обращались. Ты видела, как они ели и как они пили, это уму непостижимо, как все равно последний раз пьют. Жрали. Зачем ты холодильник кому подарила, что мы, не могли забрать? Я могла забрать малой скоростью, багажом по железной дороге, зачем бросаться вещами. У самой у тебя холодильник-то... Сколько уже лет?.. *(На-*

клоняется, но ответа не получает.) Ладно. А зачем зеркало? Что мы, не могли взять? Я бы взяла в прихожую, чем вахлакам... Шкаф тоже. Я тебя не понимаю. У тебя ведь не переливается через край. Дед лежит, ты ему то, ты ему се, ему уколы, а где деньги? Хорошо, что я как начальство сижу и тебя на пенсию не разрешаю проводить, а то бы ты увидела... Но ведь твой Шиканов уже защитит диссертацию... Он молодой и член партии, он женат, из рабочей семьи, двое детей морально устойчивых. Сама знаешь. Он же прямо спит на работе. Я ухожу он сидит, я прихожу он опять сидит. Отдыхать надо, Георгий Кузьмич! Он только улыбается, зубки мелкие, как у мышонка. Прелесть. К восьмому марта подарил надувную игрушку, стоит копейки, сам стоит, улыбается. Как мышонок. А у тебя давление, у тебя ножки больные, как вообще теперь таскаться будешь. Ну хорошо, дело прошлое, отдала так отдала, ты была без сознания. Плюнь не расстраивайся.

Мать лежит под шалью неподвижно.

★ Я тебе говорю, не расстраивайся. Сейчас эта придет, принесет воды. Ее как звать?

Мать не шевелится.

Как? *(Наклоняется.)* А фамилия? Громче! Она какого года? Адрес ее знаешь на всякий случай? Ась? Говори громче! Доверяй, но проверяй. Сейчас она принесет выпить воды. Так. Ну все, все, ладно, не плачь. *(Гладит Мать по верх шали с любовью.)* Ты меня не любишь, я знаю, но терпи, я у тебя одна. Все, все. Уже у нас глаза закрылись, уже спим.

Входит Девушка. Женщина достает таблетку и держит ее наготове.

Девушка. Надо две таблетки. Это что, барбарин?

Женщина. Ну.

Девушка. Так надо две.

Женщина. Откуда знаешь?

Девушка. Я сплю только с двумя таблетками.

Женщина. У тебя молодой организм. А у нее... она много пережила. Не то что ты.

Девушка. И тем более.

Женщина. Ты молодая с какого года?

Девушка. Это неважно. Татьяна Сергеевна, вот вода.

Женщина. Дай я, дай я. Откройте рот, Татьяна Сергеевна.

Ладно, я две дам. *(Роется в сумке.)* Отдаю свою последнюю.

У тебя нет? У меня кончились. Я ведь по четыре принимала. Такой ужас.

Девушка. На ночь? *(Достаёт таблетки.)*

Женщина. И на ночь, и на день. А как же я иначе, у гроба кто возился? Ну, пейте, Татьяна Сергеевна. Все. Вот и хорошо. Поезд тронулся, и слава Богу. Никто к нам не подсел. Хорошо, когда все свои, и все бабы. Я люблю, чтобы бабы одни. Как-то легче. А может кого ночью подсадят. Вот это будет дело! Вот проснемся так проснемся. И мне дай, Алла, таблеточку.

Девушка. Нет, это последняя.

Женщина. Что же ты так, а? Мы хоть не у себя дома, мы гости столицы, а ты бы могла и заpastись.

Девушка. Они по рецепту.

Женщина. Ну.

Девушка. Некогда ходить по врачам.

Женщина. Почему?

Девушка. Как вам сказать.

Женщина *(после паузы)*. Уснула? *(Трогает голову Матери через шаль, голова дергается.)* Ну-ну. У нас тоже к соседям зашла женщина, а ушла, они хватъ-похватъ, нет чемодана. Татьяна Сергеевна, не спишь? Соколовы. Они вызвали собаку. Собака след не взяла. Они под это дело назвали что пропало, три золотых перстня перечислили, шапку за триста рублей, пиджак кожаный откуда-то, Соколовы. Приходил ко мне мужчина, я у него удостоверение проверила, уголовный розыск. Значит так: кого я видела и где была в это время. Где я была в рабочее время? Где может быть советский человек? Где он должен быть? Можете мне ответить на этот вопрос?

Пауза.

Девушка. Я?

Женщина. В том и дело. Я ему говорю: где человек в рабочее время может находиться? Вы что. У меня нормированное время. И семья. Я с Таней тут, а семья, кстати, там. Я ему

говору: я там никого в кожаном пиджаке, наоборот, не знаю у Соколовых. Спите? (*Подносит руку к голове Матери, голова дергается.*) Спите. Они, говорю, отродясь ходят в драповых пальто, что она, что ее мать покойница, а Вовка из колонии вообще в бушлате пришел и в фуражке под названием «пидараска». Слышали такое слово «пидараска»?

Девушка. Как вы сказали?

Женщина. Да, вот так. Пидараска. (*Голова Матери дергается.*)

Спите. Ничего, так просто шапка называется. Откуда у них кожаные пиджаки и меховые шапки? У Соколовых? Спите, спите. Говорю я этому следователю участковому. Вежливо выслушал. Какие женщины к ним ходят, говорю? А какие женщины могут прямо в дом впереться? А такие женщины, которые и уводят чемоданчики. Он сказал. Говорит: да они ее впервой видели. Но зачем-то ведь впустили? А они, спрашиваю, не гонят сами? Я его спрашиваю, они не говорили, они не гонят сами? Сами-то гонят или нет? Спрашиваю следователя. Он спрашивает, а что гонят? Я отвечаю: ну, может быть они сами не гонят никого, вот к ним и лезут. Он сказал, что учтет. Ну и слово, пидараска.

Мать дергает головой.

Спите. Вовка сидел как раз за таблетки, за колеса, они так называются, вы не знали? Наркоман на почве таблеток. Десять таблеток любого лекарства на раз. Да? Женщина, да? Но теперь ведь все по рецептам. Ему на суде дали полтора года. А за что? Как вы, нес таблетки в кармане. Увидел милицию, выбросил на дорогу. Зачем выбросил, если это лекарство и оно тебе дано врачами? Это-то и показалось подозрительным. Единственный сын, вот и балованный.

Мать дергает головой.

Спите спокойно. Женщина вот вам свои таблетки пожертвовала, всем, что имела. К нам никто не сядет до утра, остановки нет, а днем уже не страшно. Я боюсь ночью. Особенно в купе, когда мужики. Хорошо, когда одно бабье. И разденешься, и ляжешь, и встанешь. От женщины опасаться не приходится, разве что обворуют.

Такие пошли женщины. Соколовы тоже вот... Спите, усните. Соколовы так живут, что у них стенка на лестнице около двери в крови! Один одного шарахает, бывало, его дружки, тоже в бушлатах. Также в таких пидарасках. Фуражках. Девушки к Вовке не ходят. У них собака и та запуганная, самка хвост поджавши. Сама Соколова то и гляди гуляет во дворе каждую ночь, у нее два сотрясения мозга, вторая группа инвалидности, а она Вовку не хочет сажать, а ей предлагали, она говорила. Он меня бьет, ходит и плачет, а не сажает. Вот тебе и дождалась сынулю, вот тебе и получила. Спите-спите, мы с вами договорились, ни слова, но я зубы заговариваю, большое возбуждение, кончился барбарин. Не могу молчать.

Девушка. Нате вам таблетку. Я даже и не усну.

Женщина. Спасибо. *(Глокает.)* Воды не принесешь, а дочка? Очень тяжело. Боюсь ЕГО. Молчу, молчу.

Девушка выходит.

Опять пойдет за смертью. На полчаса. Сергевна, ты спишь? Уснула, как хорошо. *(Треплет ее за плечо, та кивает.)* Вот и хорошо. Пусть тебе приснится хороший сон. Отдохнуть немного. А я и не лягу. Ты-то когда будешь отдыхать? Шестнадцать да сорок... Да сто семьдесят... Да тому мужику трешку... Просто так... В церкви... Помолись, бабушка... Она кивает, улыбается... За упокой души... Ей рублик... Так и хлопала рублями как картами... Три да рубль... Мариночке костюмчик... Сорок... Где это видано, сорок рублей... Триста грамм шерсти... А, ничего не жалко... Сколько еще тех лет осталось... Этот тоже *(кивает под сиденье)* жил и не знал... Мариночке шапочку... Слышишь, Сергевна, я ждала внучку как ворон крови... Спишь? Спи. От таблеток не сон, а так. Я знаю, ты слушаешь. Слушаешь? Памяти нет, одна плохая голова... Сергевна! Сергевна! Как ты жива еще? Зачем? Что теперь делать? Надо, надо пережить, нас не спросили, когда рождали, и нам не сказали, как это выносить. Сергевна, ты думаешь, мне хорошо? Ты бы знала, Татьяна Сергевна! Все, Мариночку от меня унесли! Они разошлись, родной сынок пьет и выгнал жену с дочкой, я возвращаюсь — никого... Плачу кровью. Везу костюмчик, шапочку, а Мариночку увезли... Теперь по почте... А-а...

Входит Девушка.

Ой, спасибо, а мы тут с Татьяной Сергеевной разговорились. Спасибо, девушка. Вы не видели, там она чай не разожгла? Проводник?

Девушка. Не видела.

Женщина. Девушка, вы мне не скажете, вот этот парень, который увез холодильник...

Девушка. Какой?

Женщина. Ну впереди, который командовал.

Девушка. Какой это?

Женщина. Вообще они кто?

Девушка. Кто?

Женщина. Все эти молодежь.

Девушка. В каком смысле?

Женщина. Они что, прямо знакомые?

Девушка. Что это значит?

Женщина. Или просто так пришли. Поесть и выпить.

Девушка. Почему?

Женщина. Вот я и спрашиваю. Откуда все они набегали? В церкви, например. Когда ЕГО отпевали... Откуда?

Девушка. То есть что вы хотите сказать?

Женщина. То.

Девушка. Это знакомые. Действительно знакомые.

Женщина. Сто — и все знакомые? Даже двести.

Девушка. Почему двести?

Женщина. Сто девяносто восемь.

Девушка. Да, вы правы.

Женщина. Ну!

Девушка. Да.

Женщина. Приходится верить. Что поделаешь... Пришли — так не выгонишь. Из церкви только Бог выгнал.

Девушка. Иисус Христос.

Женщина. И с поминоком не выгонишь. Не свадьба, выгонять. Я атеистка.

Девушка. Бывает все.

Женщина. Все?

Девушка. Бывает все.

Женщина. Вы много чего видели, я погляжу.

Девушка. Вы так считаете?

Женщина. А вы его хорошо знали?

Девушка. Кого?

Женщина. Ну кого. *(Кивает под лавку.)*

Девушка. Моего мужа?

Женщина. Я твоего мужа не имею в виду. Артема хорошо вы знали?

Девушка. Артема?

Женщина. Ну.

Девушка. Артем мой муж.

Женщина. С чего это?

Девушка. То есть?

Женщина. С какого праздника?

Девушка. Мы жили вместе.

Женщина. Сколько?

Девушка. Это неважно.

Женщина. Сколько дней?

Девушка. Больше трехсот шестидесяти пяти.

Женщина. А у меня другие сведения.

Девушка. Ну и.

Женщина. Вот и ну и. Так что так.

Девушка. И какой вывод?

Женщина. Вам тут нечего делать.

Девушка. Вы так считаете?

Женщина. Выдумала черт-те чего. Муж. Где ты видишь муж? Жена. Чего себе выдумала. Какой он муж? Ты что. Обалдела, что ли. Вот ей он сын, это точно. А тебе он зачем?

Девушка. Вы так считаете?

Женщина. Муж. Ха! Грех говорить.

Девушка. То что мы не успели зарегистрироваться, ничего не значит. У нас никто на это не обращает внимания. У нас.

Женщина. У вас. У вас там вообще...

Девушка. Мы не будем с вами здесь это обсуждать.

Женщина. Господи. Да я же все знаю. Зачем скрывать. Все знаю. Буквально все. Такая специальность. Татьяну Сергевну мы из-за этого за границу не оформили, на симпозиум в Болгарию.

Девушка. Что говорить с человеком, который его не знал.

Женщина. Он мне на руки мочился, ты что! Я его так знала, как ты не знала. И то знаю, что и ты. Что все знают.

Девушка. О нем никто ничего не знал, кроме меня.

Женщина. Мать ведь прочла его письмо.

Девушка. Это плохо.

Мать дергается.

Никогда ни к чему хорошему не приводило.

Женщина. Спи, спи. Спит, а во сне понимает. Спи. Чужие письма не надо читать, потом не исправишь. Что прочел, то не забудешь уже никогда. Моя невестка написала письмо и оставила его на столе, а я потом должна всю жизнь мучиться. Как она ко мне плохо относилась, оказывается. Кэзбэшником назвала. А сына алкоголиком и еще, грех говорить. И уехала к матери в поселок Краснознаменный. И внучку увезла, самое святое. Теперь ездить кланяться к той бабушке, то костюмчик, то бананов, то туалетной бумаги везу в субботу, чтобы дали мне с ней погулять, за ручку подержаться, в лобик поцеловать, в щечку. Солнышко мое. Писала в том письме, что он сошелся с учительницей. И насмежалась надо мной, что я чекистка и несу и ташу в дом их кормить же, совесть свою теряю, как студентов направляю к Татьяне Сергевне, которые не сдали, а ей кормить и сына и мужа, а муж лежит более двух лет, ходит под себя на гумно, короче говоря. Это не письмо, а это сразу надо в прокуратуру, вот что наделала! Надо сажать нас с Таней, да сажайте! А ей нанимать сиделку к мужу, теперь еще памятник ставить на кладбище на какие деньги? За кооператив наследство она получит, но через полгода. А так ведь все его добро, тот же холодильник, то же зеркало, это все она покупала ему. На ее деньги. Она и посылала ему, не знаю сколько сверху ста. Сто точно. Говорила, что он не зарабатывает.

Девушка. Он зарабатывал.

Женщина. Сколько?

Девушка. По-разному.

Женщина. Вот ты с ним жила.

Пауза.

Девушка. Да.

Женщина. Ты же обязана знать. Сколько он приносил?

Пауза.

Что вы ели, ты же обязана знать?

Девушка. Что я ему приносила, то он ел. Не принести, он будет сидеть голодный.

Женщина. А деньги на что тратил?

Девушка. Первый раз слышу. Друзья много приносили.

Женщина. Сами принесут, сами и съедят, у самой такие родственники, и выпьют. Они принесут, ты готовь, ты мой за ними, выноси объедки, они же и съели. Придет один, Митревна, дай взаймы червонец. Возьмет, раз — явился обратно с портвейном и тортом, на мой купил и меня же угощает, в результате ничего мне не должен. И сидит как железный, все выдержит, до вечера. А я уже знаю, его жена погнала. Жена это потом ко мне же стучится с ножом. А он мне племянника неродного, покойной сестры мужа брата сына сын! Спать надо, не в силах. А тогда ты что ела, если ему все носила? Ты кем работаешь?

Девушка. Нехорошо так спрашивать.

Женщина. Как нехорошо? Что нехорошо? Так всегда спрашивают.

Пауза.

Девушка. Неприлично.

Женщина. Как неприлично? Я что тебя, спрашиваю про аморальные вопросы? Про глупости?

Девушка. Про что?

Женщина. Про глупости.

Девушка. Ерунда.

Пауза.

Женщина. Спрашивается: я что тебя, спрашиваю про половые извращения? Про то, как ты с ним жила? Нет. Я спрашиваю место работы.

Девушка. Это не вопрос, понимаете.

Женщина. Не вопрос.

Девушка. На вопрос и то я не обязана говорить, если это касается не меня.

Женщина. Когда ты была под вопросом? Судимость есть?

Девушка. Нет.

Женщина. Как докажешь?

Девушка. Это ваша работа — доказывать. Вы кем работаете?

Женщина. В отделе.

Девушка. Номер.

Женщина. Давала расписку о неразглашении.

Девушка. Ого!

Женщина. Вот так. *(Кивнув на Мать.)* Она чем держится в институте? Кто ее держит? За что она огребает и пенсию, и зарплату? Она же кандидат и все. Кому она нужна. Тем более раньше ее за сына жалели, теперь сына нет.

Мать дергает головой.

И я никому не нужна. Все, все. Спать, спать. Спокойной ночи. Наше время истекло. Что у меня? Я держусь, я держусь. Но когда собственный сын выгоняет из дому жену с маленькой доченькой, и приводит вот такую... *(кивает на Девушку.)* Что она беременная на второй неделе... А аборт? Я вас спрашиваю. Я сразу навожу справки. В нашем городе все все кумекают. С ее стороны мать учительница, сама тоже. Чему такие научат, спрашивается? Тут такое началось! Двери захлопали! Мариночка спит плохо, эта вся заросла, посуду даже не моет, лежит лицом к стене, зубами в подушку. Я организовала письмо. Все я должна! У этой учительницы он был не один, как оказалось. Прошу разобраться в людях, чему такие учительницы учат. И так далее. Ее конечно попросили из школы. Теперь мой сын заявляется, что вы ее выгнали с работы, я обязан жениться. Обиделся.

Девушка. Ужас какой!

Женщина. Конечно, а ты как думала? Вот я уехала с ней и отдыхаю. Приближается моя родина. А там я у гроба стояла, винегрет крошила, о ней заботилась, о своем забыла. Ее несчастье для меня передышка, мне командировку оформили, а как же! Билеты нам потом отдашь, мы в командировке, институт оформил. Чужое несчастье кстати.

Девушка. А я смотрю, сколько старушек сбежалось на похороны!

Женщина. Конечно. Конечно. А ты как думала. Дома у них ай и ой.

Девушка. Они же его не знали, какие добрые старушки, плакали о нем, крестились.

Женщина. Человек хочет поплакать о постороннем, о своем у него уже слезы выплаканы, рука не подымается. В церкви всегда так. Плачут о постороннем, об Иисусе Христе,

далеко ходить не будем. Какое кому дело, кто когда и как умирал? У нас женщина ходит, не умирает, у нее дочку замучили какие-то звери, рот каблуком заткнули в подвале. Весь институт хоронил. Все плакали на просторе. Я в Бога не верю. Все обман. Где душа? Где? Вот! *(Показывает под полку.)* Урна, в ней пыль. И все.

Девушка. Его душа с нами. До сорокового дня.

Женщина. Этой же душе хуже. Слушать нашу глупость, смотреть как мать издыхает. Не хотела бы я. А кто по мне заплачет! Я к Мариночке полечу. Я над ней буду следить. Слушай, дух летает где хочет?

Девушка. Его дух здесь.

Женщина. А может он где ему интересней? А?

Девушка. Его дух здесь.

Женщина. Где урна, да?

Девушка. Здесь, здесь.

Женщина. Зачем только сжигали, говорила я ей, запяем в цинк...

Девушка. Он так велел.

Женщина. Успел?

Девушка. Раньше смерти сказал. Неохота разлагаться, сказал.

Женщина. Взять тот же крематорий. Кто проследит, что там именно его прах? Кто проследит, что сожгли, а не скормили каким-нибудь нутриям? У крематория бабулька рассказывала, жена хотела вскрыть могилу, а там уже нет никого. А кому понадобилось? Один нутрий разводил, а они хищники, им мясо надо... Он и договорился.

Девушка. Его дух здесь, где его любят.

Женщина. Не одни вы, небось, его любили. Кто докажет? Где он теперь? Ему толочься здесь радости нету, смотреть на слезы.

Девушка. Он знает, что его здесь любят.

Женщина. И ранее ему было на тебя плевать, и теперь. И с матерью его душе тоже ничего хорошего, одни попреки, и прежде, и особенно сейчас. Что при жизни надоест, то еще хуже потом. Его душе здесь делать что? Завывать только...

Девушка. Он здесь. *(Крестится.)*

Женщина. Не дай-то Бог. Я же все знаю, поняла? Она *(кивок в сторону Матери)* мне показывала его письмо, советовалась.

Девушка. Он смеялся, рассказывая мне эту старую историю. Что, она до сих пор хранит это полудетское письмо?

Женщина. А ты как думала.

Девушка. Читать чужие письма неприлично.

Женщина. Опять завела песню.

Девушка. А вот понять его вам недоступно.

Женщина. Еще чего скажи.

Девушка. Причем ни за что в жизни и никогда.

Женщина. Давай с тобой, сможешь разобраться. Он же тут, не даст соврать. Ты тут, Темочка?

Пауза.

Девушка. Он не разрешает мне говорить при вас. Я говорю с ним сама, непрерывно. Я одна хочу говорить с ним.

Женщина. Приедем, надо будет психоперевозку вызвать. По тебе плачет Лев Николаевич, или Эдик, кто из них будет дежурить.

Девушка (*пауза*). Не мешайте...

Пауза.

Женщина. Ты! Что ты! А она? Она тоже имеет право на него. И больше тебя.

Мать дергает головой.

Имеешь, имеешь, его теперь у тебя никто не отберет, урночку захороним, он будет должен быть где его имя. Так? Имя будет. У них дед на старом кладбище захоронен в братской могиле, там очень красиво и чуть не вечный огонь обещают пустить, только газопровод никак не проведут через кладбище. Братская могила героев революции, а мы его фамилию туда закажем.

Девушка. Он не хочет в братскую могилу.

Женщина. Конечно, урну закопаем отдельно в газон. А новое кладбище вообще на том берегу реки, ни одного дерева еще, глина и ямы с водой, как у нас на новых дачных участках. И памятники разрешили не выше полуметра, наклонившись только имя прочтешь. Я знаю, интересовалась. А тут в центре города, мать успеет цветочки посадить. Спи, спи.

Девушка. Он хотел на высоком берегу реки под сосной в песке.

Женщина. На всякое хотение есть терпение. Рыбаки там и дети роют, червей ищут. Найдет урну, вот тебе и все.

Девушка. Или чтобы бросили в реку с моста. У вас какая река?

Женщина. Да ничего хорошего. С комбината отходы, падаль бросают... проволока на дне, кровати железные... Водолазы там утопленников ищут, говорят, одни отбросы и металлолом. И химия течет.

Девушка. А другой реки нет?

Женщина. Есть.

Девушка. Вот туда.

Женщина. Нельзя. Правительственная трасса. Там на том берегу спешдаци. Ходят только спецкатера.

Входит Молодой человек. Он нерешительно стоит, осматривается и затем закидывает сумку на верхнюю полку.

М. ч. *(не садясь)*. Здравствуйте. *(Садится рядом с Девушкой)*.

Женщина *(пытаясь рассмотреть что-то в окне)*. Разве была остановка? Это какая была станция?

М. ч. Какая?

Женщина. На которой вы взошли?

М. ч. Я здесь давно.

Женщина. А проводница уже билеты отобрала. Белье вам надо?

М. ч. Спасибо.

Женщина. Я тут ни при чем. Это и рубль не мне, и спасибо не мне. Вы до какой станции едете?

М. ч. Далеко.

Женщина. Ночью не сойдете?

М. ч. Нет, спасибо.

Женщина. Че спасибо, че спасибо. А то ночью ляжешь, начнет народ чемоданы вытаскивать... *(Показывая на то место, где букет)*. Там занято. Везде все забито. Я говорила.

М. ч. Спасибо.

Женщина. На здоровье. Да у вас нет ничего. Нет у тебя ничего. Ты студент? У меня много таких вас бегают, у меня в институте.

М. ч. Почему же, есть. *(Открывает дверь из купе, машет рукой)*.

Входит Юноша.

Ю. Здравствуйте. *(Озирается.)* Мы засиделись в вагоне-ресторане. Извините.

М. ч. Ничего, сейчас мы ляжем.

Женщина. Стой! Куда!? Вы как? Без билета нет! Здесь и так четверо, старушка больная. Нельзя.

М. ч. Что же делать. Нам надо доехать. Надо.

Женщина. Знаете что? Не хулиганить! Не хулиганить тут! Мне еще! Здесь фирменный поезд! Вызову проводницу! Нах-халы! Сволочь проклятая!

Мать дергает головой.

Тише! Говорят вам, здесь не место! Старушка вон помирает!

М. ч. Тише, тише вы сами. Мы тихо ляжем, и все.

Женщина. Очертенели, что ли? Выкатывайтесь, вот документы сразу проверим! Вашшиш документ! А ну.

Ю. Попрошу ваши.

Женщина. Мои? Мои? Вот сейчас я вас... Вот я вас сейчас... *(Вставляет ноги в тапочки.)*

Девушка. Стоп. Все в порядке, тетя. Все в порядке. Это наши. * Свои.

Женщина. Каки-таки ваши? *(Садится.)*

Девушка. Это его друзья.

Женщина. А... Понятно, кто такие. Что за птицы. Ну и что, что его друзья? Его друзей я видала. Насмотрелась. Которые сволокли холодильник от матери... А ну, в последний раз тем более говорю... Чтобы выкатывались!

Девушка. Да как они, с поезда, что ли, прыгнут? Снег ведь, ночь.

Женщина. А когда следующая станция?

Девушка. А на следующей станции сойдете вы.

Женщина. Да? А это не хочешь? *(Показывает ишиш.)*

Девушка. Это у вас нет билета. Понятно, тетенька? На вас билет я не покупала. Все. Я купила четыре билета и отдала их проводнице. Ребята сидели специально в ресторане, пока не пройдет проводница.

Женщина. Билеты она должна была купить! Как же?.. Таня!

Девушка. Билеты купила я на их деньги. На их. Гильденстерн и Розенкранц.

Женщина. Ясно, что за фамилии... Проверим... *(Ищет ручку, записывает.)* Гильденберг... Как?

М. ч. Гильденстерн... и Ро-зен-кранц. Записали?

Женщина. Вы еще не знаете, с кем имеете. Ваши документы! Ссажу с поезда! Вызываю бригаду! Выкину сукиных детей! Пидарасы! ГБ по вас плачет! Под допросом она сидела! Не досидела, видно!

Мать дергает головой.

Ничего, ничего, милая, ничего, лапочка, я тебя не покину, я не слезу с поезда, пусть как хочут! Ты без меня не доедешь, тебя надо кормить, в туалет водить, она ведь посмеялась над нами... Над стариками... Она сама такая как они... О-о-о! Пидараска! *(Плачет.)* Урну не отдадим бросать в речку! Не отдадим! Полубаба, я вижу. Вместе спали...

Юноша и Молодой человек забираются на верхнюю полку вдвоем, ложатся валетом. Девушка тоже забирается на другую полку.

Я не лягу, я не лягу, ложитесь по одному, у меня нет места, я у ней в ногах, располагайтесь. Я так не могу. Я не засну. Свет не погашу.

Свет гаснет.

Таня, ты стонешь?

Мать *(явственно)*. Нет.

Женщина. Девушка, ты стонешь?

Девушка. Нет.

Женщина. Это они стонут, тьфу!

М. ч. Это не мы.

Ю.. Это не я.

Женщина. Господи! Господи! Как он стонет! Не знаю ни единой молитвы-то... Как там? Господи, Господи, помилуй... мою душу грешную... Мать пресвятая Богородица, царица небесная... Иже еси... На небеси... Да святится имя твое... Да приидет... царствие твое... Что-то помню, бабушка молилась еще... Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Нет, вы слышали? Стонет. Ой, ой... И прости нам, как мы прошаем... Прости мне... Помилуй... Птичка божия... не знает... Господи Иисусе, хвать тебя за уси, а я тебя за бороду, пошли гулять по городу... Как там... Союз нерушимый... Господи, помилуй рабу твою грешную... *(Поет.)* Аве Мари-и-я! Во веки веков...

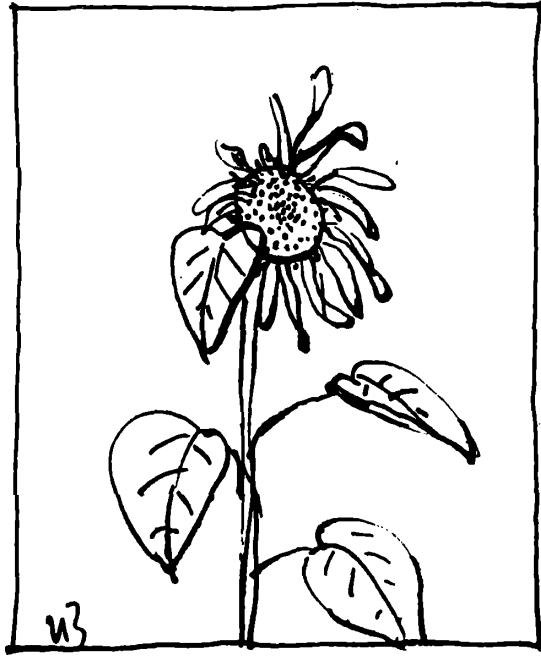
Аллилуйя! Смилуйся, государыня царица! Господня девица! А-а... Сергевна, это кто? Это кто стонет? Зажгите свет? А?

Девушка. Никто, никто не стонет. Спите. Вам кажется. Спите, ложитесь. Для вас место готово.

Женщина. Пряма. Что я, дура? Слышишь? Слышишь еще? Господи Иисусе, спаси меня и помилуй рабу Божию... Как дальше? Аве Мария! *(Поет.)*

Ее пение подхватывает голос Робертино Лоретти.

ДЕТСКИЙ ТЕАТР

ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ

▪

ЧЕМОДАН ЧЕПУХИ,
ИЛИ БЫСТРО
ХОРОШО НЕ БЫВАЕТ

▪

ДВА ОКОШКА

■

ЗОЛОТАЯ
БОГИНЯ

Сказка
в двух
действиях

■

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

МАЛЯР.

МАЛЮТКА, *его дочь.*

ВЕСЕЛКА, *его подручный.*

КЛАДОВКА, *дочь Веселки.*

БОГАЧ.

БИМ }
БОМ } *клоуны.*

Примечание. Богач — это существо на ходулях, вместо лица у него огромная маска из папье-маше, можно с движущейся нижней губой. Лицо у Богача — типичное лицо красавца манекена с витрины, только втрое больше. Лучше всего приспособить ему руки на тростях, делающие иногда кукольно-величавые движения.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Б и м и Б о м строят балаган, Веселка лежит и смотрит.

Б и м . Подержи!

Б о м . Держу.

Б и м . И я держу. Теперь заколачивай! Быстрее!

Б о м (*отпускает доску, лезет в карман*). Заколачивать?

Б и м . Держи, ты что, а то упадет!

Доска падает.

Подымай!

Бом поднимает доску, зацепившись, падает. Долго лежит, потом шупает голову, руки, осторожно поднимает поочередно ноги, проверяет уши. Веселка громко плюется и поворачивается на другой бок.

Подымай, тебе говорят!

Б о м . Поднял.

Б и м . Держи.

Б о м . Держу. Погоди, нога не в порядке. (*Шупает ногу, доска падает.*)

Веселка со стоном зажимает уши.

Б и м . Держи, кому говорят!

Б о м (*держит доску*). Держу.

Б и м . Заколачивай!

Б о м . Чем?

Б и м . Одной рукой держи, другой — заколачивай!

Б о м . А чем мне гвоздь из кармана вынуть?

Б и м . Зубами.

Бом тянется зубами к карману, все с грохотом падает. Веселка отнимает руки от ушей, поворачивается посмотреть, плюется, натягивает на голову пиджак, отворачивается.

Б о м . Ну, гвоздь я из кармана как-нибудь достану, хоть зубами, хоть чем, а молоток мне кто подаст?

Б и м . Дядя.

Б о м . Дядя, эй, дядя! Подай мне молоток, гвозди и подержи доску, а я тебе лестницу подержу, чтобы ты забил гвоздь.

В е с е л к а . Ага. *(Открывает лицо.)* А зачем?

Б о м . А мы здесь балаган построим.

В е с е л к а . Балаган. А зачем?

Б о м . Бим, а зачем?

Б и м . Здесь будет театр.

В е с е л к а . Ага, я помогу вам построить ваш поганый театр, а вы потом будете показывать в нем ваши поганые пьесы.

Б о м . Дядя, наши пьесы не особенно поганые.

В е с е л к а . Да? Ну а про что в них говорится?

Б о м . Ну, вот, например, пьеса, которая называется «Здесь становится опасно».

В е с е л к а . Ну.

Б о м . Здравствуй, Бим!

Б и м . Здравствуй, Бом!

Б о м . Слушай, я, кажется, отсюда переезжаю! Здесь становится опасно!

Б и м . Куда, Бом?

Б о м . Я переезжаю в бочку. Все хорошие люди всегда жили в бочках.

Б и м . Когда же ты переезжаешь?

Б о м . Пока не знаю, бочка еще занята.

Б и м . Там еще живут?

Б о м . Нет, там еще пиво.

Б и м . Да ты что! Да я бы прямо в пиве поселился!

Б о м . Бим, я уже предлагал им. Но они сказали, что клиенты могут догадаться.

Б и м . А, понимаю. По вкусу.

Б о м . Нет, Бим.

Б и м . По запаху?

Б о м . Нет, Бим.

Бим. Тогда по чему?

Бом. По голосу. Когда я начну петь.

Веселка (*оживляясь*). Это еще что, а вот пошли, я вам покажу одну штуку! Вот вы удивитесь. Что-нибудь грязное у вас есть?

Бим и Бом переглядываются.

Ну, там, носочки, наволочки?..

Бим и Бом пожимают плечами.

Рубашечки? Чтобы собрать постирать!

Бом. Лишнего у нас нет ничего.

Веселка. А вот пиджачок? А? Не такой уж он и чистый? А?

Я вам постираю, а? Дело в том, что я изобрел стиральный порошок «Гипер». Пошли, пошли, сними пиджачок...

Бом. Но у меня под ним ничего нет... Я стесняюсь.

Веселка. Под пиджаком брюки-то есть? Ну и все. Пошли!

О, я вам покажу! Такой стиральный порошок, лошадь от телеги отстирывает!!! Памятник от фундамента!

Уходят. Бом держится обеими руками за пиджак, пускает слезы из глаз.

Явление второе

Входят Маляр и Богач.

Богач. Это что за куча дров? (*Пишет ногами доски.*)

Маляр. Да это приехал передвижной театр. Собрали старые доски на свалке... Хотят строить помост, что ли...

Богач (*подумав*). Театр... Это хорошо.

Маляр. Но из старых досок что построишь-то? Потом опять будете меня ругать, что испорчен вид пейзажа. Весь город отремонтировал, бегаю, как собака.

Богач (*подумав*). Театр — это хорошо. А помост им покрасишь, и все, будет как новенький.

Маляр. За покраску помоста — две тысячи.

Богач. Сейчас у меня нет денег, запомни так.

Маляр. Я и так уже запомнил за вами сто тысяч. Сто тысяч плюс две тысячи, с вас сто двадцать две тысячи.

Богач. А кто вчера мне сделал кошачьи глаза?

Маляр. А потому что краска была такая.

Богач. Я просил вчера мне сделать синие глаза, черные брови и красные губы. Посмотрелся в зеркало, и что я вижу? Губы синие, брови рыжие, а глаза желтые с зеленым. Как яичница с луком.

Маляр. Краска такая. Мне дорогую краску не купить.

Богач. А ты купи! Я тебе ведь деньги-то отдам! А то лицо было такое, что я вышел на улицу и меня никто не узнал.

Маляр. Когда?

Богач. Сегодня.

Маляр. Что сегодня?

Богач. Сегодня я вышел.

Маляр. Я говорю, когда вы мне деньги отдадите? Сто двадцать две тысячи.

Богач. На днях я получу десять миллионов! А если выгорит одно дело, то миллионов пятнадцать!

Маляр. Если вы мне завтра не заплатите сто двадцать две тысячи, я вообще с кровати не встану. Работаю, работаю... Выкрасил весь город, все крыши, заборы, стены... Город как игрушка. Вам все это досталось, а я без денег, дочь-невеста ходит в отрепьях... Красавица, а надеть нечего... Глазки синие, бровки черные, волосы золотые, а носит черт знает что из-за своего отца дурака...

Богач. Пойми, я вчера купил последние три дома, истратился.

Маляр. Значит, теперь весь город ваш?

Богач. Свободных денег у меня нет, понимаешь?

Маляр. А откуда будут?

Богач. Это неважно.

Маляр. Деньги отдайте, мои сто двадцать две тысячи.

Богач. Я даю тебе еще две тысячи! Но ты мне сделаешь одну работу.

Маляр. Сто двадцать две тысячи да две тысячи — это сто тридцать две тысячи.

Богач. Хорошо. Даже можешь записать. Видишь аллею?

Маляр. Пока мне не заплатят, я ничего не вижу.

Богач. Видишь?

Маляр. Не вижу.

Богач. К этим деревьям надо привязать яблоки, причем яблоки надо выкрасить в золотой цвет.

Маляр (*широко раскрывает глаза*). Что-о?

Богач. Да, вот такая работа. Не хочешь, найду других.

Маляр (*приходит в себя*). Бесплатно у меня остался только черный цвет. Так что яблоки могут быть только черные. А кроме того, зачем это привязывать яблоки? Немедленно оторвут и сожрут. Такой народ.

Богач. Так. Ну что, у меня есть клей «Супер». Приклеишь этим клеем яблоки к дереву. Такой клей, что легче дерево с корнем вырвешь, чем яблочко сдернешь.

Маляр. Приклеивать яблоки к липе — очень дорогая и ручная работа. И вредная. С вас еще сто тысяч. Сто тридцать две тысячи да сто тысяч — с вас сто сорок две тысячи.

Богач. А что, это разве липа растет?

Маляр. Настоящая липа.

Богач. Ага. Яблоки на липе. Тогда так — окрасить все липы золотой краской. Золотая липа — это уже не липа. И приклеить к ним золотые яблоки.

Маляр (*закрыв глаза и протянув руку*). Не вижу.

Богач. Что ты не видишь?

Маляр (*ощупывая воздух вокруг себя*). Денег не вижу.

Богач. У меня где-то валяется бочка золотой краски. Зальешь в цистерну, покрасишь все из шланга. Это будет дешевая работа.

Маляр. Я из шланга не работаю, я брезгую даже распылителем. Ищите себе дворника, а мне отдайте мои деньги. Ищите такого ненормального дворника, который из шланга будет срочно красить липу в золотой цвет и приклеивать к ней золотые яблоки. И при этом еще не спросит: а для чего это? И никому ничего не раззвонит.

Богач. Вот я и не нанимаю дворника, а нанимаю художника, то есть тебя. Хорошо, крась кистями и молчи.

Маляр. Бесплатно не могу молчать. Тем более что я не знаю, зачем вся эта волокита.

Богач. Короче говоря, я завтра продаю город одному типу... Пятнадцать миллионов, и я с тобой рассчитаюсь.

Маляр. Кому это?

Богач. Одному там... покупателю.

Маляр (*встревожившись*). Кому это?

Богач. Ты его не знаешь.

Маляр. Это что, ему... эта липа с яблоками?

Богач. Ты догадался. Ему. Этот покупатель, он очень ценит почему-то сказки и легенды. Везде ищет готовый к продаже город с золотыми яблоками. Любит красоту.

М а л я р. Но ведь он сразу раскусит, какие это яблочки: клей и бронза.

Б о г а ч. Сразу-то он не раскусит. Вообще-то они ему скорей для вида нужны, я подозреваю. Ну фантазия взбредет в голову...

М а л я р. Эй, я вот что подумал. Ведь листья-то под слоем краски засохнут! Живое умирает от покраски. И вся липа к чертовой бабушке облетит.

Б о г а ч. Ты думаешь?

М а л я р. Вся моя работа.

Б о г а ч. Листочки поднимешь и приклеишь обратно клеем «Супер». Он не то что листик к дереву, он коня к телеге приклеит! Памятник к постаменту!

М а л я р. За эту двойную работу я с вас возьму еще сто тысяч. Сто сорок две тысячи плюс сто тысяч — это будет... Триста тысяч двадцать две копейки.

Б о г а ч. Пошли, посмотрим еще те три дома, которые я купил, может, удастся что-нибудь на скорую руку сделать.

М а л я р. Тогда с вас за три дома... еще... Да плюс за срочность... За краску.

Б о г а ч. Запиши, запиши. Писатель. Сходи лучше за инструментом. Встречаемся здесь.

Уходят.

Явление третье

Возвращаются Бим, Бом и Веселка. На Боме — совершенно дырявый пиджак. Бом горько плачет.

В е с е л к а. Клянусь, я не знал, что пиджак у тебя такой новый!

Б о м (*рыдая*). Был абсолютно новый пиджак! Зачем его было стирать! Теперь мне буквально нечего носить! Бим, ты помнишь еще мой пиджак? Какой он был? С рукавами!

Б и м (*пуская слезы*). А-а-а!

Б о м (*высыхая*). Ты чего плачешь, Бим?

Б и м. Я вспомнил! Как один человек недавно уронил в лужу мое пальто!

Б о м. А ты сам где был в это время?

Б и м. Не спрашивай!

Бом. Ты был в этом пальто?

Бим пускает фонтанчик слез.

Которое упало в лужу?

Бим. Нет, Бом! В этом пальто находилась твоя жена! Но не пугайся, все кончилось хорошо, там койка у окна, питание нормальное, передачи принимают после обеда!

Бом (*с интересом*). Что, Бим, моя жена в больнице?

Бим. Нет, Бом, в больнице сейчас лежит тот человек, который уронил в лужу мое пальто. А твоя жена уже дома, видимо, сняла все с себя и стирает. Но как твоя жена за ним бежала, за этим человеком, который уронил в лужу мое пальто! Она мчится, с пальто у ней течет, из воротника течет, из кармана хлопывает... А он, этот человек, который уронил в лужу мое пальто, побежал и спрятался в собачьей будке!

Бом. Бим, а собака где была в это время?

Бим. А собака в это время там спала. Самочка волкодава, как потом оказалось, и ждет шеночков. Представляешь себе ее пробуждение! Мы его из этой будки вырезали автогенном, пока «скорая помощь» не приехала.

Бом. Послушай, Бим, а как это моя жена оказалась в твоём пальто?

Пауза. Бом пускает длинную слезу.

Бим. Видишь ли, Бом, мне показалось, что твоей жене стало немного холодно, поэтому я и накинул на нее мое пальто.

Бом. А почему это моей жене стало холодно, Бим, а? (*Вынимает из кармана большую саблю.*)

Бим. Все очень просто. Мы с ней шли. И вдруг бежит один человек. А я ему должен сотню. Долг небольшой, но давнишний, еще с детского сада. И этот человек меня повсюду разыскивает. И вдруг он меня видит. И тут я говорю твоей жене: «Мне кажется, что вам немного холодно. Можно, я предложу вам свое пальто?» И я накрыл твою жену моим пальто, хотя она и изображала, что не хочет. Но под пальто это было уже не видно. А он, этот человек, которому я должен сотню, оказывается, он меня уже забыл, а пальто мое помнит с детства — помнишь, то мое пальто, новенькое, еще дедушкино? Ну, то, с одним карманом, но без рукавов? Ну, вот. Он и увидел твою жену в моем пальто... А рядом была лужа... Рост у нас с твоей женой примерно одинаковый, она и выше меня всего-то

сантиметров на десять... Нос у нее даже немного шире моего. Но зато у меня нога меньше, и в плечах я послабей... Так что он принял меня за нее, вернее, ее за меня. Тем более что меня там уже не было в это время. Я прилег за кустом.

Б о м . Бим, а зачем это ты ходишь с чужими женами?

Б и м . Бом, ну кто-то же должен был нести ее чемоданы, она же женщина, несмотря ни на что! Мало ли у кого растут усы! Да почти у всех!

Б о м . Бим, а куда же она шла с чемоданами?

Б и м . Она шла к своей матери.

Б о м . Скажи, Бим, а ты ее точно до дверей проводил?

Б и м . В конечном итоге да.

Б о м . И она зашла к своей матери и заперла за собой дверь?

Б и м . В конечном-то итоге да, когда она внесла все восемь чемоданов.

Б о м . И она больше не выходила?

Б и м . В конечном итоге нет, Бом, но в это время мимо шла ихняя уборщица и попросила меня не брать ее половую тряпочку и сказала, что вечно воруют из-под дверей! А я ей сказал, что это не ее половая тряпочка, а мое пальто, которое я несу в руке, потому что оно мокрое! Не могу же я надевать на себя вещь из лужи! А оказывается, ее половая тряпочка тоже была мокрая, и у нас разгорелся спор.

Б о м . Ну а моя жена-то больше не выходила?

Б и м . Она вышла немного посмотреть, а потом она еще раз вышла через час и стала нас разнимать.

Б о м . Бим, но потом-то она ушла и заперла за собой дверь?

Б и м . Она ушла, ушла, но только после того, как мы с этой уборщицей поделили мое пальто. Мне достался карман!

Б о м . Бим, значит, она ушла к своей матери? Значит, я свободен? *(Пускает слезу.)*

Б и м . Говорил мне дедушка, береги пальто, оно еще папино! *(Пускает слезу.)*

В е с е л к а . Моя дочь тоже вчера плакала над своей юбкой, я ей постирал... *(Ложится, накрывается пиджаком.)*

Бим и Бом продолжают строительство балагана.

Маляр ввозит на тачке бочку краски и бочку клея.

М а л я р . А ну, с дороги!

Б о м . А. Маляр, привет!

М а л я р . Кто ты такой, чтобы мне говорить «привет»!

- Б и м . А кто ты такой, чтобы мне говорить «кто ты такой»?
- М а л я р . Решено ваш балаган снести как портящий внешний облик пейзажа улицы города.
- В е с е л к а (*подняв голову*). Скажи, Маляр, ты зачем каждый день шастаешь к Богачу во дворец? Да еще с красками? Да еще кисти такие тонкие?
- М а л я р . А кто ты такой?
- Б и м . По-моему, он каждый день рисует Богачу новое лицо. Пишет маслом.
- М а л я р . Говорить со всяким сбродом... Как будто не знают, что, если человека покрыть краской, он задохнется и умрет!
- Б о м . Это правда. Моя жена тут стала красить себе лицо, а я ей говорю: «Сейчас задохнешься и умрешь». Она говорит: «Почему это?» А я говорю: «Подушкой придушу».
- М а л я р . Краски-то масляные. Для лица не годятся. Темнота. (*Приступает к дереву, огораживает его щитами с надписью «Объезд 2 км».*)
- Б и м . Слушай, Маляр, ты зачем это заборы выкрасил в розовый цвет? Теперь не посидишь нигде с другом! У меня пиджак-то черный!
- Б о м . Не говори, черное с розовым — это эффектно!
- В е с е л к а (*приподнявшись*). Весь город линяет, как паршивый кот.
- М а л я р (*приподнявшись над щитом, весело*). А для этого и пишут везде «Осторожно — окрашено».
- Б и м . Мы этим объявлениям не верим.
- Б о м . Прошлый год на вокзальной стене висела эта ложь насчет «окрашено», а стена уже давно вся была записана.
- Б и м . А что там писали?
- Б о м . Не помню, но стена была записана вся сплошь. Какие-то простые буквы.
- М а л я р (*приподнявшись, торжествующе*). Вот я и вешаю таблички! Если бы не хватало грязными руками, не прислонялись бы грязными спинами, все бы было в порядке! Заборчики, стеночки, все розовое, голубое, малиновое! Крыши золотые! (*Исчезает.*)
- В е с е л к а . Ты, Маляр, все замазал сверху, а все равно крыши дырявые, с потолка течет.
- Б о м . Ага, у меня в стене такая щель, что ночью я читал бы при свете луны; если бы было что читать и мама бы меня

в десятом классе не забрала из школы, прежде чем я научился читать.

Входит Малютка. Увидев ее, Бим мгновенно исчезает, потом появляется в костюме для нанайской борьбы. Это — борьба человека с зайцем.

Малютка *(сдержанно улыбаясь, идет к отцу за щиты. Задерживается, смотрит)*. Папа!

Бим *(сбросив маску)*. Зрители, подайте на погорелый театр!

Малютка. Папа, дай денег!

Малляр *(встревоженно появляясь над щитами)*. Ты чего здесь? Здесь тебе делать нечего! Иди домой, я работаю.

Малютка *(завороченно глядя на сцену)*. Папа, я тебе помогу! Дай денег!

Малляр. Ты что, у меня нет! Нам скоро будет нечего есть, а ты клянчишь! Иди домой! *(Скрывается.)*

Бом. Эй, Бим!

Бим не шевелится.

Бим! Что с тобой? Здравствуй, Бим! До свиданья, Бим! Язык проглотил, что ли, Бим! Видите, девушка! Бим свой язык проглотил. Сейчас наступит острое отравление: у Бима язык острый и ядовитый! Бим! Что с тобой?

Бим жестами выражает влюбленность.

Что-что? Не понимаю.

Бим продолжает монолог без слов.

Эй, эй, ты выражайся поприличней, здесь девушки!
А? Что?

Бим не в состоянии выразить своих чувств.

Вчера я не брал у тебя из кармана ничего!

Бим в отчаянии.

Сегодня? Я не виноват, что у тебя украли. Что украли-то? Не украли? Потерял? А что потерял? Девушка, он, оказывается, потерял сердце. Только и всего? Сейчас поищем.

Бим и Бом ищут сердце, наконец они угадали, где оно спрятано, и — раз! — Бом накрывает всем телом сумочку Малютки. Протяги-

вает сердце Биму, тот взял свое сердце, прижал его к уху, послушал, что оно ему говорит, отрицательно качает головой. Смущен. Ковыряет носком ботинка пол. Боком-боком подходит к Малютке, показывает на свое сердце на ладони, пожимает плечами: дескать, я ни при чем. Глядя в сторону, протягивает его Малютке. Малютка нежно берет сердце, как птенца, дует на него, гладит его. Бим на седьмом небе.

Б о м . Девушка! Да он женат! У него четверо (*показывает мал-маленькие*) внуков.

Малютка в отчаянии роняет сердце, убегает. Бом ловит сердце, опять с размаху падая на пол, и, поймав, отдает Биму. Бим разочарованно прятчет его во внутренний карман, потом срывается и убегает.

Куда, куда, ты что, не видел ее папашу? (*Убегает вслед за Билом.*)

Явление четвертое

▲

Входит Богач. К нему выскакивает Маляр.

Б о г а ч . Ну, я посмотрел хорошенько те три дома. Они согласны сделать ремонт своими силами.

М а л я р . Да ну. Я что, не в силах заработать?

Б о г а ч . Ты же все равно не успеешь. А так они сами... Я им сказал, что выселяю их для капремонта. Они согласны сами провести капремонт без выселения. Там у них куча детей, то да се, малые старухи, тьфу! Кишат. Ничего, скоро этому придет конец. Как идет работа?

М а л я р . А... Почему конец?

Б о г а ч . Ну, они умрут же все в конце-то концов? В свое время.

М а л я р . Вы сказали «скоро»... Я подумал... А кто он? Ну... Этот новый покупатель? Он с меня шкуру не сдерет за эти липовые дела? (*Кивает на дерево.*) За фальшивые яблоки?

Б о г а ч . Успокойся, он и в рот их не возьмет. Абсолютно безразличен к яблокам. Я же тебе говорил. Это услада его глаз.

М а л я р . А какие у него глаза?

Б о г а ч . Глаза? Ну какие? Обыкновенные.

Маляр. Не как у вас?
Богач. А, в этом смысле? Нет, не как у меня. *(Смеется.)*
Маляр. А он... кто?
Богач. Кто?
Маляр. Ну... Он кто? Человек?
Богач. А, в этом смысле... Да, человек, человек, успокойся.
Маляр. От души отлегло прямо. Человек! Здорово. Мы стосковались по человеку. А он какой... по размеру?
Богач. Да как тебе сказать.
Маляр. Ну... Он не большой?
Богач. Нормальный, а что?
Маляр. Не... великан?
Богач. А, в этом смысле. Нет, успокойся, не великан.
Маляр. Яблоки любит... Золотые... А сам их не жрет... Странно...
Богач. Мало ли какие бывают люди.
Маляр. Конечно, непонятно.
Богач. Знаешь, есть такие вегетарианцы.
Маляр. Ну, сумасшедшие такие. Но тихие.
Богач. Которые едят только растения. Траву, корни, цветы...
Брр...
Маляр. Ну!
Богач. А вот он нормальный.
Маляр. Не ест корни.
Богач. Да, все наоборот.
Маляр. А что ест?
Богач. Только мясное.
Маляр. Ну, это терпимо. Свинину там... говядину... Шашлыки... Котлеты!
Богач. Вот, вот. И все другое. Деньги нужны?
Маляр. Еще бы!
Богач. Тогда давай работай.
Маляр. А что другое-то? Вы сказали «и все другое». Лошадятину?
Богач. Ну, все, все мясное.
Маляр. Кошкоеды еще бывают...
Богач. Работайте. *(Уходит.)*
Маляр. Нет, вы мне все-таки объясните! *(Убегает.)*
Веселка *(подняв голову)*. Курятину, утятину, гусятину, индюшатину! *(Облизываясь.)* Вот темнота! Я бы и лягушиных ножек попробовал... И рыбу, рыбу забыл! Омаров, крабов, икру! Икру!

Вбегает Кладовка.

Кладовка. Да, да, и мне тоже!
Веселка. Дочка, тебе чего? Ты что сюда пришла?
Кладовка. Сижу дома, слышу разговор про еду!
Веселка. А, это одни разговоры.
Кладовка. А я хочу есть!
Веселка (*укладываясь*). Вот погоди, вот я продам свой стиральный порошок какому-нибудь умному человеку... Заработаю миллион. Не мешай спать.
Кладовка. Кому это нужно? В магазин пойдет твой умный человек и купит себе порошок.
Веселка. Ты не понимаешь. Я изобрел новое вещество! Краску смывает, причем любую! В магазине такого не продают! Я изобретатель.
Кладовка. Ага. Ты изобретатель, как на работу не ходить. А я должна работать, мыть полы, чтобы купить хлеба и картошки.
Веселка. Это прекрасная еда!
Кладовка. От нее толстеют! Как вижу толстую женщину, так и понимаю: она бедная! Она ест только хлеб и картошку, а остальное отдает детям.
Веселка. Когда-нибудь мой порошок понадобится! И я проснусь миллионером! А раньше просьба не будить!
Кладовка. А я тогда пойду в артистки!
Входит Маляр.
Я буду, буду, буду артисткой! (*Неуклюже танцует.*)
Маляр (*сухо*). Не мешайте работать, девушка!
Кладовка. А я пришла наниматься в театр!
Маляр. Просьба подождать за углом!
Кладовка уходит, Маляр скрывается за ширмами.

Явление пятое

Появляются Бим и Бом.

Бом. Здравствуй, Бим!

Бим. Здравствуй, Бом!

Бом. Бим, почему ты на меня так смотришь?

Бим. Как, Бом?

Бом. Вот так! *(Показывает крайнее изумление.)*

Бим. Бом, а я тренируюсь! Жена спросит, где деньги? *(Изображает крайнее изумление.)*

Бом. Бим, разве у тебя есть деньги?

Бим. Какие деньги? *(Изображает крайнее изумление.)*

Бом. Ну, про которые жена спросит.

Бим. Бом, так я же еще не женат!

Бом. А зачем тренируешься?

Бим. Ты понимаешь, Бом, у меня ужасные предчувствия! Ты видишь? Вон, вон она!

Входит Кладовка.

Кладовка *(изображая из себя светскую даму)*. О, кого я вижу! Здравствуйте, Бом! Какой у вас интересный друг! Как его зовут?

Бим молчит, делая непонятные знаки Бому.

Бом. Не отвечает!

Кладовка. Надо же, какой он безответный!

Бом. Его зовут — Бим Черные Уши.

Бим. Меня зовут Бим — Черная Рука.

Бом. Его зовут Бим *(пригибая голову Бима)* — Серая Шейка.

Кладовка. Очень приятно. А меня зовут Кладовка, это между своими. Лично я люблю имя Лилия. Как поживаете?

Бим изображает на лице крайнее огорчение.

Может быть, погуляем?

Бим изображает крайнее изнеможение и валится Бому на руки.

Да я тут живу недалеко. Я, надо сказать, недалеко.

Бим. Ну, ладно, приятного вам отдыха, к сожалению, так случилось, что мне пора уходить.

Кладовка. Да мы вас проводим!

Бим. А туда женщин не пускают.

Кладовка. А мы рядом постоим.

Бим. А мне надо долго.

Кладовка. Ничего, я долгожданная!

Бим. Ну что, Бом, нам пора!

Бом. Куда?

Бим. В баню!

Кладовка. После бани милости просим ко мне. Принесите только с собой бубликов к чаю и заварки, а сахар по дороге

захватите. Да, если чайничек есть, не забудьте. А то у меня нет ничего. Я девушка ничего себе, все другим. (*Грациозно убегает.*)

Бом. Ты с ума сошел: в баню. Это же надо мыло, мочалку, полотенце где-то доставать. И потом, где у нас шайки?

Бим. Зато она туда не войдет ближайшие три часа... Пошли! Постоим просто так под душем, заодно потрешь мне спинку пиджака, я давно его не стирал, с тех пор как меня одна старушка полила из лейки, когда я спал на ее клумбе. Пошли, и в карманчиках помоем...

Бом. Ты что, туда бесплатно не пускают.

Входит Малютка, скромно останавливается возле щитов, за которыми возится Маляр.

Здравствуй, Бим!

Бим. Здравствуй, Бом! (*Плачет.*)

Бом. Ты чего плачешь, Бим?

Бим. Меня обокрали, Бом!

Бом. Когда?

Бим. То ли вчера, то ли месяц назад!

Бом. А что у тебя украли?

Бим. Ты представляешь, у меня украли носок! И кому он мог понадобиться? Еще неделю назад я вроде бы его видел... Или месяц назад... Сначала вообще мне кто-то порвал носки в двух местах. Я их так берег! Я с них пушинки сдувал! Я их специально старался не закапать водой... Когда плакал, отстранялся... (*Демонстрирует плач фонтаном.*)

Бом. И что же?

Бим. И вот один носок не помню когда исчез.

Бом. А где ты последний раз его снимал?

Бим. Ты что? (*Фонтан прекращается.*) Я их берег, боялся потерять и не снимал вообще! Я их ежедневно чистил гуталином!

Бом. Да, странно... Неизвестно куда пропал целый носок...

Бим. Нет, он был не целый, не буду врать! Там вообще оставались одни манжеты.

Бом. Все, я вспомнил! Мы с тобой вчера ходили за яблоками?

Бим. Нет! Ты что!

Бом. Да ладно уж, ходили!

Бим. Может, ты и ходил, а я ползал.

Бом. И помнишь, там еще собачка залаяла?

Бим. Нет, этого я уже не помню.

Бом. А я тебе еще сказал: надо ей дать чего-нибудь съесть, чтобы она замолчала.

Бим (*осматривая себя*). А я решил, что не дам! Ничего не дам! (*Нежно гладит себя по ноге.*)

Бом. Ну, вот, а она подошла и схватила тебя за пятку.

Бим. А я где был в это время?

Бом. А ты уже был за забором.

Бим. А собачка?

Бом. А собачка, схватив тебя за пятку, завывала и убежала.

Бим. Ну и где тогда мой носок?

Бом. Если носок пропал, а собачка завывала и отстала, значит...

Бим. Ура! Я его нашел! Он у меня на колено съехал!

Бом. Тогда почему же собачка завывала и отстала?

Маляр (*выглядывает из-за щитов*). И это называется театр! Малютка, ты что здесь делаешь? Это же позор, это же ниже всякого уровня!

Бим. Что это? Это? Или это?

Маляр. Идите отсюда!

Бом. Если почтенная публика кинет нам два гроша, мы уйдем в баню!

Маляр. На, дочка, передай им! На некоторых актеров и денег не жалко, только чтобы они не появлялись на сцене!

Малютка подходит к сцене, отдает актерам деньги и пару бубликов.

Бим. Перерыв на чашку кофе! Зрителей ждем в ближайшем кафе за углом!

Уходят. Малютка скрывается за щитами.

Явление шестое

Входит Кладовка.

Кладовка. Папа, вставай! Ты простудишься! Идем домой, я картошечки сварила! Они ушли? Есть хочется!

Веселка. Вот так. Была у меня малышка, золотые волосики, пухлые ручки, маленькие ножки, два зубика... Потом стало четыре зубика... потом тридцать два зубика...

Кладовка. Я не виновата, что у меня столько выросло. Я сама бы хотела быть маленькой, тоненькой, изящной и с двумя

зубиками... Кто же виноват, что мне все время хочется есть. Все мне делают замечания. Я просто замечательная. А я хочу стать артисткой. Я уже ходила наниматься к этим двум комедиантам, к Биму и Бому.

Веселка *(встает, кряхтя)*. Но им самим нечего есть.

Кладовка. А этот Бим такой глупенький, он сразу в меня влюбился. От смущения говорить не мог, ноги у него подкашивались, в мою сторону не глядел. Прямо побледнел, глаза закрылись, зеленый такой стал и за живот хватался. Я говорю: приходите в гости, я тут неподалеку, между нами близость, а они намылились в баню.

Веселка. Пошли, дурашка. Пошли, моя бедная.

Уходят.

Явление седьмое

Крадучись, входят Бим и Бом. Малютка появляется перед шитами.

▲

Бом. Ты здесь одна?

Малютка. Да.

Бом. А сюда не заходила такая... красавица? *(Демонстрирует томные телодвижения.)*

Малютка. Нет!

Бом. У нее синие-синие огромные *(показывает пальцами на глаза)*...

Бим. Щеки.

Бом. У нее такие маленькие-маленькие, красные, пухлые *(показывает на рот)*...

Бим. Глаза.

Бом. У нее такие длинные, пушистые, загнутые *(показывает на ресницы)*...

Бим. Уши.

Бом. У нее такие тонкие, черные, вразлет *(показывает на брови)*...

Бим. Зубы.

Бом. У нее маленький, остренький, с ямочкой *(показывает на подбородок)*...

Бим. Лоб.

Бом. И вздернутый, короткий, прямой *(показывает на нос)*...

Бим. Волос.

Бом. И широко распахнутые, глядящие прямо в душу (*показывает на глаза*)...

Бим. Ноздри.

Бом. И у нее большой, широкий, выпуклый (*показывает на лоб*)...

Бим. Нос.

Бом. И у нее длинные, ниже колен (*показывает волосы*)...

Бим. Руки.

Малютка. Ой, не видела!

Бим. Ваше счастье. Бом, стань спиной.

Бом уходит за занавес.

Наконец-то мы одни. Вам еще никто не говорил: «Девушка, где я вас мог видеть?»

Малютка. Нет.

Бим. А вам никто еще не говорил: «Девушка, помогите мне, у меня такое несчастье, лишний билет в кино?»

Малютка. Никто.

Бим. И никто-никто не говорил вам, что больше не будет ни с кем знакомиться на улице?

Малютка. Никто.

Бим. Будут говорить, не верьте.

Малютка. А вам никто не говорил еще, что ходит по городу и ищет такую скамейку, где можно было бы с вами сидеть и никто бы не увидел?

Появляется Бом.

Бом. Бим, я устал стоять спиной. Я всю жизнь стоял ногами на полу, больше не ставь меня спиной. У меня спина не стоит.

Бим. Стань затылком и закрой отсюда дверь!

Бом уходит.

С вами так хорошо говорить, вы все понимаете. Я предчувствую, что вы большая умница. Теперь ответьте на такой вопрос: вы хотите стать бродячей артисткой?

Малютка. Конечно!

Бим. Выступать в холод и дождь?

Малютка. Еще бы!

Бим. Варить на костре суп из сворованной в поле картошки?

Малютка. Это моя мечта!

Бим. Нянчить моих детей?

Малютка (*поникая*). А у вас их сколько?

Бим. Точно не известно. Потом будет видно.

Малютка. А ваша жена?

Бим. А моя жена в данный момент ни о чем не догадывается.

Малютка (*пряча лицо в ладони*). Вы противный, я больше не хочу с вами говорить. (*Убегает за щиты.*)

Входит, держась за голову, Бом.

Бом. Затылком стоять еще хуже, чем спиной. Вся голова в песке. Убираешь, убираешь, опять песку натаскали. Закрываемся на подметку сцены.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление восьмое

Бим и Бом сидят, едят яблоки и смотрят во все глаза. Маляр стоит на стремянке, красит листья и привязывает яблоки. Малютка под деревом.

Маляр. Дочка, подыми во-он тот листик и подай мне, я приклею.

Малютка. Этот, папа?

Маляр. Оба.

Малютка. А здесь четыре.

Маляр. Подавай по одному. (*Приклеивает.*) Вообще давай так: падает листик — ты лови! Зачем привлекать общее внимание. Еще один ло-ви!

Малютка. На, папа.

Маляр (*елейно*). Ой, дочка, сбегай подыми, там еще один лежит... (*Поет.*) «О-осень наступила, вы-ысохли цветы... и глядят уныло... на меня с высоты...».

Бом. О чем ты думаешь, Бим?

Бим. Бом, как ты считаешь, что такое дурак?

Бом. Это смотря кого ты имеешь в виду.

Б и м. Прежде всего, Бом, дурак — это человек, который думает, что он умный. И что он может кого-то обмануть, выкрасив липу бронзовой краской. И приклеив к ней яблоки. И выкрасив эти яблоки.

М а л я р (*бледно улыбаясь*). Некоторые люди такие умные, но почему они такие бедные? (*Сентиментально.*) Ой, еще листочек упал. Они думают, наверно, что наступила золотая осень! Подыми, деточка!

М а л ю т к а. Тебе по одному подавать или всю кучу?

М а л я р. А что, уже листопад? Ха-ха-ха.

Б о м (*задумчиво*). А почему ты все-таки считаешь, что он дурак?

Б и м. Еще одно определение слову дурак: это тот, кто делает необъяснимые вещи.

Б о м. Какие, Бим?

Б и м. Ну, например, ест кисель вилкой. Труда берет много, а киселя мало.

Б о м. Нет, я никогда не ем кисель вилкой, только ножом!

И руки до локтя всегда после этого тщательно облизываю!

М а л я р. Дочка, там еще один листик... случайно...

М а л ю т к а. Да пусть лежит, папа. Наберется много, я тебе все подам.

М а л я р. Нет, давай сейчас. Мне легче по одному. Клей такой жуткий, я боюсь капнуть себе на голову. Мне так трудно!

Помогай мне, доченька. И не слушай глупых разговоров.

О каком-то киселе заговорили.

Б о м. Я тоже не понимаю связи между вилкой, липой, киселем и яблоками. Трудолюбивый отец с трудолюбивой дочерью занят честной работой. И они не дураки. Они не облизывают эту липу! И не мажут листья киселем! И не красят яблоки вилками!

Б и м. И не приклеивают яблоки к липе.

Б о м. Ты что, слепой? Они как раз привешивают яблоки-то к липе. Каждое яблочко так тщательно мажут золотой красочкой, потом клеем тюк! И приклеивают яблочки.

И потом каждый листик красят, ждуг, пока он засохнет и упадет, подымают его и тоже присобачивают. Это же адская работа!

Б и м. А зачем они это делают, Бом? Вот загадка!

Б о м. Может быть, они объелись киселя?

Б и м. А откуда они взяли столько киселя?

Б о м. Наверно, им заплатили много денег?

Б и м. А кто им заплатил много денег?

Бом. Наверное, тот, у кого они есть!

Бим. А у кого в нашем городе много денег?

Бом. А передачи мне в тюрьму будешь носить? Пошли отсюда.

Воняет клеем и свежепокрашенной решеткой.

Уходят.

Маляр. А что же я, как действительно дурак, раньше не догадался? Надо заранее срывать листок, приклеивать его намертво и тогда уже красить. Ура! Гениально! Твой отец-то кто? Страшно сказать. Не скажу, а то будут говорить «мания величия, мания величия». Раз, раз, раз... Закончили дерево!

Малютка. Вот именно, что закончили дерево. Конец этому дереву.

Маляр. Нам-то какое дело, мы скоро из этого города уедем. Чует мое сердце, что оставаться нельзя. Придет новый хозяин, скажет: кто устроил эту липу, этот обман? Вот этот! Все видели. Так что мы отсюда тю-тю! Деньги получим...

Малютка. Ты, может быть, тю-тю, а я совсем не тю-тю.

Маляр. Ты поедешь, если отец велит.

Малютка. А мне здесь нравится.

Маляр. Я знаю, что тебе здесь нравится и особенно кто тебе здесь нравится. Этот обалдуй и охламон смеялся, между прочим, и над тобой: кретинка дочь с идиотом отцом тычут вилки в яблоки и все в таком духе. Я от злобы чуть с дерева не бросился, но что понимают охламоны в хорошей, честной работе! Работа ювелирная, ручная, срочная!

Малютка. А почему она срочная?

Маляр. А потому что поставлены сроки!

Малютка. А почему поставлены сроки?

Маляр. Потому что пора отсюда уезжать! Ну, гляди! Дерево-то как живое!

Малютка. А было просто живое.

Маляр. Листья немые, как накрахмаленные стоят. *(Бьет себя в грудь.)* Кой черт Леонардо да Винчи! Ты с кем рядом в одно время живешь, а? Даже сказать страшно.

Малютка. Все-таки я ничего не понимаю. Кому нужны эти яблоки на липе?

Маляр. Кра-сота, понимаешь? Кра-со-та.

Малютка. Я не понимаю этой красоты.

Маляр. Ты кто? Важно, чтобы я понимал, а ты... Ты кто?

Ты гля.

М а л ю т к а . Я не понимаю, зачем ты работаешь на этого урода.
М а л я р . Я работаю на себя. Ясно? Древние египтяне вообще на покойника работали, строили пирамиды. И прославились на тысячелетия! Представляешь, эта липа с яблоками сколько может простоять? Клей хороший! Ему не страшна ни вода, ни мыло! Еще не изобрели тот стиральный порошок, которым можно смыть мою работу!

**Явление
девятое**

Входят Бим и Бом.

Бим . Здравствуйте, достопорядочные зрители!

М а л я р . Тьфу! Театр оборотов! Порядочные артисты ставят пьесы, восславляющие великие дела!

Бом . Здравствуй, Бим!

Бим . Здравствуй, Бом! Начинаем спектакль «Сцены из жизни Древней Греции».

М а л я р . Если бы руки не заняты были трудом, я бы зажал уши!

Бом . Бим, ты был вчера у пивной палатки?

М а л я р . Тьфу!

Бим . Был.

Бом . А с кем ты был?

Бим . Я был один, Бом.

Бом . Неправда. Ты был вдвоем. Это нехорошо, у меня от встречи с вами до сих пор болит под глазом!

Бим . Неправда! Это вас было двое! Я один выступал против вас двоих! Называется друг! Причем ты его, Бом, для маскировки одел одинаково с собой! Чтобы я не узнал, кто из вас ты! Но я узнал! Ты стоял с краю!

Бом . А зачем, Бим, вы полезли драться? Двое-то на меня одного?

Бим . А вы зачем мне наступили на руку? Вдвоем на одну руку? И стояли на ней четырьмя ногами?

М а л я р (громко). Тьфу!

Бом . Я случайно наступил коленом на руку, но не тебе, а ему, который лежал там.

Бим . Да? Ну а я где в это время находился, а? Честно, Бом?

Бом. Ты, Бим, лежал-то рядом, но я споткнулся не об тебя, а об него! Я как раз очень следил за этим. Думал, если споткнусь, то только не об тебя! А об него! Об тебя — ни за что! Об друга? Об лучшего? Об родного? Об верного?

Бим. Ага! Как раз мало того, что ты, но и вы оба споткнулись об меня и упали. И вот тогда я наступленной рукой дал ему в глаз, когда он стал нагло лежать рядом со мной в одной луже! Я дал ему в глаз, а не тебе! Я думаю, только не Бому в глаз, не другу в глаз!

Малляр. Называется искусство! Малютка, иди отсюда вон, не смотри!

Малютка медленно уходит.

Бим (*ей вслед*). Бом, дай мне слово, что ты больше не будешь ходить к пивной палатке!

Бом. Да, лучше я дам тебе в глаз дома.

Бим соскакивает с помоста и бежит вслед за Малюткой, Бом — за ним.

▲

Явление десятое

Входит Богач.

Богач (*сквозь зубы*). Так... Что у тебя?

Малляр. Так что деньги на бочку! Дерево зако... дело сделано.

Богач. Так... Что сделано-то?

Малляр. Дерево золотое.

Богач. Одно?

Малляр. Работа ручная, художественная. По высшей расценке.

Надо прибавить за отделку. Зубчики-то, зубчики!

Богач. Я город еще не продал, и денег нет. И неизвестно, продам ли. Они мечтали о райском саде с золотыми яблоками, а тут что? Яблоки получились как бомбы висят, хочется пригнуть голову. Истратил бочку клея, пять корзин моих яблок, золотой краски извел ведро. И что, все псу под хвост.

Малляр. Почему это?

Богач. Потому что это липа.

Маляр. Он же не раскусит. Он же яблочки-то, вы говорили, не жрет? Он только полюбоваться?

Богач. Хорошенькое «полюбоваться». Чем любоваться-то? Веником сухим раскрашенным?

Маляр. Вы же мне дали описание работы.

Богач. Ведь я думал, что ты дурак! Думал, а надеялся. Что ты большой мастер. Хотя и дурак.

Маляр. Это не я дурак, а работа дурак.

Богач. Мне за эту липу ни копейки не заплатят они. И я тебе не заплачу ни копейки.

Маляр. Как это? Вы мне должны двести сорок пятьдесят тысяч семнадцать копеек.

Богач. Видишь? Город этот продать нельзя. Ты его размалевал, а в центре эта метла торчит с бомбами.

Маляр. Я честно работал! Я честно делал то, что мне заказали! Яблоки золотые висят? Висят.

Богач. И пахнут рыбьим клеем. Тьфу!

Маляр. Это вы мне дали такой клей. Я могу побрызгать «яблоневым цветом», такой шампунь, могу у дочери отлить. Пахнет как живой.

Богач. Конечно, рыба с мылом хорошо воняет.

Маляр. Я вам возражал.

Богач. Не видать тебе денежек.

Маляр. Можно чем-нибудь смыть... Хотя вряд ли... И листья все опадут, и яблоки будут падалица... А чем смыть-то? Где взять такой раствор?

Богач. Вот думай. А то люди уже там узнали и мне оттуда звонили, от него. Я им говорю: «Да вы что, никакой фальшивой позолоты, просто было проведено лечение заболевшего дерева тлей».

Маляр *(вытирая слезу)*. Здравствуй, с утра пораньше...

Богач. Тем более что по радио передавали, что в здешних местах будет большой ураган. А ты ведь сам знаешь, какой это дырявый, ветхий городишко. При первом же порыве ветра город развалится, и мы с тобой потеряем все денежки, которые я в него вложил.

Маляр. Ну, положим, не все дома развалится... На некоторые дома я надеюсь... Мой домик... Еще целый ряд домов... Ваш дворец...

Богач. Домики останутся, да кто их купит?

Маляр. Я не верю в бюро прогнозов погоды.

Богач. Так или иначе, ты свои триста тысяч профукал.

Маляр. Триста? Вы тоже так думали, что триста? Я знал, что вы меня обманули с оплатой. Ну надо же! Конечно, триста тысяч, а не сто пятьдесят, как у меня записано. Триста тысяч! Ура!

Богач. И ты не получишь их!

Маляр. Никакого урагана! Запомните это раз и навсегда!

Богач. И вообще эта вся твоя покраска до первого хорошего ливня.

Маляр. Моя-то покраска выдержит.

Богач. Ты красишь хорошо, но внутри-то пыль и труха. Я же знаю!

Маляр. Мой домик крепкий.

Богач. Ну, живи, оставайся. Выкапывай подвал поглубже. Я ухожу. Если ты меня не хочешь слушать.

Маляр. Как это — вы уходите? А деньги? Триста пятьдесят тысяч? С копейками?

Богач. Ффук! Твои деньги.

Маляр. Ах ты насекомое! Ишь власть взял! Ну-ка, чтобы заплатил!

Богач. Продам город — заплачу.

Маляр. А то распоясался! Я т-тебя!

Богач. Кричишь, а дело стоит.

Маляр. Я вас слушаю.

Богач. Да. Ну, так вот. Мне, значит, звонят оттуда и говорят, что не старайтесь раскрашивать яблочки. А вот нет ли, говорят, у вас золотых девушек?

Маляр. Загорелых найдем.

Богач. Да нет. *(Досадливо.)* Именно золотых. Нет ли, говорят, у вас золотых? Я говорю — есть.

Маляр. Золотых нет.

Богач. А мы говорим — есть. А что нам остается делать? Деньги-то ведь нужны, мне двадцать миллионов, тебе триста тысяч.

Маляр. Триста пятьдесят.

Богач. Триста. И вот я сказал — есть.

Маляр. А откуда же мы возьмем золотую-то девушку?

Богач. Так же и выкрасим. *(Кивает на дерево.)*

Маляр. Выкрасим и выбросим. Через четыре часа такая девушка задохнется под слоем краски и помрет.

Богач. Четыре часа как раз и хватит. Мы пошлем ее встречать их делегацию туда, это час езды на самолете. Час на

покраску здесь, час на оформление в аэропорту... Час ему на размышление при виде ее.

М а л я р . А потом?

Б о г а ч . А потом смоем, и все.

М а л я р . Ну, ладно. Подберем кого-нибудь из местных кадров. Только ведь надо быстро, а то я слушал, по радио передавали, что приближается большой ураган!

Б о г а ч . Ну, вот, подберем самую красивую девушку в городе.

М а л я р . Да, надо бы постараться. Быстро пройись вечером по главной улице. Ха-ха-ха! *(Потирает руки.)*

Б о г а ч . Ну, вот, подберем самую красивую девушку в городе, чтобы не ударить в грязь ее лицом!

М а л я р . Хи-хи-хи!

Б о г а ч . И в результате нашли самую красивую девушку в городе — твою дочь.

М а л я р . Ха-ха-ха! Ой, не могу! Нашли тоже красавицу. Зеленый еще огурец, худой цыпленок, нос — во, руки — во, ноги колесом вообще... Ладно, подберем кого-нибудь получше.

Б о г а ч . Да нет, чего подбирать, уже остановились на кандидатуре, я этот вариант им назвал. Оказывается, у них в городе уже слышали о ней. Просили словесный портрет. Я дал. Глаза синие, остальное золотое. Нога-рука небольшая, ухо завитком, все в мировых стандартах.

М а л я р . Откуда вы знаете?

Б о г а ч . Я знаю все.

М а л я р . От кого?

Б о г а ч . Да я ведь неоднократно слышал от тебя описание портрета лица твоей дочери.

М а л я р . Ну не дурак? Не дурак я? *(Слепо шарит вокруг себя руками, внезапно ослабел.)* Можно я сяду?

Б о г а ч . Деньги нужны, а так бы, конечно... Показывать надо товар лицом. Ха! Они уже там называют ее Золотая богиня. Красить будешь сам или найдем пьяного Веселку со шлангом? Но ведь он ее так покрасит в шесть слоев, что она у нас будет похожа на чурку с глазами. Золотое полено! Ха-ха! Глазами только луп-луп!

М а л я р . О-о, о-о, попался, влип, все сам и своими руками.

Б о г а ч . Ну, хорошо же, хорошо, ладно, договорились. Своими руками, так своими покрасишь! Договорились. Твоя дочь, что хочешь, то с ней и воротишь. А им мы скажем, что это наш обыкновенный кадр с улицы, рядовая из женской

молодежи. Он ахнет и выложит денежки. Пока не выложит, девочку ему не видать.

Маляр *(бледно усмехаясь)*. В каком смысле не видать?

Богач. В каком смысле? Глазами. *(Смеется.)* Не зубами же. Ладно, билет на самолет я сам ей обеспечу, а уж покраску бери на себя.

Маляр. Билет в оба конца?

Богач. Пока что нет, насчет обратного билета пусть это они сами похлопочут. И зачем заранее? Может, ей там понравится, и она захочет остаться на денек-другой-третий...

Маляр. Я решительно отказываюсь. Вы мне предлагаете... ва-ваа... вы знаете, что такое для отца дочь?

Богач. Знаю! В тысячу раз лучше тебя знаю! У меня у самого сотни детей бегают! Одним больше, одним меньше. Бог дал, Бог взял. Все там будем.

Маляр. Нна... ннаучился говорить... нна-насекомое...

Богач. Среди насекомых есть изумительные отцы и матери, и редкостного ума. Ну, ладно, я посылаю человека купить билет на самолет, а тебя посылаю за дочкой. Дать сопровождающих? А? Или сам?

Маляр. Ва-ваа понимаете, что ваа... вва такое мелете? Это совершенно исключено! Ваа... Вва же ваа... ввзрослое, умное насекомое. Как ввам не стыдно?

Богач. Ну не хочешь, сейчас мои люди зальют в цистерну золота. Они твою малютку позолотят за пять минут в десять слоев. Немного будет толстая богиня.

Маляр. Мне сутки на размышление...

Богач. Сутки не могу.

Маляр. Ну, полчаса.

Богач. Не могу.

Маляр. Ваа... вв... всего десять минут!

Богач. Ну что как маленький, ей-бо. Как ребенок. Ну? Через пятнадцать минут чтобы вы были с ней здесь.

Маляр. Мне до дому полчаса добираться, ваа... вва соображаете? И пятьдесят минут обратно. Собрать ей вещи...

Богач. Какие вещи! Какие вещи, ты что! Золотая богиня будет в юбке, что ли?

Маляр. Нно прикрыться!

Богач. Золото — лучшая защита от нескромных взглядов. Дашь три слоя, и все.

Маляр. Но обратно-то! Помытая-то! Что она наденет?

Богач. То, что было на ней до того. И все.

М а л я р. Ну! Зонтик! Сумочка с зеркальцем! Градусник, если температура будет подниматься! Вы соображаете, ей же будет холодно! Она же еще ребенок! *(Плачет.)*

Б о г а ч. Ну что ты, что ты, везде же люди, везде врачи, «скорая помощь», пирамидон, одеяло, в случае чего валерьянка. Ладно. Час тебе на все. Полчаса слезы, полчаса советы. Ты ее припугни хорошенько, чтобы на лице у нашей маленькой Золотой богини застыло бы выражение муки и отчаяния. Маска трагедии, черт побери. Это всегда волнует.

М а л я р. Паук! Подлый торгаш!

Б о г а ч. Не вздумай смывать. Тебя схватят и казнят, а твою дочь просто никто не подумает отмывать, и все.

М а л я р. Ва... Ввали отсюда, понял?

Б о г а ч уходит.

Явление одиннадцатое

Входит Веселка, валится на излюбленное место, поглаживает живот.

Веселка. Пхх... Эх, хорошо! На самом деле, что человеку надо? Полкило хлеба, кило картошки и кусочек сухой, теплой земли — поваляться: Какие-то там изобретения... Слава... Деньги... Да провались оно пропадом! Погоня за успехом... Да просто — пара штанов, рубаха, зимой валенки и телогрейка! Потолок на случай дождя, окошко на случай поглядеть на улицу. Лампочка на случай почитать газету, полотенце, если вдруг в баню. И все! Ну, кусок мыла... Ну, пачка стирального порошка... *(Стискивает зубы.)* Ну его, стиральный порошок! Я вот изобрел... Лучший в мире стиральный порошок! Отстирывает лошадь от подков! Слышал? «Гипер»! Отстирывает памятник от фундамента! И все, я валяюсь на земле. Я не борюсь. Придет время. Они поймут, что такие люди на дороге не валяются. И моя дочь поймет в том числе. Что ей надо? Она прекрасно моет полы. Она покупает дивную картошку и чудный хлеб. И мы обходимся. Но нет: ведь она артистка в душе! Ей мерещится сцена! Она хочет, чтобы ей хлопали! А то

она слышит, говорит, только как ей хлопает мокрая тряпка по грязному полу. Глупая.

М а л я р . А что плохого в том, чтобы быть артисткой?

В е с е л к а . А у артисток ножка маленькая, ротик маленький, зарплата маленькая и роли маленькие. А у моей Кладовки нога большой, рост большой, ей надо зарплату большую и роль громадную!

М а л я р . Да это все можно устроить. Если кто к кому хорошо относится.

В е с е л к а . Маляр, как тебя по отчеству, забыл.

М а л я р . Леонардович я, Леонардович.

В е с е л к а . Слушай, у тебя отец же был дед Вася. Я помню. Ты что же, отца забыл как звать?

М а л я р . Своим отцом я считаю Леонардо да Винчи. Но сейчас не это важно.

В е с е л к а . Слушай, мамаша у тебя, я помню, была веселая такая бабулька. Но я не думал, что до такой степени! Надо же! Где же она его подцепила?

Входит Малютка и за ней, как пришитый, Бим. Бом тащится за ним.

М а л я р . Так. Это еще что? Слушай, Веселка, у меня к тебе будет очень выгодное предложение. Не уходи никуда!

В е с е л к а . Мой стиральный порошок «Гипер» я продаю за три... за триста тысяч. И все! *(Поворачивается на другой бок, накрывает голову пиджаком.)*

М а л я р . Так ты что здесь околачиваешься, как тля? Ты только погляди, какие у них грязные руки!

Б и м . Эти? *(Вертит перед собой ладони.)* Или эти?

У него из-под мышек вырастают руки Бома.

Ой, а вы бы видели мои ноги! Как говаривали старые клоуны.

М а л я р . Вот, слышала, кто за тобой ходит? Ну, ладно, сейчас уже речь идет не об этом. Дочка. Ты сейчас должна немедленно отсюда уйти и спрятаться дома... *(Шепчет ей на ухо.)* Выходить в город можно только в старом каком-нибудь бабушкином платке. А ну! Господа артисты, научите ее играть старушку, живо!

Б и м *(лениво)*. А зачем? *(Чешет рукой в затылке, вторая рука чешет за спиной, третья под мышкой, четвертая вытирает нос.)*

М а л я р . Хочешь заработать много денег, срочно?

Бим (*лениво*). А зачем? (*Одна рука достает носовой платок и сморкает Биму нос, другая рука чистит пиджак, третья приглаживает ему волосы, четвертая чистит брюки.*) У меня есть все необходимое.

Бом (*высовываясь из-за Бима*). С вас сто монет!

Маляр кидает Биму кошелек. Четыре руки долго считают деньги, причем одна из них хватается и уносит часть денег в дальний карман Бом.

Маляр (*в нетерпении*). Да ну, что я, обману! Там больше, гораздо больше.

Бим. А ну, Бом, научи ее играть старушку!

Бом (*выходя*). Большое вам спасибо. Значит, старушку. Вам какой возраст? Лет сорок?

Маляр. Да нет, пожалуй, постарше! Только поскорее!

Бом (*пугается*). Пятьдесят?

Маляр (*решительно*). Валяй.

Бом прихорашивается, мажет губы, пудрится перед воображаемым зеркалом, подводит глаза, взбивает кудри, растопыривает руки, идет «дамской» походкой. Малютка, как тень, вторит ему. Танец. Бим лениво ложится на помост.

Э-э, нет, э-э, нет, давайте сразу шестьдесят.

Бом. Планка поднята на высоту шестьдесят!

Задумывается, прихорашивается, красится, мажется, пудрится, подводит глаза, взбивает кудри, растопыривает руки, идет «дамской» походкой. Малютка повторяет за ним. Танцуют. Бим отворачивается.

Маляр. Э, нет, нет, нет, нам надо вот (*сгибается, охает, хромает*).

Бом. Понятно! Сказали бы сразу, что вам надо сыграть радикулит пояснично-крестцовой области. (*Охает, волочит ногу, но и в этом положении ухитряется намазаться, напудриться, взбить волосы.*)

Малютка послушно повторяет.

Слушайте, а она у вас способная!

Маляр. И дайте ей какое-нибудь покрывало!

Бим (*достает из кармана лоскут, пускает слезу*). Эх, жаль, нет моего пальто! А-а-а!

Маляр (*лихорадочно*). Тряпку, любую тряпку! (*Что-то разглядел неподалеку.*) Вот вам еще сто монет!

Бим снимает полотенце с занавеса, кидает Малютке.

Дочка, накинь это на голову! Ну, пошли куда уговорились! Хромай! Головой трясись!

Появляется Богач.

Богач. Маляр! А ну! Ты что, в самом деле! Маленький, что ли? Ведь договорились же!

Маляр, подав руку Малютке, спешно уводит ее.

Эй, стой, погоди! Слушай, обстановка переменялась, у нас нет часа в запасе! Вот тут билет на самолет.

Маляр. Сейчас, сейчас, строго между нами, вот пришла моя бабушка, она не должна ничего знать. Сейчас ее провожу, и все будет в порядке. Ждите нас у дворца. Такси заказано?

Богач. Такси? Еще чего.

Маляр. Такси закажите. Надо же всюду успеть! Пошли, пошли, бабуля, пошли отсюда подалье, иди куда сказано, сиди там, все это не твоего ума дело.

Богач. Да брось ты эту старую развалину, сама дохромает, тебе что, не дорога жизнь? Где твоя дочурка?

Маляр. Я сказал? Я сделаю. Пойдите закажите такси. Я с ней связался, она меня ждет в одном месте у знакомых. Я за ней сбегаю.

Богач. Все это дело будет ликвидировано, и речь пойдет о тебе. Ясно?

Маляр. Молю об одном: такси!

Богач. Ликвидация будет произведена через четверть часа, ясно?

Маляр. Инструменты мои готовы, все на месте, идите за такси. Я сам оплачу.

Богач. Это другой разговор. А то распоряжается за чужой счет. Такси до аэропорта — это же деньги!

Маляр. Бабуля, ну, ползи одна. Живо!

Малютка. До свидания, я вам позвоню!

Малютка, хромая и трясясь, уходит. Артисты выходят на авансцену. Богач скрывается. Маляр подсаживается к Веселке, пытается его разбудить.

Бом. Здравствуй, Бим!

Бим. Здравствуй, Бом! Показываем спектакль «Пир Гуттенберга».

Б о м . Ты что, заболел?

Б и м . А что?

Б о м . У тебя взгляд какой-то нехороший.

Б и м . А, нет, это я просто всю ночь читал.

Б о м . Бим, интересная книжка?

Б и м . Нет; Бом, просто я плохо знаю алфавит.

Б о м . А книга как называется?

Б и м . «Телефонный справочник».

Б о м . Бим, а зачем ты ее читал?

Б и м . Я искал букву «Я». Я хотел посмотреть, какой у меня номер телефона.

Б о м . Ну и какой?

Б и м . Ты знаешь, Бом, я не нашел букву «Я». Там все время шли фамилии на букву «А».

Б о м . А потом?

Б и м . А потом наступило утро.

Входит Кладовка, кидается к актерам, они, раскланявшись, скрываются за занавесом. Кладовка пытается открыть занавес, но не может найти прорезь, вдруг появляется испуганная физиономия Бима — то в одном месте, то в совершенно противоположном, когда Кладовка кидается туда, Маляр видит ее и подскакивает к ней, как к родной.

Маляр . А, госпожа Кладовка! Как хорошо, что ты пришла. Слушай, рад тебя видеть, ты просто цветешь! Я уже хотел говорить с твоим отцом! Тебе бы надо артисткой стать! Тебе бы стать, а не моей дочери. Этой моей кривляке вдруг поручили ответственную роль: ну там, знаешь, девушки-красавицы едут встречать иногородних гостей, делают книксен...

Кладовка (*взволнованно*). Книксен? А че это?

На помосте появляется мимоходом Бом, делает корявое приседание и убегает. Кладовка тайком повторяет, присев врасстопырку.

Маляр . И моя эта привереда, видите ли, не желает. То ли у нее радикулит, то ли она воображает из себя много... А уже есть билет на самолет... И объявлено, что встречать гостей будет самая большая красавица в городе. Ну? Не знаю, что и делать. Жаль, что ты не артистка. Вылет через час, а до этого небольшое переодевание и легкая косметика, покраситься там, намазаться... А затем вылет и обед, прием, гости, книксены...

Кладовка (*делая корявое приседание, взволнованно*). Но я же не умею там — где вилку держать под какой подмышкой, где ложку в каком кармане да какой салфеткой сморкаться, из какой тарелки суп хлебать, какой скатертью какую ногу вытирать... Как руку подавать для поцелуя — локоть или сразу кулак выставлять...

Маляр. А ты ведь очень способная! Жаль, жаль... Там и деньги заплатят большие, и накормят, и платье новое подарят... Жаль, что ты не можешь и у тебя нет времени...

Кладовка (*решительно*). У меня есть много времени!

Маляр. Там просто немного тебя покроют золотой краской... Надо сыграть временно Золотую богиню... Я даже сам тебя слегка покрашу... Всю...

Кладовка. Я сыграю! Я и сама покрашусь! И не беспокойтесь! Мне только вот спинку потереть краской — я не достаю...

Маляр. Но понадобится окраситься в два слоя!

Кладовка. Я иногда так себе щеки крашу — и в три слоя! Ха! Косметика — это чем больше, тем лучше!

Бом (*появляясь на помосте*). Эй ты, сумасшедшая! Зачем тебе золотая краска? Ты ведь задохнешься! Та барышня недавно отказалась!

Кладовка. Вы же слышали — это на самолете. Это быстро!

Маляр. А потом с нее смоют! Это быстро!

Кладовка. Вы слышали — с меня смоют! А платье? Ой, а платье?

Бом. Кой, к черту, платье! Ты слышала — это просто краска в два слоя!

Кладовка. Вот вы не верите, что я настоящая артистка, а вот я вам докажу! Настоящая артистка идет на все! (*Делает неуклюжий реверанс, кланяется, протягивает руку. Подпрыгивает. Танцует, как взбесившаяся цапля.*)

Веселка (*просыпаясь*). Отчего земля дрожит? Это что такое? Ее пчелы кусают? В воду, в воду! Беги к пруду!

Кладовка. Я улетаю! Не мешай! (*Машет руками.*) Вот, гляди, билет на самолет!

Веселка. А ну, походи. Дай билет.

Кладовка (*подлетая*). На! (*Танцует.*)

Веселка (*читает по складам*). В го-род.

Маляр. Разрешите, я вам прочту. (*Подбегает.*)

Веселка. Нет. (*Читает.*) «В го-род Лю-до».

Маляр. Людовика Четырнадцатого!

Веселка. Не мешай! «Лю-до-е-да»!..

Кладовка. Ну что? Ты рад? У меня будет роль первой красавицы города! Золотой богини, которая ничего не умеет. (*Смеется.*) Ни кланяться, ни пить, ни есть.

Веселка. Здравствуй! Тебе есть не придется! Там же тебя съедят! Там и народу-то не осталось, говорят, он себе подыскивает новый город... Я тебя не пушу! Там от тебя клочка не оставят!!

Маляр. Да нет, вы не поняли...

Веселка. А где обратный билет?

Маляр. Обратный билет у нас в кассе не продают. Ты что, не знаешь? И потом, моя дочь тоже хочет лететь. Дай билет.

Веселка отдает.

Там выдают золотую кружевную накидку... Подарки делают, духи, перчатки, сумочки, ремни... У них развита кожгалантерея... В рестораны поведут... И найдется какой-нибудь богатый идиот, предложение сделает... Она и уши развесит и рада... Дочь-то моя. Она у меня пошла не в меня.

Кладовка. Невменяемая, я сразу поняла. Пошла. А я ничего тоже не боюсь — ресторан так ресторан, кружево так кружево. Я маленькая была, конфеты у прохожих просила.

Веселка. Так что нечего тебе! Съедят!

Маляр. А ты что, хочешь, чтобы девушка... Чтобы она, так сказать... Да она у тебя с такими данными живо такую профессию освоит, что ты от людей будешь прятаться. А тут ей шанс. А ты, Кладовка, решай сама.

Кладовка. Зовите меня просто Лилечка.

Веселка решительно берет Кладовку под руку и сажает рядом с собой. Маляр нервно смотрит на часы. Выходят Бим и Бом.

Бим. Бом, если бы тебе предложили раздеться догола и выкраситься краской, что бы ты этим людям ответил?

Бом. Смотря какая краска.

Бим. Допустим, синяя.

Бом (*медленно*). Так... Синий нос, синие уши, синяя шея, синие губы, синий живот...

Бим. Стоп! Здесь дамы. А если не синей, то какой?

Бом. Зеленой? Зеленые щеки, зеленый нос, зеленые зубы, брр... Не буду. А зачем меня красить? Я и так понравлюсь людоедам. Это меня здесь за человека не считают... А там

на руках будут носить, пылинки с меня будут сдувать...
Сметаной мазать...

Маляр. Есть благородные краски — серебряная и золотая.
Ими пользуются в торжественных случаях.

Бом. Ага. Оградки красить.

Кладовка. Пусти меня, папка! (*Вырывается.*) Пойдемте, дядя
Маляр.

Бом. Стой, Клава, я на тебе, так и быть, женюсь!

Кладовка. Слышали? Это только начало. Вы знаете, что меня
ожидает? На мне все женятся!

Веселка. Маляр, Маляр! Пусть она возьмет с собой мой
стиральный порошок! Крупинка на ведро воды — и она
будет чистенькая! Только крупинка! Не больше!

Маляр (*резко*). Пустяки, она же будет в три слоя!

Веселка. Ну, бери все! Вот тут все! (*Сует Маляру узелочек.*)
Клава, не ходи!

Кладовка. Папа, ну, ты даешь! Ты меня все равно не удер-
жишь, ведь я уже почти совершеннолетняя, мне тридцать
лет!

Маляр уводит Кладовку. Бим и Бом скрываются за занавесом. Веселка валится на свое место и замирает. Входит Малютка в образе старушки.

Малютка (*склоняясь над Веселкой*). Сынок, ты мне не поможешь?

Веселка. Спасибо, бабуля, я сыт.

Малютка. Ты что, плачешь?

Веселка. Спасибо за совет, бабушка.

Малютка. Что-то погода меняется, кости ноют.

Веселка. А как же. Дети — наша радость. У меня была дочка,
но она улетела.

Малютка. И ты один теперь?

Веселка. Нет, что ты, бабуля, на самолете. Поездом туда
долго, она умрет...

Малютка. Может, все обойдется?

Веселка. Нет, не в путешествие. Она захотела стать артисткой, а тут подвернулся этот проклятый маляр, чтобы ему пусто было, и заманил ее. Он, между прочим, большой жулик и негодяй!

Малютка. Неужели из крана капает вода?

Веселка. Ты права. Он делал нехорошие дела, обманывал всех. И мы его до сих пор терпели! Он весь город пере-

красил и за все заставил платить! Теперь он завлек мою дочь, чтобы она ехала в город Людоеда, выкрасят ее золотом и отправят на самолете на съедение. А свою-то дочь он спрятал! Видно, это она должна была лететь. А в аэропорт ехать у меня денег нет. Подай Христа ради! А? Малютка. У меня нету ничего, сынок... Папа не дает ни копейки...

Веселка. Пойду попрошу... Вот когда нужны, вот когда нужны проклятые деньги... Спасать ребенка... спасти ребенка... *(Уходит, шатаясь.)*

Входит Маляр.

Маляр. Эй, старушка-бабушка, все в порядке! Дело сделано, теперь надо бежать из этого проклятущего городишки! Идем! Город достанется Людоеду! Я узнал!

Малютка. Куда, сынок?

Маляр *(удивленно всматривается)*. Ой, бабушка, прости, я тебя принял за свою дочь! *(Убирает щиты, поднимает банки с краской.)*

Малютка. У тебя такая старая дочь, сынок?

Маляр *(рассеянно)*. Нет, просто я ее передел в старушку.

Малютка. А зачем?

Маляр. Чтобы ее не выкрасили и не отдали Людоеду.

Малютка. А зачем ее красить?

Маляр. Людоед очень любит все золотое, как видно.

Малютка. А мне что делать, как спастись?

Маляр. А зачем тебе спастись. Они такое не едят.

Малютка. Но мне самой нечего есть. Я умираю с голоду.

Маляр. Ты знаешь, как выясняется, это не самая худшая из смертей.

Малютка. Подай мне Христа ради!

Маляр. Ты что, мне самому нужны деньги!

Малютка. Зачем?

Маляр *(усмехнувшись)*. Чтобы жить!

Малютка. А зачем жить?

Маляр *(усмехнувшись)*. Ради дочери!

Малютка. А ей зачем жить?

Маляр. Детям необходимо жить!

Малютка. Зачем?

Маляр. На всякий случай! А вдруг из них что получится! Ну, ладно, прощай! Побежал!

Малютка. Куда?

Маляр. Работать! *(Уходит.)*

Бим и Бом вводят под руки совершенно ослабевшего Веселку.

Малютка *(выпрямившись и скинув платок)*. Привет, Бим! Привет, Бом! Вы слышали новость? Папа вместо меня послал на смерть одну девушку, его дочь! *(указывает на Веселку)* Ее выкрасили золотой краской и отправили на самолете в город Людоода, а лететь должна была я! Слышали?

Бим *(неохотно)*. Слышали, а что толку!

Бом *(стараясь не смотреть в сторону Малютки)*. Ловко ее твой отец обработал!

Малютка. Но он еще только пошел красить!

Веселка. У меня нет часов! И у нее нет часов, так и не успел ей купить. Отметьте время, через четыре часа бросьте венок на воду. Из нее бы получилась неплохая жена, только никто этого не заметил.

Малютка. Людоод любит все золотое. Не носите ничего золотого.

Бим. Снимай с себя сейчас же золотое, Бом!

Бом. А... вон для чего ее красят.

Малютка *(звонко)*. Ну, прощайте! Это я должна была лететь к Людооду... Теперь я пойду во дворец вместо этой несчастной. Бим, скажи мне... Хотя ладно. Прощай.

Бим. Малютка, Малютка... *(Спрыгивает с помоста, удерживает ее.)*
Куда... Господи, дайте мне какую-нибудь пушку!

Веселка. Пошел отсчет времени. Тик-так, тик-так.

На всех прах вбегает зареванная Кладовка.

Кладовка. Ох, как тяжело! Ох, я еле бегу! Какой позор! Куда я влипла! Папа! Прости! Ох! Прости меня, глупую! Папа, Маляр меня хотел уже красить, а пришел Богач... посмотрел... И меня вытолкали вон! В шею! Я не гожусь! Я не самая красивая девочка в этом городе! Я некрасивая!

Веселка *(наконец)*. Ты, что ли?

Кладовка. Ну, все! Ноги моей больше там не будет! Подлецы!
Так поступить с бедной девушкой! Сказать ей в лицо, что...
Ах, что мне делать!

Веселка. Клавдя, ты жива? Клавдя, ты пришла обратно?

Кладовка. Устроили посмешище! Как будто я сама не знала!

Веселка. Тебя красили?

Кладовка. Маляр прибежал и быстро начал красить мне лоб и нос. А Богач его отстранил... Долго на меня таранился...

Нет, говорит, это не самая красивая девушка в городе! Нет, говорит (*всхлипнув*), это самая некрасивая! Я! Как будто и без них никто этого не знал! Я просто хотела сыграть роль красавицы. Мало ли артисток играют красавиц. И на улице даже... Да, это трудная роль. Но сыграть можно. Разок, во время свадьбы.

Б о м . Из нее выйдет умнейшая жена! Она знает, что она не красавица! Это восполняет очень многое! И потом, у нее широкие плечи! Уж мужа-то она защитит, во всяком случае!

Веселка (*танцует*).

Я веселый, вся, вся,
Я гуляю, сумкой треса.
У меня во сумочке
Две подушки-думочки.

Над стеной дворца появляется Богач .

Б о г а ч . Ого-го-го!

Б и м . Малютка, живо накинь покрывало!

Малютка становится старушкой.

Б о г а ч . Сюда должна прийти дочь Маляра, иначе я казню ее отца страшной казнью. Заживо! Считаю до четырех! Раз, два!

Б и м (*выбегая «дамской» походкой*). Я дочь Маляра! А в чем дело? Я тут просто переодевалась. Я дочь, я! Бабушка, вы что стали на дороге? Иди отсюда!

М а л ю т к а (*откинув покрывало*). Ну, я дочь Маляра. Ладно, Бим, мой отец — это мое личное дело. Прощайте все!

Б о г а ч . Благородных детей всегда ожидает интересная судьба.

М а л ю т к а . Покажите мне отца, он жив? Папа! Ты жив?

На стене дворца, со связанными руками, появляется Маляр .

М а л я р . Хозяин, окажи мне последнюю услугу. Я ведь тебе их часто оказывал. Дочка, не бойся, иди сюда!

Малютка уходит.

М а л я р . Я выкрашу мою дочь из шланга, залью в цистерну золота. Она и не опомнится, а уже всему будет конец. А вас всех я прошу спрятаться. Ведь на кого попадет хоть частичка золота, тот будет съеден первым. Людоед уже поку-

пает наш город! Моя дочь — простая приманка! Все уйдите, закройте! Я сам во всем виноват! Наш Богач — вон он — он ведь всего-навсего паук. Точно, паук?

Богач. Мало ли у кого какие были родители. Мы за них не в ответе.

Маляр. Ведь я когда-то спас тебя из ведра с розовой краской. Ты тонул и обещал мне два мешка золота за спасение. А потом он высох, и ему понравилось быть розовым. Каждое утро я его красил и красил. И вырастил его.

Богач. И пока до свидания. Может быть, вы еще будете вспоминать меня, трудолюбивого паука, добрым словом в ближайшем будущем.

Маляр. Я погубил себя, погубил свою дочь и всех вас. Простите.

Богач. На этом заключительная часть объявляется закрытой. Маляр. Дай девочке проститься с другом. Больше у нее ничего ведь в жизни не будет.

Богач. Ну, ладно. Давайте девицу.

Малютка *(появляясь)*. Привет!

Бим. Погоди! Сейчас я достану пушку!

Малютка. Привет вашим детям!

Бим. У меня их нет и не будет.

Малютка. И вашей жене!

Бим. Боюсь, что мою будущую жену я вижу сегодня в последний раз!

Малютка. Так вы не женаты? *(Бросается на шею отцу, целует его.)*

Бим. Я хочу умереть вместе с тобой. Богач, вашему Людоеду не нужен ли золотой бог? *(Скидывает с себя тряпье, остается в гимнастическом трико, делает колесо, принимает позу дискобола, ходит на руках.)*

Маляр. Пусть идет. Иди сюда!

Богач. Это лишняя роскошь. Баловать еще Людоеда. Тебя съедят, но тут, на месте, я не в силах разорваться еще на один авиабилет. Все.

Маляр. Все скройтесь! Все скройтесь! А то я вас позолочу!

Богач, Малютка и Маляр исчезают. Веселка, Кладовка, Бим и Бом прячутся в балагане, задерживают занавес. В прорези занавеса показывается голова Бома.

Бом. Бим, ты слышишь? Что ли дождь пошел?

Веселка *(появляясь над занавесом)*. Это не дождь. Это я плачу.

Бом. Ты плачешь тут, а шумит там.
Кладовка (*высовываясь сбоку*). Это шумит шланг. Это Маляр красит Малютку. Ой-ей-ей!

Бом. Шумит не там, а по всему городу.
Кладовка (*высовываясь*). Маляр, наверно, с горя сошел с ума и поливает весь город.

Веселка. О Малютка! (*Исчезает.*)

Кладовка. Теперь все будет золотое... Дома... Заборы... Мухи... Бродячие собаки... Прячьтесь, льет уже здесь!

Вбегают Маляр и Малютка, волоча за собой шланг.

Маляр. Ну, здесь мыть не нужно, здесь я красил только дерево. Мыть его я не буду. Листья сменятся новыми, яблоки опадут...

Бим (*появляясь наверху*). Привет!

Малютка. Привет! Мы вымыли весь дворец, только паук куда-то сбежал! Такой чудесный порошок! Крупинка на ведро воды!

Слышен грохот. В прорези занавеса появляется смущенный Веселка и кланяется. Бим исчезает, слышен еще больший грохот. В прорезь занавеса выпадает возмущенный Бом и встает, потирая шею.

Бом. Ты что на людей падаешь! Прямо мне женщину с ног сбил!

Бим (*появляясь*). С чьих ног?

Бом (*кидаясь в занавес*). Иди, иди сюда, моя дорогая, моя бедная! Упала! (*Вытаскивает сопротивляющегося Веселку, который опять кланяется.*) Ой, пардон!

Маляр. Они все так испугались шланга, они думали, что я их обливаю золотом, и попрятались! А я вымыл хорошенечко весь дворец, все искал паука! Потом вымыл все дома на главной улице... Смыл всю покраску, всю бумагу и тряпки... Прошелся по городу... Да, город у нас дырявый и гнилой. Что и требовалось доказать. А, вот он!

Богач (*над стеной дворца*). Ты будешь предан казни!

Тени над стеной дворца поднимают оружие. Общее оцепенение.

Малютка (*заслоня отца*). А мы не испугались!

Бим отбрасывает Малютку, Маляра, хватает шланг и веером бьет водой из шланга. Паук смывает. Слышен писк.

Паук. Спаси меня, Маляр! Еще десять мешков золота за спасение!

Бим опять бьет из шланга водой.

Маляр. Я здорово поумнел с тех пор! Ну, что, дети! Пойду брать дворец! *(Уходит.)*

Бедный балаган освещается.

Бом. Здравствуй, Бим!

Бим. Здравствуй, Бом! Начинаем спектакль «Бал в Савойе».

Бом. Тебя можно поздравить! У тебя новые ботинки!

Бим. Нет, это полуботинки! У них нет подметок!

Бом. Ой, как удобно! И, главное, очень укрепляет нервную систему. Ходишь по городу босиком, и не видно, и никто не треплет нервы: да «вы простудитесь», да «глядите, какой нашелся хиппи», да «вы давно этим увлекаетесь, я тоже хочу».

Бим. Да, а зимой я буду кататься на коньках: коньки привяжу на пяточки, а сверху прикрою полуботиночками!

Малютка. А можно я тоже с вами?

Бим. Пожалуйста! И у нас будет парный дуэт!

▲ Танцуют на роликах.

Кладовка. Послушайте, а можно и я с вами?

Бим. Нет, двух я не потяну.

Кладовка. Я слышала, что бывает тройной тулуп!

Бом. Тройной тулуп, куда махнула! Мы всего-навсего бродячие артисты, бедный театр, тройной тулуп для нас несбыточная мечта! У нас и пальто-то одно на двоих... без рукавов... с одним карманом...

Бим. Было. *(Достает из кармана пиджака дорогой лоскут, пускает фонтан слез.)*

Бом. А поедем-ка мы на гастроли, а? Там заработаем...

Бим. По шее...

Конец

1986

■

ЧЕМОДАН ЧЕПУХИ,
ИЛИ БЫСТРО
ХОРОШО НЕ БЫВАЕТ

Пьеса-сказка
в четырех
картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

ПОРТНОЙ.
ЕГО ЖЕНА.
ВОЛШЕБНИЦА.
ФОТОГРАФ.
КАССИР.
ЛЫСЫЙ
ОДНОГЛАЗЫЙ } *разбойники .*
УСАТЫЙ
ХИТРЕЦ
ТОЛСТАЯ ДАМА.
ХУДАЯ ДАМА.

Картина
первая

Фотография. За столом сидит Фотограф и пишет.

Фотограф. Здравствуйте, дорогие папа, мама, бабушка, прабабушка и *(думает)* прабабушкин муж! Как вы поживаете? Я живу хорошо. Как я и ожидал, работа фотографа очень простая. Говоришь: «Сейчас вылетит птичка» — и нажимаешь на крючок. Однако в настоящее время птичка почему-то не вылетает, видимо, мне достался неисправный фотоаппарат. Я уже смотрел там внутри, но никаких птичек не нашел. Эй, кто там на улице? Прохожие есть? *(Высовывается в дверь.)* Будьте так добры! Алло!

Входит Портной.

Портной. Ну?

Фотограф. Как пишется «птичка», через что?

Портной. Через букву «ч».

Фотограф. Спасибо. Так я и думал. *(Пишет.)* «Дорогой папа! Пришли мне птичку для работы. Лучше всего курочку. А также пришли мне девяносто штук яиц, а то масло

▲ у меня кончилось, потому что колбасу я съел».

Портной. Пока! *(Выходит.)*

Фотограф. Ой-ой-ой! Стойте! *(Высовывается.)* Алло! Будьте так добры! Как пишется слово «колбаса»?

Портной *(всовываясь)*. Забыл. Давно не ел.

Фотограф. Почему это?

Портной. А денег нету.

Фотограф. Почему, интересно, у тебя денег нету?

Портной. А чего это тебе интересно?

Фотограф. Потому что у меня тоже нету. Ко мне никто не ходит фотографироваться.

Портной. А ко мне никто не ходит шить. Приходи ко мне, я тебе сошью штаны за полторы минуты. Я портной.

Фотограф. Да это долго.

Портной. Ну, как хочешь. *(Уходит.)*

Фотограф *(со вздохом углубляется в письмо)*. «Дорогие папа, мама, бабушка, прабабушка и прабабушкина мать! Я... *(думает)* я...» Эй, прохожий!

Портной *(всовываясь)*. Да!

Фотограф. Скажите, пожалуйста, как пишется: «шошкучил-ся» или «шашкучился»? Говорите скорей, а то у меня бумага кончается.

Портной. Шиш! *(Убирает голову.)*
Фотограф. Так я и думал. «Я очень шишкучился... *(думает)* по вам... *(зачеркивает)* по вас... по всех вам! Вчера я закрыл фотографию на ремонт, чтобы найти птичку». Эй, прохожий!

Портной. Что тебе?
Фотограф. Все-таки как пишется «птичка»? Через что?

Портной. Через «т». *(Убирается.)*
Фотограф. Так я и думал! «Я уже писал вам, что птичка не вылетает. Вчера я целый день выгонял ее. Вечером пришли соседи, что напишут жалобу, что я целый день стучу палкой. Я им ответил, что не ваше дело, я стучу палкой по своему фотоаппарату, а не по вам...» *(зачеркивает)* не по вас *(зачеркивает)*, не по всех вам...» Эй, прохожий!

Портной *(всовываясь)*. Надоел! *(Убирает голову.)*
Фотограф. Да нет! Я тебя хочу отблагодарить!

Портной *(входя)*. Давай! Если хочешь меня отблагодарить, сшей себе, пожалуйста, брюки!

Фотограф. Да тебе-то какая радость?
Портной. А шить-то буду я! Вот мне и радость! А то ко мне никто не ходит.

Фотограф. Давай! Давай я сошью себе брюки, а ты сфотографируешься у меня! А то ко мне тоже никто не ходит.

Портной. Да зачем мне?
Фотограф. Как зачем? Повесишь фотографию и будешь перед ней бриться!

Портной. Да у меня зеркало есть.
Фотограф *(погрустнев)*. Ну, твое дело.

Портной. Ну ладно, ладно. Давай фотографируй на добрую память.

Фотограф *(насторожившись)*. На добрую не фотографируем.

Портной. Ну, давай тогда просто на память.

Фотограф. А такую фотографию ты не возьмешь сам. Выбросишь.

Портной. Почему? Возьму.
Фотограф. Возьмешь? Тогда бери сейчас.

Портной. Где?
Фотограф. А вон там. В мусорном ящике.

Портной. Почему в мусорном ящике?
Фотограф. А заказчик получит фотографию и сразу же спрашивает — где у вас тут мусорный ящик? Я никому не отказываю. Ну, посмотри, поройся, все равно у меня все одинаково выходят.

Портной. Гляди, красиво как!

Фотограф. Смеешься?

Портной. Гляди: два таких кружочка, один на другой наехал.
Это что?

Фотограф. А, это я яичницу сфотографировал, случайно получилось, не туда навел, не на клиента, на сковородку.

Портной. Слушай, ничего получилось. Яичница была глазунья? Желток на желток разлился. *(Облизывается.)*

Фотограф. Это в фотографии называется наплыв.

Портной. Давай я это возьму, у себя на кухне повешу. А то я уже забыл, как яичница выглядит.

Фотограф. Нет, нет, это мне нужно самому. Давай сюда обратное. Ишь какой! Лучшую работу берет... Она у меня выставочная. *(Всматривается.)* Нет! Это не яичница.

Портной. Как же не яичница. Вылитая яичница. Сковорода. Желток попал на желток, растекся немножко. *(Облизывается.)*

Фотограф. Это не яичница. Это я одного профессора сфотографировал. Он в очках был.

Портной. Немного сдвинутый получился.

Фотограф. А у меня всегда со сдвигом выходит.

Стук в дверь.

Портной. Гляди, к тебе клиенты ломятся!

Фотограф. Ой! Ее не пускай! Это Волшебница! Я занят! *(Делает вид, что пишет письмо.)* «Дорогие папа, мама и мамин муж!»

Портной. Раз мамин муж, то я пошел. *(Уходит.)*

Вбегает Волшебница.

Волшебница. Здравствуйте! Можно вас на минуточку?

Фотограф. «Перебьетесь» с каким знаком пишется?

Волшебница. С вопросительным.

Фотограф. «Дорогие двоюродные дедушки! Как вы там без меня перебьетесь?»

Волшебница. Я добрая, добрая, добрая волшебница! Можно вас спросить?

Фотограф. Все ушли.

Волшебница. Куда?

Фотограф. В дверь.

Волшебница. А вы?

Фотограф. А я занят, пишу письмо.

Волшебница. А когда закончите?

Фотограф. Загляните дней через сорок.

Волшебница. А я уже и так к вам два раза через сорок дней приходила.

Фотограф. А я вас не помню.
Волшебница. Ну как же, я еще у вас со сдвигом получилась.
Фотограф. Этого у нас не бывает. А! Вспомнил. Один раз было. Тогда еще, помнится, птичка не вылетела. Вот ваш снимок.
Волшебница. Это не мой.
Фотограф. Берите, берите, другого нет.
Волшебница. У меня ведь был бантик, где он?
Фотограф. А вон он, со стороны спины. Сбоку. Видите?
Волшебница. И потом, у меня ведь два уха, а тут четыре.
Фотограф. Ну да, ну да, четыре уха, сбоку бантик. Это вы.
Волшебница. Это не я! Я не лысая!
Фотограф. Да почему же не лысая?
Волшебница. Да потому что я в парике! Ясно? Если бы без парика, тогда другое дело, а я нарочно ношу парик, чтобы никто ничего не подумал.
Фотограф. Или вы берете с лысиной и с ушами, или...
Волшебница. Что — или?
Фотограф. Приходите-ка через сорок дней, подберем еще.
Волшебница. Я ведь тебя сейчас в морковку превращу, ты знаешь это?
Фотограф. А... вспомнил. Я вашу фотографию, по-моему, отдал одному человеку.
Волшебница (*живо*). Кому?
Фотограф. Да одному тут разбойнику.
Волшебница. Ему что... на память?
Фотограф. Вроде того.
Волшебница (*в нос*). Ему что... сильно понравилось?
Фотограф. Не в том дело. Он ко мне пристал с ножом к горлу, говорит, сними на паспорт. Так прямо умолял, сам нож держит, сам плачет. Мне, говорит, сходство не важно, только чтобы не забрали.
Волшебница. Но я ведь на него совсем не похожа! Я красивая женщина, а он разбойник!
Фотограф. Все правильно, но он-то ведь одноглазый.
Волшебница. А я?
Фотограф. А вы получились тоже. Глаз зашел за глаз, бровь за бровь, ноздря в ноздрю, зуб за зуб.
Волшебница. При чем тут зубы?
Фотограф. Вы уже забыли, а я все как сейчас помню. Вы улыгнулись.
Волшебница. Улыбнулась!
Фотограф. И получилось шестьдесят четыре зуба. Как у крокодила. Но он взял, ему было некуда деваться, мне то-

же. Аппарат как раз был неисправный. Не фотографировал.

Волшебница. Ну, снимите меня еще раз!

Фотограф. Не могу. Вы неперефотографируемые.

Волшебница. Просто вы не умеете!левой ногой все делает, понимаешь...

Фотограф. Не левой!

Волшебница.левой!левой!

Фотограф.правой!

Вбегает Кассир.

Кассир. О, как хорошо, я вас застал! Как я рад!

Волшебница. Вы рады?

Кассир. Очень! Знаете, сколько я за вами бегаю!

Волшебница. Сколько?

Кассир. Два часа!

Волшебница. Мой первый муж бегал за мной целую неделю, прежде чем я сказала «да».

Кассир. Но мне некогда долго бегать! Я ведь кассир, я бросил кассу, бросил деньги, бросил бутерброд с сыром — и вот я вас догнал.

Волшебница. Тогда — да.

Кассир. Что «да»?

Волшебница. Я говорю — да.

Кассир. Так вы согласны?

Волшебница. Да, да!

Кассир. Ффу... Отлегло от сердца. А я думал, вы будете спорить, ругаться.

Волшебница. Это другой бы спорил. А я согласна.

Кассир. Тогда давайте.

Волшебница. Как, прямо здесь? Сейчас?

Кассир. Вы поймите меня правильно, я за вами два часа бегал, бросил бутерброд с сыром, бросил кассу. Давайте, давайте.

Волшебница. Натe. (*Протягивает ему руку.*)

Кассир (*берет ее руку, переворачивает ладонью вверх*). А тут ничего нету.

Волшебница. Я же отдаю вам свою руку.

Кассир. Мне чужого не надо. Мне отдайте мое.

Волшебница. Ну хорошо, хорошо, противный какой. Отдаю вам руку и сердце, так и быть.

Кассир (*измученный*). Вы только поймите меня правильно. Я два часа за вами бегал, бросил кассу с сыром, бутерброд с деньгами... Тьфу! Кассу с хлебом, деньги с сыром... В общем, поймите меня правильно. Мне нужны деньги.

Волшебница. А я люблю прямоту. Некоторым нравятся мои глаза, некоторым мой нос. Вам нравятся мои деньги. Это меня волнует, это сказано просто и прямо. Сколько вам надо моих денег? Могу дать трешку.

Кассир. Ваших денег мне не надо. Отдайте мне мои семь копеек.

Волшебница. Какие это *(с ударением)* ваши семь копеек?

Кассир. Мои.

Волшебница. Какие это твои семь копеек?

Кассир. Которые вы мне недоплатили. Дважды два сколько будет?

Волшебница. Три.

Кассир. Четыре.

Волшебница. А два не хочешь?

Кассир. У меня пока еще есть голова на плечах.

Волшебница. Есть?

Кассир. Есть.

Волшебница. У тебя голова на плечах, у этого руки на плечах... Тут что-то не так. Тут что-то надо перекроить. Перелицевать.

Фотограф. А, это тогда вы не по адресу попали. Если вам нужно перекраивать, это вам тогда к портному. Он быстро шьет, три минутки, и — готово, только у него заказчиков нет. Вот он вам обрадуется! А вы *(обращается к кассиру)*, знаете что! Вы один раз бесплатно съездите на трамвае — вот вам уже пять копеек. Я всегда так зарабатываю...

Волшебница. Ну, вы у меня еще попляшете!

Картина вторая

Крыльцо дома Портного. Вывеска: ножницы и катушка ниток. Входит Волшебница.

Волшебница. Портной! А портной!

Выходит Портной.

Портной. Я портной.

Волшебница. Тут некоторые люди говорят, что ты лучший в мире портной и шьешь любую вещь за три минуты.

Портной. Вы их не слушайте. Это все сплетни. Я шью за полторы минуты.

Волшебница. Но те же люди говорят, что быстро хорошо не бывает.

Портной. Это все сплетни. У меня бывает.

Волшебница. А люди говорят, что бывает, но редко.

Портной. Потому что они ко мне редко ходят. Почти что никогда. Прямо совсем никто не ходит.

Волшебница. А вот я пришла. А я ведь волшебница. Я могу наколдовать, чтобы к тебе ходили.

Портной. Да ну, так неинтересно. Я так не люблю. Я хочу сам. Спасибо и до свиданья. *(Кланяется и уходит.)*

Волшебница. Эй, портной!

Портной *(входя)*. Ну?

Волшебница. Ты же портной?

Портной. Я — портной!

Волшебница. Так ты же ведь хочешь заработать много денег!

Портной. Как сказать. С одной стороны, да. А с другой стороны — это неинтересно.

Волшебница. А можно поговорить с той стороной, которой это интересно?

Портной. Сейчас спросим. Эй, жена! С тобой хотят поговорить!

Входит Жена.

Жена. Але! Я тут! Кого я вижу! Заказчики пришли! Наконец-то! Ваша очередь будет сорок пятая.

Волшебница. Почему это?

Жена. Но если вы так сильно настаиваете, я вас запишу на послезавтра.

Волшебница. Почему это?

Жена. Но если вам так ужасно не терпится, я вас обслужу вне очереди.

Волшебница. Нет уж! Сегодня я буду третья.

Жена. Почему это?

Волшебница. А вы не слышите? Сюда бегут два заказчика. Один — Фотограф, другой — Кассир. Они оба такие, что свободно могут обогнать бедную беззащитную женщину. Я постою в сторонке.

Вбегают Фотограф и Кассир.

Фотограф. Здесь портной? Мне некогда. Мне надо сшить бархатную блузу с бантиком. Мою старую блузу изгрызли мыши — и все за одну ночь! Такое несчастье! Я вынужден ходить в простыне! А я ведь фотограф.

Кассир. Кто последний — я за вами! Мне некогда! Скоро открывается магазин, а я кассир, и не могу же я сидеть за кассой в полотенце. А все мои рубашки съела моль — за одну ночь! Такое несчастье!

Портной. Но я вас должен предупредить, что раньше чем через полторы минуты вы заказ не получите!

Жена. Извиняюсь! Тут есть и впереди вас! *(Волшебнице.)* Простите, что бы вы хотели заказать?

Волшебница. Я? Ах, это очень мило, что вы обо мне вспомнили. А то ведь меня эти два заказчика могли и не заметить! Они не слишком вежливы! Я с ними уже встречалась! Этот Фотограф — он меня снимал! Этот Кассир — он со мной спорил в магазине, сколько будет дважды два! Но ничего, я не помню зла, я не обидчива, я ведь волшебница. Да-да-да! И я сделаю два волшебства: во-первых, я уступаю вам очередь, что само по себе удивительно! Во-вторых, то, что сошьет сегодня этот портной, будет всегда как новенькое и никогда не сместится. А теперь, портной, шейте! *(Взмахивает руками.)* Ура!

Жена. Ура!

Портной. Вообще-то я не люблю, когда мной командуют! Но за работой я забудусь. *(Уходит.)*

Волшебница. Вы помните, фотограф, вы говорили, что у вас точная рука?

Фотограф. У меня? Точная.

Волшебница. А что же вы меня тогда сфотографировали так? Так неточно? Так небрежно? Как будто левой ногой снимали?

Фотограф. Я вас снимал правильно.

Волшебница. Вы меня снимали правильно. И вот Кассир за меня посчитал правильно. Он посчитал, что дважды два четыре.

Кассир. Четыре.

Волшебница. Два, говорю я вам, или три в крайнем случае.

Кассир. Четыре. У меня, слава Богу, есть еще голова на плечах.

Волшебница. Странно! У вас голова на плечах, а у него руки на плечах. Я уже это один раз заметила. Тут какая-то ошибка, что-то надо поправить.

Входит Портной.

Портной. Так, прошу надевать. Вам блуза, вам рубашка. Вот здесь примерочная.

Фотограф и Кассир уходят.

Волшебница. А теперь смотрите! Видите — я взмахнула руками, как птица? Это я колдую! Это большое злое колдовство! А когда я так вот взмахиваю руками, как будто собираюсь играть на фортепиано собачий вальс — смотрите, руки вместе, — то это маленькое добренькое колдовство! Ну, как я взмахнула? *(Разводит руки в стороны.)*

Жена. Красиво! Вы просто волшебница!

Портной. Ну выходите, выходите, что же вы там завязли?

Выходят Фотограф и Кассир. У фотографа рукава блузы кончаются валенками. У кассира в рубашке нет отверстия для головы.

Волшебница. Ха-ха-ха! Вот как смешно! Вот вам и работа за полторы минуты! Быстро хорошо не бывает! Портной немножко ошибся. Он задумался. А я, как нарочно, как назло, хотела сделать как лучше, и вы теперь будете носить это на себе без износу, не снимая! Все, что сегодня сшил портной, — все заколдованное!

Портной. Тогда я вам не отдам платье. А какое я платье вам сшил! Лучшее платье в мире! Сейчас золотое, через час серебряное, через полтора леопардовое!

Волшебница. Хочу, хочу, хочу! Милый Портной, я так обносилась! Каждое утро я стою перед зеркалом и думаю, надевать ли мне голубые обноски, или красные, или луковые в яичницу! Каждое утро я надеваю новые отрезья, и все без толку! Фотографы меня снимают только за деньги! А других они, видите ли, снимают для собственного удовольствия!

Портной. А мое платье через два часа тигровое, а через три с половиной — цыплячье, пушистое, сплошной пух!

Волшебница *(взмахивает руками)*. Хочу, хочу! Пусть будет маленькое добренькое колдовство, пусть портной принесет мне это платье! Собачий вальс. Ура!

Портной. Тогда еще полторы минуты. Кое-какие доделки. *(Уходит.)*

Фотограф. Я что теперь, четвероное? Как же я буду снимать?

Волшебница. Так же, как раньше, левой ногой. Ха-ха!

Кассир. Где моя голова?

Волшебница. А у вас ее и не было! Сколько будет дважды два?

Кассир. Я не могу думать, где моя голова?

Фотограф *(опускаясь на четвереньки)*. Кто я? Мяу? Ав-ав?

Кассир. Я ничего не вижу.

Фотограф. Ну что же, друг. Давай я буду твоей собакой, буду теперь тебя всюду водить. Держись за меня и пошли.

Волшебница. Идите, идите, безголовые кассиры, безрукие фотографы.

Вбегает Портной.

Портной. Ваше платье готово! Идите надевайте!

Волшебница. Какое оно сейчас? Цыплячье? Пух?

Портной. Чистое золото!

Волшебница. Ура! *(Уходит за занавеску.)*

Фотограф и Кассир хотят уйти.

Портной. Стойте, погодите, не уходите!

Фотограф. Ав-ав! Ав-ав!

Кассир. Подайте бывшему кассиру. Мне и моей собаке.

Портной. Что я наделал! Что я наделал!

Жена. А надо было шить как все люди. Не полторы минуты, а три месяца. Тогда бы никакая волшебница тобой не заинтересовалась! Говорили тебе, быстро хорошо не бывает! *(Плачет.)*

Портной. Собачка, собачка! Веди сюда своего Кассира. Будете жить у меня.

Фотограф. Ав-ав! Нет, у тебя не пахнет едой, мы пойдем в другое место!

Жена *(плача)*. Даже собачке наша жизнь не подошла!

Фотограф. Собачья жизнь тоже на дороге не валяется!

Вбегает Волшебница в новом платье.

Волшебница. Кто позволил тебе сшить вместе рукава?

Портной. Маленькая поправка.

Волшебница. Но я ведь лишена возможности взмахивать руками!

Портной. Нет, почему, можете. Попробуйте! Как для собачьего вальса! Ну! Маленькое добренькое колдовство. Освободите этих людей!

Волшебница. Не такая я добрая, как вы думаете.

Портной. Ведь вы же сказали: пусть все то, что я сегодня сшил, нельзя будет снять, верно? А теперь наколдуйте наоборот: пусть это снимется! Это и будет маленькое доброе колдовство!

Волшебница. Да, какой хитрый! А мне что от этого будет?

Портной. И вы от своего платья освободитесь!

Волшебница. А ведь верно! Ну, Портной, тебе же хуже! Вот как интересно: маленькое добренькое колдовство для одних, а для тебя будет большое и злое!

Портной. А ну, попробуй только!

Жена. Не надо, вы ведь злая! Вы ведь сами на себя наговорили тут: маленькая, добренькая! Вы же ведь злая в глубине души! Не делайте добро! Вы ведь не такая плохая!

Портной. Молчи, жена!

Волшебница. Ну! *(Взмахивает руками.)* Если бы для одной себя — это было бы злое. А для всех — это же я делаю добро, правильно? А за компанию и освобожусь! Ура!

Портной. Ура!

Кассир и Фотограф сбрасывают с себя одежду.

Портной. Бегите!

Кассир. Бегу, магазин открывается! *(Убегает.)*

Фотограф. Бегу, меня там птичка с утра ждет! *(Убегает.)*

Волшебница *(сбрасывает платье)*. Видишь, никому твоя работа не нравится. Мне тоже. Ты никуда не годный портняжка.

Портной. Это все сплетни.

Волшебница. Быстро хорошо не бывает.

Портной. У меня бывает.

Волшебница. А это? *(Показывает на вещи.)*

Портной. Это прекрасно было сшито. Вы в новом платье были очень милы.

Волшебница. Да? Очень мила! Гм. Вы сказали хорошее слово. Правильно: я мила! Ну, а я красива?

Портной. Я сказал: вы были очень милы.

Волшебница. А теперь?

Жена. А теперь вы прекрасны. Вам так идет это белье!

Волшебница. Ага, значит, я была мила! А теперь я не мила! Придется мне сделать тебе пакость. *(Взмахивает руками.)* Знаешь что, носи-ка ты сам всю эту чепуху, которую ты сегодня сшил! Вот будет смешно! Вот будет умора! Ха-ха-ха! Носи, пока кто-нибудь не захочет это у тебя отнять! А такая чепуха никому не понадобится! *(Уходит.)*

Портной *(собирая вещи с земли)*. Ну, что ж, жена, я и так тебя плохо кормил, так что большой разницы не будет. То было нечего есть, а теперь будет есть нечего.

Жена. Вот и носи теперь! Носи! Сам виноват! *(Плачет.)* Вот как отниму у тебя! Я-то имею право отнять!

Портной. Не подходи! А то я уйду от тебя!

Жена. Стой! Стой! Я придумала! Она сказала: носи! Но ты и будешь всюду это носить! Но в чемодане! Ура?
Портной. Ура! Я всюду буду ходить с чемоданом! Как будто я путешествовую!

Картина третья

Возле дома в кустах трое разбойников. Поют городской романс.

Ты гений? Я в гений не верю,
Я гений такой же, как ты,
Два уха, два глаза имею,
И рукою умею водить — по бумаге.

И тоже закаты-рассветы,
Прохожего крик за окном.
Я тоже мечтаю об этом,
Но только не мню о себе — как другие.

Хоть я не какой-то философ,
Не в бочке живу, а в семье,
Я тоже не сплю от вопросов —
Откуда я произошел — крыша едет.

Иду — никаких подозрений,
Я просто гуляю в плаще,
А под шляпой я мыслю как гений —
А вдруг меня нет вообще — с дуба рухнул.

Одноглазый. Да, дело явно нечисто. Он этого чемоданчика из рук не выпускает. Я за ним сам следил. На базар с авоськой и чемоданом. В баню с чемоданом и моется, держась за чемодан. На речку с чемоданом и плавает с чемоданом. Словно боится его из рук выпустить. Словно никому не доверяет.

Лысый. У него там деньги. Денежки!

Усатый. Нет, деньги бы промокли. У него там золото!

Одноглазый. Нет, золото бы на дно пошло! У него там бриллианты!

Лысый. Да, бриллианты плавают. Верно! Я сам видел, в проруби плавали бриллианты! Так сверкали!

Усатый . Чего же не достал?

Лысый . Да я только теперь догадался, что это были бриллианты! А тогда подумал — лед и лед!

Одноглазый . Бриллианты похожи на лед. Верно.

Лысый . Мы откроем чемоданчик, скажем: «Как, лед? У нас бабушка болеет, как раз понадобится. Как хорошо, что мы с вами встретились! А то бы в аптеку пришлось бежать!»

Одноглазый . Тише, идет! Чемоданчик с ним!

Входит Портной с чемоданчиком.

Портной . О, как хорошо жить на свете! Как прекрасен этот мир! Мгновенье, ты прекрасно! Да здравствует солнце! Благословляю вас, леса! Плохо только, что работать никак невозможно. Одной правой рукой много не сошьешь. Единственно, что радует: заказчиков совсем нет. А то бы получилась неразбериха: заказчики толпятся, машинка работает, а мастер сидит, за чемодан держится.

Одноглазый (*выйдя из-за кустов*). Простите, где тут поблизости аптека?

Портной . Это там, за оврагом, в городе.

Одноглазый . А-а, спасибо. (*Скрывается за куст.*)

Лысый (*выбегая*). Простите, пожалуйста, а где тут живет больная бабушка? Не видели?

Портной . Бабушка? Нет.

Лысый . Ах да, она в проруби плавает. (*Убегает.*)

Усатый (*выбегая*). Простите, вам лед не нужен?

Портной . Нет, спасибо.

Усатый . Тогда давайте. (*Протягивает руку за чемоданом.*)

Портной . Нет, спасибо, я сам. Он легкий.

Усатый . Тогда извините за все. (*Убегает.*)

Выходят все трое из-за кустов, загораживают портному дорогу.

Лысый (*грубо*). Кошелек или деньги!

Портной . Деньги!

Лысый . Какие деньги?

Портной . А какой кошелек?

Лысый . Ваш!

Усатый (*подсказывая*). Твой!

Лысый (*грубо*). Твой!

Портной . Мой?

Одноглазый . Нет, не так: чемодан или жизнь!

Портной . Жизнь!

Усатый . Тогда давай чемодан и подавись своей жизнью!

Портной. Не могу отдать чемодан.
Одноглазый. Отдай по-хорошему.
Портной. По-хорошему не могу.
Лысый. Ладно, так и быть, отдай по-плохому. Швырни нам его в лицо.
Портной. Не могу, и не просите.
Усатый. Почему?
Портной. Да там чепуха всякая.
Одноглазый. Испугал! Вот испугал! Да мы всю жизнь о чепухе мечтаем! Нам чепухи-то как раз для счастья и не хватает. Маленького чемоданчика чепухи. Давай сюда!
Портной. А что вы меня уговариваете? Что вы меня уговариваете?
Лысый. Сейчас как возьму! Как развернусь! Как отниму!
Портной. Ну-ка, отними!
Усатый. Раз-два, взяли! Друж-но, взяли!
Портной *(залу)*. Я тут ни при чем, вы свидетели.
Разбойники отбирают чемодан.
А теперь этот чемодан ваш, так и быть. Вы будете носить эти вещи до тех пор, пока их у вас кто-нибудь не отнимет! Запомните!
Лысый. Не беспокойся, у нас-то никто ничего не отнимет!
Мы не такие слабаки, как некоторые!
Портной. Может, зайдете, чаю попьете?
Усатый. Нам некогда. У нас бабушка в аптеке.
Портной убегает.
Одноглазый. Ой, тут что-то сверкает: бриллианты?
Усатый. Галоши совсем новые.
Лысый. Там правда что-то сверкает. Бриллианты?
Одноглазый. Только мягкие такие. Матерчатые.
Надевают одежду: Лысый — рубашку без головы, Одноглазый — блузу с валенками, Усатый — платье с зашитыми рукавами.
Лысый *(под рубашкой)*. Где тут выход?
Одноглазый. Дай помогу. *(Пытается помочь валенками.)*
Лысый. Кто по мне ногами ходит?
Одноглазый. Я не ногами, а валенками.
Лысый. Сейчас же сойди с меня! Усатый! Ты где! Я тебя не вижу!
Усатый. Я тут, в платье!
Лысый. Я не могу выйти! Где моя голова?
Одноглазый. У меня руки как ноги! Правый локоть в колене не сгибается!

Усатый. А я вообще как без рук! О-о-о! Все. Снимаю с себя это дело.

Одноглазый. И я.

Лысый. Помогите мне! Я не могу!

Одноглазый. Спасите! Я не справляюсь!

Усатый. Тихо! Я что-то тоже никак не сниму это платье.

С нами происходит трагедия. Помните, что сказал этот портной? Вы будете носить эти вещи, пока их кто-нибудь у вас не отнимет! А кому придет в голову отбирать у нас эту чепуху?

Лысый. Никто не видит, а я тут под рубашкой плачу.

Усатый. Да, мы попались. Все.

Одноглазый. А портной-то носил эти вещи в чемодане! Ему-то было хорошо!

Усатый. Точно! И никогда с этим чемоданом не расставался! Послушайте! Да ведь это значит, что и мы можем стащить с себя тряпки и сложить в чемодан. Будем просто везде ходить строем с этим чемоданом.

Лысый. Никто не видит, а я тут у себя под рубашкой смеюсь от радости!

Помогая друг другу, разбойники стаскивают с себя одежду и прячут ее в чемодан.

Усатый. Теперь будем с этим чемоданом здесь караулить.

Вдруг кто-нибудь попадется, кто захочет чемодан отнять?

Лысый. Давайте притворимся, что мы спим!

Ложатся спать, держась за чемодан. Храпят. Входит Хитрец.

Хитрец. А вот лежат известные всему миру воры. Эй, разбойники! Спят. Утомились. Но и во сне держатся за чемоданчик. Видно, что-то такое в нем есть. Стали бы они держаться за пустой чемоданчик. Эй, уберите чемоданчик! Он мешает мне пройти! Давайте-ка я его уберу с дороги. Тихо так уберу в сторону. Ух ты, как крепко держатся. А я ведь не вор, чтобы украсть чужую вещь. Эй, проснитесь! Я только хитрец. Хитрей меня нет в целом мире.

Лысый (*просытаясь*). Чемоданчик наш цел? Цел еще.

Одноглазый (*зевая*). У нас невозможно украсть. У нас можно отнять только силой.

Хитрец. Что это у вас за чемоданчик — такой облезлый и грязный! Я бы за него не дал ни копейки!

Лысый. А ты не зарься на чужие чемоданы. Мало ли что облезлый! Мало ли кто вообще облезлый! (*Гладит себя по голове.*)

Хитрец. Да я бы за него и двух монет не дал.
Одноглазый (*зевая*). А его нельзя купить. О, как я ослабел.
Усатый. Я сам с трудом лежу.
Лысый. Как странно, что у нас еще чемоданчик не отобрали!
Хитрец. Давайте меняться! Вы мне дадите ваш старый, облез-
лый чемодан, а я вам дам две невиданные вещи: рожки
и хобот кошки.
Лысый. Я согласен!
Усатый. Ты, может, согласен, да я не согласен!
Одноглазый. И я не согласен! Мы не можем меняться!
Чемоданчик у нас можно отобрать только силой!
Лысый (*Одноглазому*). Вот сейчас как дам в глаз!
Одноглазый (*Лысому*). Как тебе не стыдно!
Усатый (*Хитрецу*). Ты видишь, у нас пошли раздоры. Как бы
кто этим не воспользовался!
Хитрец. Мне кажется, что вы прямо-таки навязываете мне
этот чемодан! Подсказываете, что ослабели, что передра-
лись! Да он мне задаром не нужен.
Усатый. Да он и нам, вправду сказать, не нужен. Так, просто,
на спор: осмелится ли кто-нибудь отнять у нас, известных
разбойников, даже облезлый и пустой чемодан. Ха-ха-ха!
Хитрец. Да я осмелюсь, ха-ха-ха!
Усатый. Да на спор, не осмелишься, ха-ха-ха! Если осмелишь-
ся, тогда он твой!
Хитрец. На спор! (*Тянет к себе чемодан.*) Да не держитесь вы
так за него, на что вам пустой облезлый чемоданчик,
чем-то такое набитый! Нет, держатся! Да отдайте же!

Разбойники отпускают чемодан.

Хитрец. Ну, все. Теперь чемоданчик мой?

Одноглазый. Так и быть.

Лысый. Ну, побежали. Нам еще надо за бабушкой в прорубь
сбежать. Она там плавает.

Усатый (*Хитрецу*). Только имей в виду, что вещи из этого
чемодана ты будешь носить до тех пор, пока его у тебя
кто-нибудь не отнимет.

Хитрец. Да кому ты это говоришь! Да я хитрей всех в мире!
У меня-то никто не отнимет! Позаботьтесь лучше о своей
бабушке!

Лысый. Действительно, ребята! Внуки мы или не внуки!

Убегают.

Хитрец. Я весь дрожу от нетерпения! (*Убегает.*)

Картина
четвертая

Вывеска: «Магазин». У вывески скромно прогуливается, держась обеими руками за чемоданчик, Хитрец.

Хитрец. Рубашки, кофты, валенки с галошами совсем новые!
Валенки, парча, бархат, калоши ненадеванные!

Мимо идет Толстая дама.

Ничего, ничего не продается, я тут случайно прогуливаюсь.

Толстая дама (*останавливаясь*). Что вы сказали?

Хитрец. Ничего, ничего не продается.

Толстая дама. А что у вас не продается?

Хитрец. Не продается платье.

Толстая дама. Померить можно?

Хитрец. Никак нельзя. Платье сшито для самой красивой дамы в городе. Она должна прийти. Она меня сама узнает.

Толстая дама. А вы ее что, не знаете?

Хитрец. Нет, нет, ничего не продается.

Мимо идет Худая дама.

Худая дама. Что вы сказали? Продается? Что продается?

Толстая дама. Продается шкаф. (*Хитрецу*.) Вы меня не узнали, что ли?

Худая дама. А какого вида шкаф?

Толстая дама (*Хитрецу*). Так дайте же мне его хотя бы подержать в руках! Я боюсь, что это как раз то, что мне нужно. (*Худой даме*.) А вы что тут стоите? Вы тут не стояли.

Худая дама. Я? Я стояла здесь еще тогда, когда никого не было. (*Хитрецу*.) Даже вас не было. Правда?

Хитрец. Ничего не знаю. Меня тут не было.

Худая дама. А какой все-таки шкаф?

Толстая дама (*Хитрецу*). Это как раз мой размер!

Худая дама. Трехстворчатый?

Хитрец. Я не буду с вами хитрить. Это не шкаф, это платье, оно сшито на самую красивую даму в городе.

Толстая дама. Так вот же.

Худая дама. Вы меня долго тут ждете?

Хитрец. А вы кто?

Худая дама. Я не понимаю, разве тут не говорили о самой красивой даме в городе?

Толстая дама. Вы не поняли! Говорили о самой красивой даме в городе.

Мимо проходит Волшебница. Она по-прежнему в сорочке и панталонах.

Волшебница. Простите, вы обо мне что-то сказали? Ну, самая красивая дама в городе, ну и что дальше? Что, нельзя, что ли?

Толстая дама. Здесь очередь! Я за платьем первая!

Худая дама. Я вторая!

Волшебница. Платье? Какое платье? Я хожу буквально раздетая, мне носить нечего, и мне ничего не сказали? Где платье?

Хитрец. Да платье-то есть, но оно сшито на самую красивую даму в городе.

Волшебница. Беру!

Хитрец. С очередью разговаривайте.

Волшебница. Что-что? Да я сейчас!.. *(Взмахивает руками.)*
Они тут не стояли.

Дамы разбегаются.

Ну, выкладывайте товар. Мне как раз нужно красивое платье. Недавно я утратила такой наряд! Леопардовые перья! Вы представляете?

Хитрец. Да-да, примерно такое. Синенькое. Вот тут, в чемоданчике.

Волшебница. Так давайте же!

Хитрец. Не могу, что скажет очередь.

Волшебница. Тогда я возьму силой. *(Взмахивает руками.)*
Пусть платье, которое лежит в чемодане, окажется на мне!

Гром, темнота, свет. Волшебница стоит в платье со сшитыми руками, чемодан валяется у ее ног.

Хитрец. Теперь носите это, пока у вас кто-нибудь не отнимет!

Хитрец убегает.

Волшебница. Сейчас будет большое злое колдовство! *(Взмахивает руками, звучит «Собачий вальс».)* Ой, я добрую прямо на глазах! Спасите! Кто же меня спасет? Вспомнила! *(Взмахивает руками.)* Портной! Портной!

Появляется Портной.

Портной. Ну, что опять?

Волшебница. Как, разве ты не четвероногий! Не му-му?

А я-то хотела сделать тебе доброе дело, хотела тебя освободить, безголового.

Портной. С чего это ты — и вдруг доброе дело?

Волшебница. Да так уж. Добреть начала. Возраст, ревматизм. Нет того размаха. Поняла многое. Ну, что тебе хорошего сделать? Денег надо? А где, кстати, жена твоя?
(*Взмахивает руками.*)

Появляется Жена.

Жена. Ну что ты за ним бегаешь?

Волшебница. Денег надо?

Жена. А что мы от этого будем иметь?

Волшебница. Ну, что, тратить их будете. Потом будете считать, сколько осталось. Потом поругаетесь немножко.

Жена. А вместо денег что можно?

Волшебница. Ну, раз к вам никто не ходит, я могу заказчиков, так и быть, нагнать. Но, предупреждаю, это еще хуже. Это он сразу спешить начнет, нервничать, в такси шить будет, на ходу. По телефону шить будет. Конечно, по телефону шить — это не то что в тишине, в спокойствии, с удовольствием. Вот какая я стала добренькая, тьфу! Сама себе все порчу. (*Поет.*) Ну давайте я вам сделаю добренькое дельце! А вы мне!

Портной. Давно бы сказала, что тебе от меня надо.

Волшебница. Ну разрежь мне рукава! Ну освободи меня! Ну, что тебе стоит! Ты ведь добрый, всех спасаешь! Пусть уж я буду такая, как есть! А то без меня ничего хорошего не случится! Ни одной пакости, ни одной гадости! И некого будет выручать, и некого будет спасать!

Жена (*Портному*). Хватит тебе всех спасать, пора и о других подумать. Пусть другие спасают, а то им ничего не останется. Пойдем!

Волшебница. Портной, а Портной! А как же твое платье? Ты ведь его не дошил как следует! Рукава не разделил! Подумать только, первый заказ за столько лет, и то брак! Я начинаю сомневаться в твоём таланте! Так люди не работают!

Портной. Кто сказал, что я талант? Это все сплетни! Я гений!
(*Быстро разрезает рукава.*) Гениально?

Волшебница. Гениально! Ура! *(Взмахивает руками.)* Музыка!
Пожалуйста, не этот собачий вальс, а что-нибудь позаковыристей! Раз меня освободили, я сделаю какую-нибудь особенно большую пакость. Вот что. Портной, я прикрою твою сказку. Оставайся, как есть, без денег и заказчиков.

Портной. Ну, что, можно кланяться?

Волшебница. Раз сказка кончилась, делай что хочешь. Теперь это никому уже не интересно. Я пошла!

Волшебница уходит. Появляются дамы Толстая и Худая, оглядываясь, спешат к Портному.

Худая дама. Стойте! Помогите! Вот она *(указывая на Толстую даму)* здесь подслушивала!..

Толстая дама. А она *(указывая на Худую даму)* здесь подглядывала!..

Дамамы *(хором)*. Нельзя ли нам у вас сшить платье, пальто, юбку, шубку и мантию?

Жена *(мгновенно)*. Хорошо! Вы будете тридцать вторые!

Волшебница *(высовываясь из-за кулис)*. Кому говорят, сказка кончилась!

Выбегают Кассир и Фотограф.

Кассир }
Фотограф } *(вместе)*. Одну минуточку! Одну маленькую секундочку! Мы были первые!
Хитрец. Я за вами!

Вбегают разбойники.

Одноглазый. Руки вверх!

Лысый. Руки вверх! Ни с места!

Усатый. Пропустите нас вперед, у нас бабушка болеет.

Из-за кулис появляется Волшебница.

Волшебница. Первое — сказка кончилась. Второе — я первая!

Портной. А если подумать? А если вспомнить?

Волшебница. Хорошо, я подумаю. Эх, была не была, я сорок пятая. Кланяйтесь, и пошли.

Все кланяются. Поют «Последнюю балладу».

«Последняя баллада»

(В стиле рок)

Из тех, кто на земле живет,
Всегда найдется идиот,
Который очередь займет
Последним, последним!
Но ты подумай — без него
Ведь ты не значишь ничего,
Когда бы не было его,
То ты бы был последним!
А так — ты можешь уходить
И вольной пташечкой ходить,
Но не забудь предупредить
Последних, последних!
Они готовы службу несть,
Не жить, не пить, не спать, не есть,
Ведь таковы закон и честь
Последних, последних!
Но если не предупредишь,
Тогда уж, братец мой, шалишь!
Тогда уж ты получишь шиш
Последний, последний!
Не будем свары затевать,
Хоть тяжело последним стать,
Но за тобой, глядишь, опять
Пристроится последний!

Занавес

1975

▪
ДВА
ОКОШКА

**Пьеса-сказка
в шести
картинах**

▪

ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

КАПИТАН.
ЧЕЛОВЕК.
СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА.
БРИГАДИР ЭЛЕКТРОМОНТЕРОВ.
МОНТЕРЫ.
ПОМОЩНИК КАПИТАНА.
МАМА.
РЕБЕНОК.
МАЛЬЧИК.
ДЕВОЧКА.

Картина первая

Декорации, как это уже принято в современном театре, самые простые — на сцене высвечиваются попеременно то корабль (рулевое колесо и бочка), то город А (балкончик наверху, дверь слева для Мама, стол со скамейками для монтеров). Однако может быть принят и предлагаемый в тексте вариант с декорациями и сменой картин. Сцена представляет собой набережную. Слева дом Мама, справа контора электросбыта. Между ними маяк с балконом. На балконе, на раскладушке, спит Смотритель маяка. У конторы монтеры играют в домино. Игра такая, что сильно бьют по столу костяшками. Смотритель каждый раз вздрагивает на раскладушке всем телом, но спит. Первый монтер, вместо того чтобы ударить, тихо опускает костяшку на стол. Смотритель просыпается и смотрит вниз.

Смотритель. Спать не даете.

Первый монтер. Ты не можешь спать, ты на службе.

Смотритель. И ты на службе.

Первый монтер. А еще не вечер, еще можно. Еще фонари не зажигать.

Смотритель. И мне еще маяк не зажигать.

Второй монтер. А ты за ним не повторяй. Первое слово дороже второго.

Смотритель. А вот и вечер. Уже соседи идут.

Монтеры встают, кричат: «Можно зажигать!» Зажигают окна и фонари. Смотритель включает маяк. По сцене идут Мама, Ребенок.

Ребенок. Мама, а почему?

Мама. Почему да почему — на какую букву кончаются?

Ребенок. На «а»!

Мама. Вот видишь.

Ребенок. А почему на букву «а»?

Мама. Почему да почему — на какую букву кончаются?

Ребенок. На «у»!

Мама. Верно! *(Возится с ключами.)* Идем!

Семья заходит в дом.

Смотритель. Опять сегодня два огня гореть будут на горе.

Первый монтер. Ты тоже заметил?

Смотритель. Вот они, уже зажглись.

За маяком, на горе, светятся два огонька.

Первый монтер. Я и то боялся, что Бригадир увидит. Увидит — скажет непорядок, и пошлет на гору проверять, почему по ночам свет горит. А на гору дорожки нет. А Бригадир у нас насчет света бешеный. Ночью, говорит, все должны спать и выключать.

Смотритель. Он и на меня все поглядывает. Когда ночь лунная. Дескать, выключай маяк, не балуйся, свет не жги. А я его сверху не вижу как бы.

Первый монтер. Вчера у них на горе всю ночь свет горел. Жгли энергию.

Второй монтер. А что там?

Первый монтер. А я знаю?

Смотритель. Да там домик.

Второй монтер. А там что?

Смотритель. А там дети, мальчик и девочка, живут.

Первый монтер. Дети! Они устроют там, устроют. А ты потом карабкайся к ним. Короткое замыкание. А ты потом беги к ним. Кто же детей одних оставляет в доме-то? Конечно, они будут жечь. Им страшно без света.

Смотритель. На днях матросы пришли на шлюпке, видели?

Второй монтер. Я не видел.

Третий монтер. Я спал.

Четвертый монтер. Я дремал.

Смотритель. Матросы пришли на одной шлюпке. Их корабль затонул. А их капитан — они рассказывали — на капитанском мостике остался и честь отдавал, а потом ушел ко дну.

Первый монтер. Охота была.

Смотритель. Так полагается. Одна фуражка от него осталась плавать. Капитан последним покидает корабль.

Второй монтер. Я бы сразу покинул.

Третий монтер. Я бы всех растолкал.

Четвертый монтер. Я бы первым.

Смотритель. Капитан ведь прощается со своим кораблем.

(Отдает честь.)

Первый монтер. Корабль — простая деревяшка. Так и с дверью, уходя, надо прощаться.

Второй монтер. Прощай, дверь!

Третий монтер. Прощай, табуретка!

Четвертый монтер. Прощай, мое полено! *(Отдает честь.)*
Смотритель. А там, на горе, как раз в этом домике, и живут дети пропавшего капитана.
Первый монтер. Видишь как: а он от них под воду скрылся.
Четвертый монтер. Прощай, мое корыто! *(Отдает честь.)*
Смотритель. Вот теперь дети капитана и не гасят свет.
Второй монтер. Боятся.
Третий монтер. Трясутся.
Смотритель. Да нет же! Они ждут отца своего.
Первый монтер. А зачем им свет?
Второй монтер. Пусть спят.
Четвертый монтер. Солдат спит, служба идет.
Смотритель. Да нет же, они не гасят свет специально, чтобы показать, что ждут. Как бы маяк для него. Мол, плыви сюда.
Первый монтер. Тогда гаси свой маяк, пусть светит как бы маяк. А то вместе — и маяк и как бы маяк.
Смотритель. Маяк для всех, а окошки для него одного.
Второй монтер. Да ну, какой барин! Для него одного целый как бы маяк! Что-нибудь одно надо будет погасить.
Третий монтер. Мы что, как Бригадир велит. Ночью надо спать и выключать.
Смотритель. Маяк не гасят.
Второй монтер. Тогда окошки гаси.
Смотритель. Не мои окошки.
Второй монтер. Не твои, а защищаешь.
Четвертый монтер. Только бы Бригадир не увидел, а то живо нас погонит на гору выключать. По скалам. По гладенькой дорожке.
Смотритель. Я заслону.
Смотритель снимает с раскладушки на балконе простыню и свешивает ее вниз.
Первый монтер. Левее! Правее! Еще левее! Левее!
Смотритель. Я выпаду.
Первый монтер. А ради общего дела? Ну? За папу! Левее! За маму! Левее!
Смотритель. Все-таки вы неплохие ребята, хорошие парни. Когда надо, вы за общее дело.
Первый монтер. Левее заслоняй!
Смотритель. Бригадир ваш идет.
Входит Бригадир.

Бригадир. Ну, я проверил, все готово к отходу ко сну. Ночью надо спать и выключать. Маяк еще туда-сюда, а остальное гасить.

Фонари гаснут. Смотритель заслоняет от Бригадира вид наверх. На улицу выбегает Ребенок.

Ребенок. А я не хочу выключать свет! Не буду! Я тоже хочу, чтобы не спать, я хочу из бумаги вырезать что-нибудь.

Мама. Иди домой, все спят.

Ребенок. А почему тогда там не выключают свет? (*Показывает на гору.*)

Мама. А там живут волшебники, наверное.

Ребенок. А почему волшебники?

Мама. А на какую букву «почему» кончается? А?

Ребенок. На «э»!

Мама. Вот видишь, пойдем.

Ребенок. Я тоже хочу при свете!

Мама уводит Ребенка.

Бригадир. О чем речь? Где свет?

Смотритель роняет простыню на голову Бригадира.

Смотритель. О! Моя простыня!

Бригадир (*разводя под простыней руками*). Где я?

Первый монтер (*Смотрителю*). Давай следующую!

Смотритель вывешивает другую простыню.

Бригадир. Где я?

Второй монтер. А-у!

Третий монтер. Э-ге-гей!

Четвертый монтер. Ку-ку!

Выпутьывают Бригадира из простыни. Бригадир прохаживается по сцене слева направо и обратно. Смотритель носится с простыней вслед за ним по балкону.

Бригадир. Ты что трясешь тут?

Смотритель. Сушу на ветерке.

Бригадир. Это почему?

Смотритель. Стирка была.

Бригадир. А! Тогда повесь.

Смотритель. Не могу! Перила ржавые.

Бригадир. Все у тебя не слава Богу. Ночью свет горит у тебя одного в целом городе. Я вообще хлопочу, чтобы с нашего города маяк сняли. Ночью надо спать и выключать.

Смотритель. А как корабли?

Бригадир. А пусть тоже ночью спят и выключают.

Смотритель. А кто просто так плывет?

Бригадир. Просто так по морю запрещено. Акулы.

Смотритель. А если человек за бортом?

Бригадир. А почему я не за бортом? Почему он не за бортом?

Второй монтер. Я, например, не за бортом.

Четвертый монтер. Я на борту.

Выскакивает Ребенок, за ним Мама.

Ребенок. Ой, а они там еще не погасили! И я тогда не буду!
Волшебникам можно, а мне нельзя?

Мама. Волшебники днем спят, а ты днем не спишь. Волшебники манную кашу едят, а ты не ешь! Теперь им можно, а тебе нельзя. Идем!

Ребенок. А они зато свет не гасят!

Бригадир. Од-ну минуточку! Кто?

Ребенок. Там!

Мама уводит Ребенка.

Бригадир. Где? *(Отводит рукой простыню.)*

Смотритель роняет простыню на Бригадира.

Первый монтер. Ах, на него уронили! *(Надевает на голову Бригадира стул.)*

Второй монтер. Ах, это его уронили! *(Валит Бригадира.)*

Третий монтер. Нет, ты не прав, это на него уронили!
(Садится на Бригадира.)

Первый монтер. С ним неважно! «Скорую», «скорую»!

Четвертый монтер *(звонит)*. «Скорая»! У нас тут на чело-
века большое несчастье свалилось. *(Падает на Третьего монтера, сидящего на Бригадире.)* Два больших несчастья свалилось.

Прибегают санитары, уносят Бригадира.

Смотритель. Пусть окошечки горят.

Картина
вторая

Борт корабля «Паллада». У руля стоит старик Капитан.

Капитан. Право руля на борт! Какой ветер! К вечеру поднялся сильный ветер. В этот вечер дует ветер! Хо-хо! Надо будет сочинить стихи. Вечер — ветер! Ха! Вечер-ветер. Ветер-вечер. Вечер — ветер. Веник (*задумывается*) — пряник! Ого, какие получаются стихи! Веник — пряник.

Помощник. Да, ветерок.

Капитан. Что говорите? Хорошая рифма, говорите?

Помощник. Я говорю — ветерок!

Капитан. А при чем тут рифма?

Помощник. А я откуда знаю?

Капитан. Вы же сказали — хорошая рифма.

Далекий крик: «О-о-о!»

Помощник. Я так не говорил.

Капитан. По-вашему, плохая рифма?

Крик: «О-о-о!»

Помощник. Кричат.

Капитан. Это кричат чайки. Не было бы бури. Кстати, на чайки вот много рифм. Сколько хотите: чайки — майки — балалайки.

Далекий крик: «О-о-о!»

Разболтайки-зайки-чайки.

Крик: «О-о-о!»

Чайки-кричайки!

Помощник. Разрешите доложить! Это не чайки, капитан!

Крик: «О-о-о!»

Капитан. Теперь я и сам слышу, что это не чайки кричайки.

Дайте-ка мне, помощник, подзорную трубу. Дайте мне, помощник, подзорный-ка трубошник. Ничего стихи? А? Так. Так. Так. Что? Что такое? Я вижу... Человек за бортом.

Крик: «О-о-о!»

Шлюпку на воду!

Эхо. Есть шлюпку на воду!

Капитан. Он держится на чем-то... На каком-то деревянном обломке. А волны-то какие! Скорее, скорее. Как он еще держится, бедняк! Помощник, приготовьте для человека за бортом мохнатое полотенце. Он ведь совершенно мокрый.

Помощник *(не двигаясь)*. Есть мохнатое полотенце.

Капитан. Самый малый вперед! И чаю.

Помощник *(не двигаясь)*. Есть самый малый вперед! Есть и чаю.

Капитан. Ну, что вы стоите? «Есть и чаю» — а сами ни шагу. Есть и чаю — и ни шагу. Сами собой льются стихи. Ну!

Помощник *(отбирая у Капитана подозрную трубу)*. Есть ну!

Капитан *(отбирает трубу)*. Не вы один хотите смотреть! А! Они подняли его на шлюпку! Ура! Вот они повернули обратно, плывут. *(Помощнику.)* Кому сказано — мохнатое полотенце!

Помощник *(отбирает трубу)*. Есть мохнатое.

Капитан. Где?

Помощник *(не отрываясь)*. Что где?

Капитан. Где — есть мохнатое?

Помощник. О! Они сейчас поднимаются на борт!

Капитан *(отбирает трубу)*. О! Идут сюда!

Входит Человек.

Помощник. Вот вам, капитан, новый пассажир.

Капитан *(рассматривает его в трубу)*. Какой мокрый!

Помощник *(отбирает трубу)*. Где мокрый?

Человек. Здравствуйте.

Капитан. Да-да, вот именно. Нну... Да-да. Ну, как дорога? Хотя что я спрашиваю.

Человек. Дорога все морем.

Капитан. Ах морем! А у нас тут вам понравится. Это у нас корабль «Паллада». Хотя что я. Хотите мохнатого полотенца? *(Толкает локтем Помощника.)* Или горячего чаю? *(Толкает локтем Помощника.)* Ну, что раньше: горячего полотенца или мохнатого чаю? *(Толкает Помощника обеими руками, тот убегает.)* А что это мы стоим-то? А? Что мы стоим? Полный вперед!

Эхо. Есть полный вперед!

Человек. Скажите, куда идет ваш корабль «Паллада»?

Капитан. А что, может быть, вам с нами не по дороге? Может быть, вы плыли на своей дощечке совсем в другую сторо-

ну, а? *(Смеется.)* Ну, уж теперь мы вас не отпустим. До самого города А.

Человек. Вы идете в город А?

Капитан. Еще бы!

Появляется Помощник с полотенцем.

Где был?

Помощник. Чай кипятил.

Капитан. Сам кипятил?

Помощник. Сам лично.

Капитан. Сам лично чай кипятит только чайник. И то не так долго. Человек весь замерз. Проводите его в теплое помещение! Чайник.

Человек и Помощник уходят.

Кажется, я его обидел. Ужасно переживаешь, когда вот так, в первый раз в жизни спасаешь человека. Это мой первый человек за бортом. Или, лучше сказать, мой первый человек на борту. Хотя что я. На борту у меня он не первый. А за бортом первый. Но он ведь не за бортом! С этим надо разобраться! Ведь до сих пор мне еще не приходилось никого спасать. Как это прекрасно — спасти человека! Он потом всю жизнь будет стесняться, прятаться от тебя. Ты его будешь стесняться. Будем друг друга избегать. Красиво! Надо будет по этому поводу сочинить стихи. Что-нибудь такое красивое... Веник-пряник! Нет, не то. Веник-пряник — хорошие стихи, но что-нибудь надо другое.

Входит Помощник.

Веник-чайник!

Помощник. Плохие стихи. *(Передразнивает.)* Веник-тряпка!

Я тоже так могу.

Капитан. Нет, надо сочинить какие-нибудь другие стихи.

Послушайте, какой он красивый и умный. Это мой первый человек за бортом! На борту! Как сказать?

Помощник. На борту он у нас двадцать пятый человек.

Капитан. Назначаю тебя двадцать пятым человеком, а он будет первым. Мой первый! Красивый он и умный, с седой бородой. Что поделаешь, опять стихи. Опять сочиняю. Я всегда сочинял стихи. Когда я был маленьким, я сочинил

тоже стихи про бороду: «Идет тетя седая с длинной рыжей бородая».

Помощник. Плохие стихи.

Капитан. Что вы хотите от семнадцатилетнего ребенка! А этот мой спасенный — он похож, мне кажется, на одного капитана. Он вам никого не напоминает?

Помощник. Ни капли.

Капитан. А мне — да.

Помощник. Вы обознались.

Капитан. Может быть, я и обознался. Я ведь в душе поэт, мне все должно казаться совершенно иным. Вот мне и показалось, что этот человек похож на одного капитана! Мне всегда все кажется. Вот, например, мне кажется, что надвигается буря.

Помощник. Мне тоже.

Капитан. Но вот мне, например, кажется, что мы вот-вот перевернемся.

Помощник. А мне вот тоже так кажется.

Капитан. Но вот мне, например, кажется, что это мне не кажется, а что действительно началась буря и мы сейчас перевернемся.

Помощник. А мне, например, тоже кажется, что это вам не кажется.

Капитан. Задраить люки! Все по местам! Право руля! Только бы не отсырели приборы! Хотя что я: в городе А такой сильный маяк и еще два окошечка светят в придачу! Каждую ночь! Полный вперед! Ничего. Доедем.

Картина третья

Город А. Та же площадь. Поздний вечер. Над городом горят два окошка. За столом на улице сидят монтеры и Бригадир. Наверху — на балконе — Смотритель под зонтиком.

Бригадир. Так. Я вернулся из больницы — и что я вижу? Уже какую ночь безобразия. Какую ночь они на горе электричество жгут. Та-ак. Сегодня все. Сегодня ты и ты (*указывает на Третьего и Четвертого монтера*) полезете на гору.

Первый монтер. На горочку пойдете.

Второй монтер. На пригорочек.
Третий монтер. А почему мы?
Четвертый монтер. А почему я?
Бригадир. А ты и ты (*указывая на Первого и Второго*) пойдете следом проверять исполнение.
Третий монтер. На взгорочек.
Четвертый монтер. На горúшку.
Первый монтер. А зачем мы?
Второй монтер. А почему я?
Бригадир. Эх вы, неженки-мороженки! Пойдете, раз нужно!
О! Капают! (*Смотрителю.*) Смотри у меня!

Выскакивает Ребенок.

Ребенок. Опять у них, у волшебников, свет горит! Каждую ночь горит! Я тоже хочу жить при свете!

Мама. Ночью полагается спать и выключать.

Уходят.

Бригадир. Видите, даже дети протестуют. Из-за этого же. Короче говоря. Я сейчас уйду по делам, приду — чтобы свет наверху не горел. А если будет гореть, то будет кому-то плохо-преплохо. Хорошо?

Первый монтер. Хорошо.

Четвертый монтер. Хорошо-прехорошо.

Бригадир уходит.

Первый монтер. Дождь пошел.

Второй монтер. Ветер свистит.

Смотритель. Буря собирается.

Четвертый монтер. Надеваю галоши.

Третий монтер. Что, собрался ийти?

Четвертый монтер. Куда?

Третий монтер. На пригорок.

Четвертый монтер. Куда-куда?

Третий монтер. На горку.

Четвертый монтер. А это куда?

Третий монтер. А вон туда.

Четвертый монтер. А я туда дорогу не знаю.

Смотритель. Ого, какая идет буря. Я думаю, вам не поздоровится. Вы слабенькие.

Первый монтер. У меня двухстороннее воспаление носа.

Второй монтер. У меня трехстороннее.

Смотритель. Так что лучше вам, дорогие мои, никуда не ходить. И ничего не гасить.

Второй монтер. А бригадир наш?

Четвертый монтер. Нет, надо вам сходить.

Первый монтер. А вам?

Четвертый монтер. Вам надо сходить нас проверить, как мы там поработали.

Первый монтер. А вы же там еще не были.

Четвертый монтер. А это наше собачье дело, может, мы там уже были. А ваше дело проверить.

Первый монтер. А вы там же не были.

Четвертый монтер. А вы не проверили.

Первый монтер. Вы сходите, мы проверим.

Третий монтер. Ты жарь, жарь, рыба будет.

Первый монтер. Что за разговоры, что за разговоры. Свет-то в окошках горит!

Четвертый монтер. А может, это просто декорация такая.

Первый монтер. Стало быть, на гору вы не идете.

Второй монтер. И мы тогда не идем.

Первый монтер. Это дело надо решить сразу. Я так считаю.

▲ Одним махом. Раз на гору никто не идет, тогда что?

Второй, Третий и Четвертый монтеры. Тогда что?

Первый монтер. Тогда ясно. Просто вырубам свет во всем городе.

Смотритель. Эй, эй, пареньки, вы что? Вы мне так и маяк погасите.

Первый монтер. При чем здесь твой маяк? У нас есть приказ гасить свет. Ночью надо спать и выключать.

Смотритель. А меня это не касается. Маяк должен работать.

Второй монтер. Нам что, пусть работает, мы не против.

Мы только просто вырубим свет. Свет-то у нас!

Смотритель. А маяк?

Четвертый монтер. А маяк-то у тебя!

Смотритель. Но свет-то у вас!

Третий монтер. Но маяк-то у тебя.

Четвертый монтер. И держись за свой маяк, он же твой.

Держись за него, а мы свет вырубим.

Второй монтер. И оказалось, что важней? Ну-ка? Маяк или наш свет? А еще спорил.

Смотритель. Вы что? Как маленькие. Ведь кораблям надо светить.

Второй монтер. И свети. Кто тебе мешает? Маяк-то у тебя!

А то, что наше, — то мы вырубим.

Первый монтер. А то выдумали еще: на гору нам идти. На ночь глядя. А мы, может, неженки-мороженки.

Четвертый монтер. Электричество мы посылаем на большие расстояния и отключаем на большие расстояния.

Смотритель. Вы не имеете права трогать маяк.

Третий монтер. А кто его трогает? Ребята, пошли к рубильнику. Ну его. А то Бригадир придет.

Второй монтер. И кто оказался сильнее? Маяк или наше электричество?

Смотритель. Погодите, постойте. Электричество сильнее, конечно. Что вы. Послушайте, ребята, давайте так: я сам сбегаю на гору и выключу у детей свет. А вы пока постоите маяк, чтобы не погас. Эй, первый, заберись ко мне на балкон.

Первый монтер. Эх, лень моя! Лень шагу ступить. *(Поднимается на вышку.)*

Смотритель спускается с маяка и убегает.

Второй монтер. И охота ему была? Ему же лучше — вырубим свет, так не надо будет возиться с маяком целую ночь, лег спать и спи.

Четвертый монтер. Ну, не скажи, у него свое начальство.

Первый монтер. Бригадир идет!

Второй монтер. А свет на горе не выключен!

Третий монтер. Была не была! *(Подходит к рубильнику, вырубает свет.)*

Сцена темнеет. Маяк гаснет.

Вот и погасили ваши два окошка. И ничего. Главный рубильник как раз для таких вещей и существует. Раз — и погас!

Бригадир входит.

Бригадир. Ну как, управились?

Первый монтер *(спускается)*. Да ну вас, посылаете в труднопроходимые места...

Бригадир. Ну ничего, ничего. Дело сделали.

Первый монтер. В другой раз сами пойдете.

Ребенок выбегает на улицу.

Ребенок. Мам, а почему у волшебников свет не горит?

Мама. У всех перегорел свет, и у волшебников перегорел, наверное.

Ребенок. Мам, а почему волшебники не наколдуют себе, чтобы было светло?

Мама. Почему да почему — на какую букву кончается?

Ребенок. На «ю»!

Мама. Вот видишь!

Уходят. На сцену вбегает, шаря руками, как слепой, Смотритель.

Смотритель. Ничего не видно! Где маяк? Маяк погас!
(*Ощупью забирается на балкон, звонит по телефону.*) Аварийная?

Бригадир. У телефона.

Смотритель. Аварийная? Алло!

Бригадир. У телефона.

Смотритель. В целом городе погас свет. Погас маяк. К городу не подойдет ни один корабль. Алло!

Бригадир. У телефона!

Смотритель. Начинается буря! Алло!

Бригадир. Ничего не слышу, но посылаю аварийную!

Бригада встает, выстраивается по кругу, играют явно для Смотрителя, который слушает со своего балкона.

Левая калоша — ать!

Правая калоша — два...

Левая калоша — ать!

Четвертый монтер. Ты уже говорил нам «левая калоша ать», мы уже ходили один раз левой калошей.

Бригадир. Ничего, не маленький, надо будет — еще раз пойдешь. Левая калоша — ать!

От столба... К столбу.

От столба... К столбу.

Правая калоша — ать!

Четвертый монтер. Стойте, стойте, я забыл, где у меня правая калоша.

Бригадир. Правая калоша — это с той стороны, с какой ты держишь ложку.

Четвертый монтер. Да нет у меня никакой ложки! Я был бы дурак, если бы под дождем ходил с ложкой!

Бригадир. Ну, правая калоша у тебя там, где правая нога.

Монтеры (*глядят, сообщают друг другу как открытие*). А левая калоша — там, где левая нога.

Бригадир (*поет*).

Левая калоша — ать!
Левая калоша — ать!
У кого родная мать,
А у нас нет никого,
Только электричест-во!
Правая калоша — два.
Правая калоша два.
У кого есть голова,
А у нас нет ничего,
Только электричест-во!
А ну, неженки-мороженки! Шагом... арш! От столба...
К столбу. От столба...

Монтеры (*поют*).

Мы мо-, мы ро-, мы женки,
Мороженки-мальчонки,
Родимые, любимые, } 2 раза
Себялюбивые. }
По-по, ку-ку, покуда
Не заберет простуда,
Ходи-броди, гляди-блюди, } 2 раза
Работай на людей. }

Бригадир. От столба... От столба... От столба...

Четвертый монтер. К столбу???

Бригадир. В том-то и дело, что нет столба. Нет столба, значит что?

Монтер. Значит (*подумав*) что?

Бригадир. Значит, повреждение обнаружено.

Монтеры. А где столб-то? А где ему быть... Ветром сорвало.

Где-нибудь по небу летает.

Бригадир. Завтра сделаем большой сачок.

Монтеры. А как же. Сделаем.

Бригадир. И поймает этим сачком столб!

Первый монтер. Ах вот оно что!

Второй монтер. Ну, для этого-то!

Третий монтер. А я думал.

Четвертый монтер. Думал — бабочек ловить будем.

Бригадир. И устраним повреждение.

Первый монтер. Значит, завтра пойдем по столбы.
Второй монтер. Кто по грибы — те грибники.
Третий монтер. А мы по столбы!
Четвертый монтер. Мы столбняки. Столбики.
Бригадир. Однако какой дождь. По койкам!

Картина четвертая

Корабль «Паллада». У руля старик Капитан.

Капитан (*поет*).

Что-то города не видно,
Рифма к этому «обидно».
Что-то суши не видать,
Рифма к этому «кровать».
Все вокруг покрыто мраком,
Рифма к этому «собака».
А при чем же здесь собака.
Дальше рифма не выходит.

Входит Человек.

А, это вы, человек на борту. А я тут разговариваю сам с собой. Помощник ушел сушиться, а капитану нельзя! Капитан должен оставаться на мостике, что бы ни случилось.

Человек. Что вы говорите!

Капитан. Но ничего — еще пять минут, и мы увидим огни города А. Я люблю этот город. Он сверкает ночью, как светляк на бархате. Сами увидите.

Человек. Светляк на бархате? Не может быть такого.

Капитан. Это еще что! Я вам еще не то скажу. Я ведь поэт. (*Становится в позу.*) Веник — пряник! Но это так. А главное — смотрите, из-за поворота покажутся на самой вершине горы над городом А два светящихся окошка. Кто говорит, там живут волшебники и не гасят свет из принципа. Но я-то говорю другое. Я ведь поэт. Веник — да, я уже говорил это. Там живут мальчик и девочка, я так думаю. Они ждут своего отца-капитана...

Человек. Не понимаю, поясните подробней.

Капитан. Ну, как сказать. Они ведь не указывают дорогу кораблям: для этого есть маяк. Они ждут только своего отца и показывают окошками, что ждут.

Человек. Это не очень интересная история, но послушать можно. Как вы сказали, они не гасят ночью свет?

Капитан. Как — не очень интересная история! Как — не очень интересная! Вот смотрите, вот сейчас, сейчас. Самый полный вперед! Вообще говоря, город А уже должен появиться. Уже пять минут должен быть виден — город и маяк... По приборам он уже должен появиться... Как светляк на бархате... Но пока виден только дождь. Приборы, что ли, отсырели? Я чувствую, сам не знаю почему, что город А где-то здесь, рядом. Но буря, какая буря! Корабль должен войти в гавань, иначе нас перевернет как щепку! Но где гавань? Где маяк? Самый полный вперед!

Вбегает Помощник.

Помощник. Разрешите доложить! Нас сейчас перевернет! Сильный крен вправо!

Капитан. Лево руля на борт! Будем сражаться до последнего! Право руля на борт! А-а-а-а! Вот он, город А!

Человек. Где?

Капитан. Видите? Да не там, а совершенно сзади. Видите? Смотрите прямо туда, где вам кажется, что может начинаться небо. Вон, вон! Я же говорил, что мальчик и девочка не гасят огонь! Помощник, полный назад! Входим в гавань. Мальчик и девочка!

Помощник. Есть полный назад.

Человек. Где мальчик и девочка?

Капитан. Да два окошка-то горят! Значит, там мальчик и девочка. Правда, тускловато горят окошки, но нам-то хватит. Что у них со светом там, в городе А? А?

Человек. Да! Горят! Я вижу!

Капитан. Ну, вот. Помощник, мы развернулись? Мы когда-нибудь войдем в эту гавань, а? Полный вперед!

Помощник. Есть полный вперед!

Человек. Горят!

Капитан. Ну конечно, горят! Это такие... мальчик и девочка. Они, наверное, зажгли керосиновую лампу!

Человек. У них нет керосиновой лампы!

Капитан. Ну, или свечку... Какая разница.

Человек. У них не было ни одной свечки!

Капитан. Послушайте, а почему вы все так хорошо о них знаете? А? *(Почти поет.)* Я о чем-то начинаю догадываться... Я о чем-то начинаю... догадываться...

Человек. Горят! Окна горят!

Капитан *(благодарушно)*. Это замечательные детки... Что-то придумали...

Человек. Да нет же! Горят не так — там в доме пожар! *(Убегает.)*

Капитан. Лево руля! Полный вперед! Да нет же! Какой там пожар под дождем! Просто это же дети — они всегда что-нибудь выдумают! Настоящие разбойники! Но как все замечательно. Как изумительно! Вы слышите?

Помощник. Слышу, слышу.

Капитан. Где вы?

Помощник. Тут я.

Капитан. Эй вы, где вы? В такие минуты сами собой сочиняются стихи. Эй вы — где вы.

Помощник. Эй я — где я. Я тоже могу так сочинять. Капитан! Там человек за бортом!

Капитан. Осветить море! Бумажку хоть зажгите! Так это мой первый человек за бортом, он уже опять стал человеком за бортом! Опять прыгнул в море! Он плывет к берегу. В такую бурю, надо же! Шлюпку на воду! Спасем его во второй раз! Помощник, я не помню, что-то я в прошлый раз просил. Что-то мохнатое...

Помощник. Чайник, может быть?

Капитан. Помощник, чайник — это были в тот раз вы.

Помощник. Капитан, пожар на суше! На горе! *(Убегает.)*

Капитан. Где, где? А. Действительно, домик на горе пылает. Как хорошо все стало видно. Еще шлюпки на воду, взять ведра, пожарное снаряжение! Все на берег — тушить пожар! А этот, дважды человек за бортом, все плывет и плывет, не оглянется! Посветите ему... Хотя домик и так хорошо горит. Бедные дети. Ну, вот все, он доплыл. Вышел на берег и побежал. А я не могу, капитан должен оставаться на мостике, что бы ни случилось. Проклятая должность. Иногда так хочется сойти. Но нельзя. Вот мои матросы тоже пристали к берегу. Тоже побежали вверх, на гору. Но он бежит быстрее!

**Картина
пятая**

Набережная города А. Ночь. Смотритель стоит на балконе, держит в одной руке зажженную свечку, в другой — телефонную трубку. Внизу за столом, вокруг телефона, спят, положив головы на руки, монтеры. Звонит телефон.

Смотритель. Алло! Аварийная?

Бригадир. У телефона.

Смотритель. У меня авария.

Бригадир. Это же база. *(Кладет трубку, засыпает.)*

Смотритель снова звонит. Бригадир толкает Первого монтера локтем.

Твоя очередь, бери трубку.

Первый монтер *(женским голосом)*. Алло? Не тот номер слушает.

Смотритель. У меня авария.

Первый монтер *(так же)*. Сейчас глубокая ночь, хулиган!
(Засыпает.)

Та же игра. Звонит телефон.

Второй монтер. Алло! Частная квартира слушает.

Смотритель. Аварийная?

Второй монтер. Такие не проживают. *(Кладет трубку.)*

Звонит телефон. Та же игра.

Третий монтер *(спросонок)*. Аварийная слушает... Тьфу: аварийная по ремонту часов слушает.

Смотритель. Аварийная? Как хорошо, я к вам попал. У меня маяк не горит.

Третий монтер. А тикает? Потикивает?

Смотритель. Не потикивает.

Третий монтер. Хорошо, приносите. Только заверните в бумажку.

Звонок. Та же игра.

Четвертый монтер *(берет трубку)*. Вам звонят. *(Расталкивает Бригадира.)*

Бригадир расталкивает Первого монтера.

Первый монтер *(женским голосом)*. Здесь таких нет, хулиган.

Смотритель. Это кто?

Первый монтер. Это барышня.

Смотритель. Девушка, сбегай на аварийную, у них там телефон не работает, скажи, пусть они маяк включат. Я очень прошу, девушка.

Первый монтер. Я сбегаю, сбегаю, только я далеко живу, через два часа позвоните. Или лучше через четыре. *(Кладет трубку.)*

Выбегает Ребенок.

Ребенок. У волшебников свет горит! Я тоже хочу спать со светом!

Бригадир *(просыпаясь)*. Где?

Смотритель. Свет горит! У детей горит свет! Все! Все! Их нельзя выключить! Корабли теперь пройдут в гавань! *(Пляшет.)* Ну а теперь я до вас доберусь. *(Начинает спускаться с маяка.)* Теперь я вам покажу!

Бригадир. А ну, марш все на горку! Пойдем во главе со мной! Строй-ся! Пойдем и лампочки у них вывернем, раз такое дело. Раз у них свое собственное электричество!

Монтеры уходят.

Мама *(Ребенку)*. Это не свет горит у них. Наверное, солнышко уже поднимается... Первый лучик... Ну, спроси почему? Потому что потому кончается на «у». Вот видишь, вот и пойдем домой. *(Уводит Ребенка.)*

Смотритель *(вбегая)*. Я вам сейчас покажу! Неженки-мороженки! То я не мог отойти от поста, хотя бы свечку старался оберегать! Теперь, раз окошки горят, я могу отлучиться и сказать вам пару слов. База, понимаешь, отдыха! *(Оглядывается.)* Ушли. А где тут у них главный рубильник? *(Включает, загорается маяк.)*

На сцену выходят Мальчик и Девочка, перепачканные сажей. Садятся у подножия маяка, засыпают.

Вы кто? Вы сверху? Куда вы? Почему вы не дома?

Мальчик. Нашего дома нет... Он сгорел.

Смотритель. Вы бездомные... Ах, вот оно что. Тогда просто: пойдемте ко мне на балкончик, у меня там раскладушка. *(Уводит детей.)*

Входит Человек, измазанный сажей. Садится. Смотритель наверху, на балкончике, укладывает спать детей.

Эй, добрый человек! Что произошло? Где сгорело?
Человек. На горе.
Смотритель. Так это они горели... Два окошка-то... Хоть что-то осталось?
Человек. Ничего.
Смотритель. Да, домик был маленький, вспыхнул как спичка. Вы тушили? Не потушили? Слишком поздно прибежали? Да, детишки не справились, куда им.
Человек ложится, закрывает глаза рукой. Входят монтеры и Бригадир.
Бригадир. Что тут происходит?
Смотритель. Все в порядке. Маяк горит. Кто-то умудрился выключить свет во всем городе. Кто-то умный рубильничек вырубил.
Бригадир (*озираясь*). Кто бы это мог быть?
Первый монтер. А это, наверное, те...
Второй монтер. Ну, эти самые... Такие небольшие...
Третий монтер. С хвостиками.
Четвертый монтер. Бабочки такие.
Бригадир. Сам-то я к рубильнику этому не касался даже.
Первый монтер. Нужен он нам, этот рубильник.
Второй монтер. Еще током дернет.
Третий монтер. Я еще с детства ни к одному выключателю не подходил. Мама не разрешала...
Четвертый монтер. Включать мы умеем, а выключать нет.
Смотритель. А я было подумал, что это вы.
Бригадир (*отступая*). Нет, это они.
Первый монтер. Это не мы...
Второй монтер. Это они.
Третий монтер, Четвертый монтер (*вместе*). Не я, во всяком случае...
Смотритель. Вот сейчас я спущусь и выясню, кто свет отключил и почему аварийная всю ночь бездельничала.
Первый монтер. Иди, иди сюда.
Отступают.
Второй монтер. Мы сейчас...
Третий монтер. Мы мигом, только сбегает кое-куда и придем...
Четвертый монтер. Только кое-что проверим!
Убегают.

Смотритель. Куда вы! Эй, парни, в эту лодку не садитесь!
Это моя лодка! Эй! Она дырявая! Эй! *(Сбегает вниз, мечется по краю сцены, кричит в зал.)* Возвращайтесь! Вы утонете! Глупые лентяи! Что же вы делаете! Там щели! Я не могу уйти от маяка! Помогите!

Человек *(вскакивая)*. Кто там?

Смотритель. Тонут! Люди тонут! Они сели в мою лодку, а я ее не конопатил уже пять лет... Все некогда... Все маяк!

Человек. Еще лодки есть?

Смотритель. Там их полно на набережной.

Человек убегает.

(Вбежав на балкон.) Хорошо, что маяк-то светит! Ну, вот, так и есть! Лодка их почти потонула! Эх!

Дети *(вскакивая)*. Кто потонул? Где? Покажи! А там кто гребет? Папа! Наш папа возвращается! Только он не туда гребет! Папа! Гребни на берег!

Смотритель. Это ваш отец? Ну надо же! Вот так встреча!

Дети. Папа, папа!

Смотритель. Видите, ваш папа сейчас будет спасать людей! О, глупые лентяи! Они отталкивают его! Они плывут кто куда!

Дети. Папа-а-а!

Смотритель. Вот беда... Они перевернули его лодку... Ах, я не могу отойти от маяка.

Дети сбегают вниз.

Ребенок *(выскакивая)*. Я тоже! Я тоже хочу в лодочку!

Убегают.

Картина шестая

Борт корабля «Паллада».

Капитан. На камбузе, слушай мою команду! Я собираюсь приглашать гостей... Капитана и его деточек... Приготовить яичницу из десяти... Нет, из двадцати яиц! Приготовьте теплые постели и тельняшки для детей!

Помощник. Капитан, матросы вернулись ни с чем! Домик сгорел, детей не нашли!

Капитан. Что вы такое говорите, помощник! Вы ничего не понимаете! Сказки так кончатся не могут! Они кончаются совершенно по-другому!

Помощник (*смотря в подзорную трубу*). Капитан, человек за бортом. Еще человек за бортом. Еще три человека за бортом!

Капитан. Вот это теперь похоже на сказку! Это я понимаю. Ну, шлюпку на воду. И горячего чаю!

Эхо. Есть шлюпку на воду!

Помощник. Посмотрите, еще одна лодка плывет на помощь. Но что-то она плохо идет! Как-то боком...

Капитан (*отбирая у помощника трубу*). Да вы что, не видите, в этой лодке дети! Вот, помощник, я говорил! Я говорил, дети найдутся! Это же настоящие разбойники! Те самые, мальчик и девочка!

Помощник (*отбирая трубу*). Капитан, это не те дети. Их трое в лодке!

Капитан (*отбирая трубу*). Ну и что! Лишний ребенок еще никому не мешал! Гребут! Ну, наши матросы молодцы!.. Уже вылавливают людей... А дети тоже доплыли до какого-то одного... Послушайте, он с бородой! Послушайте, он сразу ушел под воду! Вынырнул! Ушел! Вынырнул! Что-то там происходит! Влез в лодку! Обнял детей!

Помощник (*отбирая трубу*). Капитан, я о чем-то начинаю догадываться!

Капитан. Давно пора. На камбузе, слушай мою команду! Яичницу из двадцати пяти яиц! Пировать так пировать! Сигнальщик, посигнальте в лодку! Передавайте: «Два окошка! Мы ждем вас! Два окошка! Мы ждем вас!» Он тоже капитан, как я, он поймет!

ПЬЕСЫ В ДВУХ АКТАХ

Уроки музыки 7

Сырая нога, или Встреча друзей 75

Чинизано

Часть первая. Чинизано III

Часть вторая. День рождения Смирновой 129

Три девушки в голубом 147

РАЗНЫЕ ПЬЕСЫ
ДЛЯ ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ

Квартира Коломбины

Любовь 215

Лестничная клетка 231

Анданте 245

Квартира Коломбины 259

Бабуля-Блюз

Дом и дерево 273

Я болею за Швецию 285

Вставай, Анчутка 297

Стакан воды 307

Темная комната

Свидание 321

Изолированный бокс 327

Казнь 335

ПЕСНИ XX ВЕКА

Песни XX века 349

Что делать! 359

Мужская зона 369

Опять двадцать пять 377

Сцена отравления Моцарта 381

Аве Мария, мамочка 387

ДЕТСКИЙ ТЕАТР

Золотая богиня 407

Чемодан чепухи, или Быстро хорошо не бывает 449

Два окошка 471

ПЕТРУШЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА СТЕФАНОВНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В 5 томах

Том 3

ПЬЕСЫ

Ответственный за выпуск В. В. Гладнева
Художественный редактор Ю. А. Модлинский
Технический редактор Е. В. Триско
Корректоры Е. Ф. Донец, И. А. Макаревич

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.07.96. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 28,83. Усл. кр.-отт. 28,95. Уч.-изд. л. 26,44. Тираж 11 000 экз.
Заказ № 506.

«Фолво». 310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519. 143900, Московская обл.,
г. Балашиха, ул. Фадеева, 8.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 и МППО
им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

3

DISTRIBUTED BY
EAST VIEW PUBLICATIONS
eastview@eastview.com
Fax (612) 559-2931
<http://www.eastview.com>

